

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХИГС САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЕЭК

ЕВРАЗИЙСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ISSN 2073-2929

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

EURASIAN INTEGRATION:
ECONOMICS, LAW, POLITICS

欧亚一体化：经济、法律、政治

Том 18 / Vol. 18

№2 (48)

2024

16+

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

Том 18, № 2 • 2024

Тема номера:
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО РОССИИ В БРИКС

Партнеры журнала: Евразийская экономическая комиссия
Координационный совет Евразийского информационно-аналитического консорциума

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки); 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки); 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
<https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024
- © Редакция журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2024
- © Все права защищены

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS
International Scientific and Analytical Journal

Vol. 18 No 2 • 2024

Topic of the Issue:
RUSSIAN FEDERATION'S BRICS CHAIRMANSHIP

Partner of the journal: Eurasian Economic Commission
Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.ejournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2024
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2024
- © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: economics, law, politics“ (compilation), 2024
- © All rights reserved

 It is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, Председатель международного научного совета, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор

ШАМАХОВ Владимир Александрович, научный руководитель международного научного совета, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

БОРДЮЖА Николай Николаевич, председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК)

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

РАХИМИ Фарход Кодирович, действительный член, президент Национальной академии наук Таджикистана, доктор физико-математических наук, профессор

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амиралӣ, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в Республике Беларусь, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан в ПА ОДКБ, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марсело́вич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана, доктор филологических наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Астана)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ВЕТРЕНКО Инна Александровна, заведующая кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, директор Исследовательского аналитического центра «Русская мечта», доктор политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета, доктор политических наук, профессор (Армения, Ереван)

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, депутат Законодательного собрания Ленинградской области, доктор экономических наук, кандидат политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Национальной академии наук Таджикистана, доктор экономических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, академик РАЕН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Санкт-Петербург)

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович, директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН (Россия, Москва)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Россия, Москва), доктор политических наук, профессор

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических и юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук (Россия, Москва)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

СКВОРЦОВ Олег Юрьевич, профессор кафедры коммерческого права СПбГУ, доктор юридических наук (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, эксперт юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, доктор юридических наук (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук, профессор (Монголия, Улан-Батор)

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге, доктор экономических наук (Китай, Пекин)

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Member of the Board — Minister in charge of Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Leading Researcher of the Research Laboratory Institute for Strategic Planning and Eurasian Integration, North West Institute of Management, RANEPa, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of RAS

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Chairman of the International Scientific Council, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Economics, Professor

SHAMAKHOV Vladimir, Scientific Supervisor of the Council, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPa, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPa, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

BORDYUZHAN Nikolai, Chairman of the Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

RAHIMI Farhod, President of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtovar, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Tajikistan to the Republic of Belarus, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan in the CSTO PA, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

ABAYDELIDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Astana)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUL Maksim, Doctor of Economics (Russia, Moscow)

VETRENKO Inna, Head of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Director of the Research Analytical Center "Russian Dream" (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor

DENISOV Andrey, First Deputy Chair of the Federation Council Committee on Foreign Affairs (Russia, Moscow), PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan), Doctor of Political Sciences, Professor

YEREMEEV Stanislav, Deputy of the Legislative Assembly of the Leningrad Region (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, PhD in Political Sciences, Professor

KASHKIN Sergey, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow), Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KAZANTSEV Andrey, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe), Doctor of Economics, Professor

KIRILENKO Viktor, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPA, academician of the Russian Academy of natural Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, editor of the "Law" section (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor, Academician of RANS

KROTOV Mikhail, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Professor

KUZNETSOV Alexey, Director of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Doctor of Economics

KUKLINA Evgenia, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Editor of the "Economics" section, Doctor of Economics, Professor

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), Doctor of History, Professor

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow), Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

SKVORTSOV Oleg, Professor of the Department of Commercial Law, St. Petersburg State University, Doctor of Laws (Russia, Saint Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Expert of the Law Faculty, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

TOROPYGIN Andrey, Professor North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Politics" section, Doctor of Political Sciences

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

CHEN ZHIGAN, Doctor of Economics, Vice-President of the Chinese Business Center in Saint Petersburg (China, Beijing)

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**
Международный научно-аналитический журнал
Том 18, № 2 2024

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю. Резервы роста ЕАЭС.....	9
---	---

ГЛАВНОЕ

Акаев А. А., Кефели И. Ф. Проекты и реалии формирования Большого евразийского пространства.....	10
---	----

ЭКОНОМИКА

Агаева А. Ш., Идрисов Ш. А. Участие России в развитии транспортно-логистических магистралей стран — членов ЕАЭС	26
Гамбарян Р. Г. Состояние экспорта высокотехнологичной продукции в России.....	37
Додонов В. Ю. Факторы динамики экспорта ИКТ-услуг: пример Казахстана.....	47
Мосейко В. В. Международное регулирование пенсий в ЕАЭС: проблемы и перспективы развития	63

ПРАВО

Алексеев Г. В., Сергеев С. Л. В. П. Кириленко — подвижник отечественной юридической науки	75
Семянникова Д. А. Некоторые особенности установления правового статуса военных добровольцев в странах — членах ЕАЭС и БРИКС.....	81
Агамагомедова С. А. Общий финансовый рынок ЕАЭС: понятие, структура и проблемы формирования	90
Мельникова Е. Н. Перспективы сближения законодательства стран ЕАЭС в части правового регулирования искусственного интеллекта	98

ПОЛИТИКА

Обура Жан-Клод Одхиамбо Роль БРИКС в Африке: результаты и ожидания	107
Пахомова М. А. Специфика взаимоотношений государства и бизнеса в современной Индии.....	117
Зиннатуллин Д. А. Арктическое сотрудничество России и Индии в фарватере изменения климата	127
Веселова Д. Н. Современная арктическая политика Индии.....	137
Семенов Б. Р. Международный аспект политики информационной безопасности КНР	148
Иванников Н. С., Правдина Е. Е. Особенности оценки имиджа КНР за рубежом на примере новостного освещения COVID-19	159
Торпыгин А. В., Николаенко А. В. Некоторые тренды сотрудничества ЕАЭС с Латино-Карибской Америкой.....	167
Шумилов М. М., Малова А. Э. Торговое значение Суэцкого канала в контексте кризиса экономической глобализации и современных геополитических рисков	178
Кирилина Е. Ю. Внешнеполитический курс ФРГ в отношении Казахстана	189

EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS

International scientific and analytical journal

Vol. 18, No. 2 2024

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev EAEU Growth Reserves.....	9
--	---

MAIN

Askar A. Akaev, Igor F. Kefeli Projects and Realities of Forming a Great Eurasian Space.....	10
--	----

ECONOMICS

Aigul Sh. Agaeva, Shamil A. Idrisov Russia's Participation in the Development of Transport and Logistics Highways of the EAEU Member States.....	26
Roza G. Gambaryan The State of Exports of High-Tech Products in Russia	37
Vyacheslav Yu. Dodonov Factors of Dynamics of ICT Services Exports: The Case of Kazakhstan	47
Victoria V. Moseiko International Regulation of Pensions in the EAEU: Problems and Development Prospects.....	63

LAW

Georgy V. Alekseev, Sergey L. Sergevnin Viktor Kirilenko — Devotee of Russian Legal Science	75
Dina A. Semiannikova Some Peculiarities of Establishing the Legal Status of Military Volunteers in the EAEU and BRICS Member States.....	81
Saniyat A. Agamagomedova Common Financial Market of the EAEU: Concept, Structure and Problems of Formation.....	90
Elena N. Melnikova Prospects for the Convergence of the Legislation of the EAEU Countries Regarding the Legal Regulation of Artificial Intelligence	98

POLITICS

Obura Jean-Claude Odhiambo The Role of BRICS in Africa: Results and Expectations.....	107
Maria A. Pakhomova The Specifics of the Relationship between the State and Business in Modern India.....	117
Daniyar A. Zinnatullin Arctic Cooperation between Russia and India in the Wake of Climate Change	127
Darya N. Veselova The Modern Arctic Policy of India	137
Boris R. Semenov International Aspect of PRC Information Security Policy	148
Nikita S. Ivannikov, Evgeniia E. Pravdina Features of Assessing the Image of the PRC Abroad on the Example of News Coverage of COVID-19.....	159
Andrey V. Toropygin, Anastasia V. Nikolaenko Some Trends in EAEU Cooperation with Latin-Caribbean America	167
Mikhail M. Shumilov, Anastasia E. Malova The Commercial Importance of the Suez Canal in the Context of the Crisis of Economic Globalization and Modern Geopolitical Risks.....	178
Elizaveta Yu. Kirilina Foreign Policy of Germany towards Kazakhstan	189

Резервы роста ЕАЭС

За последние два года ЕАЭС продемонстрировал высокую адаптивность к внешнеэкономическим и геополитическим условиям. Первое место в списке наших внешнеторговых партнеров занял Китай. Если прежде более половины импорта шло из стран Запада, сегодня такой показатель характерен для импорта из Китая и других дружественных стран. Переориентация нашей торговли с Запада на Восток — это долгосрочная тенденция, обусловленная сменой мирохозяйственных укладов и перемещением центра мировой экономики в Юго-Восточную Азию. Она ускорилась за последние два года по известным причинам, но естественным образом следует за общемировыми тенденциями становления нового центра развития мировой экономики в составе стран ядра нового мирохозяйственного уклада. Для того чтобы войти в ядро нового, а не остаться на периферии одновременно старого и нового мирохозяйственных укладов, необходимо обеспечить ускоренное структурно-технологическое развитие отечественной экономики, стимулировать модернизацию, реализовать стратегию опережающего развития на базе нового технологического уклада. Какие существуют резервы роста?

Первое — это воспрепятствование колоссальному оттоку капитала. Начиная с 2010 г. из России вывезено 800 млрд долл., причем особенно интенсивно это происходило в 2022 г.

Второе — усиление инновационной активности. Расчеты Института народнохозяйственного прогнозирования показывают, что мы могли бы добиться увеличения темпов роста ВВП до 3% за счет активизации нашего научно-технического потенциала.

Третье — повышение загрузки производственных мощностей, которая позволяет увеличить выпуск промышленной продукции в полтора раза.

Четвертое — повышение производительности труда. Денежные власти на порядок занижают потенциал выпуска продукции, ссылаясь на проблемы с трудовыми ресурсами. Причем резерв трудовых ресурсов ЕАЭС — порядка 4 млн чел. — это огромные возможности для роста производительности труда. Поэтому никаких оснований говорить о том, что экономика перегрета, потому что имеется низкая безработица, нет. Опыт функционирования российской экономики в 2023 г. показал, что на тех же мощностях с теми же трудовыми ресурсами можно увеличить выпуск промышленной продукции на 30%, что подтверждается примером регионов Уральского федерального округа.

Пятое — наша сырьевая база в нефтегазовом, лесохимическом, химико-металлургическом, агропромышленном комплексах позволяет в десятки раз нарастить выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью.

Исходя из изложенного, предлагается опираться на предложенный нами целевой сценарий развития ЕАЭС, предполагающий наращивание инвестиций, для чего есть огромные возможности, резервы, связанные с низкой монетизацией, прекращением утечки капитала, перераспределением природной ренты в целях развития. Указанные темпы роста ВВП до 3% за счет активизации нашего научно-технического потенциала вполне реальны. Необходимые для этого меры экономической политики давно обоснованы¹. Более того, предусмотренные меры неизбежно скажутся на росте рейтинга России и ЕАЭС в процессе геоэкономической и геополитической консолидации БРИКС. Либо мы перейдем к стратегии опережающего развития экономики на основе новых технологического и мирохозяйственного укладов, либо останемся на их периферии.

 Главный редактор
Сергей Глазьев

¹ Глазьев С., Митяев Д., Ткачук С. О возможностях экономического развития ЕАЭС в долгосрочной перспективе. Научный доклад / Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию. М., 2023. 108 с.; Глазьев С. Управление развитием экономики: курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. 759 с.

Проекты и реалии формирования Большого евразийского пространства¹

Акаев А. А.^{1*}, Кефели И. Ф.²

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

* e-mail: askarakaev@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8158-0171>

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Цель. Проанализировать три варианта освоения и конструирования евразийского пространства (российский, китайский и тюркский) и выявить преимущества и риски, связанные как с расширением интеграционных процессов, так и с внешним влиянием на государства, входящие в коалиции незападного мира.

Задачи. Проследить эволюцию надгосударственных структурных образований на евразийском пространстве после развала Советского Союза и появления в декларациях, соглашениях и других правоустанавливающих документах, начиная с заявлений о «формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков».

Выявить характерные черты глобализации всех сфер человеческого бытия, породившей необходимость осмысления «ландшафта глобальных рисков», «глобальной экзистенциальной катастрофы» как события, приводящего «к концу существование наших потомков», которые в своей совокупности определили переход к становлению национальных государств, геополитических и геоэкономических коалиций на пространстве Большой Евразии («Центральноазиатская пятёрка», ЕЭАС, ШОС, ОДКБ, ОТГ).

Методология. Цивилизационный подход в аналитике формирования евразийской идентичности. Содержательный анализ глобальных рисков (экологических, геополитических, экономических, технологических, социальных) и их воздействия на межгосударственные и междивизиационные взаимоотношения.

Результаты. Обоснована концепция трех основных проектов конструирования Большой Евразии: – российский, основанный на возрождении евразийской идеологии Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого и Г. В. Вернадского; – китайский «Пояс и путь», нацеленный на превращение идеи Великого шелкового пути в Сообщество единой судьбы человечества; – тюркский, претендующий на воссоздание тюркской цивилизации с целью «сближения мировых цивилизаций» на Евразийском континенте.

Аргументирована авторская позиция в отношении необходимости обеспечения компланарности, односторонности трех векторов реализации евразийских проектов при согласованности политических решений и действий трех полюсов силы на Большом евразийском пространстве — России, Китая и Турции.

Выводы. В настоящее время актуальным становится согласованность политических решений и действий трех полюсов силы на Большом евразийском пространстве, учитывающих принципы конвергенции национальных интересов в межгосударственных союзах, глобальных геополитиче-

¹ Работа выполнена в рамках проекта № 23-18-00535, поддержанного РНФ.

ских процессов многоагентного взаимодействия и стратегии глобальной безопасности в полицентричном мире.

Ключевые слова: Евразия, Большое евразийское пространство, геополитика, геополитические проекты, Центральноазиатская пятерка, евразийская идеология

Для цитирования: Акаев А. А., Кефели И. Ф. Проекты и реалии формирования Большого евразийского пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 10–25.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-10-25>. EDN: JRDWKI

Projects and Realities of Forming a Great Eurasian Space

Askar A. Akaev^{a,*}, Igor F. Kefeli^b

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

* e-mail: askarakaev@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8158-0171

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Aim. Analyze three options for the development and construction of the Eurasian space (Russian, Chinese and Turkic) and identify the advantages and risks associated with both the expansion of integration processes and external influence on states that are members of coalitions of the non-Western world.

Tasks. To trace the evolution of supranational structural formations in the Eurasian space after the collapse of the Soviet Union and their appearance in declarations, agreements and other legal documents, starting with statements about “the formation and development of a common economic space, pan-European and Eurasian markets”.

To identify the characteristic features of globalization of all spheres of human existence, which has given rise to the need to understand the “landscape of global risks”, “global existential catastrophe” as an event leading “to the end of the existence of our descendants”, which together determined the transition to the formation of nation states, geopolitical and geo-economic coalitions in the Greater Eurasia space (“Central Asian Five”, EEAS, SCO, CSTO, UTC).

Results. The concept of three main projects for the construction of Greater Eurasia is substantiated:

- Russian, based on the revival of the Eurasian ideology of N. S. Trubetsky, P. N. Savitsky and G. V. Vernadsky;
- the Chinese “Belt and Road”, aimed at transforming the idea of the Great Silk Road into a Community of a Common Destiny for Humanity;
- Turkic, claiming to recreate the Turkic civilization with the goal of “bringing world civilizations closer together” on the Eurasian continent.

The author’s position is argued regarding the need to ensure coplanarity and unidirectionality of the three vectors of implementation of Eurasian projects with the consistency of political decisions and actions of the three poles of power in the Greater Eurasian space — Russia, China and Turkey.

Conclusions. Currently, the coordination of political decisions and actions of the three poles of power in the Greater Eurasian space, taking into account the principles of convergence of national interests in interstate unions, global geopolitical processes of multi-agent interaction and global security strategy in a polycentric world, is becoming relevant.

Keywords: Eurasia, the Great Eurasian Area, geopolitics, geopolitical projects, the Central Asian Five, Eurasian ideology

For citing: Akaev A. A., Kefeli I. F. Projects and Realities of Forming a Great Eurasian Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 10–25. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-10-25>. EDN: JRDWKI

Введение

Формирование Большого евразийского пространства в формате региональных организаций, содружеств, союзов на рубеже веков явилось вполне обоснованным ответом на глобализацию всех сфер человеческого бытия, которая породила необходимость осмысления «ландшафта глобальных рисков», «глобальной экзистенциальной катастрофы» как события, приводящего «к концу существование наших потомков». В данном случае глобальный риск рассматривается как какое-либо событие (или условие), которое, если оно произойдет, может нанести существенный негативный эффект для нескольких стран или отраслей в течение следующих десяти лет, а оценка глобальных рисков проводится с точки зрения вероятности наступления события либо с точки зрения возможного его воздействия на геополитические, экономические и социальные процессы. В качестве примеров: к *экономическим* рискам следует отнести дефицит глобальных объектов инфраструктуры, *экологическим* — техногенный ущерб окружающей среде, *геополитическим* — межгосударственные конфликты с региональными и глобальными последствиями, *социальным* — масштабная вынужденная миграция, *технологическим* — неблагоприятные последствия научно-технологического прогресса (искусственный интеллект, нейробиология, когнитивные операции)¹.

Более того, авторы отчета WEF The Global Risks. Report 2024 не менее убедительно заверяют читателей, что следующее десятилетие ознаменуется периодом значительных перемен, которые до предела расширят наши адаптационные возможности. За этот период времени возможно множество совершенно разных вариантов будущего, и сегодня наши действия по устранению глобальных рисков могут наметить более позитивный путь².

Можно скептически относиться к подобного рода заявлениям экспертов, однако не учитывать тенденции подобного рода мы не имеем права. Посмотрим, как реализуются эти тенденции на Большом евразийском пространстве.

Многообразие проектов

Различные проекты жизнеустройства Большого евразийского пространства (БЕП) стали предметом жарких дискуссий после развала Советского Союза. Стала возрождаться евразийская идеология и евразийская геополитика, основы которых были заложены в 20–30-е гг. XX в. находящимся в эмиграции поколением молодых русских ученых и деятелей культуры (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский и др.). Социально-политическая деятельность была связана с поиском форм обустройства разрушенной великой державы, а идеология евразийства, да и ставшее мемом³ *евразийство* постепенно проникали в научные трактаты, политические документы, решения вновь образуемых общественных организаций и движений. Кстати говоря, представители англосаксонского мира чаще обращаются к Британской энциклопедии, в которой геополитическая интерпретация понятия «Евразия» во многом определяется политической и национальной направленностью того или иного автора, который обращается к толкованию растущей международной значимости этого макрорегиона. Среди западноевропейских политологов это

¹ Global Risks Report 2023 [Электронный ресурс] // World Economic Forum. 11.01.2023. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2023/> (дата обращения: 15.05.2024).

² Global Risks Report 2024. Insight Report, p. 10 [Электронный ресурс] // World Economic Forum. 10.01.2024 URL: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/> (дата обращения: 15.05.2024).

³ Мем в информационном пространстве интерпретируется как некая идея, символ, манера, образ действия, осознанно или неосознанно передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов. Прообразом мема можно рассматривать предложенное В. М. Бехтеревым понятие психического (ментального) микроба (“contagium psychicum”) (См.: *Бехтерев В. М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб. : Издание К. Л. Риккера, 1903. С. 5).

понятие приобрело особую популярность после распада Советского Союза и использовалось для обсуждения возможной экономической и политической интеграции России и Европы. Российские политологи изначально рассматривали Евразию как совпадающую в границах с бывшей Российской империей накануне Первой мировой войны, а теперь включают в Евразию Россию, Беларусь, Украину, пять государств Центральной Азии и часть Кавказа. Составители энциклопедии указывают на правомерность использования еще одного геополитического определения Евразии — «Большая Евразия», включающая Россию, Китай и Центральную Азию¹.

Достаточно вспомнить Беловежские соглашения от 8 декабря 1991 г. «О создании Содружества Независимых Государств», в котором было заявлено: «Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина как государства — учредители Союза ССР, подписавшие союзный договор 1922 года, далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, констатируем, что Союз ССР, как субъект международного права и геополитическая реальность, прекращает свое существование... Высокие Договаривающиеся Стороны образуют Содружество Независимых Государств» (ст. 1). А далее в ст. 7 «Соглашений» было зафиксировано положение о сотрудничестве «Высоких Договаривающихся Сторон» в «формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков, в области таможенной политики»². Вскоре, 21 декабря 1991 г., руководители Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины, подписав Алма-Атинскую декларацию, уже в новом составе провозгласили образование Содружества Независимых Государств и подтвердили, в частности, ст. 7 упомянутых выше Беловежских соглашений заверения о приверженности «сотрудничеству в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков». В то время задача создания единого экономического пространства на развалах некогда единого государства стала одной из первоочередных. Достаточно привести лишь некоторые данные, характеризующие состояние межотраслевого обмена по 104 отраслям народного хозяйства в последние годы существования Союза ССР: Азербайджан ввозил продукцию 101 отрасли, вывозил — 84, для Армении эти показатели составляли соответственно 100 и 79, Беларуси — 102 и 93, Казахстана — 103 и 89, Кыргызстана — 98 и 64, Молдовы — 99 и 69, России — 102 и 104, Таджикистана — 100 и 71, Туркменистана — 97 и 42, Узбекистана — 102 и 84, Украины — 102 и 100 [10; 14].

По сути дела, это было начало осмысления *Большого евразийского пространства* как относительно самостоятельного региона самого большого континента земного шара и первые заявления об его обустройстве. Более проникновенно об этом заявил один из первых вдохновителей возрождения отечественной геополитики С. Б. Лавров: «Почему именно евразийство стало ключевой темой в дискуссиях о будущем России, об ее геополитических путях? Видимо, эта геополитическая концепция созвучна нашей эпохе... она стала востребованной в наши дни, в эпоху отчаянных поисков „идеи-силы“ (формула евразийцев) для России, как осмысление феномена России... *Лучшим доказательством актуальности идей евразийства является их широкий переход из сферы науки в сферу политики, тревога и проклятия Запада по этому поводу*» (курсив наш. — А. А., И. К.) [8, с. 60–64]. В наши дни правомерность сказанного подтверждается как нельзя точно.

Мы выделяем, как минимум, три варианта проекта обустройства Большого евразийского пространства — российский, китайский и тюркский. При этом необходимо учитывать, что в соответствии с классификацией, принятой ООН, в Большую Евразию входят 48 стран Европы, 50 — Азии и 7 — Северной Африки, охватывающих восемь из двенадцати локальных цивилизаций и девять цивилизационных объединений. Более того, на пространстве Большой Евразии взаимодействуют восемь локальных цивилизаций — китайская, индийская, евразийская (российская), мусульманская, буддистская, японская, западноевропейская, восточноевропейская; а также межцивилизационные объединения — ЕС, ЕАЭС,

¹ The Editors of Encyclopaedia. "Eurasia" [Электронный ресурс] // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/place/Eurasia> (дата обращения: 23.11.2023).

² Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. 12.12.1991 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900745> (дата обращения: 23.11.2023).

СНГ, ШОС, АСЕАН, БРИКС, Организация исламского сотрудничества, Организация тюркских государств и др. Сложившаяся на континенте мультикультурная среда обусловила появление множества геополитических и цивилизационных проектов, что вполне закономерно в конструируемом социуме. Указанные выше три из них, пожалуй, наиболее перспективные, а раз они проекты конструируемые, то изначально необходимо определить и нормативно-правовыми скрепами объединить их интересы и смыслы существования, а также меры по обеспечению безопасности. Здесь потребуется прибегнуть и к методологии математической теории игр.

Российский проект «Большая Евразия»

В свое время (27 сентября 2015 г.) президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, выступая на Саммите ООН по принятию Повестки дня в области развития на период после 2015 года, призвал сплотиться вокруг *идеи Большой Евразии*, которая объединит в единый интеграционный проект XXI в. Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути и Европейский союз¹. В то же время И. С. Иванов, министр иностранных дел России (1998–2004 гг.), выступая на XX ежегодной конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия — новая реальность», 12 сентября 2015 г., Рига, Латвия, изложил в 14 тезисах свое понимание изменений в раскладе геополитических интересов на континенте, которые вкратце можно представить следующим образом: «Люди моего поколения на протяжении десятилетий жили мечтой о единой и неделимой Большой Европе... Пути Европы и России расходятся всерьез... Этот континентальный раскол, расхождение двух европейских геополитических плит будет оказывать огромное и долговременное влияние — как на Европу, так и на мир в целом... Стало модным заявлять о том, что на место Большой Европы от Лиссабона до Владивостока приходит Большая Евразия от Шанхая до Минска. И хотя контуры Большой Евразии пока остаются зыбкими и во многих отношениях неясными, нельзя не видеть объективный и долговременный характер процессов становления новой транснациональной экономической и политической конструкции. Евроатлантика и Евразия оформляются как новые центры глобального притяжения, а отношения между ними превращаются в главную ось мировой политики будущего... Очевидно, что в формирующейся новой геополитической реальности Россия перестает быть восточным флангом несостоявшейся Большой Европы и превращается в западный фланг формирующейся Большой Евразии. Перенос стратегических акцентов с западного на восточное направление представляется практически предрешенным, независимо от динамики и конечного исхода текущего кризиса»².

В последующие годы многие авторы анализировали сообщество Большой Евразии как концептуальную рамку, определяющую вектор и принципы взаимодействия государств континента, геэкономической общности и цивилизационного сотрудничества, безопасности и стратегической стабильности [5, с. 6–18; 9, с. 5–22; 6, с. 65–76; 15]. Так, А. В. Корунов, заявляя о необходимости объединения Евразии и ее экономической консолидации как амбициозного интеграционного проекта XXI в. в формате Большого евразийского партнерства (БЕП), предложил восемь базовых принципов его реализации.

1. Цель становления БЕП заключается в объединении региональных интеграционных структур (АСЕАН, ЕАЭС), трансграничных транспортно-логистических проектов («Один пояс — один путь», «Север — Юг»), организаций (ОДКБ, ШОС, АТЭС) как звеньев архитектуры экономики и жизнеустройства Евразийского континента.
2. Задачи и содержание БЕП следует рассматривать в экономическом воссоединении и сотрудничестве в области науки, образования, культуры народов всего Евразийского континента.

¹ Участие в Саммите ООН по принятию Повестки дня в области развития на период после 2015 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 27.09.2015. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign_visits/uchastie-v-sammite-oon-po-prinyatiyu-povestki-dnya-v-oblasti-razvitiya-na-period-posle-2015-goda (дата обращения: 15.05.2024); Глава государства выступил на Саммите ООН [Электронный ресурс] // Казахстанская правда. 27.09.2015. URL: <https://kazpravda.kz/n/glava-gosudarstva-vystupil-na-sammite-oon/> (дата обращения: 15.05.2024).

² Иванов И.: Закат Большой Европы [Электронный ресурс] // Совет по внешней и оборонной политике. 14.09.2015. URL: <https://svop.ru/main/16529/> (дата обращения: 15.05.2024).

3. Деятельность БЕП должна основываться на общепризнанных нормах международного права.
4. БЕП остается открытым для Европейского союза.
5. БЕП предполагает максимально гибкие формы подключения отдельных стран или их региональных группировок к своей работе.
6. БЕП реализует задачи экономической интеграции в тесной связи с укреплением континентальной безопасности.
7. Проект БЕП отнюдь не означает утверждение «евразийского изоляционизма», а нацелен на сотрудничество с партнерами с других континентов.
8. Создание БЕП должно идти от конкретных договоренностей между региональными интеграционными объединениями и отдельными странами к достижению указанной выше цели¹.

Разумеется, приведенные выше принципы построения БЕП следует рассматривать как одну из моделей, каждый из восьми секторов которой должен определяться конкретным смысловым содержанием и целевой установкой, а также параметрами сетевой структуры союзнических связей и отношений, которые (параметры) регулируются на языке стратегии конфликта², хотя сама постановка вопроса о необходимости концептуального видения перспектив региональной интеграции заслуживает высокой оценки. К тому же обратимся к Декларации «Евразийский экономический путь», подписанной главами государств — членов ЕАЭС на заседании Высшего Евразийского экономического совета 25 декабря 2023 г. в Санкт-Петербурге и определившей дальнейшее развитие экономических процессов в рамках ЕАЭС. В Декларации были определены задачи Союза на среднесрочную перспективу до 2030 г. на пути превращения ЕАЭС к 2045 г. «в самодостаточный, гармонично развитый и привлекательный для всех стран мира макрорегион, обладающий экономико-технологическим и интеллектуальным лидерством и поддерживающий высокий уровень благосостояния населения государств — членов Союза». Здесь же указаны и шесть направлений реализации Декларации:

- обеспечение общего рынка ключевыми товарами, ресурсами и его эффективное функционирование;
- формирование общего пространства кооперационного взаимодействия и сотрудничества в сфере технологического развития;
- формирование общего транспортно-логистического пространства;
- формирование общего финансового рынка;
- развитие экономического сотрудничества в сферах, имеющих интеграционный потенциал;
- функционирование ЕАЭС как полюса экономического притяжения на международной арене³.

Вот так, и никак иначе, подтверждаются слова С. Б. Лаврова о созидательной силе идеи — «Лучшим доказательством актуальности идей евразийства является их широкий переход из сферы науки в сферу политики»!

«Ядром» российского проекта «Большая Евразия» выступает ЕАЭС, воспроизводящий во многом геополитические контуры Российской империи и Советского Союза. С этих позиций Россия соотносит свои национальные интересы и участие во многих других проектах как в континентальном, так и в глобальном масштабах, следуя изначальному концепту «Россия — Евразия». Евразийский экономический союз, Большая Евразия, Большое евразийское партнерство, интеграция интеграций — это этапы и варианты обустройства многонациональной евразийской цивилизации как одного из полюсов создаваемого полицентричного мира и обеспечения евразийской безопасности.

¹ Кортунюв А. Восемь принципов Большого евразийского партнерства [Электронный ресурс] // РСМД. 25.09.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vosem-printsipov-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/> (дата обращения: 15.05.2024).

² Т. Шеллинг в книге «Стратегия конфликта» указывал на то, что «если игра с нулевой суммой есть предельный случай чистого конфликта, то какова другая крайность? Это должна быть игра “чистого сотрудничества”, в которой игроки побеждают или проигрывают вместе, имея идентичные предпочтения в отношении исхода» [13, с. 108]. В 2005 г. Т. Шеллинг получил Нобелевскую премию по экономике «...за расширения понимания конфликта и сотрудничества».

³ Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» [Электронный ресурс]. URL: <https://mospror.ru/upload/iblock/e86/7fqt330p9g8jeajyxhvz9jtyzdu392.pdf> (дата обращения: 15.05.2024).

Интеграционные инициативы «Центральноазиатской пятерки»

Геополитический контур «Центральная Азия» (ЦА) в его евразийском и общемировом измерениях закрепился в международном обиходе после распада СССР и появления в центре Евразии группы новых независимых государств. Относительно будущего развития стран ЦА и их политической ориентации возникло множество разноречивых подходов. На первых порах преобладали, пожалуй, взгляды об усилении центробежных тенденций, неизбежности отхода стран ЦА от России. Однако на деле произошло усиление дружественного сотрудничества стран ЦА с Россией на двусторонней основе, а также в рамках СНГ, ЕАЭС, а также Организации Договора по коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и других международных объединений, в которых Россия играет высочайшую роль.

После развала СССР для полутора десятков новых государств рухнул устоявшийся десятилетиями и ставший привычным уклад жизни с ориентиром на центр, определявший все стороны их функционирования. Каждая новая страна предстала перед необходимостью выживания. В этих целях, помимо опоры на внутренние силы, выстраивались различные интеграционные схемы, новые цепочки связей с окружающим внешним миром. Были и неудачи, но все же со временем и по мере приобретения опыта обстановка в сфере интеграции менялась к лучшему. Постсоветская практика выработала новые схемы, адекватные изменившимся условиям. В более выгодных условиях на постсоветском пространстве оказались страны, богатые углеводородными ресурсами. Они раньше других восстановили свое хозяйство и двинулись вперед. По существу, указанные страны и выступают инициаторами новых интеграционных подходов. В первую очередь речь идет о России и Казахстане, которые не только в сфере экономики, но и во внутривнутриполитическом плане оказались более стабильными, чем их партнеры по СНГ. На сегодня эти две страны можно рассматривать флагманами развития и в экономическом, и во внутривнутриполитическом плане. Это — постсоветская реальность.

Многовекторность стала краеугольным камнем внешней политики стран ЦА. Подобная модель поведения представляется оптимальной с точки зрения выживания в условиях геополитического давления со всех сторон. Поэтому страны региона всегда будут стремиться к соблюдению баланса между несколькими центрами притяжения. Залог для благополучия и мира в регионе — это добрососедские отношения и взаимовыгодное сотрудничество со странами региона, где Россия может служить гарантом безопасности. Регион Центральной Азии во многих теоретических построениях и в практическом международном обиходе рассматривается целостной геополитической системой, которой присущи общие закономерности. Такое представление справедливо лишь отчасти. В многовековом историческом развитии отдельные части региона прошли специфический путь. Относительное единение в плане общих методов их политического и экономического развития произошло лишь в советское время. Характерно при этом, что в экономическом плане пять центральноазиатских республик при достаточно развитых хозяйственных связях были связаны между собой через Москву, через централизованные органы государственного планирования и управления. Тем более это относится к политической сфере, в которой контроль со стороны центра был особенно строгим. В постсоветский период большинство государств региона (за исключением Туркменистана) неоднократно предпринимали попытки укрепления внутрирегионального сотрудничества, развития региональной интеграции.

Первая встреча руководителей «центральноазиатской пятерки» (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) состоялась 13.12.1991 в Ашхабаде, на которой было принято заявление о согласии этих стран войти в Содружество Независимых Государств (СНГ), но при условии обеспечения равноправного участия субъектов распадающегося Союза и признания всех государств СНГ в качестве учредителей. В принятом 22.01.1993 Уставе Содружества Независимых Государств было однозначно заявлено, что «Государства-члены являются самостоятельными и равноправными субъектами международного права... Содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями» (ст. 1)¹. В то же

¹ Устав Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. 22.01.1993, г. Минск. URL: <https://cis.minsk.by/page/180/ustav-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-g-minsk-22-anvara-1993-goda> (дата обращения: 15.05.2024).

самое время руководители «центральноазиатской пятерки» предпринимали попытки углубления экономической интеграции независимо от других членов СНГ. Между Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном 30.04.1994 был подписан Договор о создании Единого экономического пространства, положивший начало созданию Центральноазиатского союза (ЦАС), а в 1998 г., после присоединения к нему Таджикистана, ЦАС был преобразован в Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС). С целью активизации многостороннего сотрудничества в области обеспечения безопасности в регионе, выработки политики в борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом на очередном саммите в Ташкенте в 2001 г. было принято решение о преобразовании ЦАЭС в Организацию Центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС), экономический ракурс которой дополнился вопросами обеспечения стабильности и поддержания мира в регионе. В рамках новой организации было активизировано сотрудничество на военно-политическом направлении, к тому же были предприняты попытки усиления политической составляющей, а именно межпарламентского сотрудничества государств, и создания Совета парламентариев государств — участников ОЦАС. В 2002 г. в Ташкенте состоялась встреча представителей парламентов уже в рамках новой организации. Но, несмотря на активную деятельность государств региона по построению интеграционных структур и усилению сотрудничества, попытки интеграции на пространстве центральноазиатского субрегиона так и не реализовались. Единый рынок не был создан, поскольку экономики стран все дальше дистанцировались друг от друга. В 2005 г. ОЦАС объединился с Евразийским экономическим сообществом (ЕвраАзЭС) и, таким образом, фактически был ликвидирован, поскольку из утвержденных руководством ОЦАС более 50 экономических проектов и заключенных порядка 160 многосторонних документов большинство из них так и не были реализованы¹. Специалисты Кыргызско-Российского Славянского университета справедливо отмечают, что идеи субрегиональной интеграции остаются приоритетом в Центральной Азии в качестве неявно выраженного противостояния влиянию со стороны Турции, Китая, США и ЕС. Турция продвигает идею родственности тюркоязычных народов (об этом речь пойдет дальше). Китай реализует глобальный проект Нового Шелкового пути, в котором Центральной Азии отводится важная роль. США пытаются реализовать проект «Большая Центральная Азия». На этом фоне российские проекты выглядят для стран региона более привлекательными, однако для собственной интеграционной модели странам Центральной Азии весьма привлекательной представляется модель АСЕАН [4, с. 147–150]. В конце 2014 г. ЕврАзЭС прекратило свое существование в связи с созданием (ЕАЭС), хотя аббревиатура ЕврАзЭС в публичном пространстве используется наряду с аббревиатурой ЕАЭС и поныне (см. таблицу).

Авторы аналитического доклада «Россия — Центральная Азия: тенденции и перспективы взаимодействия, 2022–2024 гг.» из Томского государственного университета предложили рассматривать динамику российской политики в ЦАР в ракурсе сопоставления четырех **сценариев** реализации Россией своих национальных интересов в регионе, выделяя в качестве базовых параметров а) степень активности внешних акторов, прямо или косвенно препятствующей реализации интересов России в ЦАР, и б) стабильность региональной подсистемы международных отношений:

– **«инерция»** определяется усилением активности внешних акторов при сохранении стабильности региональной подсистемы, при этом Россия развивает военно-политическое, экономическое и гуманитарное сотрудничество со странами региона и поддерживает функционирование ЕАЭС, ОДКБ и СНГ;

– **«оттепель»** определяется снижением активности внешних акторов (в первую очередь США и ЕС) при сохранении стабильности региональной подсистемы, и в таком случае возможности для проецирования российских интересов в Центральную Азию повышаются;

– **«новый фронт»** определяется усилением активности внешних акторов при дестабилизации региональной подсистемы, что обяжет Россию оперативно использовать политические, экономические и военно-силовые ресурсы для купирования источников нестабильности;

– **«стабилизирующая роль»** предполагает снижение активности внешних акторов при дестабилизации региональной подсистемы, тогда у России появится больше шансов сохранить свои интересы в ЦАР и поддержать общими усилиями целостность ЕАЭС.

¹ Казанцев А., Каженова А. Новый этап центральноазиатской интеграции [Электронный ресурс] // РСМД. 03.12.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/novyy-etap-tsentralnoaziatskoy-integratsii/> (дата обращения: 15.05.2024).

На пути к созданию Евразийского экономического союза

Table. Towards a Eurasian Economic Union

Годы основания	1991	1996	2000	2007	2007–2011	2014	
Годы вступления	1991–1994	1996	2001	2010	2012	2015	
Учредительные документы	Соглашение о создании СНГ Устав СНГ	Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях	Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества	Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза	Декларация о евразийской экономической интеграции	Договор о Евразийском экономическом союзе	
Центрально-азиатская пятерка	Договор о создании Единого экономического пространства (Центральноазиатский союз, ЦАС), 1994		Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС, 1998), Организация Центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС, 2001)	ОЦАС объединился с ЕвразЭС, 2005	Единое экономическое пространство (ЕЭП)	—	
Этапы формирования	—			Таможенный Союз (ТС)		—	
	Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС)						
	—	Углубление интеграции в экономической и гуманитарной областях					
Содружество Независимых Государств							

Источник: составлено авторами

Разумеется, реальная история будет осуществляться в различных комбинациях перечисленных сценариев, хотя не следует умалять растущую роль социально-политического управления и когнитивного влияния на различные социальные группы и элиты [11].

Китайский проект «Пояс и путь»

В условиях обострения глобальных вызовов и угроз, таких как международный терроризм, организованная преступность, наркотрафик, и других опасностей, непосредственно затрагивающих жизненные интересы Центральной Азии, непреодолимая историческая логика определила вхождение стран региона в качестве активных членов в Шанхайскую организацию сотрудничества. Ведущая роль в ШОС России и Китая является надежной гарантией региональной безопасности перед лицом «злых сил» (邪惡勢力), как это принято говорить у китайцев. Эту организацию, в чем мы уверены, ждет большое будущее. К участию в ней проявляют интерес многие страны Азии. Деятельность ШОС органично вмещает в себя наиболее острые заботы и проблемы входящих в нее стран.

Китайский вариант освоения евразийского пространства ориентирован на создание межрегионально-транспортно-логистического каркаса, связывающего воедино Евразийский и Африканский континенты, а также реализацию концепции «Сообщества единой судьбы человечества». Инициатива «Пояс и путь» по многим параметрам совпадает с концепцией Большого евразийского партнерства. Современный Китай есть продолжение и развитие Китая исторического, сочетая древнюю и современную цивилизации, устанавливает китайскую модель модернизации, создает новую форму человеческой цивилизации. Но при этом мы не должны забывать, что тысячелетняя история России как «самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы» дала человечеству наглядный пример собирания земель и народов в единое пространство евразийской цивилизации. Страны Центральной Азии, оказавшись неспособными осуществить интеграционные схемы в рамках своего региона, ныне органично вошли в качестве составной части более широких интеграционных схем с участием России и Китая. Россия исторически была главным гарантом стабильности и безопасности в ЦАР. Китай же все больше заинтересован в обеспечении региональной безопасности и стабильности, и связано это с реализацией

мегапроекта «Пояс и путь», основные трассы которого проходят через ЦАР и направлены на то, чтобы проложить удобные логистические маршруты в Европу. Китай также становится основным инвестором в развитии современной инфраструктуры в регионе и подъема его экономики. В вопросах обеспечения безопасности ЦАР Россия и Китай действуют скоординировано в рамках ШОС. Удобное расположение ЦАР между Россией и Китаем позволяет использовать блага этих держав, а также договариваться во многом с другими крупными государствами. Это обстоятельство соответствует национальным интересам стран Центральной Азии, позволяет эффективно решать многие интересующие их проблемы.

В свете вышеизложенного хотели бы сформулировать следующий тезис: «Для Европы лучше будет проложить путь в Центральную Азию совместно с Россией, но не в обход России». Этот тезис не следует упрощать. Москва не рассматривается нами контролером или цензором тех или иных планов и практических шагов Евросоюза или отдельных стран Европы в отношении региона Центральной Азии. В контексте нашего тезиса речь идет о том, что было бы контрпродуктивно, исходя из тех или иных политических пристрастий или специфических интересов, вести дело с государствами Центральной Азии в ущерб интересам России. Разумный учет интересов Москвы на центральноазиатском направлении будет отвечать интересам тех сторон, которые заинтересованы в сотрудничестве с регионом Центральной Азии.

Стратегическое партнерство России и Китая — гарантия стабильности ЦАР

Россия играет жизненно важную роль в судьбе ЦАР как один из ведущих центров военно-политической силы в мире, а Китай открывает новые торгово-экономические возможности, призывая к совместному строительству современной транспортно-логистической инфраструктуры для возрождения Великого шелкового пути в XXI в. Дело в том, что Новый шелковый путь идет через ЦАР и Россию (северный маршрут) в Европу либо через ЦАР в Турцию и Ближний Восток и Европу (южный маршрут). Для Москвы и Пекина страны ЦАР являются стратегически важными партнерами, и потом для них крайне важна стабильность в регионе. Россия и сегодня остается наиболее крупным торгово-экономическим партнером для стран ЦАР, а самое главное, гарантом безопасности.

Прошедший в Сиане (КНР) 17–18 мая 2023 г. саммит «Китай — ЦАР» стал началом провозглашенной председателем КНР Си Цзиньпином «новой эры» во взаимоотношениях КНР с государствами ЦАР. Подписана Сианьская декларация¹. Символично, что Сиань — древняя столица Китая, откуда начинался Древний Великий шелковый путь. В Сианьской декларации подчеркивается ключевая роль ЦАР в строительстве сухопутного звена китайского мегапроекта «Пояс и путь», который открывает для государств ЦАР высокоскоростной доступ к рынкам Европы и Азии, а также создает благоприятные условия для их устойчивого экономического роста и социального благополучия. А для Китая сухопутные маршруты — это хорошая альтернатива для транспортировки китайских товаров в Европу. Поэтому большую роль будет играть сопряжение ЕАЭС с экономическим поясом Нового шелкового пути (ЭПШП).

Продвигаемые же Россией транспортные коридоры «Север — Юг», охватывающие страны ЦАР непосредственно через Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и страны Закавказья, обеспечат выход стран ЦАР в страны Персидского залива, к морским портам в Аравийском море и далее в Мировой океан. Реализация проекта Международного транспортного коридора «Север — Юг» позволит соединить напрямую порты Балтийского моря с Персидским заливом и Индийским океаном. Преимущество этого коридора — его протяженность составляет 7200 км по сравнению с традиционным маршрутом через Суэцкий канал — 16 000 км.

Эволюция региональной интеграции ЦАР и притязания ОТГ на освоение Большой Евразии

12 ноября 2021 г. в Стамбуле на VIII саммите Тюркский совет был преобразован в Организацию тюркских государств (ОТГ) как новый актер глобальной геополитики, тогда же была принята программа

¹ Сианьская декларация саммита «Китай — Центральная Азия» [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао. 19.05.2023. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0519/c31521-20021203.html> (дата обращения: 15.05.2024).

«Видение тюркского мира – 2040» (Türk Dünyası 2040 Vizyonu) — стратегия сотрудничества тюркских государств во всех ключевых областях, где у них есть общие интересы, причем некоторые из них идут вразрез с национальными интересами России. Справедливости ради следует отметить, что столь категоричное заявление вряд ли стоит понимать однозначно. Турецкий политический деятель, первый генеральный секретарь Тюркского совета Халиль Акынджи (кстати, в 2008–2010 гг. он был послом Турции в России) в том же 2021 г., рассуждая о возможном участии центральноазиатских государств в создаваемой ОТГ, отмечал в статье «Геополитика тюркского мира и его место во внешней политике Турции»: «Некоторые лидеры новых независимых тюркских государств («центральноазиатской пятерки». — А. А., И. К.) испытывали как симпатию, так и сдержанность по отношению к Турции. Причиной для робости была городская легенда: „Если мы избавимся от одного старшего брата, станем слугами другого старшего брата“... Тогда мы сформулировали наш подход следующим образом:

- сближаться и сотрудничать настолько, насколько они хотят;
- соблюдать существующие обязательства;
- не натравливать эти государства на Россию.

Наши отношения, осуществляемые в соответствии с этими принципами, за некоторыми исключениями, увенчались подписанием в 2009 г. Нахичеванского договора»¹.

Спустя год, 11 ноября 2022 г. в Самарканде прошел первый саммит ОТГ, участники которого уже заявляли о том, что Организация успела превратиться в «уважаемую и признанную международную структуру» и становится прообразом возрождающейся «тюркской цивилизации». На саммите не только намечали планы по усилению политического, экономического и культурного сотрудничества членов ОТГ, но и много говорили о вековой роли тюркского мира — «соединять Восток и Запад, сближая мировые цивилизации». Отмечалось, что встреча лидеров ОТГ, объединившая Турцию, Азербайджан, Казахстан, Киргизию и Узбекистан в качестве членов, а также Туркмению и Венгрию в качестве наблюдателей, прошла необычайно помпезно. Главы государств особо подчеркивали, что теперь это уже не формальное объединение стран, мало чем связанных друг с другом, кроме близости языков, а полноценный субъект международной политики, с которым придется считаться. В речах о единстве всех тюркских народов от Памира до Карпат даже не раз звучало слово «цивилизация», что вполне соответствовало основной теме саммита — «Новая эра тюркской цивилизации: на пути к общему развитию и процветанию»².

С 2020 г. в школах Турции, Казахстана и Азербайджана ведется факультативное изучение предмета «Общая тюркская история» по учебнику, подготовленному Международной тюркской академией. На географических картах «Великого Турана» (Türk dünyası haritasi) турецкие картографы поместили, помимо стран — членов ОТГ, ряд субъектов Российской Федерации (республики Якутия, Бурятия, Алтай, Хакасия, Тыва, Башкирия, Татарстан, Дагестан и части Иркутской, Омской, Новосибирской, Курганской, Челябинской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, Ульяновской, Пензенской, Астраханской областей, где имеются компактные места проживания представителей тюркских народов). Из упомянутого выше программного документа ОТГ «Видение тюркского мира — 2040» стоит привести лишь две выдержки:

– «Осознавая глобальные и региональные геополитические реалии, Организация будет стремиться функционировать как позитивная и все более дееспособная группа, готовая привлекать всех партнеров, желающих конструктивно сотрудничать для достижения регионального и международного мира, стабильности и процветания»;

– укрепить институциональные отношения с ООН и ее органами, Организацией исламского сотрудничества (ОИС), Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Совещанием по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), а также установить новые партнерские отношения с соответствующими региональными институтами, включая Европейский союз (ЕС), Организацию

¹ Halil Akinci. Türk Dünyasının Jeopolitiği ve Türk Dış Politikasındaki Yeri [Электронный ресурс] // Kriter Kasım. 06.07.2021. URL: <https://web.archive.org/web/20221004201730/https://kriterdergi.com/dosya-turk-dunyasi/turk-dnyasinin-jeopolitigi-ve-turk-dis-politikasindaki-yeri> (дата обращения: 15.05.2024).

² Кривошеев К. Тюркский мир расширяется [Электронный ресурс] // Коммерсантъ (сайт). 11.11.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5666364> (дата обращения: 21.11.2022).

Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), Организацию экономического сотрудничества (ОЭС) и Вишеградскую группу¹.

По правде говоря, вызывают удивление и недоумение заявления подобного рода, как будто на карте Евразии нет ни ЕАЭС, ни ОДКБ, границы России непонятным образом урезаны, а границы ОТГ возникли в «чистом поле». Да и авторы программного документа желают укреплять институциональные отношения со многими уважаемыми международными организациями, даже с Вишеградской группой, но никак не с ЕАЭС. Масла в огонь добавляет заместитель председателя правящей Партии справедливости и развития Турции Бинали Йылдырым относительно числа членов ОТГ, которое непременно будет расти: «Государства, говорящие на языках того же происхождения или в которых проживают турки, являются естественными членами этого сообщества. Монголия — одна из них. В балканской географии Венгрия в основном включает Болгарию, Боснию и Герцеговину, Сербию. Албания, Македония и все Балканские государства являются естественными членами Организации тюркских государств. Опять же, Россия и Китай также являются естественными членами этого сообщества»². Что же касается тюркской составляющей Евразийского континента, стоит напомнить следующее: тюркские народы представляют собой множество разнообразных этнических (но генетически не родственных) групп, а тюркские языки образуют языковую семью из более чем 35 документированных языков, на которых говорят около 200 млн чел. от Восточной и Южной Европы до Западной, Центральной, Восточной и Северной (Сибири) Азии (см. рис.).

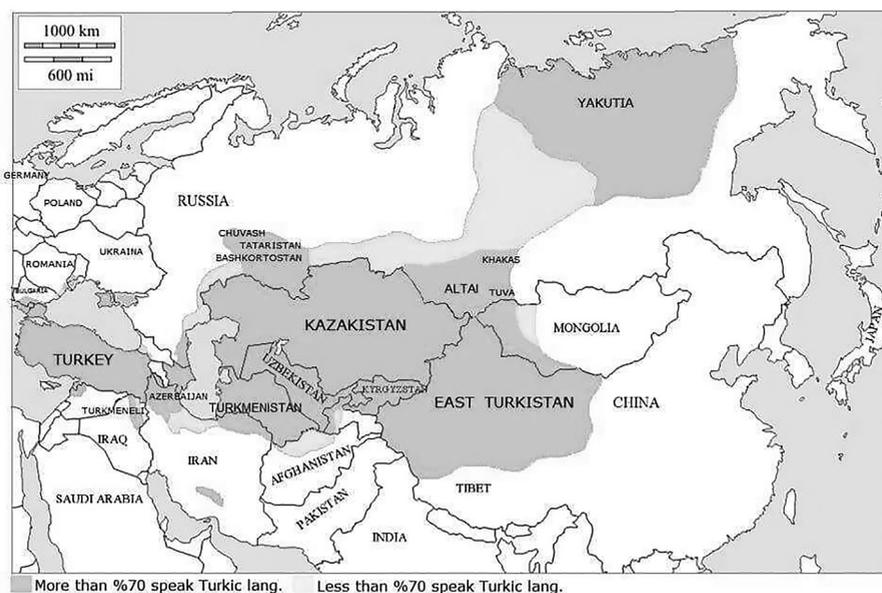

Рис. Карта тюркского мира

Fig. Turcic world map

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://glav.su/forum/threads/1502513> (дата обращения: 12.05.2024)

Позиция России в решении этого вопроса достаточно четко определена, в «Концепции внешней политики Российской Федерации» (31.03.2023) есть примечательная ст. 51, в которой четко определено одно из направлений внешней политики Российской Федерации на Евразийском континенте: «Особо важное значение для достижения стратегических целей и выполнения основных задач внешней политики Российской Федерации имеет всеобъемлющее углубление связей и координации с дружественными

¹ Turkic World Vision – 2040 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.avim.org.tr/public/images/uploads/files/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf> (дата обращения: 12.05.2024).

² Aksakallılar Konseyi Başkanı Binali Yıldırım: Rusya ve Çin Türk Devletleri Teşkilatı'nın doğal üyesidir [Электронный ресурс] // Aydinlik. 26.11.2021 (обновлено: 18.02.2022). URL: <https://www.aydinlik.com.tr/haber/aksakallilar-konseyi-baskani-binali-yildirim-rusya-ve-cin-turk-devletleri-teskilatinin-dogal-uyesidir-265705> (дата обращения: 12.05.2024).

суверенными глобальными центрами силы и развития, расположенными на Евразийском континенте и приверженными подходам, принципиально совпадающим с российскими подходами к будущему мироустройству и решению ключевых проблем мировой политики»¹. Голос ученых, аналитиков и стратегов должен быть услышан политиками в части исполнения указаний данного документа. Сопоставив три геополитических проекта дальнейшего развития Большого евразийского пространства — российский, китайский и тюркский, — следует указать на необходимость обеспечения компланарности, однонаправленности трех векторов реализации евразийских проектов при согласованности политических решений и действий трех полюсов силы на Большом евразийском пространстве. При этом следует опираться на принципы: а) конвергенции национальных интересов в межгосударственных союзах, б) глобальных геополитических процессов многоагентного взаимодействия и в) стратегии глобальной безопасности в полицентричном мире [7].

Вместо заключения. Естественно-исторические закономерности евразийского единения неодолимы!

Позитивное развитие процесса евразийского единения, по нашему мнению, предопределено еще и тем, что его корневая система имеет не поверхностный характер, далеко выходя за пределы советского периода. Она зиждется на широко разветвленной и органично вошедшей в историческое сознание евразийцев системе общих человеческих ценностей и забот. В этой связи как никогда актуальным становится обращение к творческому наследию великого российского ученого и патриота Льва Гумилева. В своих трудах он ярко показал, что, хотя на долю народов Евразии в былые века не раз выпадали разрушительные катастрофы, они всегда находили из них достойный выход. Русский этнос, по Гумилеву, в ходе многовекового исторического процесса, вступая в дружественные отношения с соседствующими народами, обрел черты суперэтнуса — уникального многонационального сообщества — и занял центральное место на Евразийском континенте. Древняя Русь, прирастая в веках добрыми соседями и друзьями, стала потом Россией, обрела роль великой державы, охватив своим благотворным защитным влиянием гигантское пространство от Дуная и Черного моря на западе до Тихого океана на востоке, от Тянь-Шаня и Байкала на юге до Северного Ледовитого океана на севере.

Обращение к трудам Л. Гумилева позволяет в его видение будущего Евразии включить идеи относительно объективных естественно-исторических закономерностей, определяющих развитие человеческого общества. Действительно, судьба навечно определила нашим народам собственный ареал обитания на древней земле Евразии. Многие поколения наших предшественников обживали и лелеяли эту землю, оставили ее нам в наследство. Другой у нас нет и не будет. Не обходилось без трений и конфликтов. Но все же дружба и нормы добрососедства, которыми руководствовались наши предки, всегда превалировали. Уверены, что глубинные факторы, связанные с географическим положением нашей общей земной обители, ее историей, менталитетом людей, особенностями их культуры, национальными традициями и обычаями, вековыми межнациональными связями и дружбой, совместно пролитой кровью в борьбе с чужеземными нашествиями и т. д., и в современных условиях одержат верх. В рамках Российской империи и ее исторического преемника Советского Союза смог сложиться евразийский суперэтнос, скрепленный не только государственными границами и принуждением со стороны властей к межэтническому сожительству, но и коллективными заботами народов по обустройству Общего дома, его защите от внешних посягательств [1]. Многовековая жизнь на единой земле, кровные связи, совместно пролитая кровь в борьбе с иноземными нашествиями и поныне как мощнейшие человеческие скрепы служат знаками евразийского единения.

Если следовать идеям Л. Гумилева, развал Советского Союза не привел к распаду сформировавшегося в Евразии суперэтнуса. Великие державы (империи) могут возникать и исчезать. Это не означает, что вместе с ними растворяются и уходят в небытие входящие в их состав народы (этноты). Во многих

¹ Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. 31.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/70811> (дата обращения: 10.05.2024).

случаях в историческом плане, как считал Л. Гумилев, они оказываются более жизнеспособными, чем государства. Институты, в рамках которых народы (этнос) способны существовать и развиваться, могут носить не только форму государства в традиционном понимании. Историческая практика знает и другие институты, способные служить прочным межнациональным связям, — союзы, ассоциации, сообщества, содружества и т. д. Евразийский экономический союз может стать оптимальной формой единения евразийских народов вокруг России, которая была, есть и останется центром евразийского мира.

Книгу Л. Гумилева «От Руси до России» [3], вышедшую в свет на исходе жизни ученого в наиболее трудный для великой страны период, мы считаем его духовным завещанием. В ней, по существу, содержится напутствие современникам по выводу России из надвинувшейся на нее в конце XX в. смуты. Анализируя в книге, как шло собирание российских земель, единение евразийских народов под эгидой Москвы, ученый как бы показывал путь, который предстоит пройти России и ее евразийским соседям в новых условиях. «Объединиться, чтобы не исчезнуть», — таков был ключевой завет Льва Гумилева [2]. Дополним этот завет: «Объединиться, чтобы вместе идти вперед».

Полагаем, что наше образование на всех уровнях должно включать в себя преподавание евразийства как учения об исторической дружбе наших народов, неизбежности их единения. И хотя мы не сторонники марксизма, но считаем вполне оправданным марксистский тезис: «Идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами». Евразийство — это наше прошлое, настоящее и будущее. Настала пора, когда в обществе должны получить широкое распространение «Евразийские клубы». Их успех можно гарантировать. То, что идеи евразийства нужно широко доводить до масс, добиваться, чтобы массы ими овладевали, — в этом у нас нет сомнений. Необходимо, чтобы Евразийский экономический союз создал собственные информационные ресурсы для широкой популяризации преимуществ, которые ЕАЭС несет своим народам.

Вглядываясь в будущее, мы не видим иного пути для выживания и успешного развития в целом евразийского многонационального сообщества и ее отдельных частей, кроме как единения вокруг России. Придание новых живительных сил Евразийскому экономическому союзу, превращение его в обозримом будущем в полноценный Евразийский союз — вот наилучший способ движения к данной цели. Предстоит идти к ней шаг за шагом, от ЕАЭС-пятерки к ЕАЭС-семерке и далее, от ЕАЭС к ЕАС. Как говорят, «дорогу осилит идущий». В глобальном же масштабе ставится задача, чтобы уже в 2030-е гг. ЕАЭС стал одним из полноценных полюсов нового зарождающегося многополярного мира, и в этом плане крайне важно было бы вступление Казахстана (возможно, и всей «Центральноазиатской пятерки», что позволит ей высвободиться из-под внешнего деструктивного влияния США и ЕС) в скором времени в БРИКС. На плечи России возложена высокая гуманистическая миссия. «Россия — великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внесшее огромный вклад в общемировое развитие»¹ — именно так мы рассматриваем исходный тезис, во многом определяющий содержание не только государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, но и российского проекта жизнеустройства Большого евразийского пространства.

Литература

1. Акаев А. А. Без крепкой дружбы народов не было бы Победы // Геополитика и безопасность. 2010. № 2 (10). С. 30–37. EDN: SNJNBZ
2. Гумилев Л. Объединиться, чтобы не исчезнуть. СПб. : Час пик. № 2, 1991.
3. Гумилев Л. От Руси до России. М. : АСТ. ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 415 с.
4. Джоробекова А. Э., Абалова Н. Ж., Момошева Н. К. Исторические аспекты межгосударственных отношений и проблемы интеграции в Центральной Азии // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2021. Т. 21. № 7. С. 147–150. EDN: AWBICC. DOI: 10.36979/1694-500X-2021-21-7-147-150

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения (утверждены Указом Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 15.05.2024).

5. *Караганов С. А.* От поворота на Восток к Большой Евразии [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 30.05.2017. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/> (дата обращения: 16.05.2024).
6. *Кефели И. Ф.* Геополитические аспекты инициатив и проектов формирования «Большого евразийского партнерства» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3. С. 65–76. EDN: РСХРУJ
7. *Кефели И. Ф., Малафеев О. А.* Математические начала глобальной геополитики. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та. 2013. 204 с. EDN: SJHSFH
8. *Лавров С. Б.* В каком мире мы живем? (размышления геополитика). СПб. : Время, 2001. 95 с.
9. *Лузянин С. Г., Клименко А. Ф.* «Большая Евразия» и ШОС: миропорядок, безопасность и борьба с терроризмом // Обозреватель. 2018. № 8. С. 5–22 EDN: YAEGDJ
10. Об экономическом развитии государств — участников Содружества за 1992 г. (доклад Статистического комитета СНГ в дополнение к экспресс-докладу «Экономика Содружества Независимых Государств в 1992 г.»). Статкомитет СНГ. М., 1993.
11. Россия — Центральная Азия: тенденции и перспективы взаимодействия, 2022–2024 гг. Аналитический доклад № 2. Томск : Центр евразийских исследований ТГУ, 2023. 68 с.
12. *Стародубцев И.* Россия — Турция: 500 лет беспокойного соседства. М. : ЭКСМО, 2017. 416 с. ISBN: 978-5-699-94843-7
13. *Шеллинг Т.* Стратегия конфликта. М. : ИРИСЭН, Социум, 2019. 357 с. ISBN: 978-5-91066-080-3
14. *Шумский Н. Н.* Экономический союз новых независимых государств: предпосылки и перспективы создания [Электронный ресурс] // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 4. URL: <http://evolutio.info/ru/journal-menu/1999-4/1999-4-shumski> (дата обращения: 16.05.2024).
15. *Яковец Ю. В., Растворцев Е. Е.* Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений : научный доклад. М. : МИСК, 2017. 63 с.

Об авторах:

Акаев Аскар Акаевич, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан), доктор технических наук, профессор;
e-mail: askarakaev@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8158-0171>

Кефели Игорь Фёдорович, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор;
e-mail: geokefeli@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6889-8924

References

1. Akaev A. A. There Wouldn't Be any Victory Without the Nations' Strong Friendship // Geopolitics and Security [Geopolitika i bezopasnost']. 2010. No. 2 (10). P. 30–37. (In Russ.) EDN: SNJNBZ
2. Gumilyov L. Unite so as not to Disappear. Saint Petersburg : Rush hour [Chas pik]. No. 2, 1991. (In Russ.)
3. Gumilev L. From Russia to Russia. Moscow : AST. KEEPER [Khranitel'], 2006. 415 p. (In Russ.)
4. Dzhorobekova A. E., Abalova N. Zh., Momosheva N. K. Historical Aspects of Interstate Relations and Problems of Integration in Central Asia // Vestnik KRSU [Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta]. 2021. V. 21. No. 7. P. 147–150. (In Russ.) EDN: AWBICC. DOI: 10.36979/1694-500X-2021-21-7-147-150

5. Karaganov S. From the Turn to the East to Greater Eurasia Russia in Global Affairs [Electronic resource] // Russia in Global Affairs [Rossiya v global'noi politike]. 30.05.2017. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/> (accessed: 16.05.2024). (In Russ.)
6. Kefeli I. F. Geopolitical Aspects of the Initiatives and Projects Forming Greater Eurasian Partnership // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika] 2019. No. 3. P. 65–76. (In Russ.) EDN: PCXPUJ
7. Kefeli I. F., Malafeev O. A. Mathematical Principles of Global Geopolitics. St. Petersburg : Publishing House of the Polytechnic University. 2013. 204 p. (In Russ.) EDN: SJHSFH
8. Lavrov S. B. What World Do We Live in? (Reflections Geopolitics). St. Petersburg : Time [Vremya], 2001. 95 p. (In Russ.)
9. Luzyanin S. G., Klimenko A. F. “Greater Eurasia” and the SCO: The World Order, Security and the Fight Against Terrorism // Observer [Obozrevatel']. 2018. No. 8. P. 5–22. (In Russ.) EDN: YAEGDJ
10. On the Economic Development of the Commonwealth Member States for 1992 (report of the CIS Statistical Committee in addition to the express report “Economy of the Commonwealth of Independent States in 1992”). CIS Statistical Committee. Moscow, 1993. (In Russ.)
11. Russia — Central Asia: Trends and Prospects of Interaction, 2022–2024 Analytical Report No. 2. Tomsk : TSU Center for Eurasian Studies, 2023. 68 p. (In Russ.)
12. Starodubtsev I. Russia — Turkey: 500 Years of Restless Neighborhood. Moscow : EKSMO, 2017. 416 p. ISBN: 978-5-699-94843-7 (In Russ.)
13. Schelling T. Conflict Strategy. Moscow : IRISEN, Society, 2019. 357 p. ISBN: 978-5-91066-080-3 (In Russ.)
14. Shumsky N. On the Economic Union of New Independent States: Prerequisites and Prospects of Establishing [Electronic resource] // Belarusian Journal of International Law and International Relations [Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii]. 1999. No. 4. URL: <http://evolutio.info/ru/journal-menu/1999-4/1999-4-shumski> (accessed: 16.05.2024). (In Russ.)
15. Yakovets Yu. V., Rasvastsev E. E. Greater Eurasia: Strategy of Partnership of Civilizations and Associations: Scientific Report. Moscow : MISK, 2017. 63 p. (In Russ.)

About the authors:

Askar A. Akaev, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan), Doctor of Technical Sciences, Professor; e-mail: askarakaev@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8158-0171>

Igor F. Kefeli, Leading Researcher at the Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; e-mail: geokefeli@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6889-8924

Участие России в развитии транспортно-логистических магистралей стран — членов ЕАЭС

Агаева А. Ш.¹, Идрисов Ш. А.^{2,*}

¹ Экспедиционно-логистическая компания «Тамерлан», Воронеж, Российская Федерация

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: idrisov-ma@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель. Обзорный анализ перспектив торгово-экономических связей в ЕАЭС, стран ШОС и других заинтересованных государств, сопряженных интересами в геоэкономическом и геополитическом Евразийском пространстве в условиях искусственного нагнетания локальных напряженностей коллективным Западом.

Задачи. Поиск и оценка оптимальных маршрутов развития традиционных и новых транспортно-логистических магистралей, их разветвленных коридоров с позиции укрепления экономических интеграционных соглашений, безопасности и взаимодействия Евразийского союза со странами ШОС.

Методология. В статье применяется методологический инструментарий пространственной экономики, экономико-географического и геополитического анализа интересов государств, анализ и синтез интересов и синергия интересов государств — участников глобальных евразийских проектов.

Результаты. Исследование показало возможности новых и старых транспортных магистральных систем (ТМС) как через Казахстан, так и через развитие уникальной альтернативы — Северного морского пути, со строительством совершенно новой инфраструктуры и их обслуживания. Затронуты вопросы ТМС по магистрали БАМа и Транссиба. Приводится оценка альтернатив ТМС по стоимости и по времени. Указывается на потенциальные возможности расширяющейся ТМС и грузопотока по каспийско-прикаспийскому коридору, как сухопутного с востока (Туркмения — Казахстан — Россия) и западного берега Каспийского моря (Иран — Азербайджан — Россия), так и по водным магистралям по этому же коридору «Север — Юг».

Выводы. Проведена оценка эффективных маршрутов; определены стратегические задачи по вновь открывающимся транспортно-логистическим магистралям (ТЛМ), которые определены как Новые шелковые пути через территории ЕАЭС и сопредельных заинтересованных государств (КНР, Индия, Пакистан, Афганистан, Иран и др.), которые постепенно из наблюдателей-участников планируют входить в более тесные отношения в международном разделении труда.

Ключевые слова: инфраструктура евразийской интеграции, международная торговля, доминирование Юго-Восточного региона, внутрирегиональная политика, транспортно-логистические системы, Северный морской путь, магистрали Нового шелкового пути

Для цитирования: Агаева А. Ш., Идрисов Ш. А. Участие России в развитии транспортно-логистических магистралей стран — членов ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 26–36.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-26-36>. EDN: JREIAC

Russia's Participation in the Development of Transport and Logistics Highways of the EAEU Member States

Aigul Sh. Agaeva^a, Shamil A. Idrisov^{b,*}

^a "Tamerlane" forwarding and logistics Company, Voronezh, Russian Federation

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: idrisov-ma@ranepa.ru

ABSTRACT

Aim. An overview analysis of the prospects for trade and economic relations in the EAEU, the SCO countries and other interested states, coupled with interests in the geo-economic and geopolitical Eurasian space in the conditions of artificial escalation of local tensions by the collective West.

Tasks. Search and evaluation of optimal routes for the development of traditional and new transport and logistics highways, their branched corridors from the perspective of strengthening economic integration agreements, security and interaction of the Eurasian Union with the SCO countries.

Methods. The article uses methodological tools of spatial economics, economic, geographical and geopolitical analysis of the interests of states, analysis and synthesis of interests and synergy of interests of the participating states of global Eurasian projects.

Conclusions. The study showed the possibilities of new and old transport magistral (the highway) systems (TMS), both through Kazakhstan and through the development of a unique alternative — the Northern Sea Route (NSR) with the construction of a completely new infrastructure and their maintenance. The issues of TMS on the BAM and Trans-Siberian railway were touched upon. An assessment of alternatives to TMS in terms of cost and time is given. The potential opportunities of the expanding TMS and cargo traffic along the Caspian-Caspian corridor, both overland from the east (Turkmenistan — Kazakhstan — Russia) and the western shore of the Caspian Sea (Iran — Azerbaijan — Russia), as well as along waterways along the same "North — South" corridor, are indicated.

Results. An assessment of effective routes has been carried out; strategic objectives have been identified for newly opened transport and logistics highways, which are defined as "new lye routes" through the territories of the EAEU and neighboring interested states (China, India, Pakistan, Afghanistan, Iran, etc.), which gradually plan to enter into closer relations from participating observers relations in the international division of labor.

Keywords: infrastructure of Eurasian integration, international trade, dominance of the southeastern region, intra-regional policy, transport and logistics systems, the Northern Sea Route, highways of the New Silk Road

For citing: Agaeva A. Sh., Idrisov S. A. Russia's Participation in the Development of Transport and Logistics Highways of the EAEU Member States // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 26–36. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-26-36>. EDN: JREIAC

Введение

Об актуальности предмета исследования — о развитии транспортно-логистических магистралей (ТЛМ) внутри стран Евразийского союза и тесных интеграционных отношений со странами ШОС можно судить как по растущему обороту товарно-материальных ценностей (ТМЦ), который достиг 7,4 трлн руб.¹, так и по значимым прямым взаимным инвестициям для региона, составившим только за девять месяцев

¹ Евразийский экономический союз вышел на рекордный товарооборот в 2023 году [Электронный ресурс] // Сайт Минтранса. 26.04.2024. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/branch-news/3832?ysclid=lx3gjlinx394758143> (дата обращения: 20.05.2024).

2023 г. 169%, что в 2,2 раза больше, чем за тот же период в 2022 г.¹ Об этих и других достижениях в межгосударственных торгово-экономических, интеграционных отношениях и развитии транспортно-логистических магистралей стран ЕАЭС пишут специалисты академических и научно-исследовательских институтов, а также практики, работающие в комиссиях и советах межгосударственных учреждений. Так, в аналитических исследованиях ученых Российского университета дружбы народов представлены интеграционные связи и их развитие между странами ЕАЭС и ШОС [10], алтайские ученые показали необходимость развития логистических систем для агропродовольственного экспорта ЕАЭС². Монографию оценки интеграционных процессов для стран ЕАЭС представил коллектив ученых НИУ ВШЭ [1], отдельными авторами исследованы перспективы информационных технологий через развитие транспортного пространства в ЕАЭС [11]. Несомненный интерес представляет коллективный доклад ученых Института экономики РАН — исследование об интеграционных процессах отдельно взятых регионов России [2].

В последнее время Российская Арктика становится важным объектом внимания государств, мировой общественности и ТНК. В связи с открытием круглогодичной навигации Росатомфлот РФ заказал несколько новых судов высокого ледового прохода до 2,5–3 м толщины льда взамен выводимых из эксплуатации и для дальнейшего пополнения их числа³.

Правоведы-международники отмечают: «используя слова Международного Суда ООН, “наиболее фундаментальную из всех правовых норм, относящихся к континентальному шельфу” — правило, согласно которому права прибрежного государства в отношении континентального шельфа “существуют ipso facto и ab initio в силу его суверенитета над этой территорией”»⁴. Мы также считаем, что внимание мирового сообщества в последние 20–30 лет к Северному морскому пути (Севморпуть, или СМП) и желание «поделить» русскую Арктику у других государств только усиливается. Поэтому необходимо дальнейшее урегулирование международных правоотношений по шельфу и прилегающим территориям и уточнение морской демаркации в Арктике.

Е. А. Куклина указывает, что здесь международные интересы сталкиваются с необходимостью обеспечения российской промышленности сырьем, новыми рабочими местами на Севере, что дает нам «не менее 10% ВВП и около 20% объема российского экспорта, здесь добывается 17% нефти, 80% газа и около 30% рыбных биоресурсов страны» [9, с. 27].

Спустя уже четверть века продолжается экономическое и гуманитарное сближение части бывших союзных республик в ЕАЭС, куда вошли: Армения (с 02.01.2015), Республика Беларусь (с 01.01.2015), Казахстан (с 01.01.2015), Кыргызстан (с 12.08.2015) и Российская Федерация с самого первого дня основания (01.01.2015).

Наибольший интерес к событиям глобального и локально-регионального международного развития проявляют страны ЕАЭС, которые решают свои геополитические, экономические и другие проблемы как в союзе Евразийской группы стран, так и по отдельности. Государства и ЕАЭС участвуют напрямую в международных экономических, энергетических, торгово-транспортных, технологических, экологических и других проектах. Все эти процессы внутри каждого государства интегрированы в интересы глобальных международных корпораций. В условиях сосуществования и/или противостояния глобальным прояскам и целям могут выстоять только страны коллективного содружества, союзы или коалиции государств.

Целью статьи являются поиск новых и эффективных торгово-экономических связей в ЕАЭС, сотрудничества стран во имя созидания, строительства и развития новых торгово-экономических связей как внутри ЕАЭС, так и в единстве со странами ШОС и другими странами-наблюдателями.

¹ О прямых инвестициях в странах ЕАЭС [Электронный ресурс] // Ген. консульство РФ в Усть-Каменогорске. 03.04.2024. URL: https://ustkamenogorsk.mid.ru/ru/news/o_roste_pryamykh_investitsiy_v_stranakh_eaes (дата обращения: 20.05.2024).

² Данюкова М. Н., Круглова Н. Т., Тихомирова В. А. Приоритеты развития и современные вызовы для логистической системы агропродовольственного экспорта ЕАЭС // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 5–1. С. 68–76. EDN: GCUIVL. DOI: 10.17513/vaael.2808.

³ Для справки: В состав ледокольного флота России входит около 40 ледоколов класса ARC6 и выше, из них семь атомных: «Таймыр», «Вайгач», «Ямал», «50 лет Победы», три ЛК-60Я: «Арктика», «Сибирь», «Урал». На начало 2024 г. в состав ледокольного флота России входило 38 профильных ледоколов класса ARC6 и выше, из них 18 отечественного производства.

⁴ Вылежанин А. Н., Дудыкина И. П. Арктический шельф: вопросы выбора международно-правовой позиции // Материалы научно-практической конференции и круглого стола «Арктика — территория устойчивого развития и сотрудничества» и круглого стола «Правовые проблемы социально-экономического и инновационного развития Арктического региона России», Москва, 20.10.2017. М.: Норма, 2018. С. 55. EDN: LWXSFF.

Основные направления ключевых транспортных международных магистралей для развития и сотрудничества стран ЕАЭС и ШОС

В новых торгово-экономических союзах стран ЕАЭС и ШОС имеются определенные пробелы, отсутствуют четкие разделения по национальным и межнациональным геополитическим интересам, и это в условиях внутренних противоречий внутри коллективного Запада, в условиях политики поддержки стран ЕС своим патроном (США), который стремится к глобальному ослаблению самих европейских конкурентов (стран ЕС), КНР и, конечно, России. По ключевым вопросам и интересам ЕАЭС тема изучается, и есть глубокие исследования специалистов [5; 6; 12], где обоснованы отдельные направления интеграционных процессов. В комплексе рассматриваются варианты распространения автоматизированных таможенных центров с единым программным обеспечением и электронно-информационными системами обработки грузов.

Расширяются традиционные транспортные магистрали «Север — Юг», как наиболее короткий путь от индийского крупного порта Нава-Шева¹ до России. Данная магистраль имеет коридоры и через Казахстан, и через Азербайджан. Эти коридоры вокруг и через Каспийское море будут расширяться, если оно окончательно не обмелеет, а пока вся надежда на восточный и западный коридоры этой магистрали «Север — Юг». Компании из КНР проводят активную работу по их развитию материально и информационно-технологически. Например, протяженность маршрута «Север — Юг» от Нава-Шева через Иран до Санкт-Петербурга — 7200 км, срок доставки по международному транспортному коридору (МТК) составит 15–24 дня [14].

Прикаспийские сухопутные магистрали с запада и востока Каспия станут мощными маршрутами для усиления пропускной способности грузов из Индии и Китая. КНР уже создает соответствующую инфраструктуру в Туркмении и Казахстане. Кроме того, страны ЕАЭС заинтересованы во внедрении высокотехнологичных систем таможенной обработки и транспортировки контейнеров по всему маршруту, где предусмотрены единые стандарты электронной обработки грузопотока и таможенных процедур². В дальнейшем, если все же осуществится проект нового канала по территории Ирана от Каспия до Персидского залива, это станет полной альтернативой Суэцкому каналу.

Альтернативно всему коллективному Западу у России и других стран — членов ЕАЭС имеются хорошие перспективы. 2 февраля 2024 г. на заседании Евразийского межправительственного совета каждая сторона представила ближайшие планы на повышение транспортно-логистических магистралей через свою страну. В приоритетных интеграционных инфраструктурных проектах в сфере транспорта стран ЕАЭС добавились новые возможности. Новые магистрали и ответвления станут в ближайшие годы ускоренно финансироваться со стороны КНР. 18 октября 2023 г. Председатель КНР Си Цзиньпин прямо указал, что надо «развивать взаимосовместимые и мультимодальные перевозки, а также постоянно повышать уровень упрощения международных перевозок и устойчивость крупных международных транспортных каналов..., способствовать формированию общепризнанных правил, стандартов и передовой практики...»³.

И за последние десять лет по инициативе проекта «Один пояс — один путь» страны ШОС и входящие в нее, в том числе члены ЕАЭС и наблюдатели, значительно увеличили транспортный оборот. Проложены новые маршруты и новые коридоры, скоростные магистрали авто- и железных дорог, линии и сети Интернет, начато строительство аэропортов и автоматизированных мультимодальных портов и пр. На это Китай привлек «инвестиций почти в 1 трлн долл. США, где реализуется более 3000 проектов. ...Ожидается, что в ближайшие пять лет (2024–2028) объем импорта и экспорта товаров и услуг Китая превысит 32 трлн долл. США, а общий объем торговли — 5 трлн долл. США»⁴.

¹ РНОJNPT, Sheva — IHRPOE [Электронный ресурс]. URL: https://ihpoe.mohfw.gov.in/pho_jnpt.php (дата обращения: 18.05.2024).

² Идрисов Ш. А. О развитии региональных и международных транспортно-логистических магистралей [Электронный ресурс] // Международный научный форум «Наука и инновации — современные концепции». 14.07.2023. Москва, 2023. С. 19–27. EDN: ATJFGA. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54219946_43172891.pdf (дата обращения: 20.05.2024).

³ Заявление председателя III Саммита международного сотрудничества «Пояс и путь» Председателя КНР Си Цзиньпина [Электронный ресурс] // Третий саммит международного сотрудничества «Пояс и путь». Пекин, 18.10.2023. URL: https://content-static.cctvnews.cctv.com/snow-book/index.html?toc_style_id=feeds_default&share_to=wechat&item_id=5746105890284994238&track_id=12E521E2-2F17-48A1-B15A-49A45C8F4765_719330050601 (guancha.cn) (дата обращения: 09.03.2024).

⁴ Там же.

Масштабные проекты, требующие новых капитальных строителей автомобильных и железнодорожных путей сообщения, портовой инфраструктуры, аэропортов, модальных и узловых мультимодальных транспортно-логистических центров, увеличат грузопоток стран ЕАЭС, а также других стран Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Европы. Все страны ЕАЭС представили свои проекты на участие в общих стратегических планах КНР и Индии. Больше всего капиталовложений ожидается от банков КНР на магистрали и коридоры через среднеазиатские государства (Киргизия и Казахстан). Рост объемов грузоперевозок внутри ЕАЭС должен стать катализатором повышения конкурентоспособности евразийских транспортных магистралей и разветвленной сети альтернативных веток в международной транспортной магистрали «Север — Юг», «Запад — Восток» и «Севморпути». Если СМП станет мощным и круглогодичным арктическим коридором, то развитие традиционного коридора «Север — Юг», проходящего по территории России двумя ветками через ЮФО железнодорожным, автомобильным транспортом и судами по Каспию, поможет южному коридору стать наиболее популярным при дополнительных инвестициях в крупный узловой хаб в Республике Дагестан.

Такие хабы, причем почти полностью автоматизированные, уже строятся по всему миру. «Современная транспортно-логистическая система в мире осуществляет огромные потоки перевозок всеми видами транспорта. Массовость таких перевозок характеризуется понятиями “линейными” или “магистральными”, а такие мелкие операции по развозу грузов с терминала портов, аэропортов или других крупных и универсальных хабов называются фидерными» [7, с. 36].

Общеизвестно, что сегодня Китай находится в центре внимания с лидерством в экономической активности по макроэкономическим показателям, прежде всего по ВВП, и как мировая фабрика, которой надо активно торговать с внешним миром. Мирную интеграционную экспансию Китай осуществляет развитием торгово-транспортных магистралей. Интересы российских компаний и экономики в целом с ориентацией на Восток нацелены на расширение отечественного рынка и рынков стран — членов ЕАЭС. Здесь не только КНР, но и Индия, КНДР, Вьетнам и другие страны, заинтересованные в активном международном разделении труда (страны Латинской Америки и Африки).

Китайцы все чаще активно переносят свои производства в Россию, в среднеазиатские государства, в Казахстан. Так, например, в России в свободной экономической зоне Липецкой области запустили металлургическую компанию «Сибу индастриэл», основная продукция которой — это огнеупорное оборудование для различных печей металлургической отрасли.

Западные «партнеры» международного разделения труда под натиском США и Великобритании пытаются навредить процессам нового мирового порядка по сотрудничеству на взаимовыгодных условиях. Так, *The Economic Times* грубо озаглавила свою статью «Новый китайский поезд в Европу идет в обход России, несмотря на тесные связи»¹, где указывает на нормальные альтернативы наращивания Каспийского коридора и Транссибирского пути с востока на запад по территории РФ. И это все в духе обвинений российских ж/д перевозчиков в том, что они «не гарантируют», «ставят новые преграды», «конфискуют» и пр. При этом все чаще упоминается альтернативный маршрут по железным дорогам Турции с незначительным трафиком. Так, по словам генерального менеджера компании *Middle Corridor Logistics* в Турции, «в настоящее время железнодорожный маршрут Среднего коридора, проходящий транзитом через Турцию, может обрабатывать от 5000 до 6000 TEU² в год между Китаем и Европой, что составляет лишь 1% пропускной способности северного маршрута»³.

В последние три-пять десятилетий экономическая интеграция между дружественными странами и странами, связанными экономически и политически, укрепила взаимные связи и усилила зависимость

¹ *Dipanjay Roy Chaudhury*. New Chinese train to Europe bypasses Russia despite close ties [Электронный ресурс] // *The Economic Times*. 21.04.2022. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/new-chinese-train-to-europe-bypasses-russia-despite-close-ties/articleshow/90969296.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (дата обращения: 09.03.2024).

² Двадцатифутовый эквивалент (twenty-foot equivalent unit, TEU или teu) — условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств.

³ *Regalado F., Bartlett-Imadegawa Rh., Slnan Tavsan*. Russia's war leaves Europe with China rail route dilemma. Exporters forced to choose between sanctions risks and lengthy delays [Электронный ресурс] // *Nikkei Asia*. 19.08.2022. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Business-Spotlight/Russia-s-war-leaves-Europe-with-China-rail-route-dilemma> (дата обращения: 09.03.2024).

Евросоюза от США. Конечно, в процессах становления глобализации выдвигаются все новые и новые инструменты формирования нового мирового порядка, которые привели к единому глобальному рынку.

Л. В. Волков, описывая ключевые глобальные тренды, подчеркивает: «Современная глобализация выражается в упрощении процедур торговли и сокращении торговых барьеров между странами, увеличении миграционных потоков, повсеместном внедрении и использовании международных стандартов (например, использовании контейнеров; появился даже термин контейнеризация), доминировании транснациональных компаний во многих отраслях» [4, с. 232]. Китай и здесь вносит свои существенные коррективы в глобальные логистические цепочки, которые связывают по всему миру заинтересованные в китайских товарах страны. Прокладывая новые и модернизируя старые магистрали, КНР разрешает для себя не одну задачу в расширении рынков сбыта китайских товаров и услуг, но и использует инвестиционную политику за рубежом (прямые инвестиции в инфраструктуру магистралей, автоматизацию портов и модальных и мультимодальных логистических центров). Модернизация и строительство новых портовых и других логистических центров позволяет их автоматизировать. Такие инвестиции в портовые и мультимодальные логистические центры по суше весьма важны для России, а с круглогодичной навигацией по СМП приобретение такой технологии и других систем только повысит надежность и себестоимость тонно-километра провозимых грузов.

Нами ранее отмечалось, что «Российская Федерация как отдельно, так и в составе стран ЕАЭС располагает огромными территориальными и природными ресурсами и нуждается в дальнейшем развитии транспортных артерий для освоения и развития регионов»¹.

Перспективы сотрудничества государств-участников в международных транспортно-логистических магистралях

Тесное переплетение приграничного экономического взаимодействия и развитие инфраструктуры транспортно-логистических, информационных, таможенных и других интеграционных связей периодически обсуждаются учеными, практиками и политиками на всех уровнях². Тому подтверждением стали два последних Восточных международных форума 2022 и 2023 гг., где были отмечены существенные сдвиги по улучшению пропускной способности на всех участках БАМа и Транссиба. Также была отмечена роль инфраструктурных обеспечений в заполярных регионах и непосредственно на магистрали СМП. Это не только наземные и морские сообщения с многочисленными сооружениями инфраструктурного обеспечения, но и строительство и расширение северных аэропортов.

В. В. Путин на совещании по развитию Восточного полигона железных дорог отметил, что после первого этапа реконструкции БАМа пропускная способность и инфраструктура этой магистрали значительно выросли. Об этом свидетельствуют объемы перевозок по БАМу и Транссибу, которые составили более 144 млн т в 2021 г., но до проектной мощности надо добрать еще 30–35 млн т груза в год. К итогу 2024 г. грузопоток указанных магистралей на Восток планируется довести до 180–185 млн т.

Перспективам развития СМП, развития российской Арктики, Севера в целом и Дальнего Востока в правительстве и на совещаниях с главой страны уделяется пристальное внимание. «Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики совместно с подведомственной Корпорацией развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВА) представили инфраструктуру восточного сектора акватории и новые транспортно-логистические решения, а также шаги по развитию круглогодичной навигации по Северному морскому пути», определяя планы до 2035 г.³ Инфраструктура Российского Севера обустроивается не только по опорным портам Крайнего Севера, но и вглубь материковой части Заполярья, в большие сибирские реки. На Певеке запущена плавучая атомная теплоэлектростанция

¹ Идрисов Ш. А. О развитии региональных и международных транспортно-логистических магистралей [Электронный ресурс] // Международный научный форум «Наука и инновации — современные концепции». Москва, 14.07.2023. С. 19–27. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54219946_95628487.pdf (дата обращения: 08.12.2023).

² Там же. С. 10.

³ Калмацкий М. Северный морской путь поможет развитию российской экономики [Электронный ресурс] // Российская газета — RG.RU. 07.08.2023. URL: <https://rg.ru/2023/08/07/severnyj-morskoy-put-pomozhet-razvitiu-rossijskoj-ekonomiki.html> (дата обращения: 20.05.2024).

(ПАТЭС) «Михаил Ломоносов», однако ставятся вопросы об эффективности и безопасности таких атомных станций. Очевидными остаются проблемы с утилизацией отходов, и также остро стоит вопрос, чем заменять ПАТЭС во время «технического перерыва».

Российская стратегия развития СМП и одновременно всей инфраструктуры его обеспечения имеет как экономическое, так и геополитическое значение. Для мировой торговли это короткий и дешевый путь с запада на восток и обратно.

Российская сторона в международном разделении труда по транспортно-логистическим каналам, увеличивая пропускную способность, внедряет эффективные системы и инфраструктуру транспорта, обработки и доставки ТМЦ до места продажи. А «процессы глобализации требуют все новых альтернативных выгодных и эффективных технологий. Внутривнутрироссийскими регионами, нуждающимися в развитии инфраструктуры логистики, все еще остаются ряд приграничных регионов: Северо-Западный федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ, Южный федеральный округ и другие округа и субъекты Федерации с растущим внешнеторговым оборотом с приграничным окружением»¹.

Интересы Китая в сотрудничестве с Россией и другими государствами ЕАЭС не заканчиваются транспортно-логистическими магистралями СМП, Транссибом и БАМом. Китаю интересно также усиление коридора «Север — Юг» через Иран, Туркмению, Узбекистан, Казахстан на востоке от Каспия и привычные уже Иран, Азербайджан и далее через Дагестан на север и северо-запад РФ. Усиление потока намечается и водным путем по Каспию и Волге, если процессы обмеления не продолжатся. Сюда вполне вписывается еще один проект, который пройдет через Пакистан, Афганистан, Иран, Армению и Турцию, при определенных условиях договоренности и политической ситуации в регионе с выходом на Черное море. Российской стороне выгоден маршрут выхода на Новороссийск и другие порты на Черном и Азовском морях.

Мы и ранее анализировали ситуацию в этом регионе, указывая, что «евро-азиатские магистрали перевозки ТМЦ и их ответвления строятся с альтернативой для увеличения грузопотоков “Восток — Запад”, “Север — Юг” и “Запад — Восток”, проходящим»² в основном по сухопутным и морским территориям РФ и сопряженным с этими магистралями соседним государствам, увеличивая потоки ТМЦ на традиционных направлениях с новыми ответвлениями «Нового шелкового пути» по концепции «Один пояс — один путь», включая в скором времени и всепогодный путь по Севморпути.

По разным оценкам, логистика ТМЦ только через СМП снизит издержки перевозки на 40%, а по времени перевозки с 35–36 дней до 19–20 дней. Экономия времени и стоимости перевозки достаточно привлекательны.

Непрерывная работа судов Росатомфлота в арктических морях и вглубь полноводных больших рек Сибири в 2022–2023 гг. доказала возможность расширения навигационного периода, и за этот период «объем перевозок по Северному морскому пути в 2022 году превысил 34 млн тонн, что больше целевого показателя федерального проекта «Развитие Северного морского пути» на 2 млн. Целевой показатель — 32 млн тонн — был достигнут досрочно в середине декабря»³. «Вместе с этим по итогам 2021 года Росатомфлот отчитался о фактическом грузообороте по СМП в объеме 34,85 млн тонн»⁴, и, как отметил генеральный директор Госкорпорации «Росатом» А. Е. Лихачев «...в 2023 году был поставлен рекорд в 36,5 млн тонн и десятикратный рост транзита»⁵.

Развитие СМП определено правительственными решениями согласно работе научно обоснованных и экспертных групп, анализирующих развитие транспортной магистрали Крайнего Севера, как по морям

¹ Идрисов Ш. А. О развитии региональных и международных транспортно-логистических магистралей [Электронный ресурс] // Международный научный форум. «Наука и инновации — современные концепции». Москва, 14.07.2023. С. 22. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54219946_95628487.pdf (дата обращения: 08.12.2023).

² Там же. С. 24.

³ Идрисов Ш. А. Развитие региональных и международных транспортных магистралей (новые шелковые пути) // Материалы МНПК «Современные процессы глобализации и регионализации: к новой пространственной организации общества». Секция II — Евразийское пространство: факторы, тенденции и перспективы трансформации. 10–11 ноября 2023 г. Санкт-Петербургский государственный университет. Институт науки о Земле. Санкт-Петербург, 2023. С. 25.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Лихачев отметил хорошую динамику Северного морского пути [Электронный ресурс] // ТАСС. 26.01.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19827901?ysclid=lsq19yktn025955392> (дата обращения: 20.05.2024).

Северного Ледовитого океана, так и строительством железнодорожной магистрали «Северный широтный ход» (СШХ). М. М. Шац указывает, что «общие вложения в Северный широтный ход составят 236 млрд руб. Почти половина этой суммы — 105 млрд заложена в инвестпрограмму РЖД. Бюджетные расходы составят 30 млрд рублей. Государственные средства будут выделены в виде капитального гранта (форма частичной компенсации расходов)». Высокие затраты на прокладку путей объясняются суровыми природно-климатическими условиями Заполярья, но они, по оценкам специалистов, непременно оправдаются с лихвой¹. Российский международный торгово-транспортный проект СМП последовательно приводит партнеров и весь заинтересованный мир к пониманию всесторонней выгоды. Для этого продолжается создание необходимой инфраструктуры на всем протяжении трассы и портов обеспечения.

Интересы российской Арктики правительство страны готово доказывать и отстаивать на основе экспертиз и соответствующих документов; СМП и прилегающий к территориям РФ шельф не могут быть пересмотрены. По международным территориальным и морским законам, решениям Международного суда ООН права на континентальный шельф принадлежат тому государству, которое владеет береговыми территориями, т. е. шельф имеет отношение к континенту суверенного государства².

Переориентация российских компаний на поставки углеводородного сырья для стран Юго-Восточной Азии усилила транспортно-логистические каналы в том направлении. «Объемы прежних российских поставок после дискриминационно санкционных расторжений контрактов стран ЕС с российскими компаниями в большей части теперь осуществляются через “Турецкий поток”, через восточные каналы, опосредованные китайскими и в значительной мере индийскими компаниями. Такой обход западных санкций удовлетворяет и самих покупателей на Западе. Другой пример: отказ и затем повреждение новых нитей “Северного потока” открыл новые импульсы американскому влиянию на страны ЕС, поставляя также свой заметно дорогой СПГ³. Для стран ЕС, по разным оценкам, цена за 1 тыс. куб. м американского СПГ в 6–7 раз выше, чем в самих США»⁴.

Логические выводы о развитии ТЛМ на евразийском пространстве

Мировые процессы не стоят на месте, а нарастающие противоречивые вызовы все более нуждаются в адекватном понимании и координированных взаимодействиях отдельных государств и коалиционных решениях мирного и созидательного сосуществования разных стран в многополярном мире. В мире возможно единство с разными культурами, традициями, интересами. Только враги человечества могут проповедовать античеловеческие ценности от идей Т. Р. Мальтуса о необходимости войн и эпидемий до современных и многочисленных способов сокращения населения мира до так называемого «золотого миллиарда» [7, с. 42]. Объединяющих мир факторов и процессов достаточно много. «Катализатором всех этих процессов всегда будет оставаться рациональная организация и ускорение связей и взаимодействий всех участников рынка с учетом разных торгово-экономических интересов» [Там же].

Заключение

Добрососедские отношения и международные проекты должны развиваться без оппортунистических интересов государств-участников, должны основываться на принципах мирного сосуществования и сотрудничества, на взаимном уважении и строгом соблюдении международных законов и, наконец, на принципах «эффективного использования ресурсов», сохраняя приоритет рациональности, учитывая экологический фактор и риски.

¹ Выдашенко Л. А., Рыкова Л. А., Выдашенко В. А., Митракова П. В. Исследование грузовой базы северных регионов Российской Федерации при строительстве Северного широтного хода // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 9. С. 428–435. DOI: 10.33619/2414-2948/82/48. EDN: MKBAIS.

² См.: Сб. науч. статей по итогам работы Международного научного форума «Наука и инновации — современные концепции» (Москва, 30 июня 2023 г.) / отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. М.: Издательство Инфинити, 2023. 236 с. (Т. 2. С. 19–27).

³ СПГ — сжиженный природный газ.

⁴ Там же. С. 26.

Таким образом, развитие торгово-экономических связей и укрепление экономических интеграционных и кооперационных взаимодействий с совместным инвестированием проектов, объединение усилий коллективной безопасности и доверия между ЕАЭС со странами ШОС и другими странами-наблюдателями не заканчиваются лишь развитием ТЛМ, а закономерно тянут за собой и другие интеграционные взаимодействия в огромном Евразийском регионе, в том числе:

- концентрацию капиталов на магистральных и на околомагистральной инфраструктуре;
- кооперационные связи и производства (чаще всего китайские, российские, иранские, индийские на своих и сопредельных территориях прохождения ТЛМ);
- инвестиции, которые вытягивают за собой проектные методы финансирования, завязывая тесные финансовые отношения стран-участниц;
- рост национальных и локальных единых валют взамен декретированной расчетной единицы от частнокапиталистической, но с номинальной меткой «федеральная» Федеральной резервной системы США во всех торгово-экономических и инвестиционных отношениях;
- ускорение партнерских взаимодействий по всем регионам прохождения транспортных магистралей и развертывание новых автоматизированных технологий цифровой обработки грузов с минимальным количеством операторов;
- приоритет единым стандартам в информационном обеспечении, что уже налаживается на Евразийском пространстве по опыту китайских портов и портов в других регионах мира.

Все эти направления развития международного разделения труда потенциально расширят возможности безопасно инвестировать в регионах, получать адекватные доходы и развивать свои национальные экономики без советов и прямых вмешательств от теряющих гегемонию США и его сателлитов.

Литература

1. *Аветисян С. С., Алешин Д. А., Арнетт С. Г.* [и др.] Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2023 : международный доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023. 306 с. ISBN 978-5-7598-2782-5. EDN YHPBDE
2. *Вардомский Л. Б., Дадабаева З. А., Пылин А. Г.* [и др.] Каспийский регион в процессах регионализации Евразии : коллективный научный доклад / отв. ред. Р. Д. Вардомский. М. : Институт экономики РАН, 2023. 74 с. ISBN: 978-5-9940-0735-8
3. *Волгина Н. А., Лю П.* Китай в глобальных цепочках стоимости. М. : Кнорус, 2023. 174 с. EDN: OUFPNX
4. *Волков Л. В.* Ключевые глобальные тренды, влияющие на трансформацию современной экономики // Финансовые рынки и банки. 2022. № 4. С. 228–237. EDN: HGSJQQ
5. *Голова Д. В.* Влияние экономических и политических процессов на функционирование транспортных потоков на примере генезиса международных транспортных коридоров // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 12. С. 6577–6588. EDN: TPTSHA. DOI: 10.18334/epp.13.12.120161
6. *Гулый И. М.* Перспективы развития перевозок грузов по маршрутам мультимодального международного транспортного коридора «Север — Юг» // Экономика Центральной Азии. 2022. Т. 6. № 4. С. 341–354. EDN: LFERVW. DOI: 10.18334/asia.6.4.117073
7. *Идрисов Ш. А., Гиенко Г. В.* Региональные перспективы развития маркетинговой логистики // Актуальные проблемы экономики и права : сб. трудов. Киров : Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2019. С. 29–43 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39174024> (дата обращения: 18.05.2024). EDN: XCBWEP
8. *Ильин И. В., Лю В., Юдина Т. Н., Чжан Ч.* Особенности развития цифровой экономики России и Китая: российско-китайское сотрудничество в контексте глобальной цифровой экономики // Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика. 2023. № 4. С. 5–22. EDN: ROVGOT. DOI: 10.56429/2414-4894-2023-46-4-05-22
9. *Куклина Е. А.* Два трека арктического сотрудничества БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 25–36. EDN: ZIOQSA. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-03-25-37

10. *Курyleв К., Малышев Д., Хотирвишвили А., Шабловский В.* ШОС и ЕАЭС в контексте Евразийской интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 2. С. 81–88. EDN: VSHNAU. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-8
11. *Меренков О. А.* Перспективы использования системы ЭРА-ГЛОНАСС в создании единого транспортного пространства ЕАЭС // *Транспортное дело России*. 2023. № 1. С. 62–64. EDN: BBAGMP. DOI: 10.52375/20728689_2023_1_62
12. *Шарова И. В., Голова Д. В.* Международные транспортные коридоры и их влияние на экономическое развитие государств // *Экономика, предпринимательство и право*. 2023. Т. 13. № 4. С. 1153–1164. EDN: WJEDPY. DOI: 10.18334/epp.13.4.117486
13. *Шац М. М.* Грандиозный проект железнодорожной магистрали «Северный широтный ход» // *Недропользование XXI век*. 2023. № 5–6. С. 30–37. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_56459679_96525247.pdf (дата обращения: 20.05.2024). EDN: BBKAOO
14. *Belov (Yurtaev) V. I., Binish.* India, Russia and Iran: A New Study on “North — South” International Transport Corridor // *Информация и инновации*. 2021. Т. 16. № 4. С. 18–25. EDN: NURQEY. DOI: 10.31432/1994-2443-2021-16-4-18-25
15. *Dynkin A. A., Baranovsky V. G., Kobrinskaya I. Y., Machavariani G. I.* Russia and the World: 2023 IMEMO Forecast // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2023. № 1. С. 13–26. EDN: ZYJTHH. DOI: 10.20542/afij-2023-1-13-26

Об авторах:

Агаева Айгуль Шамильевна, директор экспедиционно-логистической компании «Тамерлан» (Воронеж, Российская Федерация), бизнес-тренер, учитель и консультант в транспортно-логистических бизнес-проектах;
e-mail: ayka-2008@mail.ru

Идрисов Шамиль Агаевич, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук;
e-mail: idrisov-ma@ranepa.ru

References

1. Avetisyan S. S., Aleshin D. A., Arnett S. G. [et al.] Assessment of EAEU Integration Processes in the Field of Trade: 2023 : International Report to the XXIV Yasinsk (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development, Moscow, 2023. Moscow : National Research University “Higher School of Economics”, 2023. 306 p. ISBN 978-5-7598-2782-5. (In Russ.) EDN: YHPBDE
2. Vardomsky L. B., Dadabaeva Z. A., Pylin A. G. [et al.] The Caspian Region in the Processes of Eurasian Regionalization : Collective Scientific Report / ed. by R. D. Vardomsky. Moscow : Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2023. 74 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-9940-0735-8
3. Volgina N. A., Liu P. China in Global Value Chains. Mscow : Knorus, 2023. 174 p. (In Russ.) EDN: OUFPNX
4. Volkov L. V. Key Global Trends Influencing the Transformation of the Modern Economy // *Financial Markets and Banks [Finansovye rynki i banki]*. 2022. No. 4. P. 228–237. (In Russ.) EDN: HGSJOQ
5. Golova D. V. The Influence of Economic and Political Processes on Transport Flows: The Genesis of International Transport Corridors // *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law [Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo]* 2023. V. 13. No. 12. P. 6577–6588. (In Russ.) EDN: TPTSHA. DOI: 10.18334/epp.13.12.120161
6. Guly I. M. Prospects for the Development of Cargo Transportation along the International North-South Transport Corridor // *Journal of Central Asia Economy [Ekonomika Tsentral'noi Azii]*. 2022. V. 6. No. 4. P. 341–354. (In Russ.) EDN: LFERVW. DOI: 10.18334/asia.6.4.117073

7. Idrisov Sh. A., Gienko G. V. Regional Prospects for the Development of Marketing Logistics // Actual Problems of Economics and Law : collection of works. Kirov : Interregional Center for Innovative Technologies in Education, 2019. P. 29–43. [Electronic resource]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39174024> (accessed: 18.05.2024). (In Russ.) EDN: XCBWEP
8. Ilyin I. V., Liu W., Yudina T. N., Zhang Ch. Features of Digital Economy Development in Russia and China: Russian-Chinese Cooperation in the Context of the Global Digital Economy // Bulletin of Moscow University. Ser. 27: Global Studies and Geopolitics [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27: Globalistika i geopolitika]. 2023. No. 4. P. 5–22. (In Russ.) EDN: ROVGOT. DOI: 10.56429/2414-4894-2023-46-4-05-22
9. Kuklina E. A. Two Tracks of BRICS Arctic Cooperation // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskayaintegratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2023. V. 17. No. 3. P. 25–36. (In Russ.) EDN: ZIOQSA. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-03-25-37
10. Kurylev K. P., Malyshev D. V., Khotivirshvili A. A., Shablovskii V. S. SCO and EAEU in the Context of Eurasian Integration // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2021. V. 65. No. 2. P. 81–88. (In Russ.) EDN: VSHHAU. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-8
11. Merenkov A. O. Prospects for the Use of the ERA-GLONASS System in the Creation of a Single Transport Space of the EAEU // Transport Business of Russia [Transportnoe delo Rossii]. 2023. No. 1. P. 62–64. (In Russ.) EDN: BBAGMP. DOI: 10.52375/20728689_2023_1_62
12. Sharova I. V., Golova D. V. International Transport Corridors and Their Impact on National Economic Development // Journal of Economics, Entrepreneurship and Law [Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo]. 2023. V. 13. No. 4. P. 1153–1164. (In Russ.) EDN: WJEDPY. DOI: 10.18334/epp.13.4.117486
13. Shatz M. M. The Grandiose Project of the Railway Line “Northern Latitudinal Way” [Electronic resource] // Subsoil Use of the XXI Century [Nedropol'zovanie XXI vek]. 2023. No. 5–6. P. 30–37. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_56459679_96525247.pdf (accessed: 20.05.2024). (In Russ.) EDN: BBKAOO
14. Belov (Yurtaev) V. I., Binish. India, Russia and Iran: A New Study on “North — South” International Transport Corridor // Information and Innovations [Informatsiya i innovatsii]. 2021. V. 16. No. 4. P. 18–25. EDN: NURQEY. DOI: 10.31432/1994-2443-2021-16-4-18-25.
15. Dynkin A. A., Baranovsky V. G., Kobrinskaya I. Y., Machavariani G. I. Russia and the World: 2023 IMEMO Forecast // Analysis and Forecasting. IMEMO Journal [Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN]. 2023. No. 1. P. 13–26. EDN: ZYJTHH. DOI: 10.20542/afij-2023-1-13-26

About the authors:

Aigul Sh. Agaeva, Director of the Tamerlane forwarding and logistics Company (Voronezh, Russian Federation), business coach, teacher and consultant in transport and logistics business projects;
e-mail: ayka-2008@mail.ru

Shamil A. Idrisov, Associate Professor of the Department of Economics, North-West Institute of Management of the RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Philosophy;
e-mail: idorisov-ma@ranepa.ru

Состояние экспорта высокотехнологичной продукции в России

Гамбарян Р. Г.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: gambaryan.roza@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель. Определить общее состояние высокотехнологичного экспорта России по следующим направлениям: соотношение с другими сферами экономики и с динамикой ВВП, позиции на мировой арене, взаимоотношения со странами-партнерами.

Задачи. Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: рассмотреть динамику структуры экспорта России, исследовать позиции России в мире по высокотехнологичному экспорту, рассчитать временной лаг отставания России от стран-лидеров по высокотехнологичному экспорту, осуществить анализ роли России на рынке высоких технологий основных стран-партнеров, исследовать структуру высокотехнологичного экспорта России в разрезе товарных групп.

Методология. Для определения высокотехнологичного экспорта и импорта применяется методология Всемирного банка, согласно которой к высокотехнологичной сфере относятся 9 отраслей промышленности (аэрокосмическая, компьютеры и оргтехника, электроника и телекоммуникации, фармацевтика, научные приборы, электрические машины, химикаты, неэлектрические машины и вооружение), включающие 79 товарных номенклатур. При этом, исходя из доступности информации, значения по экспорту и импорту вооружения не учитываются.

Результаты. Осуществлен анализ изменений высокотехнологичного экспорта, в котором обозначены периоды отрицательных изменений, совпадающие с периодами, характеризующимися неблагоприятными обстоятельствами в стране и мире (пандемия, геополитическая и геоэкономическая напряженность). При сравнении графиков высокотехнологичного экспорта и ВВП получены неоднозначные результаты, принимая во внимание учет высокотехнологичного экспорта при расчете ВВП. Рассчитаны временные лаги отставания, согласно которым в большинстве случаев значения стран-лидеров по высокотехнологичному экспорту достижимы, однако сами временные лаги колоссальны. Рассмотрен товарный спектр высокотехнологичного экспорта и импорта России, согласно которому страна экспортирует весь товарный спектр высокотехнологичной отрасли.

Выводы. Главенствующая роль в экспорте России все еще отводится топливной и горнодобывающей продукции с наблюдаемыми изменениями в части увеличения доли промышленной продукции, включающей высокотехнологичную продукцию, на рынке которой Россия, хоть и является активным участником, но находится в невыгодном положении во взаимодействиях с основными странами-партнерами.

Ключевые слова: высокие технологии, экспорт, импорт, временной лаг, страны-партнеры, рейтинг

Для цитирования: Гамбарян Р. Г. Состояние экспорта высокотехнологичной продукции в России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 37–46.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-37-46>. EDN: JSLOXA

The State of Exports of High-Tech Products in Russia

Roza G. Gambaryan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

e-mail: gambaryan.roza@mail.ru

ABSTRACT

Aim. To determine the general state of Russia's high-tech exports in the following areas: the relationship with other sectors of the economy and with the dynamics of GDP, positions on the world stage, relations with partner countries.

Tasks. To achieve the aim of the study, the following tasks were set: to consider the dynamics of Russia's export structure, to explore Russia's position in the world in high-tech exports, to calculate the time lag of Russia's lag behind the leading countries in high-tech exports, to analyze Russia's role in the high-tech market of the main partner countries, to explore the structure of Russia's high-tech exports in the context of commodity groups.

Methods. To determine high-tech exports and imports, the methodology of the World Bank is used, according to which 9 industries (aerospace, computer and office equipment, electronics and telecommunications, pharmaceuticals, scientific instruments, electric machines, chemicals, non-electric machines and weapons), including 79 commodity nomenclatures. At the same time, based on the availability of information, the values for the export of weapons are not taken into account.

Results. The analysis of changes in high-tech exports has been carried out, which identifies periods of negative changes that coincide with periods characterized by adverse circumstances in the country and the world (pandemic, geopolitical and geo-economic tensions). When comparing graphs of high-tech exports and GDP, ambiguous results were obtained, taking into account the consideration of high-tech exports in calculating GDP. The time lags of the backlog have been calculated, according to which, in most cases, the values of the leading countries in high-tech exports are achievable, but the time lags themselves are enormous. The commodity spectrum of high-tech exports and imports of the Russia is considered, according to which Russia exports the entire commodity spectrum of the high-tech industry.

Conclusions. The dominant role in Russia's exports is still assigned to fuel and mining products with observed changes in terms of increasing the share of industrial products, including high-tech products, in which Russia, although an active participant, is nevertheless at a disadvantage in interactions with the main partner countries.

Keywords: high technologies, exports, imports, time lag, partner countries, rating

For citing: Gambaryan R. G. The State of Exports of High-Tech Products in Russia //Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 37–46. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-37-46>. EDN: JSLOXA

Введение

Высокотехнологичное производство, основанное на передовых производственных технологиях, меняет ландшафт мирового рынка:

- конкурентные преимущества стран на мировом рынке начинают базироваться на научных знаниях и технологиях;
- общепринятые классификации стран в мировой экономике дополняются новой классификацией по признаку инновационности, предполагающей группировку стран на страны-новаторы и страны-имитаторы, создавая тем самым новые цепочки взаимосвязей.

В экспертной и академической среде распространено мнение, что, во-первых, передовое производство сконцентрировано всего в нескольких странах мира, вход новых стран на рынки передовых продуктов закрыт или существенно ограничен; во-вторых, развивающиеся и переходные экономики могут навсегда отстать от промышленно развитых стран. Опыт предыдущих промышленных революций показывает, что страны, которые раньше других отреагируют на технологические вызовы, смогут вписать свою страницу в кейсы «экономического чуда» [7].

Однако на основании имеющихся исследований крайне сложно судить о перспективах России в глобальном высокотехнологичном производстве. Более того, оценка перспектив развития России в сфере высоких технологий усложняется также существующей геополитической и геоэкономической ситуацией.

Литературный обзор

Особый интерес вызывает высокотехнологичный экспорт России, учитывая ее относительно недавнее (после распада СССР) вхождение в полноценные международные экономические отношения.

Большой интерес исследователей к международным экономическим отношениям в сфере высоких технологий обусловлен динамичностью указанной сферы. В некоторых исследованиях рассматриваются детерминанты стимулирования развития высокотехнологичного экспорта, к которым одни исследователи относят наличие международного сертификата и бренда, готовность к работе в условиях Индустрии 4.0, миссию, соответствующую современным ценностям, готовность к применению передовых технологий продвижения [1], а другие — бизнес-инкубаторы, единое информационное пространство, тесную связь университетов с высокотехнологичной промышленностью, 5G [3].

Акцентируется также внимание на влияние высокотехнологичного экспорта на рост национальной экономики. По мнению О. Н. Бучинской, взаимосвязь экономического роста и высокотехнологичного экспорта существует, но связь экономического роста у наиболее развитых стран зависит не столько от экспорта высоких технологий, сколько от отчислений за интеллектуальную собственность [2].

Интерес отечественных исследователей также вызывают состояние и роль высокотехнологичного экспорта в России. Так, Е. Е. Гредасова пришла к выводу о необходимости высокотехнологичного прорыва для восстановления экономики России, возможного при усилении действующей стратегии по развитию экспорта, расширении видов товаров высокотехнологичной и инновационной продукции, усилении мотивации высококвалифицированных специалистов по разработке НИОКР и поддержке предприятий-производителей в продвижении уникальных товаров на международных рынках [6]. В свою очередь, Н. О. Якушев предложил ряд мероприятий в целях стимулирования высокотехнологичного экспорта в регионах России, в большинстве своем относящихся к методическим разработкам [8].

Немаловажный интерес вызывают тенденции развития высокотехнологичного экспорта. В работе авторов Т. В. Ворониной, А. Б. Яценко, М. П. Калиниченко было установлено нарастание объемов высокотехнологичного экспорта в мировой торговле и доминирование стран Азиатско-Тихоокеанского региона [5]. Также авторами Т. В. Ворониной, А. Б. Яценко рассмотрено состояние экспорта высокотехнологичной продукции в странах Евразийского экономического союза и обоснована важность увеличения производства высокотехнологичной продукции для национальных экономик [4].

А. Федюниной и Ю. Аверьяновой была исследована взаимосвязь между импортом полуфабрикатов и средств производства и экспортом высокотехнологичной продукции в российских производственных компаниях, в результате чего было выявлено, что экспорт высокотехнологичной продукции определяется импортом высокотехнологичных полуфабрикатов для экспортонемких российских производственных компаний [10]. К выводу о том, что экспорт высокотехнологичных товаров тесно связан с импортом высокотехнологичного сырья из других стран, также пришли М. Экананда и Д. Дж. Парлинггоман [9].

Результаты исследования

С каждым годом роль технологического потенциала страны приобретает новые значения, вокруг которого строится стратегическое поведение в международных экономических отношениях. Результирующим фактором технологического развития становится возможность его капитализации, выражающейся в виде объекта международных экономических отношений. Одним из видов взаимодействия между странами в сфере технологий является высокотехнологичный импорт и экспорт, последний из которых во многих странах оказывает влияние на развитие национальной экономики. В соответствии с данными Всемирного банка, на высокотехнологичный экспорт приходится 20% мирового экспорта и 3% мирового ВВП.

Как показано на рис. 1, в структуре экспорта России в разрезе групп товаров основную долю занимает группа «Топливо и горнодобывающая продукция». На втором месте находятся товары обрабатывающего производства, которые включают продукцию высокотехнологичного сектора. Третье место занимает сельскохозяйственная продукция.

При этом за одиннадцать лет ранжирование секторов в экспорте России в целом не изменилось. Однако изменилось соотношение экспортных продуктов в общем объеме экспорта России (рис. 1). Так, по сравнению с показателями 2010 г. в 2021 г. доля экспорта сектора производства в общем объеме экспорта России увеличилась более чем в 1,5 раза; сельскохозяйственного сектора — более чем в 2,2 раза. В абсолютном же значении сектор производства по сравнению с сельскохозяйственным сектором показал наилучший результат, расширившись тем самым на 8%. При этом наблюдается уменьшение доли топлива и горнодобывающей продукции в общем объеме экспорта России более чем в 0,7 раза. Подобная тенденция может свидетельствовать о попытке России расширить свое участие в международных экономических отношениях в промышленной сфере.

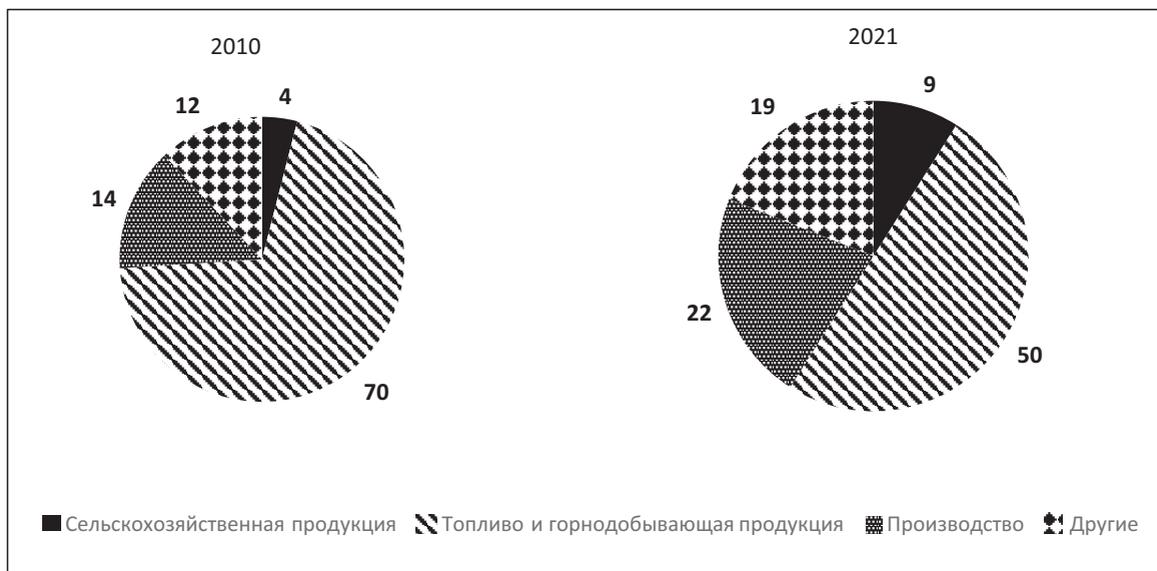

Рис. 1. Структура экспорта России, %¹
 Fig. 1. Structure of Russian exports, %

Однако это не означает трансформацию экспорта России, т. к. высокая доля экспорта ресурсов в экспорте России будет сохраняться, учитывая огромные запасы России и приносимый доход данного сегмента. Здесь более приемлемым будет суждение о возможности достижения сбалансированности между экспортом ресурсов и экспортом промышленной продукции.

Более негативное значение показывает доля высокотехнологичного экспорта России в общем объеме экспорта промышленных продуктов, по которой Россия занимает 54-е место в мире на 2021 г. со значением 9,7%². По сравнению с 2010 г. рейтинг России по указанному показателю опустился на два пункта (52-е место в мире на 2010 г.), при этом сам показатель увеличился на 0,3%. Более чем за десять лет доля высокотехнологичного экспорта практически не изменилась, по сравнению с изменением доли промышленного сектора в общем объеме экспорта за тот же период. Соответственно, суждение о сбалансированности экспорта в отношении высокотехнологичного экспорта достаточно спорно, учитывая непропорциональные изменения в структуре экспорта России.

Согласно мировому рейтингу, Россия входит в топ-30 стран по объему высокотехнологичного экспорта и занимает лишь 0,3% мирового высокотехнологичного экспорта, что можно охарактеризовать как достаточно низкий показатель для страны, обладающей обширными ресурсами и инвестиционным потенциалом.

¹ Рассчитан автором на основании данных Всемирной торговой организации.

² High-technology exports (% of manufactured exports) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирного Банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.MF.ZS> (дата обращения: 26.04.2024).

Разрыв между странами-лидерами (Китай, Германия, Республика Корея, Япония, Вьетнам, Малайзия, Нидерланды, США) и Россией по объемам высокотехнологичного экспорта значительный, что выражается в соотношении высокотехнологичного экспорта России в экспорте высоких технологий приведенных стран-лидеров, достигающий до 10,43%. Такой разрыв приводит к образованию временного лага отставания по высокотехнологичному экспорту между Россией и странами-лидерами.

Для расчета временного лага отставания по высокотехнологичному экспорту между Россией и странами-лидерами применим уравнение:

$$t = \log_i \frac{S}{P}, \text{ где}$$

S — объем высокотехнологичного экспорта страны-лидера за последний год;

P — объем высокотехнологичного экспорта России за последний год;

j — средний темп роста высокотехнологичного экспорта страны-лидера;

i — средний темп роста высокотехнологичного экспорта России;

t — временной лаг отставания по высокотехнологичному экспорту.

В данном случае экспонента t , принимая положительное значение, показывает, сколько лет необходимо, чтобы по имеющимся на текущий момент данным объем высокотехнологичного экспорта по рассматриваемым странам сравнялся в зависимости от темпа роста каждой страны. Если t принимает отрицательное значение, это свидетельствует о невозможности достижения равенства между исследуемыми показателями стран, соответственно, временной лаг отставания равняется бесконечности (∞).

Как видно из табл. 1, по текущим значениям только показатели Китая недостижимы для России.

Таблица 1

Временной лаг отставания России по высокотехнологичному экспорту от стран-лидеров

Tab. 1. Temporary lag behind Russia in high-tech exports from leading countries

Страна-лидер	S^1	j^2	P^3	i^4	t
Китай	942 314 815 525	1,074951051	10 553 177 551	1,065858334	∞
Германия	211 891 202 239	1,016074851			62
Р. Корея	204 979 876 610	1,047860676			174
Япония	116 513 861 428	0,993132386			34
США	169 217 253 983	0,975201123			31

Наиболее достижимое значение продемонстрировали показатели США, с которыми показатели России могут сравняться через 31 год. Недалеко по сравнению с США расположились значения Японии. При этом в огромном отрыве находится Республика Корея, но достижима по сравнению с Китаем. Соответственно, несмотря на большие значения временных лагов, уровень высокотехнологичного экспорта стран-лидеров в большинстве своем достижим, что уже можно считать положительной тенденцией развития высокотехнологичного экспорта. Более того, увеличив темпы роста, можно сократить рассматриваемый временной лаг.

С 2010 г. отмечаются периоды, при которых прослеживается рост высокотехнологичного экспорта. Как видно на рис. 2, до 2015 г. наблюдался рост высокотехнологичного экспорта. Далее, вплоть до

¹ High-technology exports (current US\$) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирного Банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD> (дата обращения: 26.04.2024).

² Рассчитан автором по данным Всемирного банка.

³ High-technology exports (current US\$).

⁴ Рассчитан автором по данным Всемирного банка.

2018 г., время ввода санкций и возникновения геополитической напряженности, график принял незначительный отрицательный наклон, и через год, в 2019 г., ситуация изменилась в положительную сторону. Но в 2020 г. произошел резкий спад, что объясняется сложившейся неблагоприятной ситуацией в мире, связанной с пандемией. В 2021 г. возобновляется тенденция роста и объем высокотехнологического роста достигает предпандемийного уровня.

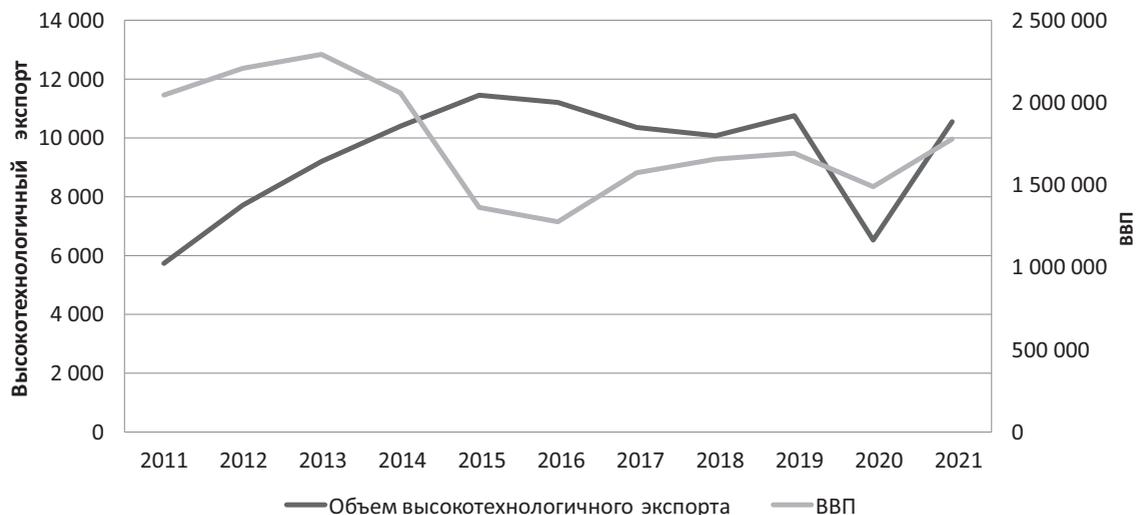

Рис. 2. Объем высокотехнологического экспорта и ВВП России, млн долл. США¹
 Fig. 2. Volume of high-tech exports and Russia's GDP, million dollars USA

Подобные колебания высокотехнологического экспорта России свидетельствуют об уязвимости данного сектора перед внешними факторами, но в то же время могут характеризовать его как гибкий сегмент к внешним стресс-факторам, учитывая его восстановление в краткосрочном периоде после каждого резкого спада. Однако в целом высокотехнологичный экспорт России после 2015 г. имеет тенденцию спада, которая с большой вероятностью будет характерна высокотехнологичному экспорту России в долгосрочной перспективе.

Анализируя приведенные графики ВВП и высокотехнологического экспорта, отмечается, что не во всех отчетных периодах они имеют сонаправленный характер. Так, в период с 2011–2013 гг. происходил как рост ВВП, так и рост высокотехнологического экспорта. В период 2013–2016 гг. наблюдается тенденция спада ВВП, при этом сохраняются рост и стабилизация высокотехнологического экспорта. В период 2016–2018 гг. ситуация меняется в противоположную сторону — происходит спад высокотехнологического экспорта и рост ВВП. И в 2019–2021 гг. изменения ВВП и высокотехнологического экспорта приобретают схожий тренд. Тем не менее, согласно приведенным данным, невозможно сказать, что высокотехнологичный экспорт и ВВП находятся в обратной зависимости друг от друга, учитывая, что ВВП включает в себя объем чистого экспорта, при расчете которого также учитывается высокотехнологичный экспорт. Подобную ситуацию можно объяснить незначительной степенью влияния изменений высокотехнологичного экспорта на ВВП.

По данным за 2021 г., более 50% высокотехнологического экспорта России приходится на семь стран. Как видно из табл. 2, основными странами-партнерами являются развивающиеся страны, среди которых значительную долю занимает Китай. В то же время в основном доля России на рынке стран-партнеров достаточно низкая, что показывает маловажную роль высокотехнологического экспорта России для указанных стран. Исключение составляет Белоруссия, на рынке которой Россия занимает почти треть всего импорта. Также сравнительно более высокие значения показали Казахстан и Алжир. При этом по ука-

¹ World Bank Open Data [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирного Банка. URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 26.04.2024).

занным трем странам доля в экспорте России меньше, чем доля России в их импорте. Соответственно, в данном случае высокотехнологичный экспорт России для указанных стран более значим, нежели рынок приведенных стран для России.

Таблица 2

Структура высокотехнологичного экспорта России в разрезе стран-партнеров

Tab. 2. Structure of Russia's high-tech exports by partner countries

Страна	Объем экспорта, млн долл. ¹	Доля от объема высокотехнологичного экспорта России, % ²	Доля России в импорте партнера, % ³
Китай	2 156	20,4	0,28
Индия	832	7,9	1,23
Казахстан	753	7,1	13,34
Белоруссия	750	7,1	33,92
Алжир	491	4,6	13,24
Германия	419	4,0	0,22
США	360	3,4	0,07

Немного иная ситуация складывается в отношении высокотехнологичного импорта (табл. 3). Здесь большая часть партнеров России относятся к развитым странам. Более того, почти 50% российского высокотехнологичного импорта приходится на Китай, в то время как в экспорте Китая доля России составляет лишь 2,11%. Несмотря на то что по доле России в экспорте партнера по Китаю показан не самый худший результат, сравнивая с долей Китая в объеме высокотехнологичного импорта России, подтверждается обратное. Более близко расположились указанные показатели по данным Польши, показывая тем самым более сбалансированное состояние высокотехнологичного импорта России.

Таким образом, позиции России во взаимоотношениях с основными странами-партнерами в сфере высоких технологий в целом находятся не совсем в выгодном положении, что может привести к масштабной зависимости от стран-партнеров в условиях отсутствия альтернативных рынков. В связи с этим внешнеэкономическую деятельность России в сфере высоких технологий необходимо привести к более сбалансированному состоянию посредством увеличения высокотехнологичного экспорта и диверсификации высокотехнологичного импорта с планированием достижения частичного импортозамещения в долгосрочной перспективе.

Таблица 3

Структура высокотехнологичного импорта России в разрезе стран-партнеров в 2021 г.⁴

Table 3. Structure of Russia's high-tech imports by partner countries in 2021

Страна-партнер	Объем импорта, млн долл.	Доля от объема высокотехнологичного импорта России, %	Доля России в экспорте партнера, %
Китай	19 924	49,9	2,11
США	2 427	6,1	1,43
Вьетнам	2	5,5	1,83
Германия	2 210	4,7	0,88
Франция	930	2,3	0,95
Р. Корея	888	2,2	0,43
Польша	781	2,0	3,28

¹ Free access to detailed global trade data [Электронный ресурс] // UN Comtrade Database. URL: <https://comtradeplus.un.org/> (дата обращения: 26.04.2024).

² Рассчитан автором по данным: Free access to detailed global trade data [Электронный ресурс] // UN Comtrade Database. URL: <https://comtradeplus.un.org/> (дата обращения: 26.04.2024).

³ Рассчитан автором по данным: Free access to detailed global trade data.

⁴ Рассчитано автором по данным: Free access to detailed global trade data.

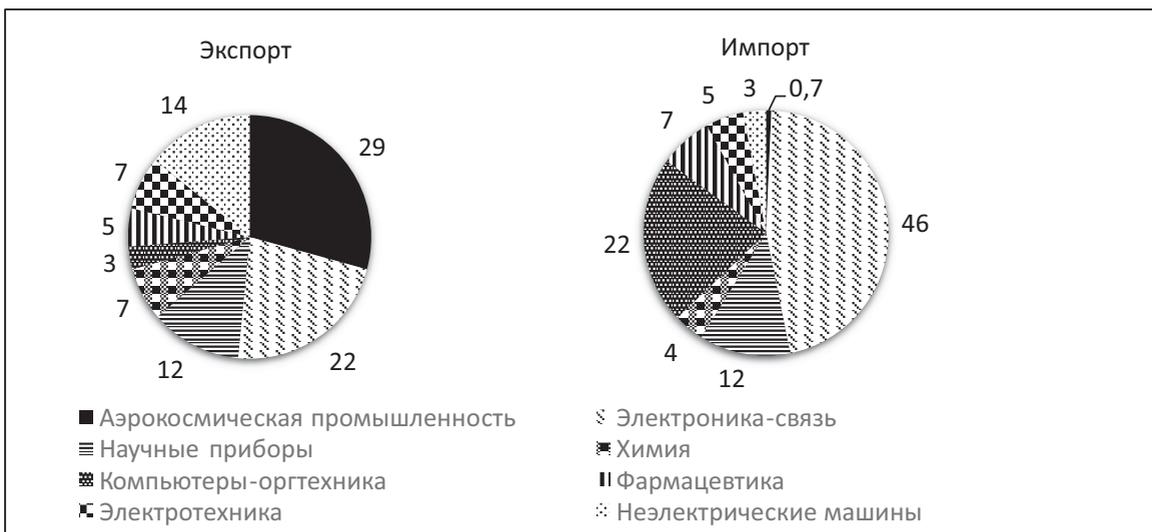

Рис. 3. Структура высокотехнологичного экспорта и импорта России в 2021 г. в разрезе товарных групп, %¹
 Fig. 3. The structure of high-tech exports and imports of Russia in 2021 by commodity groups, %

При этом не во всех сегментах высокотехнологичного экспорта складывается негативная ситуация. Исходя из структуры экспорта и импорта высокотехнологичной продукции России в разрезе групп товаров, Россия участвует в международных экономических отношениях по всем товарным сегментам высокотехнологичной отрасли (рис. 3) как в части импорта, так и в части экспорта. Однако доля каждого вида высокотехнологичной продукции в экспорте и импорте различается. Так, если основную долю высокотехнологичного экспорта составляют товарные группы в сфере аэрокосмической промышленности, то в высокотехнологичном импорте указанная товарная группа составляет менее 1%. В свою очередь, существенную долю высокотехнологичного импорта составляет продукция отраслей электроники и связи. В части высокотехнологичного экспорта данная товарная группа занимает 2-е место после аэрокосмической промышленности. Однако показатели соотношения между экспортом и импортом существенно отличаются. В то же время по доле в высокотехнологичном импорте 2-е место занимают компьютеры-оргтехника, которые в части высокотехнологичного экспорта имеют наименьшую долю. Следовательно, можно заключить, что Россия в высокотехнологичном экспорте специализируется на экспорте аэрокосмической продукции.

Заключение

На сегодняшний день основной специализацией российской экономики на мировом рынке остается экспорт топлива и продукции горнодобывающей промышленности, что позиционирует экономику России как сырьевую. При этом, как показывает статистика, набирает обороты техноинтенсивное производство. Однако происходящие изменения протекают предельно медленно, что затрудняет достижение уровня стран-лидеров в сфере высокотехнологичного экспорта, находящихся в отрыве на многие годы вперед.

Кроме того, во взаимоотношениях с основными странами-партнерами в сфере высоких технологий четко выражена роль рынка стран-партнеров для России, что нельзя сказать о рынке России для стран-партнеров. Подобная ситуация ставит Россию в невыгодное положение на мировом рынке высоких технологий.

В то же время Россия на мировом рынке высокотехнологичной продукции предлагает весь спектр товарных групп и является значимым игроком в сфере аэрокосмической промышленности, в которой предложение представлено достаточно ограниченными участниками.

¹ Рассчитан автором по данным: Free access to detailed global trade data.

Следовательно, можно сказать, что экономика России обладает большим потенциалом для становления экономики, гармонично сочетающей специализацию как в сфере добывающей промышленности, так и в сфере высокотехнологичного производства.

Литература

1. Андреева Е. Л., Ратнер А. В. Детерминанты неоиндустриального экспорта при сотрудничестве с высокотехнологичной страной-партнером // Российский внешнеэкономический вестник. № 11. 2020. С. 118–132. EDN: QWXJJE. DOI: 10.24411/2072-8042-2020-10117
2. Бучинская О. Н. Экспорт высокотехнологичной продукции как фактор экономического роста: эмпирический анализ // Российские регионы в фокусе перемен : сб. докладов XII Международной конференции. Екатеринбург, 16–18 ноября 2017 г. Т. 2. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2018. С. 99–108. EDN: YZGINV
3. Ван Ю. Факторы и инструменты развития высокотехнологичной промышленности // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 2. 2023. С. 16–26. EDN: UUNLBO. DOI: 10.17513/vaael.2686
4. Воронина Т. В., Яценко А. Б. Состояние высокотехнологичного экспорта стран ЕАЭС // Уч. зап. Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 21–27. EDN: JVQLSN
5. Воронина Т. В., Яценко А. Б., Калиниченко М. П. Современные тенденции и факторы роста высокотехнологичного экспорта // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2021. Т. 7. № 4. С. 13–20. EDN: XNKSTW
6. Гредасова Е. Е. Развитие экспорта высокотехнологичной и инновационной продукции // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2020. № 11 (3). С. 18–26. EDN: JAKDTN. DOI: 10.18287/2542-0461-2020-11-3-18-26
7. Россия на рынках передового производства : докл. к XXII Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Ю. В. Симачев (рук. авт. кол.), А. А. Федюнина, М. А. Юревич [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 112 с. [Электронный ресурс] URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/459696406.pdf> (дата обращения: 26.04.2024).
8. Якушев Н. О. Оценка высокотехнологичного экспорта в субъектах РФ и предложения по его развитию // Проблемы развития территории. № 2. 2022. С. 23–39. EDN: PMYKDQ. DOI: 10.15838/ptd.2022.2.118.3
9. Ekananda M., Parlinggoman D. J. The Role of High-Tech Exports and of Foreign Direct Investments (FDI) on Economic Growth // European Research Studies Journal. 2017. Vol. 20. No. 4A. P. 194–212 [Электронный ресурс]. URL: <https://ersj.eu/dmdocuments/2017-xx-4-a-13.pdf> (дата обращения: 26.04.2024).
10. Fedyunina A., Averyanova Y. Import and Export of High-tech Products in Russian Manufacturing Companies // Russian Journal of Economics. 2019. Vol. 5. No. 2. P. 199–210. EDN: CJZGKZ. DOI: 10.32609/j.ruje.5.38706

Об авторе:

Гамбарян Роза Геворговна, аспирант экономического факультета Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);
e-mail: gambaryan.roza@mail.ru

References

1. Andreeva E. L., Ratner A. V. Determinants of Neo-Industrial Exports in High-Technological Partnership // Russian Foreign Economic Journal [Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik]. 2020. No. 11. P. 118–132. (In Russ.) EDN: QWXJJE. DOI: 10.24411/2072-8042-2020-10117
2. Buchinskaia O. N. High-Tech Exports as a Factor of Economic Growth: An Empirical Analysis // Russian Regions in the Focus of Change : collection of reports of the XII International Conference. Yekaterinburg, November 16–18, 2017. Vol. 2. Yekaterinburg, 2018. P. 99–108. (In Russ.) EDN: YZGINV

3. Wang Yu. Factors and Tools for the Development of High-Tech Industry // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law [Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava]. 2023. No. 2. P. 16–26. (In Russ.) EDN: UUHLBO. DOI: 10.17513/vaael.2686
4. Voronina T. V., Yatsenko A. B. State of High-Tech Exports of EAEU Countries // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Economics and Management [Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie]. 2019. Vol. 5 (71). No. 4. P. 21–27. (In Russ.) EDN: JVQLSN
5. Voronina T. V., Yatsenko A. B., Kalinichenko M. P. Modern Trends and Growth Factors of High-Tech Exports // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Economics and Management [Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie]. 2021. Vol. 7. No. 4. P. 13–20. (In Russ.) EDN: XNKSTW
6. Gredasova E. E. Development of Export of High-Tech and Innovative Products // Vestnik of Samara University. Economics and Management [Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie]. 2020. No. 11 (3). P. 18–26. (In Russ.) EDN: JAKDTN. DOI: 10.18287/2542-0461-2020-11-3-18-26
7. Russia in Advanced Production Markets : report to the XXII April International Scientific Conf. on Economic and Social Development. Moscow, April 13–30, 2021 / Yu. V. Simachev (head of the team of authors), A. A. Fedyunina, M. A. Yurevich [et al.]; National Research University Higher School of Economics. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. 112 p. [Electronic resource]. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/459696406.pdf> (accessed: 26.04.2024). (In Russ.)
8. Yakushev N. O. High-Tech Export Assessment in Russia's Entities and Proposals for Its Development // Problems of Territory's Development [Problemy razvitiya territorii]. (In Russ.) EDN: PMYKDQ. DOI: 10.15838/ptd.2022.2.118.3
9. Ekananda M., Parlinggoman D. J. The Role of High-Tech Exports and of Foreign Direct Investments (FDI) on Economic Growth // European Research Studies Journal. 2017. Vol. 20. No. 4A. P. 194–212 [Electronic resource]. URL: <https://ersj.eu/dmdocuments/2017-xx-4-a-13.pdf> (accessed: 26.04.2024).
10. Fedyunina A., Averyanova Y. Import and Export of High-tech Products in Russian Manufacturing Companies // Russian Journal of Economics. 2019. Vol. 5. No. 2. P. 199–210. EDN: CJZGKZ. DOI: 10.32609/j.ruje.5.38706

About the author:

Roza G. Gambaryan, is a 3-year postgraduate student at the Faculty of Economics of the Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);
e-mail: gambaryan.roza@mail.ru

Факторы динамики экспорта ИКТ-услуг: пример Казахстана¹

Додонов В. Ю.

Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алма-Ата, Республика Казахстан

e-mail: dodonovv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0741-417X

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются тенденции экспорта Казахстаном услуг сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), который в настоящее время является одним из приоритетов экономического развития страны, и факторы его динамики.

Цель и задачи. Выявление влияния на экспорт ИКТ-услуг государственных расходов, иностранных инвестиций и других значимых факторов; оценка степени этого влияния.

Методология. Оценка влияния на динамику экспорта ИКТ-услуг на основе сравнительного и корреляционного анализа, комплексный анализ показателей развития отрасли в контексте ее экспортной ориентации, оценка влияния на экспорт ИКТ-услуг фактора миграции компаний и специалистов из России в 2022–2023 гг. и обусловленного им роста количества предприятий ИКТ-сектора с участием иностранного капитала.

Результаты. Выявлено, что влияние на экспорт ИКТ-услуг Казахстаном традиционных факторов, в том числе расходов государственного бюджета, валового притока иностранных инвестиций и их накопленного объема в отраслях, производящих данные услуги, в течение последнего десятилетия невелико либо отсутствует. Максимальное же влияние на экспорт ИКТ-услуг оказало увеличение присутствия в отрасли компаний с участием иностранного, прежде всего российского, капитала, произошедшее в 2022–2023 гг.

Выводы. Развитие внешнеторговой деятельности в секторах экономики с низкими стартовыми показателями экспортной ориентации может быть подвержено более сильному влиянию нетрадиционных спорадических факторов, таких как миграция бизнеса и специалистов в случае с ИКТ-сектором Казахстана, тогда как традиционные факторы их развития, включая государственные стимулы и иностранные инвестиции, могут быть недостаточно результативными.

Ключевые слова: экспорт услуг, ИКТ-сектор, государственные расходы, иностранные инвестиции, релокация

Для цитирования: Додонов В. Ю. Факторы динамики экспорта ИКТ-услуг: пример Казахстана // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 47–62. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-47-62>. EDN: KDYKHE

Factors of Dynamics of ICT Services Exports: The Case of Kazakhstan

Vyacheslav Yu. Dodonov

Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

e-mail: dodonovv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0741-417X

¹ Работа выполнена за счет гранта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № BR21882302 «Казахстанский социум в условиях цифровой трансформации: перспективы и риски»).

ABSTRACT

The paper examines the trends in Kazakhstan's export of information and communication technology services, which is currently one of the priorities of the country's economic development.

Aim and Tasks. Determining the impact of government spending, foreign investment and other significant factors on exports of ICT services; assessing the extent of this impact.

Methods. Evaluation of the impact on the dynamics of ICT services export on the basis of comparative and correlation analysis, comprehensive analysis of the industry development indicators in the context of its export orientation, assessment of the impact on ICT services export of the factor of migration of companies and specialists from Russia in 2022–2023 and the resulting growth in the number of ICT sector enterprises with foreign capital.

Results. It has been revealed that the influence of traditional factors on the export of ICT services by Kazakhstan, including state budget expenditures, gross inflow of foreign investments, and FDI stock in industries producing these services, has been insignificant or absent over the past decade. The maximum impact on the export of ICT services was caused by an increase in the presence of companies in the industry with the participation of foreign, primarily Russian capital, which occurred in 2022–23.

Conclusions. The development of foreign trade activities in sectors of the economy with low initial indicators of export orientation may be more strongly influenced by non-traditional sporadic factors, such as migration of businesses and specialists in the case of the ICT sector in Kazakhstan, whereas traditional factors of their development, including government fostering and foreign investment may not be effective enough.

Keywords: export of services, ICT sector, government spending, foreign investment, relocation

For citing: Dodonov V. Yu. Factors of Dynamics of ICT Services Exports: The Case of Kazakhstan // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 47–62. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-47-62>. EDN: KDYKHE

Введение

Экспорт услуг в течение последних десятилетий постоянно повышает свое значение как фактор активизации международной торговли, что отражается в поступательном увеличении его удельного веса во внешнеторговом обороте. При этом, как отмечают ряд исследователей, экспорт услуг имеет ряд преимуществ и характеризуется большей устойчивостью к различным шокам, в том числе вызванным геополитической нестабильностью [9] и санкционными действиями [12]. На опережающий рост торговли услугами значительное влияние оказывает быстрое развитие цифрового формата их экспорта. Объем услуг, предоставляемых в цифровой форме, в мире вырос с 2013 по 2022 г. в 2,1 раза, до 3,9 трлн долл., в том числе услуг сектора информационных и коммуникационных технологий (ИКТ-услуг) — в три раза. Удельный вес услуг, предоставляемых в цифровой форме, превысил половину общего объема их мирового экспорта, достигнув в 2022 г. 55,3%, тогда как десять лет назад этот показатель составлял 37%¹.

Одним из наиболее значимых драйверов роста цифрового экспорта услуг стали ИКТ-услуги [20], которые в силу своей технологической специфики могут практически полностью предоставляться в цифровой форме и тем самым вносить существенный вклад в конкурентоспособность экспорта и его динамику [18], а также в экономическое развитие в целом [19]. Ведущая роль ИКТ-сектора как экспортера услуг характерна для многих стран, активно развивающих соответствующие технологии, например Китая, быстро улучшающего свои позиции в мире в качестве не только производителя, но и экспортера ИКТ-услуг [5]. Цифровой экспорт услуг, включая ИКТ-услуги (доля которых в цифровом экспорте в 2022 г.

¹ Расчеты автора по данным ЮНКТАД: International trade in digitally-deliverable services, value, shares and growth, annual [Электронный ресурс] // UNCTADStat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.DigitallyDeliverableServices> (дата обращения: 15.11.2023).

достигла 25%¹), выделяется как фактор роста внешнеторгового оборота многими развивающимися экономикой [22, с. 25], а также их объединениями, включая БРИКС [7]. Опыт государств, активно наращивающих экспорт ИКТ-услуг, отражен в результатах ряда исследований последних лет, которые позволяют выделить ключевые факторы ускорения данного процесса.

Многие исследователи ожидаемо связывают прогресс в экспорте ИКТ-услуг с традиционными факторами, такими как стимулирование инвестиций в ИКТ-сектор [10], в том числе иностранных [3], а также стимулированием собственно экспорта производимых сектором услуг [2]. Другими часто упоминаемыми факторами наращивания экспорта ИКТ-услуг являются наличие квалифицированного человеческого капитала [11; 16], который некоторые авторы ставят выше наличия физического капитала и технической инфраструктуры [4], финансовые условия, включая низкие процентные ставки [14], качество управленческих процессов [6], уровень развития научно-технологической сферы и цифровой инфраструктуры [16], либерализация торговли [17] и др.

В то же время ряд исследователей находят и специфические факторы, влияющие на экспорт ИКТ-услуг, в том числе такие, как «углеродное неравенство» [24], концентрация торговли информационными технологиями с ведущими странами-партнерами [23], санкции в отношении китайских [15] и российских компаний [13] и их влияние на третьи страны [21]. Некоторые исследователи выявляют воздействие на экспорт ИКТ-услуг достаточно необычных факторов, например часового пояса страны, влияющего на аутсорсинг [8].

Несмотря на многообразие указанных факторов, на наш взгляд, наибольший интерес представляет оценка влияния на динамику экспорта ИКТ-услуг государственной поддержки отрасли, а также иностранных инвестиций. Кроме того, значительный эффект могут оказывать также и несистемные спорадические факторы (своего рода «черные» или «белые лебеди» отраслевого масштаба). В рамках настоящей статьи будет исследовано влияние на экспорт из Казахстана ИКТ-услуг таких факторов, как государственные расходы, приток иностранных инвестиций, а также специфический фактор релокации российских профильных компаний и специалистов после 2022 г.

Данные и методология

В соответствии с международной практикой в состав ИКТ-услуг включаются связь (телекоммуникации, а также почтовые и курьерские услуги), компьютерные и информационные услуги (передача информации, связанной с новостями, а также компьютерных данных)². Российская классификация ИКТ-услуг отличается большей детализацией и включает также сопутствующие виды, такие как услуги по аренде и техническому обслуживанию линий связи (для телекоммуникационных), консультации, связанные с программным обеспечением и функционированием вычислительной техники (для компьютерных), услуги по использованию коммерческих сайтов (для информационных) и др.³

В Казахстане статистика ИКТ-услуг отличается неустойчивостью их состава — виды деятельности, услуг и продукции, относимые статистикой к ИКТ-сектору, часто меняются, а отдельные показатели, характеризующие его деятельность, не всегда стыкуются между собой. Бюро национальной статистики в специализированном издании «Развитие связи и ИКТ-технологий в Республике Казахстан» выделяет следующие основные виды ИКТ-услуг (рис. 1).

В данном случае к ИКТ-услугам отнесены в числе прочих услуги по ремонту оборудования, что не соответствует рассмотренным выше зарубежным практикам. В других статистических формах Бюро национальной статистики отдельно учитывает ИТ-услуги, т. е. только информационную часть ИКТ-услуг, но в этих формах отличаются их состав и классификация, а также имеются значительные (иногда многократные)

¹ International trade in digitally-deliverable services, value, shares and growth, annual [Электронный ресурс] // UNCTADStat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.DigitallyDeliverableServices> (дата обращения: 20.02.2024).

² Metadata Glossary [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/metadataglossary/world-development-indicators/series/BX.GSR.CCIS.ZS> (дата обращения: 22.01.2024).

³ Стратегия развития экспорта услуг до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 августа 2019 г. № 1797-п // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/123351/> (дата обращения: 17.01.2024).

расхождения даже в агрегированных показателях объемов их производства. Так, за 2022 г. объем информационных услуг в одной из форм фигурирует на уровне 264 млрд тенге¹, а в другой, но с формулировкой «IT-услуги», — уже 946 млрд тенге². Учитывая неоднозначность данных по ИКТ-услугам, предоставляемых профильным статистическим ведомством, в настоящей статье будут использованы данные Национального банка Казахстана, который ведет статистику их экспорта, не раскрывая подробно состав данных услуг и ограничиваясь сообщением о том, что в них входят телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги³. Также можно отметить, что именно данные Национального банка Казахстана включаются в международные статистические базы данных, в частности, в статистику ЮНКТАД по торговле услугами, что делает этот источник более релевантным, в частности, при международных сопоставлениях.

Рис. 1. Структура ИКТ-услуг Казахстана в 2021 г., млрд тенге⁴
 Fig. 1. The structure of ICT services in Kazakhstan in 2021, billion tenge

Таким образом, для анализа тенденций экспорта ИКТ-услуг Казахстаном автором использовались данные Национального банка, а при анализе деятельности отрасли — данные Бюро национальной статистики. Выявление влияния рассматриваемых факторов на динамику экспорта ИКТ-услуг производилось на основе методов сравнительного и корреляционного анализа. Для расчета корреляционных взаимосвязей использовались динамические ряды данных длительностью не менее десяти лет (за исключением показателя количества предприятий с участием иностранного капитала). Рассмотрим основные факторы, оказывающие влияние на экспорт ИКТ-услуг Казахстаном.

¹ Объем информационных услуг. 2022 год [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-service/dynamic-tables/> (дата обращения: 06.02.2024).

² Об объемах оказанных IT-услуг в Республике Казахстан. 2022 год [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-service/spreadsheets/> (дата обращения: 06.02.2024).

³ Методика формирования счетов внешнеэкономической деятельности (статистики внешнего сектора) Национальным банком Республики Казахстан. Утверждена приказом Председателя Национального банка Республики Казахстан от 29 декабря 2012 года № 408 [Электронный ресурс]. Алматы, 2012. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/metodologiya-vn-sektor> (дата обращения: 05.02.2024).

⁴ Развитие связи и информационно-коммуникационных технологий в Республике Казахстан 2017–2021 : статистический сборник. Астана, Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kz/ru/publication/collections/?year=&name=17191&period=> (дата обращения: 28.12.2023).

Государственные программы отраслевого развития и бюджетное финансирование цифровизации

Государственные меры по развитию информационных технологий, цифровизации и созданию соответствующей инфраструктуры, прежде всего в рамках реализации функционала «электронного правительства», начали осуществляться в Казахстане с конца 90-х — начала 2000-х годов. В этот период были заложены законодательно-нормативные основы процессов цифровизации и создано учреждение, выполняющее функции оператора информационно-коммуникационной инфраструктуры «электронного правительства», портал которого начал работу в 2006 г. Более системный характер государственные меры по развитию ИКТ-сектора и в целом процессов цифровизации приняли в 2010-е годы, когда были последовательно приняты три комплексные профильные программы.

В 2010 г. была принята Государственная программа по развитию информационных и коммуникационных технологий в Республике Казахстан на 2010–2014 гг., в январе 2013 г. ее сменила государственная программа «Информационный Казахстан — 2020», в которой предусматривались в том числе такие цели, как активное развитие «электронного правительства», повышение доступности ИКТ-инфраструктуры в домохозяйствах и ряд других¹. В 2017 г. на смену этой программе пришла другая — «Цифровой Казахстан», направленная на создание в перспективе цифровой экономики будущего². Последние две программы оказали наибольшее влияние на развитие сектора ИКТ в Казахстане, потому что с их принятием с 2014 г. было значительно увеличено финансирование из государственного бюджета различных мер, связанных с цифровизацией, — от обучения населения до развития ИКТ-инфраструктуры. Это финансирование так или иначе формировало дополнительный спрос со стороны государства на продукты и услуги отрасли, который в некоторых случаях выступал в роли мультипликатора для его предприятий, хотя объем бюджетного финансирования не был велик по сравнению с объемом производства ИКТ-услуг (рис. 2).

Расходы на связанные с цифровизацией статьи бюджета в период действия указанных выше двух государственных программ составляли от 3,5 до 6,1% от объема ИКТ-услуг, со средним уровнем этого показателя в 5,0% в период 2014–2022 гг., однако они, очевидно, оказали определенное влияние на деловую активность сектора (подтверждением чего может быть высокий коэффициент корреляции, равный 0,88, между данными показателями) и тем самым в некоторой степени содействовали повышению экспортного потенциала отрасли. Влияние государственных расходов в период действия двух программ развития сектора подтверждается и динамикой основных показателей его деятельности (табл. 1), некоторые из которых продемонстрировали интенсивный и опережающий рост в период с 2012 г., предшествовавший принятию государственной программы «Информационный Казахстан — 2020».

Экспорт ИКТ-услуг, однако, выделяется значительно более умеренной динамикой по сравнению с другими показателями сектора. Абсолютные размеры экспорта ИКТ-услуг оставались незначительными, как и его удельный вес в общем объеме казахстанского экспорта (порядка 0,2%). Крайне невелика была также и доля экспортируемых сектором ИКТ-услуг, которая в данный период составляла в среднем 3,7% от объема их производства. Также можно отметить, что взаимосвязь между экспортом ИКТ-услуг и бюджетными затратами по «цифровым» статьям в период 2013–2022 гг. характеризовалась низкой корреляцией с коэффициентом 0,38, что не позволяет сделать вывод о значимости фактора государственных расходов. В целом даже в период действия специализированных и комплексных программ развития процессов цифровизации экспортная ориентация сектора ИКТ оставалась низкой, хотя в данном случае необходимо отметить, что ее повышение не фигурировало в числе целей этих программ, которые были ориентированы преимущественно на решение внутренних задач.

¹ Государственная программа «Информационный Казахстан — 2020» [Электронный ресурс] // Информационная система Закон.кз. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31324378&pos=1;-16#pos=1;-16 (дата обращения: 12.01.2024).

² Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан». Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года № 827 [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/documents/details/adilet/P1700000827?lang=ru> (дата обращения: 25.01.2024).

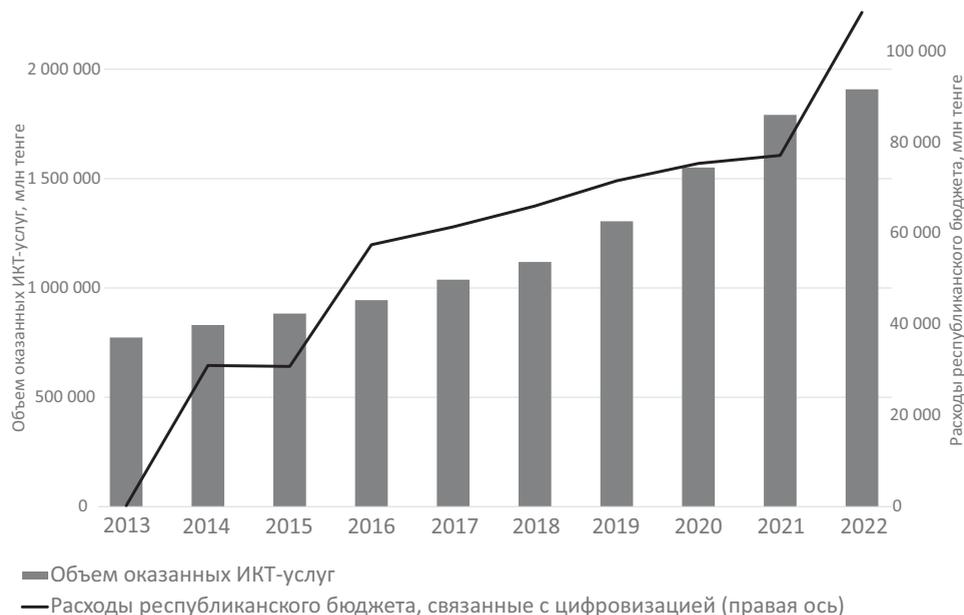

Рис. 2. Сравнительная динамика расходов республиканского бюджета Казахстана на мероприятия, связанные с цифровизацией, и объема услуг, оказанных ИКТ-сектором, млн тенге¹

Fig. 2. Comparative dynamics of expenditures of the republican budget of Kazakhstan on digitalization-related activities and the volume of services provided by the ICT sector, million tenge

Таблица 1

Изменение основных показателей деятельности ИКТ-сектора в 2012–2021 гг.²

Table 1. Changes in the main indicators of the ICT sector results in 2012–2021

Показатель	2012	2021	Изменение, %
Количество организаций в секторе ИКТ	5828	12856	120,6
Доля объема производства товаров и услуг сектора ИКТ в ВВП, %	3,5	4,3	22,9
Объем промышленной продукции, связанной с ИКТ, млн тенге	22851	23955	4,8
Объем оказанных услуг ИКТ, млн тенге	701067	1791498	155,5
Экспорт товаров сектором ИКТ, млн долл. США	171,8	501,1	191,7
Экспорт ИКТ-услуг, млн долл. США	141	176	24,8

Ситуация изменилась в сентябре 2023 г., когда в очередном Послании народу Казахстана президент страны К. Токаев поставил задачу «довести экспорт IT-услуг до 1 млрд долларов к 2026 году»³, отметив уже произошедший заметный рост этого экспорта по итогам 2022 г. Экспорт ИКТ-услуг действительно активизировался в последние годы за счет резкого роста поставок за рубеж компьютерных услуг (рис. 3).

¹ Рассчитано по данным из следующих источников: Статистические бюллетени Министерства финансов Республики Казахстан за 2014–2023 годы [Электронный ресурс] // Министерство финансов Республики Казахстан. Документы. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/9?lang=ru&title=статистический%20бюллетень> (дата обращения: 24.01.2024); Развитие связи и информационно-коммуникационных технологий в Республике Казахстан [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/publication/collections/?year=&name=17191&period=> (дата обращения: 28.12.2023).

² Расчеты автора по данным следующего источника: Развитие связи и информационно-коммуникационных технологий в Республике Казахстан: статистический сборник. 2012–2021 годы. Астана, Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kz/ru/publication/collections/?year=&name=17191&period=> (дата обращения: 28.12.2023).

³ Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Экономический курс Справедливого Казахстана» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakhstan-ekonomicheskij-kurs-spravedlivogo-kazakhstan-18588> (дата обращения: 08.02.2024).

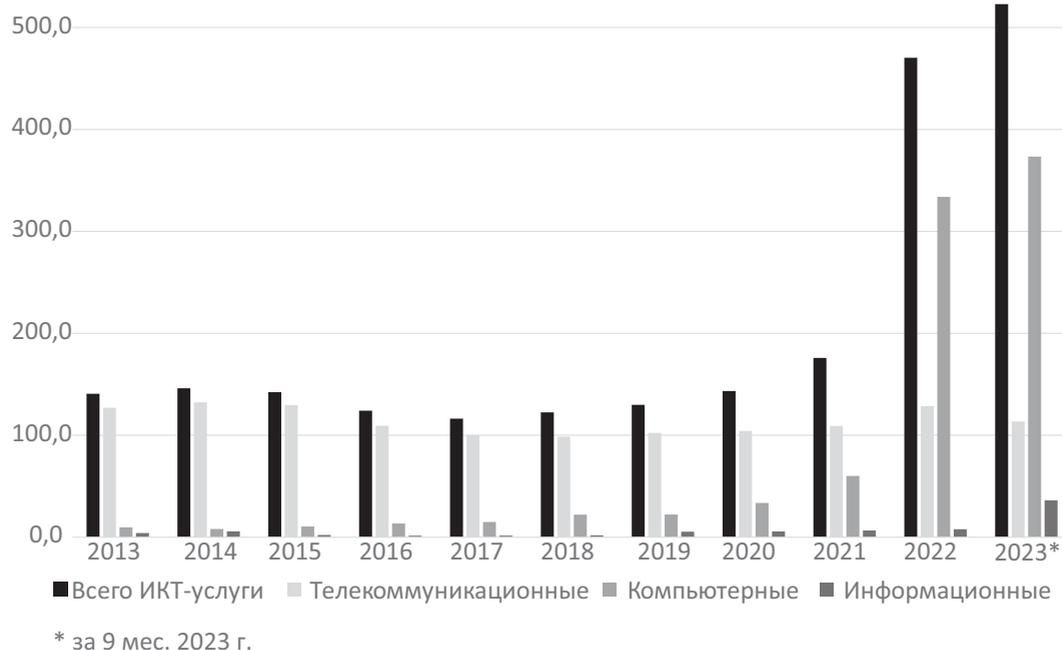

Рис. 3. Динамика казахстанского экспорта ИКТ-услуг и их отдельных видов, млн долл. США¹
 Fig. 3. Dynamics of Kazakhstan's exports of ICT services and their individual types, USD million

После того как экспорт информационных услуг был обозначен в качестве приоритета, данная сфера оказалась в фокусе внимания аналитиков, отраслевых специалистов и профильных ведомств, которые указали на ряд как уже задействованных, так и потенциальных факторов его роста. Среди наиболее значимых факторов называются создание в 2018 г. международного технопарка Astana Hub с последующим запуском акселерационных программ для его резидентов, льготный налоговый режим для компаний сектора², открытие офисов международных IT-компаний в Казахстане³, наконец, активный приток так называемых цифровых кочевников или digital-мигрантов, в том числе из России и Беларуси, включая регистрацию более 100 российских и белорусских IT-компаний в Astana Hub в 2022 г.⁴ Таким образом, отраслевые специалисты в качестве факторов роста экспорта ИКТ-услуг Казахстаном выделяют тот же их базовый набор — государственная поддержка, иностранные инвестиции и миграция профильных специалистов.

Иностранные инвестиции в отрасли казахстанского ИКТ-сектора

Казахстанская статистика притока иностранных инвестиций в ИКТ-сектор выделяет две его отрасли — «Связь» и «IT и другие информационные услуги». При этом основной объем прямых иностранных

¹ Расчеты автора по данным следующих источников: Services (BPM6): Exports and imports by service-category, trade-partner World, annual [Электронный ресурс]//UNCTADStat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeServCatTotal> (дата обращения: 13.02.2024); Внешняя торговля услугами Республики Казахстан по видам услуг в разрезе стран за 9 месяцев 2023 года. Статистика [Электронный ресурс] // Национальный банк Казахстана. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/platezhnyy-balans-vn-sektora> (дата обращения: 13.02.2024).
² Казахстан экспортировал IT-услуги на \$ 370 млн [Электронный ресурс] // Капитал. 20.01.2024. URL: <https://kapital.kz/tehnology/122496/kazakhstan-eksportiroval-it-uslugi-na-370-mln.html> (дата обращения: 20.01.2024).
³ Казахстанский экспорт ИКТ-услуг вырос за 2022 год в 2,7 раза [Электронный ресурс] // DigitalBusiness. 08.04.2023. URL: <https://digitalbusiness.kz/2023-04-08/kazhastanskij-eksport-ikt-uslug-vyros-za-2022-god-v-27-raza> (дата обращения: 17.01.2024).
⁴ О чем говорят показатели рейтингов. Седьмое направление «Экспорт» [Электронный ресурс] // Институт экономических исследований. 28.08.2023. URL: https://economy.kz/ru/Novosti_instituta/id=5856 (дата обращения: 17.01.2024).

инвестиций (ПИИ) поступает в связь, на которую приходилось более 80% их валового притока в период 2009–2022 гг. Другой особенностью этого процесса в Казахстане является крайне неравномерная динамика. Так, годовой объем валового притока ПИИ отличался в десятки раз — от минимального показателя в 41 млн долл. совокупного притока в две указанные отрасли в 2015 г. до максимума в 2005 млн долл., зафиксированного в 2012 г. Средний объем валового притока ПИИ в связь и информационные услуги в период 2009–2022 гг. составил 409 млн долл.¹

Неустойчивость объема годового притока иностранных инвестиций обуславливает необходимость использования более стабильных показателей для выявления гипотетического влияния данного фактора на экспорт ИКТ-услуг. Наиболее подходящим для этой цели показателем можно считать объем накопленных иностранных инвестиций в соответствующие отрасли, который, во-первых, отличается меньшей волатильностью по сравнению с годовыми объемами притока, во-вторых, учитывает не только прямые, но и иные виды инвестиций и, в-третьих, более корректно отражает масштаб присутствия иностранного капитала в соответствующих отраслях на текущий момент. На рис. 4 представлена динамика данного показателя для двух отраслей ИКТ-сектора в период с 2013 по третий квартал 2023 г.

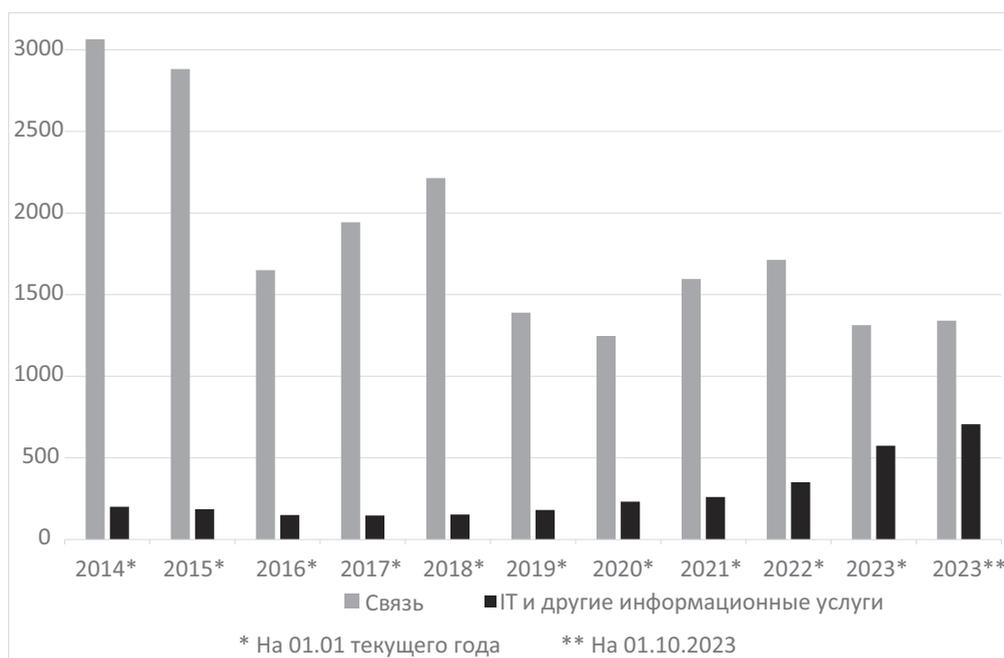

Рис. 4. Динамика объема накопленных иностранных инвестиций всех видов в отраслях ИКТ-сектора Казахстана, млн долл. США²

Fig. 4. Foreign investment stock in the sectors of the ICT sector of Kazakhstan, USD million

Эти данные демонстрируют некоторые тенденции последнего десятилетия в области привлечения иностранных инвестиций в ИКТ-сектор Казахстана. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что объем накопленных иностранных инвестиций в рассматриваемый период заметно сократился — с совокупного объема по двум отраслям в 3265 млн долл. на конец 2013 до 1888 млн долл. на конец 2022 г., т. е. на 42,2% или почти в два раза. Это сокращение было обусловлено снижением объема иностранных инвестиций в связь (на 57,2%), тогда как их объем в информационных технологиях, напротив, заметно увеличился (на 186,4%). Эти разнонаправленные тенденции обусловили резкое изменение соотношения

¹ Валовой приток прямых инвестиций в Казахстан от иностранных прямых инвесторов по видам экономической деятельности резидентов. Статистика. [Электронный ресурс] // Национальный банк Казахстана. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/pryamye-investicii-poparavleniyu-vlozheniyu> (дата обращения: 12.02.2024).

² Расчеты автора по данным следующего источника: Международная инвестиционная позиция (МИП) Казахстана на 1 октября 2023 г. 2014–2023 годы. Статистика [Электронный ресурс] // Национальный банк Казахстана. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/mezhdunarodnaya-investicionnaya-poziciya> (дата обращения: 12.02.2024).

присутствия иностранного капитала в данных отраслях — если по итогам 2013 г. на связь приходилось 93,9% накопленных инвестиций в ИКТ-сектор, то к третьему кварталу 2023 г. этот показатель сократился до 65,5%. Еще одной особенностью привлечения иностранных инвестиций в ИКТ-сектор Казахстана является низкий удельный вес в их накопленном объеме прямых инвестиций (39,5% по итогам трех кварталов 2023 г.) при высоких долях других инвестиций (различные виды долговых обязательств, 54,6%) и портфельных инвестиций (6%). Эти показатели существенно отличаются от структуры накопленных инвестиций в казахстанской экономике в целом, где преобладающим видом с удельным весом в 69% являются прямые инвестиции. Этот факт может свидетельствовать о меньшей инвестиционной привлекательности ИКТ-сектора по сравнению с другими отраслями и о том, что предприятия отрасли в условиях дефицита ПИИ вынуждены прибегать к займам на зарубежных рынках, которые учитываются в разделе «других» инвестиций.

Изменение структуры накопленных иностранных инвестиций в ИКТ-секторе Казахстана отражает и другие структурные сдвиги отраслевого характера, в частности, изменение структуры производства ИКТ-услуг и структуры их экспорта, где наблюдается прогрессирующее увеличение доли информационных и компьютерных услуг с сокращением услуг связи, которые 15–20 лет назад были доминирующим видом деятельности. Эти изменения в отраслевой структуре ИКТ-сектора Казахстана в целом соответствуют мировым тенденциям — как в части производства, так и в части экспорта — с поступательным увеличением доли компьютерных услуг. Структура казахстанского экспорта ИКТ-услуг, хотя и заметно отличается от мировой, но характер ее изменений в течение последних десятилетий в целом соответствует мировым тенденциям (рис. 5).

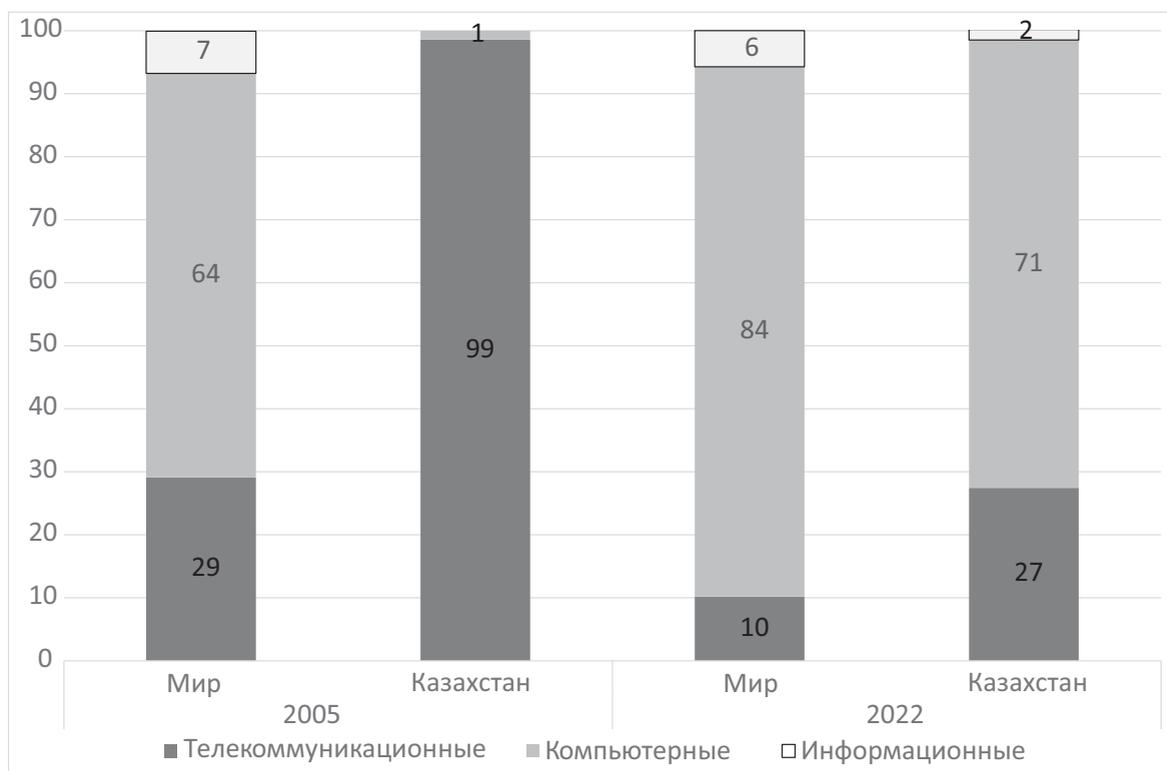

Рис. 5. Изменение структуры казахстанского и мирового экспорта ИКТ-услуг в 2005–2022 гг.¹

Fig. 5. Changes in the structure of Kazakhstan and global exports of ICT services in 2005–2022

¹ Расчеты автора по данным следующего источника: Services (BPM6): Exports and imports by service-category, trade-partner World, annual [Электронный ресурс] // UNCTADStat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeServCatTotal> (дата обращения: 13.02.2024).

Если в 2005 г. практически весь экспорт ИКТ-услуг Казахстана был представлен телекоммуникационными услугами и его структура радикально отличалась от мировой, то по итогам 2022 г. различия в структуре казахстанского и мирового экспорта не столь существенны, а основной статьей казахстанских поставок за рубеж, так же, как и в мире, стали компьютерные услуги. На наш взгляд, на рост экспорта компьютерных услуг оказал определенное влияние в том числе приток иностранных инвестиций. За последнее десятилетие (2013–2022 гг.) объем накопленных иностранных инвестиций в информационные технологии Казахстана увеличился почти в три раза — с 201 до 574 млн долл. США, что сопровождалось интенсивным ростом объема экспорта компьютерных и информационных услуг, который увеличился с 14 до 342 млн долл. Влияние иностранных инвестиций на экспорт информационных и компьютерных услуг подтверждается и высокой корреляцией между динамикой накопленных иностранных инвестиций в сферу IT и других информационных услуг и экспорта. При этом корреляция между накопленными иностранными инвестициями и экспортом телекоммуникационных услуг, напротив, невелика, что может объясняться снижением присутствия иностранного капитала в отрасли на фоне стабильности объемов ее экспорта. Низкая же корреляция между объемами валового притока ПИИ и экспорта (табл. 2), на наш взгляд, обусловлена отмеченной выше неравномерностью объемов годового притока ПИИ.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между показателями притока иностранных инвестиций и объемами экспорта ИКТ-услуг в период 2013–2022 гг.¹

Table 2. Correlation coefficients between foreign investment inflows and ICT services exports in the period 2013–2022

Параметр		Экспорт услуг	
		Связь	IT и другие информационные услуги
Изменение иностранных инвестиций	Валовой приток прямых иностранных инвестиций	0,44	0,39
	Накопленные иностранные инвестиции всех видов	0,45	0,94

Таким образом, наличие взаимосвязи между экспортом ИКТ-услуг и иностранными инвестициями в соответствующих отраслях экономики Казахстана подтверждается при сопоставлении экспорта с показателем накопленных инвестиций. В свою очередь объемы поступающих и накопленных иностранных инвестиций во многом зависят от того, насколько активно создаются и действуют в соответствующих отраслях предприятия с иностранным участием и какие факторы влияют на динамику их численности.

Увеличение присутствия российского бизнеса в ИКТ-секторе Казахстана

Одним из наиболее выраженных проявлений реального притока иностранных инвестиций в ту или иную отрасль экономики является создание предприятий с участием зарубежного капитала и их функционирование. Поскольку зарубежные компании, приходящие в ту или иную страну, в значительной мере ориентированы на экспорт своей продукции или услуг, показатели динамики предприятий с иностранным участием и экспорта соответствующей отрасли должны иметь достаточно значимую взаимосвязь. Ситуация в казахстанском ИКТ-секторе подтверждает этот тезис на доступных для анализа временных рядах. С 2018 г., когда Бюро национальной статистики Казахстана начало публиковать данные о зарегистрированных и действующих предприятиях с иностранным участием в отраслевом разрезе, и по 2023 г. наблюдается явно выраженная взаимосвязь между количеством таких хозяйствующих субъектов в от-

¹ .Расчеты автора по данным следующих источников: Валовой приток прямых инвестиций в Казахстан от иностранных прямых инвесторов по видам экономической деятельности резидентов. Статистика [Электронный ресурс] // Национальный банк Казахстана. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/pryamye-investicii-po-napravleniyu-vlozheniya> (дата обращения: 12.02.2024); Международная инвестиционная позиция (МИП) Казахстана на 1 октября 2023 года. 2014–2023 годы. Статистика [Электронный ресурс] // Национальный банк Казахстана. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/mezhdunarodnaya-investicionnaya-poziciya> (дата обращения: 12.02.2024).

расли «Информация и связь» и объемом экспорта ИКТ-услуг (рис. 6), которая подтверждается и очень высоким коэффициентом корреляции 0,99 для этих двух рядов.

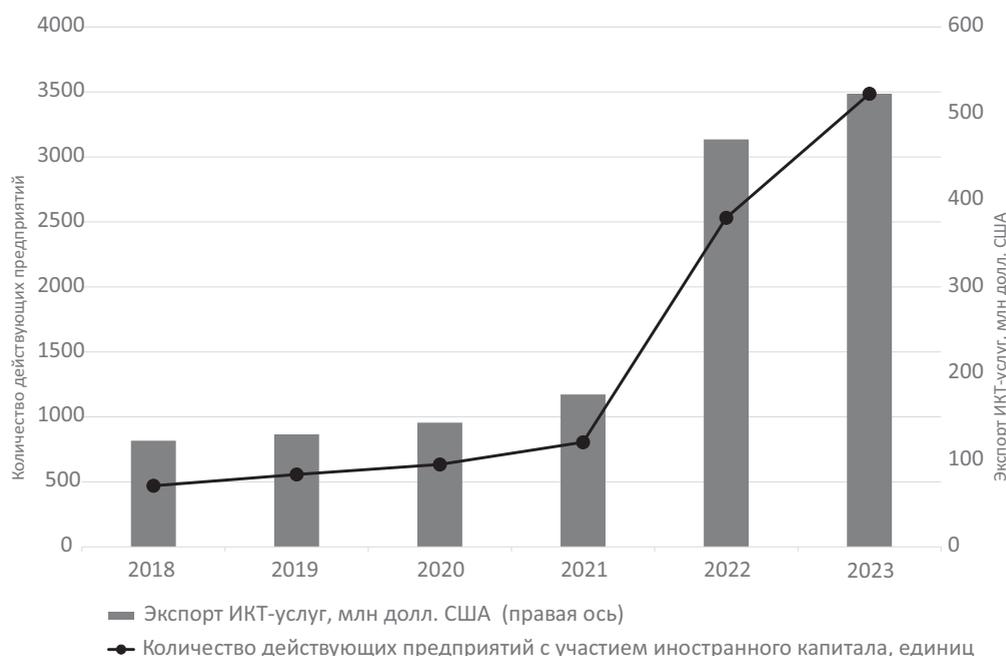

Рис. 6. Сравнительная динамика количества действующих предприятий с иностранным участием и объема казахстанского экспорта ИКТ-услуг¹

Fig. 6. Comparative dynamics of the number of operating enterprises with foreign interest and the volume of Kazakhstan’s exports of ICT services

Как видно из графика количества действующих предприятий с иностранным участием в ИКТ-секторе, резкое их увеличение произошло в 2022–2023 гг. Это стало следствием взрывного роста регистрации таких предприятий с участием российского капитала. За два года количество зарегистрированных предприятий отрасли выросло почти в семь раз, а действующих — в 8,4 раза, что предопределило и общий рост числа предприятий с иностранным участием (табл. 3). При этом практически весь прирост зарегистрированных предприятий ИКТ-сектора Казахстана с иностранным участием за два года (2754 единицы) был обеспечен ростом количества предприятий с российским капиталом (2422 единицы).

В результате опережающей динамики численности предприятий отрасли ее доля в общем количестве зарегистрированных в Казахстане предприятий с иностранным участием резко выросла — с 2,7 по итогам 2021 г.² до 6,8% на 01.01.2024³. Соответственно вырос и вклад таких предприятий в отраслевые хозяйственные показатели, включая объем экспорта.

¹ Данные по экспорту за 2023 год приведены за три первых квартала. Расчеты автора по данным следующих источников: Services (BPM6): Exports and imports by service-category, trade-partner World, annual [Электронный ресурс] // UNCTADStat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeServCatTotal> (дата обращения: 13.02.2024); Внешняя торговля услугами Республики Казахстан по видам услуг в разрезе стран за 9 месяцев 2023 года. Статистика [Электронный ресурс] // Национальный банк Казахстана. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/platezhnyy-balans-vn-sektora> (дата обращения: 13.02.2024); Зарегистрированные и действующие юридические лица, филиалы и представительства с иностранным участием по регионам Республики Казахстан. Статистика предприятий [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/spreadsheets/?year=&name=22897&period=&type=> (дата обращения: 14.02.2024).

² Зарегистрированные юридические лица, филиалы и представительства с иностранным участием по регионам Республики Казахстан по состоянию на 01.01.2022. Статистика предприятий [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/> (дата обращения: 14.02.2024).

³ Зарегистрированные и действующие юридические лица, филиалы и филиалы иностранных юридических лиц с иностранной формой собственности по состоянию на 01.01.2024. Статистика предприятий [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/> (дата обращения: 14.02.2024).

Динамика изменения количества зарегистрированных и действующих предприятий с иностранным участием в отрасли «Информация и связь»

Table 3. Changes in the number of registered and operating enterprises with foreign interest in the Information and Communication industry

Тип хозяйствующих субъектов	На 01.01.2022	На 01.01.2023	На 01.01.2024	Изменение 2023/2021, %
Всего предприятий с иностранным участием				
Зарегистрированные	1027	2765	3781	268
Действующие	805	2532	3486	333
Предприятия с участием российского капитала				
Зарегистрированные	413	1957	2835	586
Действующие	319	1860	2675	739
Удельный вес предприятий с российским участием, %				
Зарегистрированные	40,2	70,8	75,0	
Действующие	39,6	73,5	76,7	

Источник: составлено автором

Причины роста российского присутствия в ИКТ-секторе Казахстана в 2022–2023 гг. понятны и связаны с двумя основными факторами. Первым из них является активная миграция в страну частных лиц — IT-специалистов, уезжавших в связи с опасениями мобилизации, а также по причине возникших вследствие санкционного противостояния сложностей работы из России с западными компаниями. Численность мигрировавших в Казахстан специалистов отрасли на конец 2022 г. можно оценить величиной порядка 10–12 тыс. чел. Эта оценка является результатом сопоставления данных министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России М. Шадаева, который заявлял о примерно 100 тыс. уехавших из страны IT-специалистов¹, и оценок рекрутинговых компаний, в соответствии с которыми около 12% из них пришлось на Казахстан [1].

Вторым, и, на наш взгляд, более значимым фактором стала так называемая релокация из России некоторых компаний сектора или открытие ими казахстанских офисов — данная тенденция распространялась не только на российские компании, но и на зарубежные, оперирующие в России. В числе крупных компаний IT-сферы, открывших офисы в Казахстане и имеющих российское происхождение (включая те, которые к этому времени уже были зарубежными или транснациональными), казахстанское профильное министерство уже в середине 2022 г. называло Playrix, Tinkoff Bank, Nexters, InDriver и ряд других². В данном случае очевидно, что санкционные препятствия, резко осложнившие для ряда фирм отрасли возможности сотрудничества с западными партнерами, вынудили их искать обходные пути, в том числе для экспорта своей продукции через третьи юрисдикции, в первую очередь страны СНГ, включая Казахстан. Этот вывод подтверждается данными по изменению объемов экспорта компьютерных услуг Россией и некоторыми постсоветскими государствами в 2022 г. (табл. 4).

В 2022 г. произошло резкое сокращение объема экспорта компьютерных услуг Россией, который до этого непрерывно и быстро рос в течение шести лет подряд. Одновременно произошло скачкообразное увеличение экспорта этих услуг из ряда постсоветских стран, причем в шести из пяти представленных в табл. 4 стран это увеличение было кратным и резко выбивалось из динамики предыдущих лет. Максимальный прирост динамики произошел в Узбекистане и Казахстане, а максимальное увеличение абсолютного объема — у Армении, Грузии и Казахстана. Характерно, что совокупный прирост объема экспорта компьютерных услуг у указанных шести стран СНГ составил 1086 млн долл. — лишь немногим

¹ Глава Минцифры сообщил, что порядка 100 тыс. айтишников покинули РФ в этом году [Электронный ресурс] // Интерфакс. 20.12.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/877771> (дата обращения: 14.02.2024).

² Свои офисы в Казахстане открыли TinkoffBank, Playrix, LevelTravel [Электронный ресурс] // Капитал. 28.06.2022. URL: <https://kapital.kz/tehnology/106786/svoi-ofisy-v-kazakhstane-otkryli-tinkoff-bank-playrix-level-travel.html> (дата обращения: 16.02.2024).

менее объема сокращения этого показателя у России (1243 млн долл.). Это позволяет сделать вывод о том, что значительная часть российских поставок на Запад была перенаправлена через эти страны, что и привело к взрывному росту экспорта ими компьютерных услуг в 2–6-кратном размере.

Таблица 4

Изменение объемов экспорта компьютерных услуг Россией и некоторыми странами постсоветского пространства в 2022 г., млн долл. США¹

Table 4. Change in the volume of computer services exports by Russia and some post-Soviet countries in 2022, USD million

Страна	2021	2022	Изменение, %	Изменение, млн долл. США
Россия	6354	5111	-19,6	-1243
Армения	349	670	92,0	321
Грузия	139	437	214,4	298
Казахстан	60	334	456,7	274
Молдова	353	469	32,9	116
Узбекистан	9	69	666,7	60
Киргизия	9	26	188,9	17

Именно рост экспорта компьютерных услуг из Казахстана в 5,5 раза в 2022 г. обеспечил основной вклад в наращивание агрегированного показателя для ИКТ-услуг в целом. Увеличение этого компонента ИКТ-экспорта относительно 2021 г. составило 274 млн долл. из 294 млн долл. прироста совокупного объема. Таким образом, практически весь эффект для роста казахстанского экспорта ИКТ-услуг в 2022 г. был обеспечен компьютерными услугами, поставки которых за рубеж, в свою очередь, непосредственно связаны с фактором увеличения присутствия российского капитала в ИКТ-секторе Казахстана и с высокой долей вероятности обусловлены перенастройкой логистики экспортных поставок российских компаний из-за западных санкций.

Заключение

Проведенный анализ влияния на объем казахстанского экспорта ИКТ-услуг факторов, которые считаются наиболее значимыми как для развития отрасли, так и для ее внешней торговли, выявил незначительность корреляционных взаимосвязей между большинством показателей, отражающих влияние этих факторов, и объемами экспорта (табл. 5). Динамика накопленных иностранных инвестиций, объемы их валового притока, а также объемы бюджетного финансирования расходов, связанных с цифровизацией, имеют низкую или даже отрицательную корреляцию с объемами экспорта ИКТ-услуг. Также низкая корреляция у этого показателя наблюдается с объемом оказанных ИКТ-услуг на внутреннем рынке, что свидетельствует о том, что внешние рынки не являются приоритетными для отрасли.

В то же время высокую корреляцию с объемом экспорта ИКТ-услуг демонстрируют показатели динамики количества предприятий отрасли с участием иностранного капитала в целом и, в частности, с российским участием. Увеличение этих показателей было обусловлено релокацией ряда российских компаний ИКТ-сектора или открытием ими подразделений в Казахстане, а также в некоторой мере — миграцией специалистов отрасли под влиянием санкционного противостояния Запада и России. Обход возникших препятствий для сотрудничества с прежними партнерами через юрисдикции третьих стран, включая Казахстан, стал для российских компаний ИКТ-сектора, очевидно, одним из способов продолжения поставок своей продукции на утраченные рынки, что обусловило резкий рост экспорта ИКТ-услуг

¹ Расчеты автора по данным следующих источников: Services (BPM6): Exports and imports by service-category, trade-partner World, annual [Электронный ресурс] // UNCTADStat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeServCatTotal> (дата обращения: 13.02.2024).

из Казахстана без видимой его взаимосвязи с традиционными факторами, такими как государственные расходы или иностранные инвестиции.

Таблица 5

Коэффициенты корреляции для основных факторов, влияние которых на экспорт Казахстаном ИКТ-услуг рассматривалось в статье

Table 5. Correlation coefficients for the main factors whose influence on Kazakhstan's exports of ICT services was discussed in the article

Массив данных, коррелируемых с объемом экспорта ИКТ-услуг из Казахстана	Коэффициент корреляции
Накопленные иностранные инвестиции всех видов в связь и информационные технологии на конец года	-0,12
Годовой объем валового притока ПИИ в связь и информационные технологии	0,23
Объем оказанных в Казахстане ИКТ-услуг	0,24
Расходы республиканского бюджета, связанные с цифровизацией	0,38
Количество действующих предприятий ИКТ-сектора с участием иностранного капитала, единиц	0,99
Количество действующих предприятий ИКТ-сектора с участием российского капитала, единиц	0,99

Источник: составлено автором

Таким образом, показатели последнего десятилетия демонстрируют, что считающиеся основными и традиционными факторы не оказали значимого влияния на экспорт ИКТ-услуг Казахстаном, тогда как прямой и непосредственной причиной его роста стало санкционное противостояние третьих стран. Эта ситуация, с одной стороны, иллюстрирует сложность прогнозирования и программирования процессов внешней торговли в условиях текущей турбулентности глобальных политико-экономических отношений и, с другой стороны, актуализирует необходимость более тщательного и глубокого научного осмысления процессов международного сотрудничества в сфере торговли товарами и услугами.

Литература

1. *Бегин А.* Статистика оттока ИТ-специалистов из России в 2022 году [Электронный ресурс] // Инклиент. 22.02.2024. URL: <https://incli.ru/outflow-it-specialists> (дата обращения: 20.04.2024).
2. *Бирюкова О. В., Матюхина А. И.* Страны BRICS на мировом рынке ИКТ-услуг // Латинская Америка. 2016. № 9. С. 41–54. EDN: WKPRAZ
3. *Гнидченко А. А.* Траектории структурной трансформации: опыт успешных стран-экспортеров // Вопросы экономики. 2021. № 12. С. 48–65. EDN: HXJLMC. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-48-65
4. *Давыденко Е. Л., Конюх Е. А.* Экспорт Республики Беларусь в сфере информационных технологий // Беларусь и мировые экономические процессы: сб. науч. статей. Вып. 12. Минск : Белорусский государственный университет, 2015. С. 206–214. EDN: MJTYXU
5. *Джан Л., Чен С.* Цифровая экономика Китая: возможности и риски // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 2. С. 275–303. EDN: VJHJHT. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-11
6. *Западнюк Е. А.* Институциональные проблемы развития сектора информационных технологий Беларуси: потенциальные направления экспорта IT-услуг // Друкерровский вестник. 2017. № 5 (19). С. 164–172. EDN: ZXKEPR
7. *Игнатов А. А.* Цифровая экономика в БРИКС: перспективы многостороннего сотрудничества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15. № 1. С. 31–62. EDN: MEQIWM. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-02
8. *Кравченко А. А.* Влияние административного часового пояса на экспорт информационных услуг // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2017. № 5 (124). С. 23–30. EDN: ZSRXGZ
9. *Мухомадхьяй А.* Изменения в международной торговле в условиях нестабильного миропорядка // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 4. С. 89–111. EDN: FUDSMD. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-07
10. *Носков С. И., Верасов А. С.* Регрессионные модели оценки влияния экономических показателей на объемы услуг в сфере информационных и коммуникационных технологий // Вестник Астраханского государственного

- технического университета. Сер.: Управление, вычислительная техника и информатика. 2021. № 4. С. 95–103. EDN: TKTTLX. DOI: 10.24143/2072-9502-2021-4-95-103
11. Родыгина Н. Ю., Обуховская Л. А., Киртоакэ О. Э. Высокотехнологичный экспорт РФ: современное состояние и ключевые тенденции // Международная экономика. 2021. № 9. С. 679–691. EDN: WNWKMM. DOI: 10.33920/vne-04-2109-03
 12. Розинская Н. А. Зарубежный опыт развития в условиях эмбарго и перспективы его использования в Крыму // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 138–148. EDN: ZDJSSL. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-8-138-148
 13. Савинов Ю. А., Римкевич С. В. Структура и динамика российского экспорта услуг на рынке информационных технологий // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 6. С. 25–40. EDN: TVJFMS
 14. Трезуб И. В. Покупательная способность потребителей на российском ИТ-рынке услуг // Финансы: теория и практика. 2014. № 2. С. 34–38. EDN: SDHUPV. DOI: 10.26794/2587-5671-2014-0-2-34-38
 15. Chen Yu., Zhang S., Miao J. The Negative Effects of the US-China Trade War on Innovation: Evidence from the Chinese ICT Industry // Technovation. 2023. Vol. 123 (C), 102734. DOI: 10.1016/j.technovation.2023.102734
 16. Di Y., Zhi R., Song H., Zhang L. Development and Influencing Factors of International Trade in Digitally Deliverable Services // Frontiers in Psychology. 2022. No. 3, 908420. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.908420
 17. Kiriya N. Trade in Information and Communications Technology and its Contribution to Trade and Innovation // OECD Trade Policy Papers. 2011. No. 115. <http://dx.doi.org/10.1787/5kg9m8c9q4wj-en>
 18. Li H., Han J., Xu Ya. The Effect of the Digital Economy on Services Exports Competitiveness and Ternary Margins // Telecommunications Policy. 2023. Vol. 47. No. 7. DOI: 10.1016/j.telpol.2023.102596
 19. Liu D., Tian Yu., Son S. Do ICT Service Exports and Energy Imports Determine Natural Resource Sustainability? // Resources Policy. 2023. Vol. 85. P. B. DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.103949
 20. Nath H., Liu L. Information and Communications Technology (ICT) and Services Trade // Information Economics and Policy. 2017. Vol. 41. P. 81–87. DOI: 10.1016/j.infoecopol.2017.06.003
 21. Purwono R., Heriqbaldi U., Esquivias M., Mubin M. The American-China Trade War and Spillover Effects on Value-Added Exports from Indonesia // Sustainability. 2022. No. 14. 3093. P. 22. DOI: 10.3390/su14053093
 22. Trade in Services for Development [Электронный ресурс] // World Trade Organization. 2023. P. 34. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_in_serv_devpt_chp1_e.pdf (дата обращения: 30.04.2024).
 23. Zhang Y., Xu J., Yang W. Analysis of the Evolution Characteristics of International ICT Services Trade Based on Complex Network // Telecommunications Policy. 2023. 102697. DOI: 10.1016/j.telpol.2023.102697
 24. Zhou X., Hang Y., Zhou D., Ang B. [et al.]. Carbon-economic Inequality in Global ICT Trade // iScience. 2022. Vol. 25. No. 12. 105604. DOI: 10.1016/j.isci.2022.105604

Об авторе:

Додонов Вячеслав Юрьевич, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алма-Ата, Республика Казахстан), доктор экономических наук;
e-mail: dodonovv@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0741-417X

References

1. Begin A. Statistics on the Outflow of OT Specialists from Russia in 2022 [Electronic resource] // Inclient.2023. December 23. URL: <https://inclient.ru/outflow-it-specialists> (accessed: 20.04.2024)/ (In Russ.)
2. Biryukova O. V., Matikhina A. I. BRICS Countries in International ICT Services Trade // Latinskaya Amerika.2016. No. 9. P. 41–54. (In Russ.) EDN: WKPRAZ
3. Gnidchenko A. A. Structural Transformation Trajectories: Evidence from Successful Exporting Countries // Voprosy Ekonomiki. 2021. No. 12. P. 48–65 (In Russ.) EDN: HXLJMC. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-48-65
4. Davydenko E. L., Konyukh E. A. Export of the Republic of Belarus in the Field of Information Technology // Belarus and World Economic Processes: Collection of scientific articles. 2015. Vol. 12. Minsk : Belorussian State University. P. 206–214. (In Russ.) EDN: MJTYXU
5. Zhang L., Chen S. China's Digital Economy: Opportunities and Risks // International Organisations Research Journal [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]. 2019. Vol. 12. No. 2. P. 275–303. (In Russ.) EDN: VJHHT. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-11

6. Zapadnyuk E. A. Institutional Problems of the Development of the Information Technology Sector in Belarus: Potential Export Directions of IT Services // *Drukerovskij vestnik*. 2017. Vol. 19. No. 5. P. 164–172. (In Russ.) EDN: ZXKEPR
7. Ignatov A. A. The Digital Economy of BRICS: Prospects for Multilateral Cooperation // *International Organisations Research Journal [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]*. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 31–62. (In Russ.) EDN: MEQIWM. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-02
8. Krauchanka A. A. Influence of Administrative Time Zone on Export of Information Services // *Belarusian State Economic University Bulletin [Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]*. 2017. Vol. 124. No. 5. P. 23–30. (In Russ.) EDN: ZSRXGZ
9. Mukhopadhyay A. Shifting Trade Matrix in Turbulent World Order // *International Organisations Research Journal [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]*. 2019. Vol. 14. No. 4. P. 89–111. (In Russ.) EDN: FUDSMD. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-07
10. Noskov S. I., Vergasov A. S. Regression Models of Assessing Influence of Economic Indicators on Amount of Services in Information and Communication Technologies // *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Management, Computer Science and Informatics [Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika i informatika]*. 2021. No. 4. P. 95–103. (In Russ.) EDN: TKTLX. DOI: 10.24143/2072-9502-2021-4-95-103
11. Rodigina N. Yu., Obuhovskaya L. A., Kirtoake O. E. High-tech Exports of the Russian Federation: Current State and Key Trends // *The World Economics [Mezhdunarodnaya ekonomika]*. 2021. No. 9. P. 679–691. (In Russ.) EDN: WNWKMM. DOI: 10.33920/vne-04-2109-03
12. Rozinskaya N. A. Foreign Experience of Development under Embargo and Implications for the Crimea // *Voprosy Ekonomiki*. 2017. No. 8. P. 138–148. (In Russ.) EDN: ZDJSSL. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-8-138-148
13. Savinov Y. A., Rimkevich S. V. The Structure and Changes in Russia's Exports of Information Technology Services // *Russian Foreign Economic Journal [Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik]*. 2020. No. 6. P. 25–40 (In Russ.) EDN: TVJFMS
14. Tregub I. V. Consumer Purchasing Power in the Russian Market of IT Services // *Finance: Theory and Practice [Finansy: teoriya i praktika]*. 2014. No. 2. P. 34–38. (In Russ.) EDN: SDHUPV. DOI: 10.26794/2587-5671-2014-0-2-34-38
15. Chen Yu., Zhang S., Miao J. The Negative Effects of the US-China Trade War on Innovation: Evidence from the Chinese ICT Industry // *Technovation*. 2023. Vol. 123 (C). 102734. DOI: 10.1016/j.technovation.2023.102734
16. Di Y., Zhi R., Song H., Zhang L. Development and Influencing Factors of International Trade in Digitally Deliverable Services // *Frontiers in Psychology*. 2022. No. 13. 908420. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.908420
17. Kiriyaama N. Trade in Information and Communications Technology and its Contribution to Trade and Innovation // *OECD Trade Policy Papers*. 2011. No. 115. <http://dx.doi.org/10.1787/5kg9m8c9g4wj-en>
18. Li H., Han J., Xu Ya. The Effect of the Digital Economy on Services Exports Competitiveness and Ternary Margins. *Telecommunications Policy*. 2023. Vol. 47. No. 7. DOI: 10.1016/j.telpol.2023.102596
19. Liu D., Tian Yu., Son S. Do ICT Service Exports and Energy Imports Determine Natural Resource Sustainability? // *Resources Policy*. 2023. Vol. 85. Part B. DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.103949
20. Nath H., Liu L. Information and Communications Technology (ICT) and Services Trade // *Information Economics and Policy*. 2017. Vol. 41. P. 81–87. DOI: 10.1016/j.infoecopol.2017.06.003
21. Purwono R., Heriqbaldi U., Esquivias M., Mubin M. The American-China Trade War and Spillover Effects on Value-Added Exports from Indonesia // *Sustainability*. 2022. No. 14. 3093. P. 22. DOI: 10.3390/su14053093
22. Trade in Services for Development [Electronic resource] // *World Trade Organization*. 2023. P. 34. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_in_serv_devpt_chp1_e.pdf (accessed: 30.04.2024).
23. Zhang Y., Xu J., Yang W. Analysis of the Evolution Characteristics of International ICT Services Trade Based on Complex Network // *Telecommunications Policy*. 2023. 102697. DOI: 10.1016/j.telpol.2023.102697
24. Zhou X., Hang Y., Zhou D. [et al.] Carbon-economic Inequality in Global ICT Trade. *iScience*. 2022. Vol. 25. Issue 12. 105604. DOI: 10.1016/j.isci.2022.105604

About the author:

Vyacheslav Yu. Dodonov, Chief Researcher in the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan), Doctor of Science (Economy);
e-mail: dodonov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0741-417X

Международное регулирование пенсий в ЕАЭС: проблемы и перспективы развития

Мосейко В. В.

Калининградский государственный технический университет, Калининград, Российская Федерация

e-mail: vimoseiko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8574-222X

РЕФЕРАТ

Страны ЕАЭС, приняв в 2019 г. Соглашение о пенсионном обеспечении, сделали большой шаг вперед для формирования пенсионных прав мигрантов из стран Союза. Однако существующие сложности, вызванные экономическими, демографическими характеристиками и институциональными различиями, заставляют задуматься о дальнейших движениях по гармонизации, унификации и координации пенсионных систем стран ЕАЭС.

Цель. Рассмотреть механизмы и принципы международного регулирования пенсий в странах ЕАЭС и выявить ограничения и возможности для его дальнейшего совершенствования.

Задачи. Исследовать мировой опыт сотрудничества в пенсионной сфере; провести анализ международного регулирования пенсий на постсоветском пространстве и в странах ЕАЭС; определить сложности формирования пенсионных прав мигрантов из стран ЕАЭС; нащупать возможные направления по дальнейшему развитию пенсионного законодательства стран ЕАЭС.

Методология. Для исследования национальных систем пенсионного обеспечения по старости использовался метод сравнительного анализа; при определении направлений развития пенсионирования по старости мигрантов в мире применялся историко-правовой метод.

Результаты. Рассмотрен мировой опыт международного регулирования пенсий. Обнаружены различия в формировании пенсионных прав в странах ЕАЭС. Проанализированы механизмы гармонизации и координации, а также территориальный и пропорциональный принципы правового регулирования пенсий. Показаны трудности формирования пенсионных прав мигрантов из стран ЕАЭС.

Выводы. Сложившийся подход к регулированию пенсий в ЕАЭС неидеален, но позволяет странам оставаться самостоятельными в своих национальных пенсионных политиках. Преодоление имеющихся сложностей формирования и реализации пенсионных прав возможно через дальнейшие гармонизацию, унификацию и координацию пенсионных систем ЕАЭС, которые осложняются экономическими и демографическими условиями функционирования и отсутствием единой стратегии развития пенсионного обеспечения в ЕАЭС. Принципиальным вопросом для всех стран является определение роли государства в пенсионном процессе.

Ключевые слова: пенсии по старости, пенсионные права, гармонизация, координация, территориальный принцип, пропорциональный принцип

Для цитирования: Мосейко В. В. Международное регулирование пенсий в ЕАЭС: проблемы и перспективы развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 63–74.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-63-74>. EDN: КНРССJ

International Regulation of Pensions in the EAEU: Problems and Development Prospects

Victoria V. Moseiko

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russian Federation

e-mail: vimoseiko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8574-222X

ABSTRACT

The EAEU countries, having adopted the Agreement on Pension Security in 2019, took a big step forward to form the pension rights of migrants from the EAEU countries. However, existing difficulties caused by economic, demographic characteristics and institutional differences make us think about further steps to harmonize, unify and coordinate the pension systems of the EAEU countries.

Aim. Consider the mechanisms and the principles of international regulation of pensions in the EAEU countries and identify limitations and opportunities for its further improvement.

Tasks. Explore global experience of cooperation in the pension sector; conduct an analysis of international regulation of pensions in the post-Soviet space and in the EAEU countries; identify difficulties in forming pension rights for migrants from EAEU countries; to find possible directions for the further development of pension legislation in the EAEU countries.

Methods. The comparative analysis method was used to study national old-age pension systems; when determining the directions for the development of old-age pensions for migrants in the world, the historical and legal method was used.

Results. The world experience of international regulation of pensions is considered. Differences were discovered in the formation of pension rights in the EAEU countries. The mechanisms of harmonization and coordination, as well as the territorial and proportional principles of legal regulation of old-age pensions are analyzed. The difficulties of forming pension rights for migrants from the EAEU countries are shown.

Conclusions. The current approach to regulating pensions in the EAEU is not perfect, but it allows countries to remain independent in their national pension policies. Overcoming the existing difficulties in the formation and implementation of pension rights is possible with further harmonization, unification and coordination of the EAEU pension systems, which are complicated by the economic and demographic operating conditions and the lack of a unified strategy for the development of pensions in the EAEU. A fundamental issue for all countries is to determine the role of the state in the pension process.

Keywords: old-age pensions, pension rights, harmonization, coordination, territorial principle, proportional principle

For citing: Moseiko V. V. International Regulation of Pensions in the EAEU: Problems and Development Prospects // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 63–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-63-74>. EDN: КНРСС

Введение

Регионализация мировой экономики актуализирует вопросы международного регулирования пенсий¹. Их осмыслением чаще занимаются юристы [1; 2; 4; 9; 20; 22], реже — экономисты [3; 5; 14]. Данная работа дает свежий взгляд на старую проблему регулирования пенсий между странами.

Развитие отношений на постсоветском пространстве приводило к развитию международного регулирования пенсий. Однако на каждом витке выработки новых норм выявлялись ограничения при формировании пенсионных прав. Принятие соглашения в ЕАЭС о пенсиях стало значимым шагом.

¹ В данной работе термины «пенсионная система», «пенсионирование», «пенсия» применяются в контексте той части пенсионного обеспечения и страхования, которые реализуются при достижении пенсионного возраста (старости).

Однако сложности сохраняются, а значит, обсуждение дальнейшего развития международного регулирования пенсий продолжается.

Мировой опыт регулирования пенсий по старости (возрасту)

В XX в. многие государства мира провозгласили себя социальными и определили стремление к достижению достойного уровня жизни своих граждан. Пенсионный аспект стал частью экономической политики стран. Этому способствовали усилия Международной организации труда (МОТ): в 1935 г. МОТ выступила инициатором в координировании пенсионных систем и в течение XX в. приняла несколько конвенций в сфере социального и пенсионного обеспечения¹.

С усилением трансграничной мобильности населения пенсионный вопрос вышел за рамки национального и стал объектом международных соглашений. Сегодня международное регулирование пенсий признается показателем успеха экономической интеграции [10] и рассматривается при оценке качества региональных объединений². На практике оно осуществляется через установление минимальных гарантий или мобильность пенсий [20].

Наиболее длительным является опыт международного регулирования пенсий в Европе [24; 26], там первые акты в сфере пенсионного обеспечения появились еще в середине XX в.³ В 1997 г. страны МЕРКОСУР⁴ заключили Соглашение о социальном обеспечении [25],⁵ которое предоставило возможность суммирования рабочего стажа граждан стран МЕРКОСУР и выплаты единых пенсий [21, с. 20]. В 2013 г. государства АСЕАН приняли Декларацию об укреплении социальной защиты и обратились к МОТ с просьбой предоставить экспертную поддержку для выработки стратегий развития пенсионных систем и социальной защиты работников-мигрантов⁶.

Указанные выше объединения пошли по пути координации систем пенсионирования, отказавшись от их полной гармонизации или унификации. Координация предполагает формирование пенсии без изменения параметров национальных систем пенсионного обеспечения. Гармонизация подразумевает уменьшение различий междунациональными пенсионными системами. Большинство экспертов сегодня считают координацию достаточной для решения пенсионного вопроса мигрантов [7; 25], полагая, что гармонизация не обеспечивает устранение потерь от мобильности пенсий [25, р. 13–14, 15–16].

Между тем благодаря гармонизации и унификации возможно снижение пенсионного неравенства за счет установления единых правил пенсионирования. Гармонизация также способствует сокращению транзакционных издержек для участников пенсионного процесса. Обратной стороной гармонизации является отказ от своей уникальной системы начисления пенсий по старости, а также дискриминация отдельных стран через установление параметров пенсионного страхования (возраст, стаж, тариф), не соответствующих социально-экономическим и демографическим условиям.

Также стоит упомянуть о кризисе пенсионного страхования, вызванного старением населения. Поскольку продолжительность жизни в ближайшей перспективе будет только увеличиваться, то национальным пенсионным системам придется и дальше испытывать сложности. Унифицировать то, что не имеет долгосрочных перспектив развития, неправильно.

¹ Конвенция № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» (1952); Конвенция № 118 «О равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения» (1962); Конвенция № 128 «О пособиях по инвалидности, по старости и по случаю потери кормильца» (1967); Конвенция № 157 «Об установлении международной системы сохранения прав в области социального обеспечения» (1982).

² Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b81/Indikator-integratsii-2019.pdf> (дата обращения: 28.01.2023).

³ Информация о пенсионном обеспечении трудящихся-мигрантов в странах Европейского союза [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/4c3/Informatsiya-o-pensionnom-obespechenii-trudyashchikhsya-v-stranakh-ES.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).

⁴ МЕРКОСУР — общий рынок стран Южной Америки.

⁵ Доклад VI Социальное обеспечение в целях социальной справедливости и справедливой глобализации. Международная конференция труда, 100-я сессия. 2011 г. С. 97. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_154242.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

⁶ Доклад о социальной защите в мире. Обеспечение всеобщей социальной защиты для достижения Целей в области устойчивого развития. 2017–2019. М. : МОТ, 2018. С. 162.

В условиях кризиса пенсионных систем и их непрекращающегося реформирования полные унификация и гармонизация невозможны, они могут быть осуществлены на практике лишь частично (табл. 1). Например, для стран КАРИКОМ¹ предлагается обратить внимание на гармонизацию институтов профессиональных пенсий, а также уделить внимание регулированию пенсионного обеспечения для работников фирм, представленных одновременно в нескольких странах [25, р. 28]. Для других региональных блоков возможны иные рекомендации.

Таблица 1

Достоинства и недостатки гармонизации и координации пенсионирования по старости

Table 1. Advantages and disadvantages of harmonization and coordination of old-age pensions

Гармонизация		Координация	
Достоинства	Недостатки	Достоинства	Недостатки
<ul style="list-style-type: none"> – Единые пенсионные правила – Устранение пенсионного неравенства – Снижение транзакционных издержек 	<ul style="list-style-type: none"> – Отказ от дизайна национального пенсионирования – Дискриминация отдельных стран, вынужденных менять правила пенсионирования с ущербом для себя 	<ul style="list-style-type: none"> – Сохранение дизайна национального пенсионирования 	<ul style="list-style-type: none"> – Пенсионное неравенство – Высокие транзакционные издержки

Источник: составлено автором

Ни один из механизмов регулирования пенсий мигрантов не идеален. Каждое достоинство гармонизации и координации под другим ракурсом представляется недостатком. Так, к примеру, формирование общих правил при гармонизированной системе пенсионирования позволяет снижать транзакционные издержки и устранять пенсионное неравенство между мигрантами и гражданами, но при этом предполагает отказ от национального дизайна пенсионирования. Иначе говоря, гармонизация ведет к частичной утрате государственного суверенитета. При координации, напротив, пенсионный процесс происходит по национальным правилам, однако это порождает неравенство между мигрантами и гражданами при формировании и получении пенсионного блага, а также увеличивает транзакционные издержки.

Международные соглашения, направленные на регулирование пенсий, могут основываться на территориальном или пропорциональном принципах. При реализации территориального принципа пенсия назначается страной проживания с учетом стажа, заработанного в других странах соглашения. Такой подход, по мнению С. А. Торопкина, более пригоден для государств-партнеров и государств, привлекающих трудоспособное население, и выгоден для индивидов [20].

Среди критических замечаний обычно указывают на сложности валютного пересчета пенсий [3, с. 60]; на перераспределение финансовой нагрузки на страны, наиболее популярные для жизни²; на различия в основаниях назначения пенсии и на эффективность территориального подхода только при максимально гармонизированных пенсионных системах [4, с. 117]. Отсюда сложилось мнение о моральном износе территориального принципа [1; 3; 18].

При пропорциональном принципе каждое из договаривающихся государств формирует пенсионные обязательства перед индивидом соразмерно величине стажа, приобретенного на его территории. Возможность координировать различающиеся национальные пенсионные системы говорит о неоспоримом потенциале пропорционального принципа для развития долгосрочных партнерских отношений в условиях продолжающихся пенсионных реформ. Одновременно реализация пропорционального принципа способствует росту административных и транзакционных издержек, а также пенсионному неравенству в случае, если национальные системы пенсионирования институционально различаются (табл. 2).

¹ Карибское сообщество (КАРИКОМ) — торгово-экономический союз стран Центральной и северо-восточной Южной Америки.

² Сравнительно-правовой анализ законодательств пенсионных систем стран — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и направления гармонизации законодательств по управлению процессом инвестирования пенсионных средств : научный доклад / под ред. д.э.н. И. Н. Рыковой. М. : Научно-исследовательский финансовый институт, 2016. 72 с.

Таблица 2

Достоинства и недостатки территориального и пропорционального принципов

Table 2. Advantages and disadvantages of the territorial and proportional principles

Территориальный принцип		Пропорциональный принцип	
Достоинства	Недостатки	Достоинства	Недостатки
Удобство для индивидов, меняющих место жительства Привлечение трудовых мигрантов	Сложности валютного пересчета пенсий Перераспределение финансовой нагрузки на популярные страны Низкая эффективность при недостаточной гармонизации систем пенсионирования	Удобство для временных мигрантов Пенсионная нагрузка формируется соразмерно заработанному стажу Учет институциональных различий национальных систем пенсионирования по старости	Рост административных и транзакционных издержек Пенсионное неравенство

Источник: составлено автором

Предоставление пенсий за рубежом усиливает мобильность населения [23; 25, р. 12]. Однако каждый из принципов создает разные стимулы для мигрантов. Территориальный принцип наиболее выгоден для решивших сменить постоянное место жительства [20]. Одновременно отмечается, что возможность перевода пенсионных прав способствует возвращению мигрантов на родину [27]. Поэтому государства при реализации пропорционального принципа будут минимизировать расходы на социальное обеспечение и медицинское обслуживание уже состарившихся работников — бывших мигрантов.

Думается, что среднестатистический мигрант мало думает о будущей пенсии. Первичные основания миграции лежат в плоскости текущих экономических, политических и социальных условий жизни. В силу низкой ставки дисконтирования вряд ли следует рассматривать пенсионное обеспечение как причину, побуждающую к переезду. Индивидам сложно осуществлять пенсионное планирование даже в своей родной стране [13].

Одним из наиболее явных результатов международного регулирования пенсий будут, по всей видимости, повышение финансовой грамотности трудовых мигрантов в части формирования пенсионных прав и рост спроса на легальный труд [6].

В зависимости от преследуемых целей государства могут избирать любой из указанных принципов регулирования пенсий либо их комбинацию, учитывая достоинства и недостатки каждого из них. Территориальный принцип упрощает межстрановую организацию пенсионирования, но при этом способствует перекадыванию бремени финансирования пенсий на популярные для мигрантов страны. Пропорциональный принцип обеспечивает большую справедливость в финансировании пенсий, но одновременно его организация требует больших административных и транзакционных расходов. Наличие достоинств у каждого из принципов делает их практически пригодными в международном регулировании пенсий.

Международное регулирование пенсий в ЕАЭС: возможности дальнейшего совершенствования

С распадом СССР требовалось решить вопрос о пенсионном обеспечении бывших советских граждан. В 1992 г. принимается первое соглашение о пенсиях¹, основанное на территориальном принципе. Главным его достоинством было гарантирование сохранения советского трудового стажа. Его побочным эффектом стало перераспределение финансового бремени в Россию и Казахстан².

Впоследствии были заключены другие соглашения о пенсиях. Ранние договоры основывались на территориальном принципе, среди них соглашения с Украиной (1993), Молдовой (1995), Казахстаном (1996), Грузией (1997), Литвой (1999). Более поздние — с Беларусью (2006), Латвией (2007), Эстонией (2011), Испанией (1994), Болгарией (2007), Чехией (2011), Израилем (2016), Сербией (2017), Венгрией

¹ Соглашение о гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 г.

² Сравнительно-правовой анализ законодательств пенсионных систем стран — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и направления гармонизации законодательств по управлению процессом инвестирования пенсионных средств.

(2019), Таджикистаном (2021) — опирались на пропорциональный принцип. В России действует 21 международное соглашение с 22 странами¹.

Развитие евразийских интеграционных процессов нуждалось в новом многостороннем соглашении о пенсиях [1; 9; 17; 18]. Подписание Договора о создании ЕАЭС², в котором предусматривалось отдельное соглашение о пенсионном обеспечении (ст. 98), актуализировало пенсионную проблему [5; 6; 7; 8; 22]. Точка зрения большинства экспертов сводилась к использованию пропорционального принципа [1; 3; 18]. Однако были и те, кто отдавали предпочтение территориальному принципу [20] и созданию интегрированной пенсионной системы ЕАЭС с едиными правилами документооборота³.

Соглашение о пенсионном обеспечении, принятое в 2019 г. и вступившее в силу в 2021 г.⁴, вводило пропорциональный принцип и признавалось более прогрессивным по сравнению с соглашением 1992 г. [2; 10]. Территориальный принцип применяется в отношении периодов до вступления Соглашения 2019 г. в силу, в остальных случаях используется пропорциональный подход.

Соглашение позволяет суммировать пенсионные права, сформированные в странах ЕАЭС, не дискриминируя популярные у мигрантов страны, такие как Россия и Казахстан. Известно, что в 2017 г. Россия приняла 822 тыс. мигрантов из Киргизии, Армении, Беларуси и Казахстана; Казахстан принял 10 тыс. трудовых мигрантов⁵.

Пропорциональный подход выгоден России, выплачивающей самое большое количество пенсий гражданам стран ЕАЭС: за 2022 г. в России было назначено 12 374 пенсии гражданам стран ЕАЭС и порядка 2 тыс. пенсий было экспортировано в страны ЕАЭС; в Республике Казахстан было назначено 39 пенсий гражданам стран ЕАЭС и 7 пенсий было экспортировано; в Кыргызстане 30 чел. из стран ЕАЭС были назначены пенсии; в Республике Беларусь было назначено 8 пенсий и экспортировано 5 пенсий; в Армении пенсии не назначались⁶.

С наднациональным регулированием пенсий связываются надежды на уменьшение «серой» занятости [6; 16, с. 97], поскольку возможность формирования пенсионных прав может стать мотивирующим фактором к легальному трудоустройству. Однако проблема теневой экономики имеет более глубокие причины [19], и ее устранение вряд ли возможно только через совершенствование пенсионного законодательства.

Сложившийся на сегодняшний день подход к международному регулированию пенсий в ЕАЭС позволяет странам Союза независимо друг от друга развивать свои национальные пенсионные системы. Однако формирование и реализация пенсионных прав трудовых мигрантов ЕАЭС постоянно сталкиваются с новыми трудностями. Они возникают из-за правовых противоречий и иногда разрешаются разъяснениями суда ЕАЭС⁷.

Истинная причина указанных проблем в экономических и демографических различиях (табл. 3), а также в институциональных особенностях национальных пенсионных систем (табл. 4). В результате наблюдаются различия в формировании пенсионных прав и результатах пенсионирования.

¹ Назначение и выплата пенсии на основании международных соглашений (договоров) [Электронный ресурс]. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/pensionres/pens_zagran/~533 (дата обращения: 08.02.2024).

² Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 16.06.2023).

³ *Полетаев Д.* Решение проблем трудовой миграции в контексте Евразийского союза : аналитический отчет. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icmpd.org/file/download/48452/file/Analytical%2520report%2520%25E2%2580%259CAddressing%2520the%2520Challenges%2520of%2520Labour%2520Migration%2520within%2520the%2520Eurasian%2520Economic%2520Union%25E2%2580%259D%2520RUS.pdf> (дата обращения: 11.02.2024).

⁴ Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564161102> (дата обращения: 16.06.2023).

⁵ *Полетаев Д.* Решение проблем трудовой миграции в контексте Евразийского союза.

⁶ Реестровое устройство рынка труда ЕАЭС может противоречить принципам союза. 10 марта состоялась видеомост МИА Sputnik Москва — Астана — Ереван — Минск — Бишкек на тему: «Трудовая миграция и меры социальной защиты мигрантов в странах ЕАЭС» [Электронный ресурс]. URL: <https://media-mig.ru/industry/10-marta-sostoyalsya-videomost-mia-sputnik-moskva/> (дата обращения: 25.01.2024).

⁷ Карточка дела Р-3/22: Центр судебного представительства при Министерстве юстиции Кыргызской Республики. О разъяснении положения ст. 3 Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.22/ (дата обращения: 20.01.2024).

Таблица 3

Экономические и демографические условия пенсионирования в странах ЕАЭС

Table 3. Economic and demographic conditions for pensions in the EAEU countries

Условия	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	РФ
<i>Экономические</i>					
Минимальный размер пенсии по старости (возрасту), долл. США (2022)	80	181	103	37	100
<i>Демографические</i>					
Численность пенсионеров на 1000 чел. населения (2022)	157	266 (2020)	110	112	285
Численность пенсионеров на 1000 занятых (2022)	409	509 (2020)	243	306	580
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (мужчины/женщины) (2022)	71,4/78,3	69,15/79,28 (2020)	70,3/78,4	68,0/76,3	67,6/77,8

Источник: составлено автором по данным статистики ЕАЭС¹

В условиях старения населения растет пенсионная нагрузка на национальные экономики, особенно в России, Беларуси, Армении; в Казахстане и Кыргызстане ситуация более благоприятная.

Чуть более чем за 30 лет самостоятельного развития страны ЕАЭС сформировали свои уникальные национальные системы пенсий (табл. 4) [12; 14].

Таблица 4

Параметры пенсионирования в странах ЕАЭС

Table 4. Parameters of pensions in the EAEU countries

Основания пенсионирования по старости	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	РФ
Возраст выхода на пенсию (мужчины/женщины) (2022)	63/63	63/58	63/60,5	63/58	61,5/56,5
Возраст выхода на пенсию к 2028 г. (мужчины/женщины)	63/63	63/58	63/63	63/58	65/60
Страховой стаж (мужчины/женщины)	Не менее 10 лет	25/20	0,5 г. до 1998 г.	25/20	15
Дополнительные условия	Пенсионные коэффициенты	Пенсии при неполном стаже; при занятости в особых условиях труда	Бюджетное финансирование	—	Индивидуальный пенсионный коэффициент

Источник: составлено автором по данным статистики ЕАЭС²

В четырех из пяти стран основой пенсионирования является страхование. Размеры отчислений на пенсии в этих странах разнятся: в Армении финансирование пенсий осуществляется через уплату подоходного налога. В Беларуси страховой тариф составляет 29%, в России 22%, в Кыргызстане 27,25% [14, с. 54]. Казахстан в качестве метода финансирования пенсий избрал накопление.

Во всех странах ЕАЭС сегодня проводится реформа пенсионного возраста. К ее завершению в Армении и Казахстане будет установлен равный возраст выхода на пенсию для мужчин и женщин, остальные страны сохраняют гендерные различия. Самый высокий пенсионный возраст для мужчин установлен в России (65 лет), в остальных странах — 63 года. Самый высокий пенсионный возраст для женщин в Армении и Казахстане (63 года), самый низкий — в Беларуси и Кыргызстане (58 лет). Наблюдаются

¹ Пенсионное обеспечение. Статистика Евразийского экономического союза. 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/Booklets/Booklet_Pension/PensionEAEU2023.pdf (дата обращения: 15.01.2024); Статистический ежегодник Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия. М. : 2023. 498 с.

² Пенсионное обеспечение. Статистика Евразийского экономического союза. 2023; Статистический ежегодник Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия.

различия, касающиеся установления параметров страхового стажа и использования пенсионных коэффициентов (Армения и Россия).

В несоответствии пенсионных институтов стран ЕАЭС (табл. 2) усматривают препятствия формирования единого финансового рынка для пенсионных накоплений и создания общего пенсионного пространства [8], а также причины пенсионного неравенства [14]. Отсюда вновь возникает вопрос о возможных направлениях гармонизации национальных пенсионных систем и унификации пенсионного законодательства.

Пропорциональный принцип обеспечивает справедливое распределение финансового бремени в пенсионировании, но в условиях существенных различий в национальных пенсионных системах его эффективность снижается. Примером является использование индивидуального пенсионного коэффициента (ИПК) при назначении пенсии в России. На возникновение ситуаций, когда размер ИПК мигранта будет недостаточным для назначения пенсии, указывалось еще в период обсуждения проекта Соглашения о пенсионном обеспечении в ЕАЭС¹. Сегодня Социальный фонд России информирует, что исчисление ИПК происходит за стаж, приобретенный в РФ и на территории СССР, и в случае недостатка его величины будет учитываться также стаж в государствах Соглашения после распада СССР². Такой подход гарантирует право на пенсию для индивидов с небольшими доходами, но противоречит логике пропорционального подхода. Фактически мы наблюдаем возврат к территориальному принципу.

Законодателю следует обратить внимание на те сферы, которые можно было бы гармонизировать без существенного ущерба. Среди них установление единого пенсионного возраста. Это позволит снизить степень пенсионного неравенства при назначении пенсии для трудовых мигрантов ЕАЭС.

Гармонизация и унификация осложняются отсутствием завершенности пенсионного реформирования. Все страны, кроме Казахстана, который ввел пенсионное накопление, предпринимают попытки пенсионных трансформаций. Но реформы запаздывают (в Беларуси до сих пор не реализовано пенсионное накопление [12]); проводятся скачкообразно, непоследовательно (в России вначале ввели институт накопительного пенсионирования, а затем его свернули [15, с. 124]); реализовываются половинчато (введенное обязательное пенсионное накопление в Кыргызстане предусматривает тариф 2%, что недостаточно для полноценного формирования и реализации этого уровня пенсионирования [14]).

Поэтому дальнейшие гармонизации и унификации требуют выработки стратегии развития пенсионирования ЕАЭС. Единая пенсионная стратегия может иметь амбивалентное значение. С одной стороны, выработка унифицированных пенсионных правил может быть иммунитетом для политических манипуляций в национальных экономиках. Единые условия пенсионирования сохранят контуры пенсионных систем в долгосрочной перспективе и не позволят политикам получать сиюминутные выгоды от заигрывания с электоратом предпенсионного и пенсионного возрастов. Формирование и реализация пенсионных прав по единым правилам для граждан ЕАЭС сократит пенсионное неравенство, а также трансакционные издержки пенсионного процесса. С другой стороны, устанавливается подчиненность внешним целям и происходит отказ от самостоятельной пенсионной политики.

Формирование единой стратегии развития пенсионирования в ЕАЭС усугубляется продолжающимся старением населения. Однако вопрос окончательного дизайна пенсионной системы решен только Казахстаном. Все остальные страны решение пенсионной проблемы оттягивают на неопределенное время.

Наиболее важным является вопрос о роли государства в пенсионировании. В будущем видятся два сценария развития. Первый сводится к продолжению существующей логики пенсионного процесса, когда государство выступает агентом, производящим пенсионное благо [11]. Второй сценарий исключает государство полностью или частично из пенсионного процесса, а пенсионное планирование перекладывается на индивидов. Роль государства в этом случае сводится к созданию инфраструктуры рынка пенсионных услуг и предоставлению минимальных стандартов в пенсионном обеспечении. Каждая из мер требует проработ-

¹ Информация о пенсионном обеспечении трудящихся-мигрантов в странах Европейского союза [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/4c3/Informatsiya-o-pensionnom-obespechenii-trudyashchikhsya-v-stranakh-ES.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).

² Информация по реализации Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза от 20.12.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/pensionres/pens_zagran/~7884 (дата обращения: 11.02.2024).

ки целого ряда вопросов от создания общего финансового пространства для реализации пенсионного накопления до формирования единых правил пенсионирования в части предоставления минимальных гарантий. Это значит, что все рассмотренные механизмы (гармонизация, унификация и координация) и принципы (территориальный и пропорциональный) не утрачивают своей актуальности.

Заключение

Региональные блоки предпринимают попытки совместного регулирования пенсий с возможностью их переноса. Этот вопрос имеет огромное значение для стран постсоветского пространства и особенно стран ЕАЭС, которые существенно продвинулись на пути формирования пенсионных прав мигрантов из стран Союза. Однако на практике до сих пор возникают сложности. Отсюда выработка последующих шагов в целях гармонизации и координации пенсионных систем стран ЕАЭС по-прежнему актуальна, но затруднена старением населения, сложностями экономического развития, незавершенностью дизайна пенсионных систем, а также отсутствием единой стратегии развития пенсионирования ЕАЭС. Одним из ключевых вопросов, который в будущем придется решить странам ЕАЭС, связан с определением роли государства в пенсионном процессе.

Литература

1. *Агафонова Т. И.* Механизм правового регулирования вопросов социальной защиты в договорах государств — участников СНГ // *Международное право. Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2012. № 1. С. 32–36. EDN: OOUYNP
2. *Агашев Д. В.* Вопросы интеграции законодательства государств Евразийского экономического союза в сфере социального обеспечения // *Социальное и пенсионное право*. 2018. № 3. С. 22–26. EDN: XVYIGD
3. *Алмакаева А. М., Костенко В. В.* Трансграничный перевод пенсионных прав в странах Евразийского экономического сообщества и Европейского союза // *Экономическая социология*. 2014. Т. 15. № 4. С. 53–67. EDN: VUZMVZ
4. *Васильева Ю. В.* Проблемы интеграции правовой политики стран европейско-азиатского региона в области социального обеспечения // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2013. № 1 (21). С. 115–120. EDN: PYVUSV
5. *Заболотский Е. Д.* Вопросы реформирования и интеграции пенсионных систем в Евразийском экономическом союзе // *Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика*. 2019. № 5. С. 40–64. EDN: MQKEK
6. *Карабчук Т. С., Соболева Н. Э., Костенко В. В.* [и др.] *Мобильность пенсий в рамках Евразийского экономического союза и СНГ*. СПб. : Колорит, 2014. 102 с.
7. *Карабчук Т. С., Соболева Н. Э., Перебоев В. С.* Введение общего пенсионного пространства в странах Евразийского экономического союза: насколько это важно и каковы последствия? // *Евразийская экономическая интеграция*. 2014. № 3. С. 5–24. EDN: SNLMUF
8. *Кудрявцева Л. Н.* Пенсионные системы стран — членов ЕАЭС в контексте создания единого экономического пространства // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2016. № 3. С. 173–185. EDN: VQGBTV
9. *Максимова А.* Проблемы пенсионного обеспечения граждан, прибывших в Российскую Федерацию из стран СНГ // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2012. № 5–3 (5). С. 7–9. EDN: PHIDBP
10. *Мишальченко Ю. В., Платонова Л. А., Торпыгин А. В.* Пенсионное обеспечение граждан в ЕАЭС и Союзном государстве Российской Федерации и Республики Беларусь // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2020. № 3. С. 67–77. DOI: 10.22394/2073-2929-2020-3-67-77
11. *Мосейко В. В.* Особенности производства пенсионного блага в России // *Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика*. 2020. № 3. С. 200–219. EDN: IGRJZZ

12. *Мосейко В. В.* Пенсионное обеспечение по старости в России и Республике Беларусь: возможности экспорта пенсий // Балтийский экономический журнал. 2023. № 4 (44). С. 6–17. EDN: NCRJXR. DOI: 10.46845/2073-3364-2023-0-4-6-17
13. *Мосейко В. В.* Пенсионные стратегии молчаливого присоединения: проблема рационального выбора // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2023. Т. 58. № 5. С. 116–133. EDN: ОМОУУ. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-5-6
14. *Мосейко В. В.* Пенсионное обеспечение по старости в странах ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 50–63. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-03-50-63
15. *Мосейко В. В.* Проблемы современного пенсионирования // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 1. С. 120–129. EDN: OBDMSI. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-1.11
16. *Роик В. Д.* Пенсионные системы в странах СНГ: итоги преобразований и пути совершенствования // ЭКО. 2019. № 3. С. 94–116. EDN: YZGIBN
17. *Седов А., Чижова Е.* Пенсионное обеспечение мобильного персонала. Актуальные вопросы налогообложения // Налоговый вестник. 2014. № 3. С. 37–44.
18. *Семенов И. В.* Анализ пенсионного страхования трудовых мигрантов из стран СНГ // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Экономика. 2014. № 2. С. 58–64. EDN: SDMPFB
19. *Сото Э.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. 2004. М. : Олимп-Бизнес, 2004. 272 с.
20. *Торопкин С. А.* Международное сотрудничество Российской Федерации по вопросам пенсионного обеспечения // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. № 10А. С. 161–169. EDN: YFOEFR
21. *Хамидулин Т. Р.* Особенности развития МЕРКОСУР в начале XXI века // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2009. № 2. С. 19–27. EDN: KVUWWT
22. *Шавишвили Д. Ф., Измайлова Н. А., Шейнин Л. Б.* О гармонизации пенсионного законодательства государств — членов ЕвразЭС // Вопросы экономики и права. 2015. № 83. С. 98–103. EDN: VRAKBP
23. *Holzmann R., Koettl J.* Portability of Pension, Health, and Other Social Benefits: Facts, Concepts, Issues [Электронный ресурс] // Discussion Paper. No. 5715. May 2011. 58 p. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/51838> (дата обращения: 04.04.2024).
24. *D'Addio A. C., Cavalleri M. C.* Labour Mobility and the Portability of Social Rights in the EU [Электронный ресурс] // CESifo Economic Studies. 2014. URL: <http://cesifo.oxfordjournals.org/content/early/2014/04/02/cesifo.ifu014.full> (дата обращения: 20.06.2023).
25. *Forteza A.* The Portability of Pension Rights: General Principles and the Caribbean Case // Development Policy Review. 2010. V. 28. No. 2. P. 237–255. DOI: 10.1111/j.1467-7679.2010.00483.x
26. *Guardiancich I., Natali D.* The Cross-Border Portability of Supplementary Pensions: Lessons from the European Union // Global Social Policy. 2012. No. 12 (3). P. 300–315. DOI: 10.1177/1468018112455656
27. *Koettl J.* The Relative Merits of Skilled and Unskilled Migration, Temporary and Permanent Labor Migration, and Portability of Social Security Benefits [Электронный ресурс] // Social Protection Discussion Paper. 2006. No. 0614. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/710661468135302581/pdf/380070SP061401PUBLIC1.pdf> (дата обращения: 20.06.2023).

Об авторе:

Мосейко Виктория Владимировна, доцент кафедры экономической теории и инструментальных методов Калининградского государственного технического университета (Калининград, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент;
e-mail: vimoseiko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8574-222X

References

1. Agafonova T. I. The Mechanism of Law Regulation of Social Protection in CIS Countries // International law. Electronic supplement to the Russian Juridical Journal [Mezhdunarodnoe Pravo. Elektronnoe Prilozhenie k "Rossiyskomu Yuridicheskomu Zhurnalu"]. 2012. No. 1. P. 32–36. (In Russ.) EDN: OOOYNP

2. Agashev D. V. Issues of Integration of the Legislation of the States of the Eurasian Economic Union in the Field of Social Security // Social and Pension Law [Social'noe i pensionnoe pravo]. 2018. No. 3. P. 22–26. (In Russ.) EDN: XXYIGD
3. Almakaeva A. M., Kostenko V. V. Portability of Pension Rights in the Eur ASEC Countries and the European Union // Journal of Economic Sociology [Economicheskaya sociologia]. 2014. No. 4. P. 53–67. (In Russ.) EDN: VUZMVZ
4. Vasil'eva J. V. Problems of Integration of Legal Policies of Countries of the European-Asian Region in the Field of Social Security // Bulletin of Perm University. Political Science [Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya]. 2013. No. 1 (21). P. 115–120. (In Russ.) EDN: PYVUSV
5. Zabolotskii E. D. Reforming and Integrating Pension Systems in the Eurasian Economic Union // Moscow University Economics Bulletin [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6: Ekonomika]. 2019. No. 5. P. 40–64. (In Russ.) EDN: MQKEK
6. Karabchuk T. S., Soboleva N. E., Kostenko V. V. [et al.] Pension Mobility \within the Eurasian Economic Union and the CIS. Saint Petersburg : Kolorit. 2014. 102 p. (In Russ.)
7. Karabchuk T. S., Soboleva N. E., Pereboev V. S. Introduction of the Common Pension Space in the Countries of the Eurasian Economic Union: How Important Is it and What Are the Impacts? // Journal of Eurasian Economic Integration [Evraziiskaya ekonomicheskaya integraciya]. 2014. No. 3. P. 5–24. (In Russ.) EDN: SNLMUF
8. Kudryavtseva L. N. Pension Systems of the EEU Member States and the Creation of the Single Economic Space // National Interests: Priorities and Security [Nacional'nye interesy: priorityty i bezopasnost']. 2016. No. 3. P. 173–185. (In Russ.) EDN: VQGBTV
9. Maksimova A. Problems of Pension Provision for Citizens Arriving in the Russian Federation from CIS Countries //International Research Journal [Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal]. No. 5–3 (5). P. 7–9. (In Russ.) EDN: PHIDBP
10. Mishalchenko Y. V., Platonova L. A., Toropygin A. V. Pension Provision of Citizens in the EAEU and the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. [Evraziyskaya integraciya: economica, pravo, politica]. 2020. No. 3. P. 67–77. (In Russ.) DOI: 10.22394/2073-2929-2020-3-67-77
11. Moseiko V. V. Specifics of the Production of Pensionary Good in Russia // Moscow University Economics Bulletin [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6: Ekonomika]. 2020. No. 3. P. 200–219. (In Russ.) EDN: IGRJZZ
12. Moseiko V. V. Old-Age Pensions in Russia and the Republic of Belarus: Comparative Analysis and Export Opportunities for Pensions // Baltic Economic Journal [Baltiyskiy ekonomicheskii zurnal]. 2023. No. 4 (44). P. 6–17. (In Russ.) EDN: NCRJXR. DOI: 10.46845/2073-3364-2023-0-4-6-17
13. Moseiko V. V. Pension Strategies of Unwilling Joining Pension Plans: An Issue of a Rational Choice // Moscow University Economics Bulletin [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6: Ekonomika]. 2023. No. 5. P. 116–133. (In Russ.) EDN: OMOYJJ. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-5-6
14. Moseiko V. V. Old-age Pensions in the EAEU Countries // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziyskaya integraciya: economica, pravo, politica]. 2023. No. 3. P. 50–63. (In Russ.) DOI: 10.22394/2073-2929-2023-03-50-63
15. Moseiko V. V. Issues of Modern Pensioning //Russian Journal of Economic Theory [Zurnal ekonomicheskoi teorii]. 2019. V. 15. No. 1. P. 120–129. (In Russ.) EDN: OBDMSI. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-1.11
16. Roik V. D. Pension Reforms in Russia and Post Soviet Union Countries: 1991–2018 Years // ECO [EKO]. 2019. No. 3. P. 94–116. (In Russ.) EDN: YZGIBN
17. Sedov A., Chizhova E. Pension Provision of Mobile Workers: Current Tax Issues // Tax Newsletter [Nalogovyy vestnik]. 2014. No. 3. P. 37–44 (In Russ.)
18. Semenov I. V. The Analysis of Pension Insurance for CIS Migrant Workers // Bulletin of Moscow Region State University. Ser.: Economics. [Vestnik Moskovsko gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Ekonomika]. 2014. No. 2. P. 58–64. (In Russ.) EDN: SDMPFB

19. Soto E. The Mystery of Capital. Why Capitalism Triumphs in the West and Fails throughout the Rest of the World. 2004. Moscow : Olimp-Biznes, 272 p. (In Russ.)
20. Toropkin S. A. International Cooperation of the Russian Federation on Issues of Pension Provision // Matters of Russian and International Law [Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava]. 2016. V. 6. No. 10A. P. 161–169. (In Russ.) EDN: YFOEFR
21. Hamidulin T. R. Special Features of MERCOSUR Development at the Beginning of the 21st Century // Vestnik RUDN. Ser.: International Relations [Vestnik RUDN. Ser.: Mezzdunarodnye otnosheniya]. 2009. No. 2. P. 19–27. (In Russ.) EDN: KVUWWT
22. Shavishvili D. F., Izmailova N. A., Sheinin L. B. On the Harmonization of Pension Legislation of the EurAsEC Member States // Economic and Law Issues [Voprosy ekonomiki i prava]. 2015. No. 83. P. 98–103. (In Russ.) EDN: VRAKBP
23. Holzmann R., Koettl J. Portability of Pension, Health, and Other Social Benefits: Facts, Concepts, Issues [Electronic resource] // Discussion Paper. No. 5715. May 2011. 58 p. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/51838> (accessed: 04.04.2024).
24. D'Addio A. C., Cavalleri M. C. Labour Mobility and the Portability of Social Rights in the EU [Electronic resource] // CESifo Economic Studies. 2014. URL: <http://cesifo.oxfordjournals.org/content/early/2014/04/02/cesifo.ifu014.full> (accessed: 20.06.2023).
25. Forteza A. The Portability of Pension Rights: General Principles and the Caribbean Case // Development Policy Review. 2010. V. 28. No. 2. P. 237–255. DOI: 10.1111/j.1467-7679.2010.00483.x
26. Guardiancich I., Natali D. The Cross-Border Portability of Supplementary Pensions: Lessons from the European Union // Global Social Policy. 2012. No. 12 (3). P. 300–315. DOI: 10.1177/1468018112455656
27. Koettl J. The Relative Merits of Skilled and Unskilled Migration, Temporary and Permanent Labor Migration, and Portability of Social Security Benefits [Electronic resource] // Social Protection Discussion Paper. 2006. No. 0614. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/710661468135302581/pdf/380070SP061401PUBLIC1.pdf> (accessed: 20.06.2023).

About the author:

Victoria V. Moseiko, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Instrumental Methods, Kaliningrad State Technical University (Kaliningrad, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor;
e-mail: vimoseiko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8574-222X

В. П. Кириленко — подвижник отечественной юридической науки

Алексеев Г. В., Сергевнин С. Л.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-7397-4023

Для цитирования: Алексеев Г. В., Сергевнин С. Л. В. П. Кириленко — подвижник отечественной юридической науки // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 75–80.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-75-80>; EDN: KZQEXG

Viktor Kirilenko — Devotee of Russian Legal Science

Georgy V. Alekseev, Sergey L. Sergevnin*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-7397-4023

For citing: Alekseev G. V., Sergevnin S. L. Viktor Kirilenko — Devotee of Russian Legal Science // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 75–80. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-75-80>. EDN: KZQEXG

9 апреля на 80-м году жизни скоропостижно скончался заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук по секции «Геополитика и безопасность» Виктор Петрович Кириленко.

Он родился в Ленинграде в 1944 г., окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета в 1968 г. и работал на ответственных должностях в прокуратуре города, Администрации Президента Российской Федерации, Администрации Санкт-Петербурга. Виктор Петрович еще в советское время совмещал работу в правоохранительных и партийных органах с преподаванием и научной деятельностью. Его научные интересы были связаны с международным публичным правом, а докторская диссертация, посвященная вопросам экологии Мирового океана, в дальнейшем способствовала разработке Морской доктрины Российской Федерации.

В разные годы Виктор Петрович возглавлял диссертационные советы в Военно-морской академии, Санкт-Петербургском морском техническом университете, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, после него осталось много благодарных учеников, руководил кафедрами в ряде высших учебных заведений Санкт-Петербурга.

Вспоминая Виктора Петровича, удивляешься тому, как у него хватало времени и терпения уделять внимание каждому, кто обращался к нему за помощью. Благодаря природной доброте, отзывчивости и его феноменальной работоспособности у него получилось создать научную школу, оставить после себя значительный научный задел и множество интересных идей, которые заслуживают дальнейшего развития. Профессор Кириленко стал видным представителем петербургской юридической науки благодаря своей приверженности идеям справедливости, законности, гражданственности и патриотизма. Конструктивность мышления и рациональность предложений по совершенствованию законодательства стали главными принципами работы его научной школы. Результативность юридических исследований приобрела системообразующее значение, она отодвинула на второй план методологические противоречия, личные амбиции, субъективные убеждения и идеологические предрассудки.

Международное право для всех его единомышленников постепенно становилось не только языком международного общения, скорее оно приобретало характер юридического средства для достижения конкретной цели, например, искоренения терроризма [10], экстремизма, коррупции [13]. Умение излагать решения сложных юридических проблем ясным и понятным научным языком провозглашалось основным критерием компетентности коллег и учеников.

Гражданская позиция Виктора Петровича всегда предполагала дипломатичное отношение к соратникам и противникам. За высокий профессионализм, многолетнюю безупречную службу он был поощрен Благодарностью Президента Российской Федерации, награжден Почетной грамотой Администрации Президента Российской Федерации, различными ведомственными наградами.

В научной среде Виктора Петровича Кириленко всегда радовало общение с такими профессорами и видными российскими учеными, как Сергей Владимирович Бахин, Людмила Никифоровна Галенская, Сергей Юрьевич Кашкин, Юрий Васильевич Косов, Джаневра Игоревна Луковская, Виктор Петрович Сальников, Инсур Забирович Фархутдинов, Владимир Александрович Шамахов и др.

Исследования профессора были в основном сосредоточены в области международного публичного права [8]. Экология Мирового океана [14] и проблемы международного морского права сочетались в его исследованиях с актуальными аспектами борьбы с международной преступностью [11] и проблемами национальной безопасности [15]. Критическое мышление и способность читать тексты феноменально быстро позволяли ему формировать круг общения по своему желанию. Он не любил пафоса и выступлений на конференциях. Диалог где-нибудь в кафе или на кафедре всегда ставился выше научного перформанса или официальной дискуссии.

Виктор Петрович любил и уважал других людей. Природная интуиция и эйдетическая способность к оценке личных качеств и талантов *другого* способствовала проведению рациональной кадровой политики в его научной школе. Гуманизм, ставший со временем системообразующим принципом работы, предполагал использование способностей каждого индивида, которого считали *своим*, в интересах общего дела.

Классическое образование и общение с выдающимися учеными на фоне несомненных талантов профессора В. П. Кириленко определили его жизненный и научный успех. Научная школа уголовного права профессора Николая Сергеевича Алексеева, видными представителями которой являются такие профессора, как Алексей Иванович Александров, Александр Иванович Бастрыкин и другие, оказала существенное влияние на взгляды Виктора Петровича, сформировала его как высококлассного прокурора. Будучи военным прокурором, он расследовал множество преступлений, о чем часто вспоминал, даже о том, как ему однажды удалось добиться для военнослужащего, совершившего изнасилование и убийство несовершеннолетней девушки, смертного приговора (еще до введения моратория). Однако наш прокурор был слишком добрым для такой работы, и он искренне радовался тому, что благодаря введению моратория на смертную казнь тот самый смертный приговор не был приведен в исполнение.

Виктор Петрович стал заслуженным юристом Российской Федерации, работая начальником кафедры международного морского и военного права Военно-морской академии, стал капитаном первого ранга. Он в разные годы занимал должность первого заместителя начальника федерального управления Министерства юстиции Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу, где стал государственным советником юстиции 2-го класса в 2002 г. Работая с 2002 г. в Администрации Президента Российской Федерации, он стал действительным государственным советником Российской Федерации 3-го класса, полагая при этом, что генеральские чины менее значимы, чем научные степени и звания.

Как ученый Виктор Петрович сформировался под влиянием научной школы профессора Сергея Александровича Малинина, который долгое время возглавлял кафедру международного права ЛГУ и реализовал себя, работая в Военно-морской академии под руководством профессора Ивана Ефимовича Тарханова, фигуры, бесспорно, знаковой для науки морского права. Ветераны Великой Отечественной войны, капитаны первого ранга, профессора С. А. Малинин и И. Е. Тарханов сформировали у В. П. Кириленко компетенции, необходимые для руководства научной школой. Их отношения были очень теплыми и человечными, хотя они не были простыми, в личных беседах с аспирантами, например, профессор И. Е. Тарханов часто сетовал на то, что В. П. Кириленко излишне деликатен, что позволяло ему не только избегать ненужных конфликтов со студентами, но и способствовало здоровым, рабочим отношениям со многими учеными-юристами, в том числе такими известными профессорами, как Юрий Яковлевич Баскин, Анатолий Лазаревич Колодкин, Виктор Федорович Сидорченко, Лидия Александровна Николаева.

Виктор Петрович придерживался взглядов консервативного либерализма, а его аргументированная критика неолиберализма [12] всегда оставляла читателю моральную свободу выбора справедливого и обоснованного мнения по тем проблемам, что стоят на повестке дня. Он постоянно учил нас не участвовать в том, что не было связано с конструктивными личными ожиданиями и перспективами развития науки. Его умение извлекать пользу из всякой инициативы и договариваться с самыми разными учеными о совместных исследованиях стало в итоге определяющим свойством для его научного подхода и определило направление исследований всей его научной школы.

Виктора Петровича уважало и любило журналистское сообщество Санкт-Петербурга. Его отношения с профессорами Высшей школы журналистики СПбГУ Анатолием Степановичем Пую и Галиной Сергеевной Мельник были теплыми и конструктивными, что позволило организовать совместные исследования в области противодействия насильственному экстремизму. При непосредственном участии Председателя Следственного комитета Российской Федерации профессора А. И. Бастрыкина и профессора В. А. Шамахова в свет вышли монографии «Экстремизм в современном мире» [3] и «Глобальный индекс экстремизма» [6], где идейным вдохновителем выступал профессор В. П. Кириленко.

Учебники под редакцией профессора В. П. Кириленко пользуются большой популярностью у обучающихся по программе «Международное право, европейское право», которой он до последнего времени руководил в Президентской академии в Санкт-Петербурге. Работа над учебниками «Морское право и международный морской бизнес» [2] и «Международная интеграция и интеграционное право» [1] носила концептуальный межотраслевой характер. Системные связи международного публичного и частного права с экономическими процессами становились основным предметом научного общения при реализации его образовательной программы магистратуры.

Виктор Петрович с интересом относился к исследованиям своих коллег. Его внимание к работам профессора Л. Н. Галенской было особенно пристальным. Монография «Правовое регулирование транснациональных отношений» [5] стала одной из последних работ, с которой успел ознакомиться профессор, эта работа обоснованно характеризуется коллегами как научный прорыв [4], а Виктор Петрович обратил внимание на сходство доктрин транснационального и платформенного права [7].

Совместно со своим учеником Г. В. Алексеевым Виктор Петрович подготовил большой раздел в коллективную монографию «Пролегомены когнитивной безопасности», которая вышла в свет под редакцией ведущего научного сотрудника лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления РАНХиГС, профессора Игоря Федоровича Кефели [9, с. 423–461].

По сути дела, эта работа положила начало реализации большого проекта по разработке теоретико-методологических, юридических и прикладных аспектов информационной и когнитивной безопасности, что нашло подтверждение в «Заявлении Совета Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности в связи с развитием технологий искусственного интеллекта», принятом на очередном заседании Совета Парламентской Ассамблеи ОДКБ в Алматы 3 июня 2024 г.: «Призываем активно внедрять и использовать наработки государств — членов ОДКБ в области ИИ, развивать национальное программное обеспечение в сфере больших данных, заниматься укреплением информационной и когнитивной безопасности, контролировать оборот данных, в целях избежания ущерба национальной безопасности и интересам граждан»¹. Последнее время профессор В. П. Кириленко часто общался с С. Ю. Кашкиным, были планы издать современный учебник по международному праву...

9 апреля 2024 г. на рабочем месте в Санкт-Петербургской академии Следственного комитета профессор В. П. Кириленко почувствовал себя плохо, врачи не сумели его спасти. Никто из учеников и коллег не смог сразу поверить в случившееся, и только со временем крепла уверенность в необходимости продолжения усилий по подготовке нового поколения юристов, проведению исследований в области международного права, сохранению тех традиций научной школы, которые всегда были значимы для Виктора Петровича Кириленко.

Литература

1. *Абайдельдинов Е. М., Алиев С. Б., Атнашев В. Р.* [и др.] Международная интеграция и интеграционное право : учебник. СПб. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-западный институт управления, 2017. 880 с. ISBN: 978-5-89781-574-6. EDN: YIXLBN
2. *Абрамова Е. Н., Алексеев Г. В., Балашов А. И.* [и др.] Морское право и международный морской бизнес : учебник. СПб. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2021. 656 с. ISBN: 978-5-89781-677-4. EDN: GWEEDQ
3. *Алексеев Г. В., Антонов Я. В., Атнашев В. Р.* [и др.] Экстремизм в современном мире / под ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, В. А. Шамахова. СПб., 2018. EDN: YAIDSX
4. *Бахин С. В.* Транснациональное право: научный прорыв профессора Людмилы Никифоровны Галенской // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 4. С. 1099–1110. EDN: AYWRPN. DOI: 10.21638/spbu14.2022.416
5. *Галенская Л. Н.* Правовое регулирование транснациональных отношений. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2022. 314 с. ISBN: 978-5-288-06243-8
6. *Глобальный индекс экстремизма / под ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, А. Д. Хлуткова, В. А. Шамахова.* СПб. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2023. 416 с. EDN: JTDREW
7. *Кашкин С. Ю., Четвериков А. О., Алтухов А. В.* Основы платформенного и экосистемного права. М. : Русайнс, 2022. 112 с. ISBN: 978-5-4365-5264-4. EDN: ZRKKHN
8. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Международное право и информационная безопасность государств. СПб. : СПб ГИКиТ, 2016. 396 с. ISBN: 978-5-94760-181-7. EDN: UZBVPR
9. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Нормативно-правовые аспекты обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации / Пролегомены когнитивной безопасности. Коллективная монография / под редакцией И. Ф. Кефели. СПб. : ИД Петрополис, 2023. 488 с. С. 423–461. ISBN: 978-5-9676-1526-9. EDN: MRECBE
10. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Противодействие идеологии современного терроризма // Управленческое консультирование. 2018. № 5 (113). С. 8–18. EDN: UYSLGK. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-5-8-18

¹ Совет ПА ОДКБ принял Заявление в связи с развитием технологий искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // ПА ОДКБ (сайт). 13.06.2024. URL: <https://paodkb.org/events/sovets-pa-odkb-prinyal-zayavlenie-v-svyazi> (дата обращения: 03.06.2024).

11. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Уголовное преследование политических лидеров: нарративный анализ современной властно-элитной преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 6. С. 523–535. EDN: WIYGCP. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(6).523-535
12. Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Пацек М. Естественное право и кризис либерального правопорядка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 38–54. EDN: YVVKNN. DOI: 10.21638/spbu14.2019.103
13. Кириленко В. П., Дронов Р. В. Коррупция и государство: «черная дыра» экономики России. СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2012. ISBN: 978-5-7422-3338-1. EDN: QSPCFD
14. Кириленко В. П., Сидорченко В. Ф. Мореплавание и предотвращение загрязнения Мирового океана: международно-правовые аспекты. М. : Транспорт, 1985. 176 с. EDN: VSHJFJ
15. Кириленко В. П., Шамахов В. А., Алексеев Г. В. Свобода слова и медиабезопасность. СПб. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. ISBN: 978-5-89781-635-4. EDN: OODQGO

Об авторах:

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук;
e-mail: alekseev-gv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-3720-0105

Сергевнин Сергей Львович, профессор, декан юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор;
e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-7397-4023

References

1. Abaideldinov E. M., Aliev S. B., Atnashev V. R. [et al.] International Integration and Integration Law : textbook. St. Petersburg : Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, North-Western Institute of Management, 2017. 880 p. ISBN: 978-5-89781-574-6. (In Russ.) EDN: YIXLBH
2. Abramova E. N., Alekseev G. V., Balashov A. I. [et al.] The Law of the Sea and International Maritime Business : textbook. St. Petersburg : Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 2021. 656 p. ISBN: 978-5-89781-677-4. (In Russ.) EDN: GWEDDQ
3. Alekseev G. V., Antonov Ya. V., Atnashev V. R. [et al.] Extremism in the Modern World / ed. by A. I. Bastrykin, V. P. Kirilenko, V. A. Shamakhov. St. Petersburg : Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 2018. 444 p. ISBN: 978-5-89781-619-4. (In Russ.) EDN: YAIDSX
4. Bakhin S. V. Transnational Law: The Scientific Breakthrough of Professor Liudmila Nikiforovna Galenskaya // Vestnik of Saint Petersburg University. Law [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo]. 2022. V. 13. No. 4. P. 1099–1110. (In Russ.) EDN: AYWRPN. DOI: 10.21638/spbu14.2022.416
5. Galenskaya L. N. Legal Regulation of Transnational Relations. St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University, 2022. 314 p. ISBN: 978-5-288-06243-8 (In Russ.)
6. Global Extremism Index / ed. by A. I. Bastrykin, V. P. Kirilenko, A. D. Khlutkov, V. A. Shamakhov. St. Petersburg : Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 2023. 416 p. (In Russ.) EDN: JTDRWY
7. Kashkin S. Yu., Chetverikov A. O., Altukhov A. V. Fundamentals of Platform and Ecosystem Law. Moscow : Ruseins, 2022. 112 p. ISBN: 978-5-4365-5264-4. (In Russ.) EDN: ZRKKHN.

8. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. International Law and Information Security of States. St. Petersburg : St. Petersburg State Institute of Film and Television, 2016. 396 p. ISBN: 978-5-94760-181-7. (In Russ.) EDN: UZBVPR
9. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Regulatory Aspects of Information Security in the Russian Federation / Prolegomenon of Cognitive Security. Collective monograph / ed. by I. F. Kefeli. St. Petersburg : Publishing House Petropolis, 2023. 488 p. P. 423–461. ISBN: 978-5-9676-1526-9. (In Russ.) EDN: MRECBE
10. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Countering the Ideology of Modern Terrorism // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. No. 5 (113). P. 8–18. (In Russ.) EDN: UYSLGK. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-5-8-18
11. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Criminal Prosecution of Political Leaders: Narrative Analysis of Modern Power Elite // Russian Journal of Criminology [Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal]. 2023. V. 17. No. 6. P. 523–535. (In Russ.) EDN: WIYGCP. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(6).523-535
12. Kirilenko V. P., Alekseev G. V., Pacek M. Natural Law and the Crisis of Liberal Legal Order // Vestnik of Saint Petersburg University. Law [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo]. 2019. V. 10. No. 1. P. 38–54. (In Russ.) EDN: YYVKNN. DOI: 10.21638/spbu14.2019.103
13. Kirilenko V. P., Dronov R. V. Corruption and State: The “Black Hole” of the Russian Economy. St. Petersburg : Publishing House of the Polytechnic University, 2012. ISBN: 978-5-7422-3338-1. (In Russ.) EDN: QSPCFD
14. Kirilenko V. P., Sidorchenko V. F. Navigation and Prevention of Pollution of the World Ocean: International Legal Aspects. Moscow : Transport, 1985. 176 p. (In Russ.) EDN: VSHJFJ
15. Kirilenko V. P., Shamakhov V. A., Alekseev G. V. Freedom of Speech and Media Security. St. Petersburg : Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 2019. 440 p. ISBN: 978-5-89781-635-4. (In Russ.) EDN: OODQGO

About the authors:

Georgy V. Alekseev, Acting Head of the Department of International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor;
e-mail: alekseev-gv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-3720-0105

Sergey L. Sergevnin, Dean of the Faculty of Law of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor;
e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-7397-4023

Некоторые особенности установления правового статуса военных добровольцев в странах — членах ЕАЭС и БРИКС

Семяникова Д. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: semyannikova-da@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-5113-5958

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются особенности правового регулирования в странах — членах ЕАЭС и БРИКС, закрепляющих статус добровольцев, вступивших в вооруженные силы государства, порядок и условия такого участия и участия в вооруженных (военных) конфликтах от имени государства.

Цель. Целью статьи является исследование правового регулирования в странах — членах ЕАЭС и БРИКС, определяющих статус добровольцев, вступивших в вооруженные силы государства.

Задачи. Дать характеристику и выявить особенности правового статуса лиц, участвующих в добровольческих формированиях вооруженных сил стран — членах ЕАЭС и БРИКС. Рассмотреть новое для современной России правовое регулирование, установившее статус добровольцев, участвующих в специальной военной операции.

Методология. В процессе исследования поставленные задачи решались автором с использованием в работе общенаучных (исторический, диалектический, системный, логический, метод анализа) и юридических (сравнительно-правовой, социологический, аксиологический) методов исследования.

Результаты. В большинстве стран установление правового статуса добровольца, включающего гарантии со стороны государства, напрямую зависит от участия страны в конкретном вооруженном конфликте или от внешних угроз, которые приводят к нужде государства в укреплении военной мощи, а соответственно, в лицах, добровольно поступающих на военную службу. Ярким примером таких стран являются Армения и Россия. За последние два года российское законодательство прошло достаточно большой путь к определению правового статуса добровольцев.

Выводы. Анализируя правовое регулирование, закрепляющее правовой статус добровольцев вооруженных сил исследуемых стран, необходимо отметить несколько направлений. Так, фактически во всех странах — членах БРИКС и ЕАЭС, рассмотренных в исследовании, участие добровольцев в вооруженных силах страны урегулировано законодательством. Единственной страной, чье законодательство не предполагает участие добровольцев в рядах вооруженных сил, является страна — член БРИКС — ЮАР. При этом уровень обеспечения со стороны государств данной категории граждан варьируется от его отсутствия (Индия) до предоставления государством добровольцам всех социальных гарантий и уравнивания их статуса с военнослужащими (Китай, Россия). В рамках анализа правового регулирования стран — членов ЕАЭС выявлено, что законодательство данных государств имеет схожие черты.

Ключевые слова: военнослужащий, военные добровольцы, БРИКС, ЕАЭС, специальная военная операция

Для цитирования: Семяникова Д. А. Некоторые особенности установления правового статуса военных добровольцев в странах — членах ЕАЭС и БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 81–89.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-81-89>. EDN: KKGEBJ

Some Peculiarities of Establishing the Legal Status of Military Volunteers in the EAEU and BRICS Member States

Dina A. Semiannikova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: semyannikova-da@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-5113-5958

ABSTRACT

The article deals with the peculiarities of legal regulation in the EAEU and BRICS member countries, enshrining the status of volunteers who joined the armed forces of the state, the procedure and conditions of such participation and participation in armed (military) conflicts on behalf of the state.

Aim. The purpose of the article is to study the legal regulation in the EAEU and BRICS member countries defining the status of volunteers who joined the armed forces of the state.

Tasks. To characterize and identify the peculiarities of the legal status of persons participating in volunteer formations of the armed forces of the EAEU and BRICS member countries. To consider the new for modern Russia legal regulation that established the status of volunteers participating in a special military operation.

Method. In the process of the research the set tasks were solved by the author with the use of general scientific (historical, dialectical, systematic, logical, method of analysis) and legal (comparative-legal, sociological, axiological) methods of research.

Results. In most countries, the establishment of the legal status of a volunteer, including social guarantees, depends directly on the country's involvement in a particular armed conflict or external threats that result in the need for the state to strengthen its military power and, consequently, for persons to volunteer for military service. Armenia and Russia are prime examples of such countries. Over the past two years, Russian legislation has gone a long way towards defining the legal status of volunteers.

Conclusions. Analyzing the legal regulation enshrining the legal status of volunteers of the armed forces of the countries under study, it is necessary to note several directions. Thus, in fact, in all BRICS and EAEU member countries considered in the study, the participation of volunteers in the armed forces is regulated by legislation. The only country whose legislation does not provide for the participation of volunteers in the country's armed forces is the BRICS member country South Africa. In analyzing the legal regulation of the EAEU member countries, it should be noted that the legislation of these countries has similar features. At the same time, the level of provision by the state of this category of citizens varies from its absence, as in India, to the provision by the state to volunteers of all social guarantees and equalization of their status with military personnel, as in China and Russia.

Keywords: serviceman, military volunteers, BRICS, EAEU, special military operation

For citing: Semiannikova D. A. Some Peculiarities of Establishing the Legal Status of Military Volunteers in the EAEU and BRICS Member States // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 81–89. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-81-89>. EDN: KKGEJB

Введение

Сегодня правотворческий процесс в военно-социальной сфере активизирован в полной мере, что сопровождается не только «укреплением» действующих норм путем расширения подзаконного нормативного регулирования, возникновением новых мер социальной защиты и социального обеспечения

военнослужащих, но и закреплением в российском законодательстве правового статуса новых субъектов, таких как лица, участвующие в добровольческих формированиях (далее — добровольцы).

Д. А. Керимов отмечает, что на правотворческий процесс воздействует не только практика правового строительства, но и социальная среда значительно более широкого уровня [4]. Безусловно, события, происходящие в стране, и связанные с этим изменения в обществе значительно влияют на законодательство. Ранее авторы отмечали, что актуальность совершенствования правотворчества в сфере социального обеспечения военнослужащих и членов их семей определялась противоречиями между необходимостью эффективного государственного управления социальной сферой на основе права и отсутствием соответствующей системы нормативных правовых актов [5], и именно нынешние законодательные решения направлены на качественные изменения в данной сфере.

Нормативно-правовая основа обеспечения добровольческих формирований в странах ЕАЭС

Армения

Изучая тенденцию закрепления статуса, предполагающего государственное обеспечение добровольцев на законодательном уровне в странах Евразийского экономического союза, фактически можно отметить прямую связь между активными действиями государства в данной сфере и военно-политической нестабильностью (внутренней или внешней).

Так, в Армении в настоящее время продолжают существовать отряды Армянского добровольческого движения, которые также связаны с многолетним конфликтом в Нагорном Карабахе [9]. Возрождение данного конфликта в 2020 г. привело к изменениям в законодательстве Армении, в частности, в Законе Республики Армения «Об обороне», где официально закрепили статус ополченцев, действующих в подчинении Генерального штаба Вооруженных Сил по принципу добровольности граждан и принципу территориальности. Во время вооруженных конфликтов за ополченцем закрепляется оружие, ему предоставляется военная форма, и ополченец приказом руководителя (начальника) штаба ополчения назначается на соответствующую должность¹.

Кроме того, согласно Закону Республики Армения от 19.06.2013 ЗР-75-Н «О статусе добровольца “Еркрапа”»², участники нагорнокарабахского конфликта вправе получить свидетельство о статусе добровольного защитника родины, что определяет их право на социальные гарантии. Согласно ст. 72 Закона Республики Армения от 29.11.2017 № ЗР-195 «О военной службе и статусе военнослужащего»³ лицами, приравненными к военнослужащим, являются лица, имеющие статус участника боевых действий по обороне Республики Армения либо статус добровольца «Еркрапа», и на них, а также на членов их семей распространяются некоторые положения данного закона, устанавливающие гарантии в сфере денежного обеспечения, предоставления жилья военнослужащим, гарантии в сфере образования, транспортного обслуживания и т. д.

Беларусь

Некоторые белорусские авторы отмечают прямое воздействие специальной военной операции, проводимой Россией, на внутривнутриполитические процессы в Республике Беларусь, в том числе вопросы антитеррористической безопасности и связанные с ней внешнеполитические проблемы [11]. Множество факторов, усиливающих внешние вызовы безопасности Республики Беларусь, стали основанием к принятию Закона Республики Беларусь 17.07.2023 № 287-З «О народном ополчении»⁴, который урегулировал отношения, связанные с добровольным участием граждан в обеспечении военного положения на

¹ Закон Республики Армения от 29.11.2017 № ЗР-196 «Об обороне» // Официальные ведомости Республики Армения. 13.12.2017. № 74 (1349). Ст. 1213.

² Закон Республики Армения от 19.06.2013 ЗР-75-Н «О статусе добровольца “Еркрапа”» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Республики Армения. URL: http://www.parliament.am/search.php?where=whole&how=all_words&what=Երկրապետ (дата обращения: 05.12.2023).

³ Закон Республики Армения от 29.11.2017 № ЗР-195 «О военной службе и статусе военнослужащего» // Официальные ведомости Республики Армения. 06.12.2017. № 73 (1348). Ст. 1209.

⁴ Закон Республики Беларусь от 17.07.2023 № 287-З «О народном ополчении» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 20.07.2023. 2/3007.URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300287> (дата обращения: 31.05.2024).

территории административно-территориальных единиц, закрепил такие понятия, как народное ополчение, доброволец народного ополчения. Добровольцу в связи с исполнением им обязанностей, предусмотренных указанным законом, предоставляются социальные гарантии, установленные законодательством Республики Беларусь для военнослужащих, проходящих военную службу по мобилизации.

Киргизия

В Республике Киргизия в соответствии с изменениями, внесенными Законом Кыргызской Республики от 07.08.2023 № 164¹, Закон Кыргызской Республики от 30.09.1998 № 125 «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Кыргызской Республике»² позволяет добровольную мобилизацию граждан от 18 лет, которые встают на защиту родины в случае угроз. Интересно, что еще в 2007 г. ученые Киргизии отмечали, что военная реформа, проводимая в республике с 2002 г., не учитывала периодические нападения на пограничные посты и изменения, происходящие в регионе [14]. Нынешними изменениями предусмотрена выдача оружия для жителей приграничных сел, что частично опосредует обеспечение безопасности за счет добровольного участия в защите границ. Данные изменения в законодательстве Кыргызстана произошли в связи с вооруженным конфликтом на границе Кыргызской и Таджикской республик в 2022 г.

Казахстан

Казахстан принял военную доктрину, утвержденную Указом Президента Республики Казахстан от 29.09.2017, которая носит, по мнению казахстанских ученых, оборонительный характер и отражает приверженность Республики Казахстан к приоритетному использованию для защиты национальных интересов дипломатических, политических, правовых, экономических и других невоенных средств [3], а вооруженные силы Казахстана являются оплотом стабильности и независимости [10]. В 2021 г. принимается Концепция строительства и развития Вооруженных сил, других войск и воинских формирований Республики Казахстан, которой предусмотрена реализация мероприятий по введению службы в резерве на 2021–2025 гг.

В Казахстане в ноябре 2023 г. в первом чтении одобрен закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам службы в резерве»³. С целью поддержания боевой и мобилизационной готовности в интересах национальной безопасности страны предлагается ввести воинскую службу в резерве.

Нормативно-правовая основа обеспечения добровольческих формирований в странах БРИКС

Бразилия

Интересным в рамках исследования представляется то, что, согласно Закону Национального конгресса Бразилии № 4375 от 17.08.1964 «О военной службе»⁴, командующие Вооруженными силами Бразилии могут в любое время при необходимости разрешить прием на временную военную службу добровольцев, независимо от того, являются ли они резервистами или нет. Добровольцы проходят упрощенный отбор для зачисления на действительную службу в качестве младшего офицера или временного рядового офицера при соблюдении требования к возрасту — максимальный возраст для поступления должен составлять 40 лет. Граждане, обладающие признанной профессионально-технической компетентностью или общепризнанными научными знаниями, могут добровольно проходить временную службу в качестве временных старших офицеров, максимальный возраст для поступления добровольцев составляет 62 года. При этом такой доброволец должен предоставить документы об образовании по специальности, представляющей интерес для Вооруженных сил Бразилии. Добровольная служба имеет

¹ Закон Кыргызской Республики от 07.08.2023 № 164 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики в сфере обороны» // ЭркинТоо. 11.08.2023. № 64.

² Закон Кыргызской Республики от 30.09.1998 № 125 «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Кыргызской Республике» // Нормативные акты Кыргызской Республики. 1998. № 19.

³ Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам службы в резерве» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mod/documents/details/189908?lang=ru&ysclid=lseg94jzrk916191625> (дата обращения: 14.02.2024).

⁴ Lei no 4.375, de 17 de agosto de 1964. Leidoserviçomilitary [Электронный ресурс] // GOV.BR.URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l4375.htm (дата обращения: 01.06.2024).

фиксированный срок 12 месяцев, который может быть продлен по усмотрению Военной администрации, и не может превышать 96 месяцев.

На сегодняшний день Республика Бразилия находится вне участия в военных действиях, поэтому ученые отмечают, что потенциал армии Бразилии распространяется в иных направлениях, как позитивных — поддержка современных операций, включая операции по борьбе с наркотиками [15], так и негативно воспринимающихся населением страны — возобновление традиций вмешательства в политику [17].

Южно-Африканская Республика (ЮАР)

Закон ЮАР «О регулировании иностранной военной помощи» (Закон № 15 от 1998 г.) является важным законом, регулирующим вступление в Южноафриканские национальные силы обороны (SANDF). Закон имеет решающее значение для присутствия частных военных и охранных компаний, действующих на территории Южной Африки, некоторые из которых основаны бывшими военнослужащими SANDF, имеющими опыт ведения боевых действий в Африке, что уже является инструментом, который не предполагает развитую систему добровольчества в национальных силах обороны ЮАР. Кроме того, авторы отмечают снижение эффективности сил обороны, т. к., помимо традиционных функций — поддержания национального суверенитета и обеспечения территориальной целостности, они отвечают и на другие национальные цели — внешнеполитические цели и экономические интересы страны [16].

Индия

Индийская армия — крупнейшая в мире постоянная добровольческая армия. Структуру вооруженных сил Индии составляет Территориальная армия, которая является частью регулярной индийской армии. Каждый офицер Территориальной армии, которым может стать каждый гражданин Индии, в том числе и женщины с 2020 г., добровольно вступившие в нее, обязаны проходить военную службу при определенных условиях, например, для поддержки или дополнения регулярных сил, при командировании к любым регулярным силам либо по его собственной просьбе, либо на предписанных условиях¹. Нужно отдельно отметить, что Территориальная армия Индии не является источником трудоустройства. Место в такой армии предназначено только для тех людей, которые уже имеют опорные гражданские профессии, оплачиваемая работа или самозанятость является предварительным условием для вступления в Территориальную армию, т. е. дополнительной оплаты со стороны государства добровольное выполнение обязанностей не предполагает.

Китай

Большие результаты в правотворчестве в сфере военной обороны достигнуты Китаем [1]. Стоит заметить, что действительно активный интерес к военному праву иностранных государств возникает в нынешнее время, а большие изменения и пересмотр нормативно-правового обеспечения деятельности Вооруженных Сил РФ происходят с 2022 г., с наступлением очевидных военных угроз для российского государства.

Интересно, что сохранение термина «китайские военные добровольцы» и правового регулирования расценивается как агрессия, а не показатель того, что данный механизм (создание и обеспечение добровольческой армии) является проработанным с правовой точки зрения и действенным с практической [12].

Законодательство Китая предусматривает систему военной службы, основанную на добровольной военной службе, которая сочетает добровольную военную службу с обязательной военной службой, где военные добровольцы принимаются до 49 лет. На обе категории военнослужащих распространяются гарантии и льготы от государства, а добровольно вступившие в армию приравниваются к военнослужащим². Авторы отмечают, что Китай с 1980-х гг. преуспевает в оценке международной обстановки в области безопасности и в связи с формированием восприятия угрозы китайским руководством и преуспевает в создании армии именно в мирное время [13].

¹ The Territorial Army Act, 1948 UNION OF INDIA Indiathe Territorial Army Act, 1948 Act 56 of 1948 // Published in Gazette 56 on 10 September 1948.

² Закон о защите статуса, прав и интересов военнослужащих Китая (2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/a/law-on-the-protection-of-the-status-and-rights-and-interests-of-military-personnel> (дата обращения: 01.02.2023).

Правовое регулирование обеспечения лиц, вступивших в добровольческие формирования, в ходе СВО

Проводя анализ изменений правового регулирования в условиях специальной военной операции (далее — СВО), стоит отметить, что данный термин, который еще только осмысливается в рамках научного сообщества [8], отличается от условий обычного времени, но в то же время отличается от условий военного времени [6], что значительно повышает необходимость и актуальность данного исследования. В Российской Федерации первые упоминания о добровольцах, выполняющих задачи в зоне СВО, на законодательном уровне появились в ноябре 2022 г. в Федеральном законе от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне»¹ (далее — ФЗ «Об обороне»). Согласно п. 8.1 ст. 1 данного закона для выполнения отдельных задач в области обороны привлекаются добровольческие формирования, содействующие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (при мобилизации, введении военного положения, возникновении военных конфликтов и т. д.). Добровольческие формирования могут создаваться Министерством обороны Российской Федерации по решению Президента Российской Федерации (п. 1 ст. 22 ФЗ «Об обороне»).

Для получения статуса добровольца необходимо заключить контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации. Согласно Приказу Министра обороны РФ от 15.02.2023 № 67 при подаче гражданином заявления на заключение соответствующего контракта к добровольцам предъявляются требования: гражданство Российской Федерации, гражданин не находится на военной службе, прошел военную службу по призыву или альтернативную гражданскую службу, соответствует требованиям к состоянию здоровья, к уровню физической подготовленности. До вступления в добровольные формирования проводится психологическое обследование в целях определения уровня развития профессионально важных качеств. Помимо этого, в отношении гражданина не должны вестись дознание, предварительное следствие или передача уголовного дела в суд, вынесение в отношении него обвинительного приговора и назначение наказания, а также назначение кандидату административного наказания за потребление наркотических средств или психотропных веществ².

Соглашаясь с мнением большинства авторов [2; 7], на сегодняшний день, помимо принятия законодателем оперативных решений, жизненно необходимо привести существующую в нашем государстве систему защиты прав в соответствие с новыми обстоятельствами и законодательно закрепить конкретные способы и процессуальные формы защиты прав, свобод и интересов лиц, участвующих в СВО.

Одной из динамично развивающихся областей права с 2022 г. является право социального обеспечения как военнослужащих, так и граждан, вступивших в добровольческое формирование, а также членов их семей. Объясняется это довольно просто — ввиду важности и востребованности социально-обеспечительных предоставлений (причем как для самих получателей, так и для самого государства) значительно увеличивается и развивается правовое регулирование в данной сфере.

После окончания контракта добровольцы получают статус ветерана боевых действий в соответствии с Федеральным законом от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах»³, который дает им право на социальное обеспечение как ветеранам боевых действий.

Ст. 2 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»⁴ (далее — ФЗ «О статусе военнослужащих») дополнена п. 5.1, в котором право на социальные гарантии и компенсации предоставляются гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, наравне с военнослужа-

¹ Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» // Российская газета. 06.06.1996. № 106.

² Приказ Министра обороны РФ от 15.02.2023 № 67 «Об определении порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, а также порядка заключения контракта гражданами Российской Федерации о пребывании в добровольческом формировании и типовой формы контракта» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. 07.03.2023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303070007?ysclid=lwvlioior0217594141> (дата обращения: 31.05.2024).

³ Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» // Российская газета. 25.01.1995. № 19.

⁴ Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Российская газета. 02.06.1998. № 104.

щими и членами их семей, кроме того, данный закон дополнился ст. 13.2, которая установила уровень денежного содержания добровольцев не ниже размеров денежного довольствия военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

Заключение

Опыт стран БРИКС показывает различные подходы к военному добровольчеству. Так, уровень обеспечения со стороны государства данной категории граждан варьируется от его отсутствия, как в Индии, где служба не является источником заработка, более того, постоянная оплачиваемая работа — условие поступления, до предоставления государством добровольцам всех социальных гарантий и уравнивание их статуса с военнослужащими, как в Китае. Представляется интересным опыт Бразилии, законодательство которой предполагает привлечение добровольцев, обладающих специальными знаниями, в которых заинтересованы вооруженные силы страны. Единственной страной — участницей БРИКС, чье законодательство не предполагает участие добровольцев в рядах вооруженных сил страны, является ЮАР.

В рамках анализа правового регулирования стран — членов ЕАЭС стоит отметить, что законодательство данных государств имеет схожие черты. Так, законодательством Казахстана и Беларуси предполагается содержание государством военных добровольцев, как дополнительной силы, с целью постоянного поддержания боевой и мобилизационной готовности. В таких странах, как Россия и Армения, прослеживается зависимость законодательных изменений от конкретных происходящих конфликтов, что приводит к нуждаемости государства в укреплении военной мощи, а соответственно, в лицах, добровольно поступающих на военную службу. При этом устанавливаемое правовое регулирование распространяется только на лиц, участвующих (бывших участников) в конкретных вооруженных конфликтах. Так, законодательство Армении направлено на социальное обеспечение добровольцев «Еркрапа», России — на лиц, поступивших в добровольные формирования, содействующие выполнению задач, возложенных на ВС РФ в ходе СВО. В Кыргызстане нет законодательно закрепленного статуса добровольца, но некоторые правовые изменения частично опосредуют обеспечение безопасности за счет добровольного участия граждан в защите границ.

Литература

1. Бевеликова Н. М., Трощинский П. В. Развитие правового статуса Вооруженных сил КНР // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 15–30. EDN: TNVMOF. DOI: 10.12737/7795
2. Ильин В. А., Морев М. В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 5. EDN: IJGJHO. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.1
3. Исмагулов К. Е., Ахметов Е. К. К вопросу об эффективности закона республики Казахстан «Об обороне и Вооруженных силах Республики Казахстан» (Мониторинг законодательства) // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2021. № 2 (65). С. 134–141. EDN: SJRRWI. DOI: 10.52026/2788-5291_2021_65_2_134
4. Керимов Д. А. Предмет общей теории государства и права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 1. С. 7–16. EDN: UDZQJV
5. Корчагин Р. Совершенствование правотворческого процесса в военно-социальной сфере. Концептуальный подход // Государственная служба. 2010. № 4 (66). С. 69–71. EDN: MVYSSL
6. Мирхайдарова М. Ю. Криминализация и ужесточение ответственности за совершение преступлений против военной службы, против мира и безопасности человечества в условиях проведения специальной военной операции // Российский следователь. 2023. № 8. С. 40–42. EDN: ORRFLN. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-8-40-42
7. Михайлова Е. В. Способы и формы защиты прав граждан, призванных в рамках частичной мобилизации // Российский судья. 2023. № 8. С. 7–11. EDN: TIJUPH. DOI: 10.18572/1812-3791-2023-8-7-11

8. Некрасов Д. В. Специальная военная операция на Украине в контексте теории справедливой войны // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 164–166. EDN: QKQIWB. DOI: 10.34823/SGZ.2022.5.518899
9. Петросян Т. Добровольческое движение в Армении // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2019. № 1 (6). С. 183–185. EDN: NATCZO
10. Сайлан Б. С. Вооруженные Силы Казахстана: образование и перспективы развития // Вестник Военного института Сухопутных войск. 2022. № 50. С. 9–17. (На казахском) EDN: PPGNUL. DOI: 10.56132/2791-3368.2022.2-49-01
11. Сергеев Н. М., Волков Г. Ю. Республика Беларусь и специальная военная операция // Постсоветский материк. 2023. № 2 (38). С. 27–45. EDN: LKZTUO. DOI: 10.48137/23116412_2023_2_27
12. Топчий И. А. Китайские войска на территории КНДР после завершения Корейской войны (1953–1958 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1 (34). С. 245–256. EDN: CNSMBK. DOI: 10.21285/2415-8739-2020-1-245-256
13. Kai Liao. The Future War Studies Community and the Chinese Revolution in Military Affairs // International Affairs. 2020. Vol. 96. No. 5. P. 1327–1346, DOI: 10.1093/ia/iiaa098
14. Kutnaeva N. Armed Forces and Military Reform in Kyrgyzstan // Central Asia and the Caucasus. 2007. No. 5 (47). P. 116–127. EDN: PWDLDF
15. Passos A. From Counterinsurgency to Law-and-Order Operations: An Analysis of Social Civic Actions Implemented by the Brazilian Army // Conflict, Security & Development. 2023. No. 23. P. 135–152. DOI: 10.1080/14678802.2023.2226610/
16. Thuso Benton Mongwaketse. The SANDF as a Human Security Instrument Post-1994 // The Strategic Review for Southern Africa. 2020. Vol. 38. No. 2. P. 28–52. DOI: 10.35293/SRSA.V38I2.222
17. Villa R. D., Passos A. M. Engagement of Military Peacekeepers in Brazilian Politics (2011–2021) // Armed Forces & Society. 2022. Vol. 49. No. 3. P. 752–775. DOI: 10.1177/0095327X221087254

Об авторе:

Семяникова Дина Александровна, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); кандидат юридических наук; e-mail: semyannikova-da@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-5113-5958

References

1. Bevelikova N. M., Troshchinsky P. V. Development of the Legal Status of the Armed Forces of the People's Republic of China // Journal of Russian Law [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2015. No. 3. P. 15–30. (In Russ.) EDN: TNVMOF. DOI: 10.12737/7795
2. Ilyin V. A., Morev M. V. The Special Military Operation Reveals New Features of Civil Society // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast [Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz]. 2022. V. 15. No. 5. (In Russ.) EDN: IJGJHO. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.1
3. Ismagulov K. E., Akhmetov E. K. On the Effectiveness of the Law of the Republic of Kazakhstan “On the Defense and the Armed Forces of the Republic of Kazakhstan” (Monitoring of Legislation) // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan [Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan]. 2021. No. 2 (65). P. 134–141. (In Russ.) EDN: SJRRWI. DOI: 10.52026/2788-5291_2021_65_2_134
4. Kerimov D. A. The Subject of Common Theory of State and Law // Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie [Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie]. 1976. No. 1. P. 7–16. (In Russ.) EDN: UDZQJV
5. Korchagin R. Improvement of the Lawmaking Process in the Military Social Sphere: A Conceptual Approach // Public Administration [Gosudarstvennaya sluzhba]. 2010. No. 4 (66). P. 69–71. (In Russ.) EDN: MVYSSL

6. Mirkhaydarova M. Yu. Criminalization and Toughening of the Liability for Crimes against the Military Service, Peace and Security of the Humanity in the Conditions of the Special Military Operation // Russian Investigator [Rossiiskii sledovatel'']. 2023. No. 8. P. 40–42. (In Russ.) EDN: ORRFLN. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-8-40-42
7. Mikhailova E. V. Ways and Forms of Protecting the Rights of Citizens Conscripted for Military Service during Partial Mobilization // Russian Judge [Rossiiskii sud'ya]. 2023. No. 8. P. 7–11. (In Russ.) EDN: TIJUPH. DOI: 10.18572/1812-3791-2023-8-7-11
8. Nekrasov D. V. Special Military Operation in Ukraine in the Context of the Theory of Just War // Social and Humanitarian Knowledge [Sotsial'no-gumanitarnye znaniya]. 2022. No. 5. P. 164–166. (In Russ.) EDN: QKQIWB. DOI: 10.34823/SGZ.2022.5.518899
9. Petrosyan T. Volunteerism in Armenia // Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary [Vestnik Omskoi Pravoslavnoi Dukhovnoi Seminarii]. 2019. No. 1 (6). P. 183–185. (In Russ.) EDN: NATCZO
10. Sailan B. S. Armed Forces of Independent Kazakhstan: Creation and Development // Military Institute of Land Forces Bulletin [Vestnik Voennogo institute Sukhoputnykh voisk]. 2022. No. 50. P. 9–17. (In Kazakh.) EDN: PPGNUL. DOI: 10.56132/2791-3368.2022.2-49-01
11. Sergeev N. M., Volkov G. Y. Republic of Belarus and Special Military Operation // Post-Soviet Continent [Postsovetskii materik]. 2023. No. 2 (38). P. 27–45. (In Russ.) EDN: LKZTUO. DOI: 10.48137/23116412_2023_2_27
12. Topchiy I. A. Chinese Troops on the Territory of DPRK after the End of the Korean War (1953–1958) // Reports of the Laboratory of Ancient Technologies [Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii]. 2020. Vol. 16. No. 1 (34). P. 245–256. (In Russ.) EDN: CNSMBK. DOI: 10.21285/2415-8739-2020-1-245-256
13. Kai Liao. The Future War Studies Community and the Chinese Revolution in Military Affairs // International Affairs. 2020. Vol. 96. No. 5. P. 1327–1346, DOI: 10.1093/ia/iiaa098
14. Kutnaeva N. Armed Forces and Military Reform in Kyrgyzstan // Central Asia and the Caucasus. 2007. No. 5 (47). P. 116–127. EDN: PWDLDF
15. Passos A. From Counterinsurgency to Law-and-Order Operations: An Analysis of Social Civic Actions Implemented by the Brazilian Army // Conflict, Security & Development. 2023. No. 23. P. 135–152. DOI: 10.1080/14678802.2023.2226610/
16. Thuso Benton Mongwaketse. The SANDF as a Human Security Instrument Post-1994 // The Strategic Review for Southern Africa. 2020. Vol. 38. No. 2. P. 28–52. DOI: 10.35293/SRSA.V38I2.222
17. Villa R. D., Passos A. M. Engagement of Military Peacekeepers in Brazilian Politics (2011–2021) // Armed Forces & Society. 2022. Vol. 49. No. 3. P. 752–775. DOI: 10.1177/0095327X221087254

About the author:

Dina A. Semiannikova, Associate Professor of the Department of Law of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence;
e-mail: semyannikova-da@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-5113-5958

Общий финансовый рынок ЕАЭС: понятие, структура и проблемы формирования

Агамагомедова С. А.

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

e-mail: saniyat_aga@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8265-2971

РЕФЕРАТ

Цель. Целью исследования выступает обоснование понятия и структуры общего финансового рынка Евразийского экономического союза, выделение проблем его формирования и способов их решения.

Задачи. В качестве задач исследования выступают: обзор и анализ определений общего финансового рынка в договорно-правовой базе Евразийского экономического союза; выделение ключевых аспектов развития общего финансового рынка; определение его структуры, проблем формирования, предложение способов их решения.

Методология. Используются методы: институционального анализа, сравнительного анализа, системного анализа для обоснования аспектов формирования и структуры общего финансового рынка Евразийского экономического союза. Был также использован метод формально-логического анализа при уточнении понятий общего финансового рынка в различных актах интеграционного уровня.

Результаты. Во-первых, на уровне Евразийского экономического союза установлено понятие и критерии общего финансового рынка.

Во-вторых, выделено широкое и узкое понимание структуры общего финансового рынка в контексте евразийской интеграции.

В-третьих, ключевыми аспектами развития общего финансового рынка выступают: расширение спектра и доступности финансовых услуг; обеспечение прав потребителей финансовых услуг и инвесторов; безопасность и прозрачность финансовых услуг.

В-четвертых, выделены проблемы формирования общего финансового рынка, среди которых различный уровень развития рынков государств — членов интеграции, слабый сектор рынка ценных бумаг и инвестиций.

Выводы. Общий финансовый рынок выступает частью евразийской интеграции, процессы формирования такого рынка — составляющими интеграционных процессов. Структура общего финансового рынка в узком понимании включает сектор банковских и страховых услуг, сектор рынка ценных бумаг, отношения между этими секторами. Широкое понимание структуры общего финансового рынка дополнительно вбирает в себя налоговое, бюджетное и валютное пространство.

Ключевые слова: финансовый рынок, евразийская интеграция, банковские услуги, валютный рынок, страховые услуги, инвестиции

Для цитирования: Агамагомедова С. А. Общий финансовый рынок ЕАЭС: понятие, структура и проблемы формирования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 90–97.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-90-97>. EDN: KMXFFR

Common Financial Market of the EAEU: Concept, Structure and Problems of Formation

Saniyat A. Agamagomedova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

e-mail: saniyat_aga@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8265-2971

ABSTRACT

Aim. The purpose of the study is to substantiate the concept and structure of the common financial market of the Eurasian Economic Union, highlight the problems of its formation and ways to solve them.

Tasks. The objectives of the study are: review and analysis of the definitions of the common financial market in the legal framework of the Eurasian Economic Union; highlighting key aspects of the development of the common financial market; defining its structure, problems of formation, proposing ways to solve them.

Methods. Methods were used: institutional analysis, comparative analysis, system analysis to substantiate aspects of the formation and structure of the common financial market of the Eurasian Economic Union. The method of formal logical analysis was also used to clarify the concepts of the common financial market in various acts of the integration level.

Results. Firstly, at the level of the Eurasian Economic Union, the concept and criteria of a common financial market have been established.

Secondly, a broad and narrow understanding of the structure of the common financial market in the context of Eurasian integration is highlighted.

Thirdly, the key aspects of the development of the common financial market are: expanding the range and accessibility of financial services; ensuring the rights of consumers of financial services and investors; security and transparency of financial services.

Fourthly, the problems of forming a common financial market are highlighted, including the different levels of development of the markets of the integration member states, the weak sector of the securities and investment markets.

Conclusions. The common financial market is part of Eurasian integration, the processes of formation of such a market are components of integration processes. The structure of the general financial market in the narrow sense includes the banking and insurance services sector, the securities market sector, and the relations between these sectors. A broad understanding of the structure of the general financial market additionally includes the tax, budget and currency areas.

Keywords: financial market, eurasian integration, Banking services, currency market, insurance services, investments

For citing: Agamagomedova S. A. Common Financial Market of the EAEU: Concept, Structure and Problems of Formation // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 90–97. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-90-97>. EDN: KMXFFR

Введение

Экономическое сближение государств, интеграция их экономик предполагает закономерное единение их финансовых рынков. Свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы должна обеспечиваться в том числе и единым пространством финансовых услуг. Понятие финансового рынка — обобщающий термин для рынка капиталов, денежного рынка, валютного рынка. Межгосударственная экономическая интеграция неразрывно связана с интеграцией финансовой, развитием общего биржевого и платежного пространства, поэтапной гармонизацией и унификацией налоговых, валютных, банковских и иных механизмов. В условиях Евразийского экономического союза (ЕАЭС) формируется

общий финансовый рынок государств — членов ЕАЭС или единый евразийский рынок. Полагаем, что этот рынок представляет собой прежде всего рынок определенных финансовых услуг.

Общий финансовый рынок структурно сложен, включает в себя несколько сегментов, правовое регулирование и развитие которых происходит неравномерно и неодинаково. Ученые справедливо отмечают в связи с этим, что становление и функционирование любого межгосударственного образования не может осуществляться без финансирования, направляемого в том числе на создание общей инфраструктуры [8]. В этой связи в структуре формирующегося общего финансового рынка в рамках евразийской интеграции можно выделить сегмент, обеспечивающий институциональную и иную инфраструктуру такого рынка.

Понятие общего финансового рынка в контексте евразийской экономической интеграции

Право ЕАЭС оперирует такими понятиями, как финансовые рынки государств — членов ЕАЭС, общий финансовый рынок ЕАЭС, трансграничные финансовые рынки. Последние, к примеру, упоминаются в п. 9 Приложения № 19 Договора о ЕАЭС.

На уровне ЕАЭС закреплено несколько определений общего финансового рынка. Во-первых, в Договоре о ЕАЭС дается определение общему финансовому рынку в п. 3 Протокола по финансовым услугам (Приложение № 17 к Договору о ЕАЭС), согласно положениям которого под ним понимается финансовый рынок государств-членов, который соответствует ряду критериев, связанных с тождественностью требований к регулированию и надзору; взаимным признанием определенных разрешительных документов; взаимодействием между соответствующими органами стран — участниц интеграции¹.

Во-вторых, определение общему финансовому рынку в рамках ЕАЭС дано в Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза (далее — Концепция ОФР)², в которой под таким рынком понимается финансовый рынок государств — членов ЕАЭС, дающий возможность упрощенного и недискриминационного доступа субъектов финансового рынка на рынки друг друга.

Отметим, что в Концепции ОФР в структуру такого рынка включены банковский сектор, сектор рынка ценных бумаг и страховой сектор каждого государства-члена, а также совокупность отношений, регулирующих взаимодействие между секторами финансового рынка.

Согласно положениям Договора о ЕАЭС к финансовым рынкам, помимо выделенных выше сегментов, отнесен и валютный рынок (пп. 11 п. 3 Приложения № 3 к Договору о ЕАЭС). В документах предыдущего периода в содержание финансовых услуг или услуг финансового характера, помимо выделенных в Концепции ОФР трех секторов, также был отнесен и сектор услуг на валютном рынке³. Это свидетельствует о несколько усеченном понимании структуры общего финансового рынка в Концепции ОФР. При этом ученые при исследовании рассматриваемых аспектов оперируют понятиями не только финансовой интеграции в рамках ЕАЭС [11], но и «евразийской валютно-финансовой интеграции» [5], что обоснованно свидетельствует о неразрывной связи валютных и общефинансовых механизмов экономической интеграции.

Безусловно, процессы формирования и развития общего финансового рынка обусловлены не только интеграционной, но и цифровой повесткой современного экономического развития. В связи с этим можно выделить несколько ключевых аспектов развития подобного рынка в рамках евразийской интеграции. Во-первых, это аспект стимулирования развития финансовых технологий и инновационной деятельности на финансовых рынках.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». 05.06.2014. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=478355&dst=1000000001&cacheid=9D035170DA4078BB55D2C0203682E8E3&mode=splus&rnd=Di8zeg#Vl1zGFU4M9ISQ3IC1> (дата обращения: 17.02.2024).

² Решение Высшего Евразийского экономического совета от 01.10.2019 № 20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». 02.10.2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=334585&cacheid=13A6FC56F311E9CE258D65000EB435E0&mode=splus&rnd=Di8zeg#s5a0HFU0dmGwaqmH> (дата обращения: 17.02.2024).

³ Соглашение о создании условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала от 9 декабря 2010 года (утратил силу). Бюллетень международных договоров. № 11, ноябрь, 2012 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=nfMw4w&base=LAW&n=113010#D951HFU0vjIqZby41> (дата обращения: 17.02.2024).

Во-вторых, это аспект расширения спектра и доступности финансовых услуг для граждан и организаций.

В-третьих, это аспект обеспечения защиты прав потребителей финансовых услуг и инвесторов.

В-четвертых, это аспект безопасности финансовых услуг для потребителей финансовых услуг и иных участников финансовых отношений.

В-пятых, это аспект обеспечения прозрачности происхождения и оборота капитала финансовых организаций на единой экономической территории ЕАЭС.

В-шестых, это аспект равных финансовых возможностей для граждан и хозяйствующих субъектов государств — членов ЕАЭС, в том числе равного доступа к финансовым продуктам, в большинстве своем цифровым.

Учет выделенных аспектов позволит обеспечить минимизацию рисков в финансовой сфере в рамках интеграции, финансовую стабильность государств — участников интеграции, а также всего евразийского финансового рынка в целом¹.

Таким образом, процессы формирования общего финансового рынка в рамках евразийской интеграции обеспечены регламентацией на уровне базовых международных договоров ЕАЭС. В рамках Концепции ОФР такой рынок позиционируется в качестве финансового рынка государств — членов ЕАЭС, основанного на максимально свободном и равном доступе субъектов финансового рынка на рынки друг друга.

Структурные составляющие общего финансового рынка, их особенности

Как уже отмечалось нами выше, Концепция ОФР касается усеченной структуры ОФР, включающей только три сегмента, развитие которых планируется осуществлять в течение двух этапов, промежуточной вехой между ними будет 2025 г. Представляется, что в настоящий период государства — участники интеграции осуществляют согласованное (не единое и не унифицированное) регулирование финансовых рынков. Цели и принципы такого регулирования можно условно разделить на два блока: связанные с регуляторами (национального и наднационального уровня) и связанные с потребителями финансовых услуг.

К первой группе следует отнести вектор развития экономической интеграции государств-членов с целью создания в рамках ЕАЭС общего финансового рынка и др.

Вторая группа включает в себя цели обеспечения гарантированной и эффективной защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг; принципы доступности таких услуг и равенства доступа к ним, открытости деятельности участников финансового рынка.

Для достижения выделенных целей участники евразийской интеграции максимально сближают требования в сфере финансового рынка.

Гармонизация требований, которая понимается в контексте сближения нормативной базы государств-членов, направленного на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования, применительно к осуществлению деятельности на финансовых рынках государств-членов должна осуществляться при условии, что сохраняющиеся различия не мешают эффективному функционированию общего финансового рынка (п. 33 Протокола № 17 к Договору о ЕАЭС). Гармонизированные требования разрабатываются с учетом различных оснований: международные стандарты в соответствующей сфере, эффективные международные практики, лучшие практики в рамках ЕАЭС.

Структура общего финансового рынка включает в себя рынок банковских услуг как важнейшую составляющую. Ученые в связи с этим обоснованно признают, что среди сегментов финансовой интеграции важное значение сегодня имеет интеграция банковских систем [10]. При этом в настоящий период тренд

¹ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 01.10.2019 № 20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». 02.10.2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=334585&cacheid=80AEF5E5869B836232BF1BE9830F439E&mode=splus&rnd=Di8zeg#BkJ1HFU3CjPkk6dL> (дата обращения: 17.02.2024).

глобальной интеграции сменился региональными или макроэкономическими приоритетами в сфере банковских услуг.

Сравнительно менее исследованными представляются, на наш взгляд, вопросы формирования общего бюджетного пространства ЕАЭС. Д. В. Винницкий справедливо обращает внимание на тот факт, что бюджетное право традиционно признавалось и признается до сих пор относительно «защищенным» от воздействия международных правовых механизмов [4, с. 168].

Несмотря на упомянутые выше три сектора общего финансового рынка, закрепленные в Концепции ОФР, вопросы валютного и налогового регулирования закономерно выступают составляющей общего финансового рынка. Представляется, что эти сегменты в отличие от банковского сектора, секторов страховых услуг и рынка ценных бумаг слабо ассоциируются с финансовыми услугами в традиционном их понимании. При этом валютные и налоговые статусы выступают элементами общего финансового статуса субъектов рынка ЕАЭС. Так, применительно к налоговому регулированию вопросы косвенного трансграничного налогообложения признаются частью универсальной проблемы функционирования интеграционного образования, при этом они воздействуют на хозяйственную практику, уровень защищенности прав налогоплательщиков [3, с. 92–93].

Что касается валютного рынка (*foreign exchange*), считающегося крупнейшим и старейшим финансовым рынком в мире, то на нем стало особенно заметным влияние электронной торговли. В результате чего валютный рынок, по оценке специалистов, стал более централизованным и концентрированным [12].

Применительно к ЕАЭС ученые подчеркивают необходимость создания экономического валютного союза и функционирования в его рамках наднационального центрального банка [8].

Таким образом, в структуру общего финансового рынка государств — членов ЕАЭС, помимо секторов, закрепленных в Концепции ОФР, следует включить аспекты общего бюджетного, налогового, валютного регулирования. Несмотря на то что данные сегменты не связаны напрямую с финансовыми услугами и развиваются не всегда синхронно, они представляют собой неотъемлемые составляющие общего финансового рынка в рамках евразийской интеграции.

Проблемы формирования общего финансового рынка и способы их решения

Эффективность, ликвидность, порядок и устойчивость финансовых рынков повышают финансовую стабильность в целом¹. Данное положение применимо как к национальным правовым порядкам, так и в отношении интеграционной экономики. Ученые предлагают модель формирования общего евразийского финансового рынка на основе теории финансовой интеграции и с учетом опыта Европейского союза [1].

В формировании общего финансового рынка в рамках ЕАЭС имеют место проблемы. При этом в одних случаях ученые выделяют отдельные проблемы в определенных секторах, в других — в целом констатируют неразвитость формирующегося общего финансового рынка. Так, к примеру, специалисты, исследующие отдельные аспекты финансовых услуг в рамках ЕАЭС, в частности краудфандинг как форму альтернативного финансирования, констатируют нестабильность и несовершенство финансового рынка стран ЕАЭС, по сути, отсутствие общего финансового рынка [6, с. 3–4]. Достаточно распространена позиция, согласно которой финансовые рынки существенно изменили свой облик с развитием электронной торговли. В результате торговые издержки, как прямые, так и косвенные, снизились, в то время как объемы, точность и скорость исполнения финансовых операций резко возросли [12].

Выделим несколько проблем формирования общего финансового рынка и предложим способы их решения.

В качестве первой проблемы отметим разный уровень развития в государствах — членах ЕАЭС, т. е. различия в уровнях развития национальных экономик и финансовых рынков [1]. В отдельных случаях ученые обращают внимание на различия применительно к определенному сектору, например, различные

¹ The implications of electronic trading in financial markets. Bank for International Settlements. Report by the Committee on the Global Financial System [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bis.org/publ/cgfs16.htm> (дата обращения: 17.02.2024).

механизмы регулирования кредитования [2]. В качестве путей решения предлагается поэтапное разноскоростное развитие отдельных сегментов финансовых рынков государств — членов ЕАЭС [1]. Что касается проблемы регулирования кредитования, то здесь ученые предлагают принять соглашение о кредитном договоре и принципах потребительского кредитования в ЕАЭС [2].

В качестве другой проблемы ученые называют определенное отставание развития сектора ценных бумаг и фондовых рынков [1]. Низкий инвестиционный потенциал выступает общей проблемой финансовых рынков государств — членов ЕАЭС. Решением ее может стать стимулирование практики новых форм инвестирования (краудфандинг, венчурное инвестирование).

Для повышения привлекательности и эффективного развития общего финансового рынка в рамках ЕАЭС ученые предлагают различные инструменты.

Во-первых, часть из них связана с использованием модельного законодательства (Soft Law), т. е. рекомендательных норм права [5].

Во-вторых, в отдельных случаях для развития банковского сектора в кредитовании потребностей в финансовых ресурсах стран ЕАЭС ученые предлагают ввести механизм стандартизированной лицензии для банков стран ЕАЭС уже сейчас [1].

В-третьих, часть предложений по оптимизации общего финансового рынка связана с перспективой рубля стать в рамках ЕАЭС региональной и резервной валютой [5; 9].

В-четвертых, ученые также предлагают задействовать институциональные факторы в стимулировании формирования единого финансового рынка, в частности, организацию наднационального механизма финансового контроля. Будет ли это новый наднациональный контрольный орган типа Счетной палаты ЕАЭС [11] или что-то еще, трудно сказать. Верность подобных научных прогнозов определит время.

Отметим, что часть инструментов финансового контроля в рамках ЕАЭС достаточно гармонизирована. Речь идет о финансовой составляющей таможенного контроля, которая включает в себя контроль в сфере таможенно-тарифного регулирования, а также контроль происхождения доходов, оборота денежных средств в рамках борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма. Эта часть контроля имеет финансовую природу и обусловлена трансграничным аспектом перемещения финансовых средств.

Но если выделенные аспекты финансового контроля относятся к наиболее и ранее всего унифицированным (Таможенный союз на постсоветском пространстве начинает функционировать с лета 2010 г.), то аспекты налогового, бюджетного контроля, банковского и страхового надзора «подводятся» под общий знаменатель гораздо сложнее, длительнее, с учетом существенной обособленности и самостоятельности соответствующих отраслей национального законодательства стран — участниц интеграционного процесса.

Заключение

В контексте евразийской экономической интеграции следует выделять и финансовую интеграцию. Общий финансовый рынок выступает составной частью евразийской интеграции, а процессы его формирования — разновидностью интеграционных процессов. Как показал проведенный анализ, общий финансовый рынок может рассматриваться как в усеченном понимании — исключительно как рынок определенных финансовых услуг (в соответствии с Концепцией ОФР и других документов), а также более широко (в понимании Договора о ЕАЭС и других документов). Представляет интерес, на наш взгляд, развитие регулирования общего финансового рынка в контексте регуляторной политики в ЕАЭС [7].

Общий финансовый рынок выступает составляющей общего финансового пространства, единой финансовой среды как необходимых задач-целей в контексте евразийской интеграции [11]. В качестве проблем формирования общего финансового рынка государств — членов ЕАЭС нами выделены различия в уровнях развития национальных экономик в целом и зрелости финансовых рынков в частности, а также недостаточная развитость сектора ценных бумаг, инвестиционной деятельности в рамках ЕАЭС. Решение этих и других проблем лежит в плоскости развития модельного регулирования, опережающего

внедрения механизмов стандартизированного лицензирования для банковской деятельности, перспектив рубля стать региональной и резервной валютой ЕАЭС, становления наднационального механизма финансового контроля. В условиях современных вызовов и угроз факторы оптимизации финансовых механизмов на интеграционном уровне могут быть расширены за счет лучших практик самих государств — участников евразийской интеграции и призваны обеспечить свободу движения услуг и капитала, а также финансовую безопасность и устойчивость финансовой системы в рамках ЕАЭС.

Литература

1. *Алексеев П. В., Звонова Е. А.* Развитие концептуальной модели формирования общего финансового рынка государств — членов Евразийского экономического союза // *Банковское право*. 2020. № 4. С. 44–51. EDN: PMWHIZ. DOI: 10.18572/1812-3945-2020-4-44-51
2. *Баишев Р. Ж.* Правовое регулирование потребительского кредитования в государствах ЕАЭС // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. № 1. С. 218–243. EDN: RSTVUY. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.1.218.243
3. *Винницкий Д. В.* Косвенное налогообложение в Таможенном союзе ЕвразЭС имеет особую значимость // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2011. № 9. С. 92–97. EDN: OJCJGJ
4. *Винницкий Д. В.* Теоретические и практические проблемы разработки основ бюджетного законодательства ЕвразЭС // *Российский юридический журнал*. 2012. № 6 (87). С. 159–175. EDN: PJWEUJ
5. *Волова Л. И.* Формирование финансовой (валютной) системы Евразийского экономического союза // *Финансовое право*. 2016. № 6. С. 27–32. EDN: WBCWJN
6. *Гречкин Н. В.* Краудфандинг в странах ЕАЭС: тенденции и направления развития : автореф. дис. ... кандидата экономических наук. Москва, 2022. 231 с. EDN: BIEUAA
7. *Емельянов А. С.* Формирование и реализация регуляторной политики в Евразийском экономическом союзе // *Журнал российского права*. 2023. № 9. С. 131–143. EDN: UZGRQA. DOI: 10.61205/jrp.2023.109
8. *Крохина Ю. А.* Предпосылки и проблемы формирования Центрального банка Евразийского экономического союза // *Банковское право*. 2019. № 2. С. 35–40. EDN: ZAEPRZ. DOI: 10.18572/1812-3945-2019-2-35-40
9. *Крохина Ю. А.* Сможет ли российский рубль стать региональной и резервной валютой? (Перспективы и бюджетные риски в границах Таможенного союза и ЕвразЭС) // *Международное публичное и частное право*. 2014. № 4. С. 6–10. EDN: SEDSPL
10. *Понаморенко В. Е., Четвериков А. О., Карпов Л. К.* Банковская интеграция в ЕС и ЕЭП: возможности правовой трансплантации / отв. ред. С. Ю. Кашкин. М. : Юстицинформ, 2014. 206 с. EDN: SBVMOX
11. *Шохин С. О.* Основы формирования нормативно-правовой базы единой валюты ЕАЭС // *Юридический мир*. 2016. № 6. С. 62–64. EDN: WBGJXN
12. *Frömmel M.* International Financial Markets in the Digital Era // *Digitalization and the Future of Financial Services. Contributions to Finance and Accounting* / ed. by D. B. Vukovic, M. Maiti, E. M. Grigorieva. 2022. P. 85–101. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-11545-5_5

Об авторе:

Агагомедова Саният Абдулганиевна, доцент, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва, Российская Федерация), кандидат юридических наук;
e-mail: saniyat_aga@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8265-2971

References

1. *Alekseev P. V., Zvonova E. A.* The Development of a Conceptual Model of the Establishment of a Common Financial Market of the Eurasian Economic Union Member States // *Banking Law [Bankovskoe pravo]*. 2020. No. 4. P. 44–51. (In Russ.) EDN: PMWHIZ. DOI: 10.18572/1812-3945-2020-4-44-51

2. Baishev R. Zh. Consumer Credit Regulation in EAEU States // Law. Journal of the Higher School of Economics [Pravo. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki]. 2021. No. 1. P. 218–243. (In Russ.) EDN: RSTVUY. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.1.218.243
3. Vinnitskiy D. V. Indirect Taxation in the EurAsEC Customs Union Has a Special Importance // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2011. No. 9. P. 92–97. (In Russ.) EDN: OJCJGJ
4. Vinnitskiy D. V. Theoretical and Practical Problems of Elaboration of Fundamentals of Budget Legislation in the EurAsEC // Russian Juridical Journal [Rossiiskii yuridicheskii zhurnal]. 2012. No. 6 (87). P. 159–175. (In Russ.) EDN: PJWEUJ
5. Volova L. I. Formation of Financial (Currency) System of the Eurasian Economic Union // Financial Law [Finansovoe pravo]. 2016. No. 6. P. 27–32. (In Russ.) EDN: WBCWJN
6. Grechkin N. V. Crowdfunding in the EAEU Countries: Trends and Directions of Development : author's abstract. dis. ... Candidate of Economic Sciences. Moscow, 2022. 231 p. (In Russ.) EDN: BIEUAA
7. Emelyanov A. S. Formation and Implementation of Regulatory Policy in the Eurasian Economic Union // Journal of Russian Law [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2023. No. 9. P. 131–143. (In Russ.) EDN: UZGRQA. DOI: 10.61205/jrp.2023.109
8. Krokhina Yu. A. Prerequisites for and Issues of Establishment of the Central Bank of the Eurasian Economic Union // Banking Law [Bankovskoe pravo]. 2019. No. 2. P. 35–40. (In Russ.) EDN: ZAEPZR. DOI: 10.18572/1812-3945-2019-2-35-40
9. Krokhina Yu. A. Will the Russian Ruble Be Able to Become a Regional and Reserve Currency? (Perspectives and Budgetary Risks within the Borders of the Customs Union and the EurAsEC) // International Public and Private Law [Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo]. 2014. No. 4. P. 6–10. (In Russ.) EDN: SEDSPL
10. Ponamorenko V. E., Chetverikov A. O., Karpov L. K. Banking Integration into the EU and the Common Economic Space: Opportunities for Legal Transplantation / ed. by S. Yu. Kashkin. Moscow : Justitsinform, 2014. 206 p. (In Russ.) EDN: SBVMOX
11. Shokhin S. O. Bases of Formation of Regulatory Framework of the Single Currency of the Eurasian Economic Union // Juridical World [Yuridicheskii mir]. 2016. No. 6. P. 62–64. (In Russ.) EDN: WBGJXN
12. Frömmel M. International Financial Markets in the Digital Era // Digitalization and the Future of Financial Services. Contributions to Finance and Accounting / ed. by D. B. Vukovic, M. Maiti, E. M. Grigorieva. 2022. P. 85–101. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-11545-5_5

About the author:

Saniyat A. Agamagomedova, Associate Professor, senior researcher of the sector of administrative law and administrative process, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), PhD in Jurisprudence;
e-mail: saniyat_aga@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8265-2971

Перспективы сближения законодательства стран ЕАЭС в части правового регулирования искусственного интеллекта

Мельникова Е. Н.

Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: melnikova_elena5@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7263-5281

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование посвящено анализу перспектив сближения законодательства стран ЕАЭС в части правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ).

Цель. Обозначить необходимость и выявить предпосылки наднационального правового регулирования ИИ в ЕАЭС.

Задачи. Перечислить особенности ИИ, обуславливающие необходимость наднационального правового регулирования в контексте анализа последствий для целей ЕАЭС. Составить классификацию и провести анализ предпосылок формирования воли государств — членов ЕАЭС на сближение законодательства стран ЕАЭС в части правового регулирования ИИ.

Методология. Используются проблемно-теоретический, формально-юридический, логический, системно-структурный метод и метод сравнения.

Результаты. Исследование показало, что такие особенности технологий ИИ, как способность к трансграничному причинению вреда и способность к автономным процессам, требуют: а) установления единых для государств ЕАЭС легальных пределов делегирования человеческих полномочий машине, что достигается установлением административных обязанностей участников жизненного цикла систем и приложений ИИ; б) выработки единого подхода к устранению «разрыва ответственности» за вред, причиненный ИИ, и его легального закрепления в праве ЕАЭС, что достигается посредством наднационального регулирования ИИ по обозначенным вопросам. Отсутствие единообразных норм в части распределения ответственности за вред продуцирует правовые коллизии, способствующие созданию препятствий функционирования внутренних рынков и асимметрии в развитии ИИ в рамках ЕАЭС. Результаты анализа предпосылок формирования воли государств — членов ЕАЭС на сближение законодательства стран ЕАЭС в части правового регулирования ИИ позволяют констатировать отсутствие предпосылок единой политики стран ЕАЭС в вопросах создания и использования ИИ, а следовательно, и перспектив сближения законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений посредством формирования наднационального правового регулирования. Однако право ЕАЭС не содержит препятствий к ведению единой политики в области ИИ в будущем.

Выводы. Особенности технологий ИИ требуют наднационального правового регулирования ИИ, по крайней мере, в вопросах распределения ответственности за вред, причиненный ИИ, с тем, чтобы избежать правовых коллизий, способствующих созданию препятствий функционирования внутренних рынков и асимметрии в развитии ИИ в рамках ЕАЭС. Несмотря на текущее отсутствие предпосылок, право ЕАЭС не содержит препятствий для сближения законодательства стран ЕАЭС в части правового регулирования ИИ в случае принятия такого решения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, вред, наднациональное правовое регулирование, разрыв ответственности, правовые коллизии, ЕАЭС, функционирование внутренних рынков

Для цитирования: Мельникова Е. Н. Перспективы сближения законодательства стран ЕАЭС в части правового регулирования искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 98–106.
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-98-106>. EDN: KPEJVR

Prospects for the Convergence of the Legislation of the EAEU Countries Regarding the Legal Regulation of Artificial Intelligence

Elena N. Melnikova

ITMO University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: melnikova_elena5@mail.ru

ORCHID: 0000-0001-7263-5281

ABSTRACT

This study is devoted to the analysis of the prospects for the convergence of the legislation of the EAEU countries regarding the legal regulation of artificial intelligence (AI).

Aim. To identify the need and identify the prerequisites for supranational legal regulation of AI in the EAEU.

Tasks. To list the features of AI that necessitate supranational legal regulation in the context of analyzing the consequences for the purposes of the EAEU. To make a classification and analyze the prerequisites for the formation of the will of the EAEU member states to bring together the legislation of the EAEU countries in terms of legal regulation of AI.

Methods. The problem-theoretical, formal-legal, logical, system-structural method and the method of comparison are used.

Results. The study showed that such features of AI technologies as the ability to cause cross-border harm and the ability to autonomous processes require: a) the establishment of legal limits for delegating human authority to a machine that are uniform for the EAEU states, which is achieved by establishing administrative responsibilities for participants in the life cycle of AI systems and applications; b) developing a unified approach to eliminating the “responsibility gap” for the harm caused by AI and its legal consolidation in the law of the EAEU, which is achieved through supranational regulation of AI on these issues. The lack of “uniform norms” regarding the distribution of responsibility for harm produces legal conflicts that contribute to the creation of obstacles to the functioning of internal markets and asymmetries in the development of AI within the EAEU. The results of the analysis of the prerequisites for the formation of the will of the EAEU member states to bring together the legislation of the EAEU countries in terms of legal regulation of AI allow us to state the absence of prerequisites for a unified policy of the EAEU countries in the creation and use of AI, and consequently, the prospects for the convergence of legislation in the field of public relations through the formation of supranational legal regulation. However, the EAEU law does not contain obstacles to the implementation of a unified AI policy in the future.

Conclusions. The specifics of AI technologies require supranational legal regulation of AI, at least in matters of allocation of responsibility for harm caused by AI in order to avoid legal conflicts that contribute to the creation of obstacles to the functioning of internal markets and asymmetries in the development of AI within the EAEU. Despite the current lack of prerequisites, the EAEU law does not contain obstacles to the convergence of the legislation of the EAEU countries in terms of legal regulation of AI in the event of such a decision.

Keywords: artificial intelligence, harm, supranational legal regulation, responsibility gap, legal conflicts, EAEU, functioning of internal markets

For citing: Melnikova E. N. Prospects for the Convergence of the Legislation of the EAEU Countries Regarding the Legal Regulation of Artificial Intelligence // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 98–106. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-98-106>. EDN: KPEJVR

Введение

Договор о ЕАЭС¹ (далее — «Договор») и принятые в соответствии с ним правовые акты не выделяют деятельность по созданию и использованию искусственного интеллекта (далее — «ИИ») в отдельную сферу общественных отношений, в которой реализуется скоординированная, согласованная или единая политика государств — участников ЕАЭС. Вместе с тем ИИ имеет особенности, обуславливающие необходимость его наднационального правового регулирования.

Для того чтобы правовое регулирование ИИ было вынесено на наднациональный уровень, необходима сонаправленная воля государств — членов ЕАЭС (далее также Союз) на осуществление единой политики, о формировании которой свидетельствуют различные предпосылки. Если количество предпосылок достигнет «критической» массы, возникают основания предполагать, что правовое регулирование ИИ по всем или отдельным вопросам может быть передано государствами на наднациональный уровень. При отсутствии предпосылок следует констатировать отсутствие перспектив сближения законодательств в рассматриваемой сфере общественных отношений посредством формирования наднационального правового регулирования.

Рассмотрим особенности ИИ, обуславливающие необходимость наднационального правового регулирования в ЕАЭС, и проанализируем предпосылки, свидетельствующие о сонаправленности или отсутствии воли государств — членов ЕАЭС на достижение единства правового регулирования ИИ на территории Таможенного союза.

Особенности ИИ, обуславливающие необходимость наднационального правового регулирования ИИ в ЕАЭС

Технологии ИИ обладают рядом особенностей, в связи с которыми правовая неопределенность и противоречивость законодательств стран ЕАЭС в рамках Таможенного союза крайне нежелательны.

Первой особенностью ИИ является *способность причинять вред, выходящий за пределы государства, на территории которого он причинен*. Использование ИИ может причинить вред жизни, здоровью, имуществу людей, окружающей природной среде, последствия которого могут затронуть всю или часть территории ЕАЭС, а не только локализоваться на территории государства, где имел место деликт.

Человек все чаще опосредует принятие своих решений использованием технологий ИИ, при этом пределы делегирования человеческих полномочий машине законодательно не обозначены. Опыт установления пределов делегирования полномочий машине можно видеть на примере Евросоюза, где в марте 2024 г. принят AI Act, содержащий административно-правовые нормы и распределяющий комплекс обязанностей по созданию и использованию систем и приложений ИИ между поставщиком и эксплуатантом ИИ так, что поставщик должен обеспечить «человекоразмерность» и «прослеживаемость» (тем самым определяют пределы делегирования), а эксплуатант — осмысленный контроль за использованием системы или приложения ИИ. Пределы делегирования должны быть легально установлены и быть одинаковыми на всей территории ЕАЭС. Отсутствие единообразных норм, устанавливающих административные обязанности участников жизненного цикла систем и приложений ИИ в рамках Союза, может привести к тому, что территория государств, где легальные пределы делегирования человеческих полномочий машине окажутся не установленными, размытыми или слишком широкими, может стать благоприятной площадкой для небезопасных экспериментов с ИИ. Ввиду свободного перемещения товаров и услуг, а также трансграничной природы некоторых приложений ИИ последствия этих экспериментов могут затронуть территорию всего Таможенного союза.

Асимметрия в распределении обязанностей участников жизненного цикла ИИ может негативно сказаться на развитии ИИ на территориях государств ЕАЭС с жестким правовым регулированием поставщиков

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». 05.06.2014. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=478355&dst=1000000001&cacheid=9D035170DA4078BB55D2C0203682E8E3&mode=splus&rnd=Di8zeg#Vl1zGFU4M9iSQ3iC1> (дата обращения: 02.04.2024).

(производителей) ИИ, буквально загоняя их в более лояльные юрисдикции, дающие хозяйствующим субъектам необоснованные преимущества. Например, в Армении основные усилия концентрируются на развитии сотрудничества с лидерами мировой высокотехнологической отрасли, а крупные проекты по цифровизации финансируются международными организациями¹ [1, с. 109]; в Кыргызской Республике проектом цифрового кодекса концентрация ответственности планируется на эксплуатанте. Поэтому территории этих стран могут стать «оазисом» для создания ИИ, который будет использоваться на территориях других стран ЕАЭС с минимальными рисками для производителя, тем самым создавая для последнего необоснованные рыночные преимущества, что не способствует проведению единой политики Союза по защите конкуренции на трансграничных рынках.

Представляется нежелательной ситуация, когда небезопасный ИИ будет производиться в государстве с благоприятным для производителя правовым режимом, а использоваться в государствах с режимом, благоприятным для эксплуатанта. Такая ситуация может, к примеру, возникнуть, когда ИИ производится в Кыргызской Республике, где согласно проекту цифрового кодекса² следует ожидать сдвиг баланса ответственности за вред, причиненный использованием ИИ в сторону эксплуатанта (а не на производителя), а использоваться на территории России, где в отношении деликтов, причиненных с участием ИИ, пока действуют общие основания ответственности (возможность применения конструкций специальных деликтов не разделяется многими учеными) [2; 3, с. 117; 4]. Правовые коллизии, помимо нарушения конкуренции на трансграничных рынках, могут спровоцировать развитие небезопасного ИИ на территории ЕАЭС.

Второй значимой особенностью ИИ является *способность к автономным процессам*, которая вызывает «разрыв ответственности» [5; 6; 7, с. 175] за причиненный вред тогда, когда посредством технической экспертизы невозможно атрибутировать ошибку конкретному лицу (лицам). Устранение «разрыва ответственности» при существующем уровне техники возможно только юридическими средствами. Если в одном из государств ЕАЭС «разрыв ответственности» за вред, причиненный ИИ, останется не закрытым, возможна «миграция» небезопасного ИИ в поисках «удобных» юрисдикций. Можно обоснованно предположить, что большая часть неблагоприятных последствий использования ИИ ввиду минимальных рисков привлечения к ответственности придется на территории тех государств Союза, где юридические конструкции, направленные на устранение «разрыва ответственности», не будут разработаны и легально закреплены, что в конечном счете также приведет к созданию дискриминационных условий доступа на рынок тем хозяйствующим субъектам, которые ведут хозяйственную деятельность в «неудобных» юрисдикциях. Концентрация последствий причинения вреда на территориях определенных государств может привести к нарушению основных прав человека, в частности право на жизнь и свободу, а также на благоприятную окружающую среду.

Чтобы не допустить концентрации создания или использования ИИ на территории одних государств ЕАЭС в ущерб другим, целесообразно установить единый для всех юрисдикций ЕАЭС механизм устранения «разрыва ответственности» за вред, причиненный ИИ.

Преимущества наднационального правового регулирования ИИ в рамках Таможенного союза по сравнению с национальным правовым регулированием состоят в возможности реализации комплексного подхода к формированию законодательства в сфере ИИ, предполагающего установление как единообразных общих гражданско-правовых норм, закрепляющих прежде всего механизм распределения ответственности за вред, причиненный использованием ИИ, так и административно-правовых норм, устанавливающих обязанности участников жизненного цикла систем и приложений ИИ, поддерживающих реализацию вышеупомянутого механизма.

¹ Анализ норм законодательства и правоприменительной практики государств — участников СНГ, а также норм международного права об искусственном интеллекте. Проект концепции модельного закона «об искусственном интеллекте» (Книга 1). Отчет о научно-исследовательской работе «Разработка проекта модельного закона «Об искусственном интеллекте» по теме: анализ норм законодательства и правоприменительной практики государств — участников СНГ, а также норм международного права об искусственном интеллекте. Проект концепции модельного закона «об искусственном интеллекте». Национальная академия наук Беларуси. ОИПИ НАН Беларуси. 2023. С. 12.

² Проект Цифрового кодекса Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития Кыргызской Республики. URL: <http://koomtalkuu.gov.kg/ru/view-npa/2927> (дата обращения: 02.04.2024).

Перспективы формирования наднационального правового регулирования ИИ на пространстве ЕАЭС

Ст. 1 Договора установлено, что в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза, реализуется скоординированная, согласованная или единая политика, что предусматривает различную степень единообразия правового регулирования¹. Согласно выводам консультативного заключения Суда ЕАЭС *единая политика* государств означает наличие унифицированного правового регулирования, а также передача государствами-членами компетенции в данной сфере органам ЕАЭС в рамках их наднациональных полномочий (наднациональное регулирование); *согласованная политика* означает гармонизацию правового регулирования (установление общих принципов и правил), в том числе на основе решений органов Союза; *скоординированная политика* предполагает правовое регулирование общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза, предусмотренных Договором². Цели Союза указаны в ст. 4 Договора, среди них следует выделить стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, создание условий для стабильного развития экономик государств-членов и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

На сегодняшний день право Союза не содержит достаточных правовых оснований для унифицированного правового регулирования и передачи государствами-членами полномочий в сфере правового регулирования искусственного интеллекта Евразийской экономической комиссии (далее «ЕЭК»). Необходимость формирования единого правового регулирования технологий ИИ не очевидна, поскольку право Союза в первую очередь направлено на ликвидацию таможенных барьеров внутри регионального экономического объединения и регулирование торговли с третьими странами. Вместе с тем ИИ имеет особенности, обуславливающие необходимость его наднационального правового регулирования, поэтому вполне логично, если рано или поздно Договор будет дополнен соответствующим протоколом.

Предпосылки формирования воле государств — членов ЕАЭС, дающие основания полагать, что наднациональное регулирование всех или некоторых вопросов создания и использования ИИ в рамках ЕАЭС все же возможно, целесообразно классифицировать по источникам, в которых они могут содержаться, а именно: 1) в самом Договоре и принятых в соответствии с ним правовых актах; 2) в документах рекомендательного характера; 3) в заявлениях и высказываниях в рамках международных форумов и экспертных площадок. Проанализируем то, что удалось найти в открытых источниках.

Предпосылки наднационального правового регулирования ИИ в заявлениях и высказываниях в рамках международных форумов

В рамках международного цифрового форума «DigitalAlmaty: цифровое партнерство в новой реальности» (февраль 2023 г.) корпорация «Росатом» предложила разработать Единый кодекс цифровой этики стран ЕАЭС, однако данное предложение не нашло должной поддержки³.

В рамках Евразийского экономического форума⁴ (май 2023 г.) в качестве проблем обозначено отсутствие системы регулирования и ответственности за неэтичное использование искусственного интеллекта и отсутствие четкой роли государства в регулировании искусственного интеллекта⁵. Ключевым выводом форума

¹ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 04.04.2017 № СЕ-2-1/1-17-БК «О разъяснении положений статей 74, 75, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014» [Электронный ресурс] // КОДИФИКАЦИЯ.РФ. Действующее законодательство РФ. URL: https://rulaws.ru/acts/Konsultativnoe-zaklyuchenie-Suda-Evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-ot-04.04.2017-N-SE-2-1_1-17-BK/ (дата обращения: 02.04.2024).

² Там же.

³ Росатом предложил выработать единый цифровой этический кодекс стран ЕАЭС. [Электронный ресурс] // ТАСС. Москва, 03.02.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16955851> (дата обращения: 01.04.2024).

⁴ Этика и регулирование искусственного интеллекта на пространстве ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийский экономический форум. 23.05.2023. URL: <https://forum.eaeunion.org/news/etika-i-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-na-prostranstve-eaes/> (дата обращения: 22.03.2024).

⁵ Этика и регулирование искусственного интеллекта на пространстве ЕАЭС. Ключевые выводы [Электронный ресурс] // Росконгресс. 25.05.2023. URL: <https://roscongress.org/sessions/eurasianef-2023-etika-i-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-na-prostranstve-eaes/discussion/#> (дата обращения: 22.03.2024).

было признание необходимости создания в ЕАЭС единой системы безопасности и ответственности в сфере ИИ¹. В пользу создания на уровне ЕАЭС базового законодательства в сфере ИИ, где «этические вопросы и правовые вопросы должны перекликаться», высказалась Э. Сидоренко, генеральный директор (АНО «Платформа»). Заместитель министра цифрового развития Кыргызской Республики И. Шаршенова говорила о необходимости регулирования данных, в частности, «какую ответственность и кто будет нести, если неправильно будут использованы данные или если будет нарушена определенная этика ИИ». А. Атабеков, директор Научно-исследовательского института по развитию цифровых технологий и искусственного интеллекта Республики Узбекистан, признал, что регулирование и этика ИИ важны, но не должны быть чрезмерными, «чтобы не допустить остановку его развития». В качестве решения предложено «создание цифрового кодекса и иных правовых актов, аккуратно регулирующих ИИ в странах ЕАЭС»², при этом Кыргызская Республика, Казахстан и Узбекистан на текущий момент рассматривают правовое регулирование только на национальном уровне, а Беларусь рассматривает вариант международно-правового регулирования в рамках СНГ в форме модельного закона о технологиях ИИ³, который будет актуален и для стран ЕАЭС.

Анализ заявлений и высказываний, прозвучавших в рамках международных форумов, позволяет прийти к выводу об отсутствии готовности государств ЕАЭС к формированию единой политики в области правового регулирования ИИ.

Предпосылки наднационального правового регулирования ИИ в рекомендательных документах ЕАЭС

В декабре 2023 г. принята Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь»⁴. Государства ЕАЭС определили одной из задач дальнейшего развития экономических интеграционных процессов в рамках ЕАЭС до 2030 г. обеспечение общего рынка Евразийского экономического союза ключевыми товарами и ресурсами и его эффективное функционирование в т. ч. путем раскрытия потенциала систем ИИ и обеспечения его инклюзивного, безопасного и ответственного применения в отраслях экономики государств-членов, *исходя из принятых в государствах-членах решений*. Тем самым указанный документ закрепляет приоритет национальной политики в области ИИ, однако рекомендательный характер данной декларации не исключает смену курса на единую политику.

Предпосылки наднационального правового регулирования ИИ в Договоре и принятых в соответствии с ним правовых актах

Гармонизация требований законодательства государств-членов прямо предусмотрена только в отношении некоторых товаров (например, в сфере обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) (абз. 1 п. 1 ст. 31 Договора), а также в отношении некоторых сфер общественных отношений: техническое регулирование (абз. 9 п. 1 ст. 51, абз. 14 п. 1 ст. 51 Договора); функционирование технологической и коммерческой инфраструктуры общих рынков энергетических ресурсов (абз. 7 п. 1 ст. 79 Договора); в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (п. 1 ст. 89 Договора); в области информатизации и информационных технологий (п. 3 ст. 27 Договора)). Реализация основных направлений политики в сфере защиты прав потребителей предусматривает сближение законодательства государств-членов о защите прав потребителей (абз. 6 п. 3 Протокола к Договору о проведении согласованной политики в сфере защиты прав потребителей). Департамент информационных технологий

¹ Этика и регулирование искусственного интеллекта на пространстве ЕАЭС. Ключевые выводы [Электронный ресурс] // Росконгресс. 25.05.2023. URL: <https://roscongress.org/sessions/eurasianef-2023-etika-i-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-na-prostranstve-eaes/discussion/#> (дата обращения: 22.03.2024).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» от 25.12.2023 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийского экономического союза URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01443175/ms_26122023http://eaeunion.org/ (дата обращения: 02.04.2024).

ЕЭК осуществляет координацию работ по разработке и проведению согласованной политики в области информационно-коммуникационных технологий и информационной безопасности, включая подготовку и согласование предложений по стандартизации и унификации¹. Соответственно, единая, согласованная и скоординированная политика ЕАЭС проводится в отношении некоторых товаров и сфер общественных отношений, в которых может использоваться ИИ, но сам ИИ как таковой не упоминается ни в Договоре, ни среди приоритетов цифровой повестки ЕАЭС², ни среди стратегических направлений евразийской интеграции³.

Понятие «ИИ» закреплено в абз. «а» ст. 5 «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее «Национальная стратегия»): с технической точки зрения термином «ИИ» обозначается многокомпонентная программа для ЭВМ, основанная на моделях машинного обучения. Поэтому, говоря об ИИ, мы имеем в виду междотраслевой феномен, сквозную технологию, которая может быть задействована в процессах цифровой трансформации по любому направлению цифровой повестки ЕАЭС и реализована на любом из стратегических направлений евразийской интеграции. Это означает, что Договор и принятые в соответствии с ним правовые акты прямо не предусматривают, но и не исключают проведение скоординированной, согласованной или единой политики в области ИИ, задействованного в тех сферах общественных отношений, которые охватываются правом ЕАЭС.

Так, согласно абз. 2 п. 1 ст. 31 Договора обеспечение единства обязательных требований к эффективности и безопасности медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) может включать установление нормативных пределов делегирования человеческих полномочий роботизированной медтехнике. Согласно абз. 2 п. 1 ст. 51 Договора установление единых обязательных требований в технических регламентах Союза или национальных обязательных требований в законодательстве государств-членов к продукции, включенной в единый перечень продукции, также может включать установление пределов делегирования. Вместе с тем следует помнить, что технические регламенты регулируют только создание, но не использование продукта, т. е. устанавливают перечень технических требований, обязательных к соблюдению, охватывая тем самым лишь часть обязанностей производителя и оставляя вопрос о нормативном закреплении обязанностей других участников жизненного цикла систем и приложений ИИ, в т. ч. эксплуатанта, открытым. Поэтому тот узкий набор возможностей наднационального правового регулирования ИИ, который в настоящее время имеется в праве ЕАЭС, не достаточен ни для закрепления единого подхода к распределению ответственности за вред, причиненный ИИ, для введения единого механизма устранения «разрыва ответственности», который, думается, должен состоять в определенном наборе гражданско-правовых презумпций и фикций, поддерживаемых административно-правовыми обязанностями участников жизненного цикла систем и приложений ИИ, которые невозможно установить только в рамках технического регулирования.

Еще в 2022 г. в литературе отмечалось, что «для ЕАЭС имеет приоритетное значение выработка единой политики в области ИИ, что будет способствовать интенсификации научно-технического сотрудничества, укреплению интеграционного потенциала и технологического суверенитета» [1, с. 114], однако сегодня, в 2024 г., как представляется, в данном направлении действенных шагов пока не предпринято и не планируется.

Заключение

На сегодняшний день следует констатировать отсутствие предпосылок единой политики стран ЕАЭС в вопросах создания и использования ИИ, а следовательно, и перспектив сближения законодательства

¹ Положение о Департаменте информационных технологий Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/commission/department/inftech/about.php> (дата обращения: 02.04.2024).

² Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» [Электронный ресурс] // Альта-Софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/17vr0012> (дата обращения: 02.04.2024).

³ Там же.

в рассматриваемой сфере общественных отношений посредством формирования наднационального правового регулирования.

Вместе с тем такие особенности технологий ИИ, как способность к трансграничному причинению вреда и способность к автономным процессам, требуют наднационального правового регулирования ИИ, по крайней мере, в вопросах распределения ответственности за вред, причиненный ИИ с тем, чтобы избежать правовых коллизий, способствующих созданию препятствий функционирования внутренних рынков и асимметрии в развитии ИИ в рамках ЕАЭС. Наднациональное правовое регулирование в значительной степени позволяет избежать противоречий правовых режимов деятельности по созданию и использованию ИИ в странах ЕАЭС, что в условиях Таможенного союза крайне важно для планирования хозяйственной деятельности разработчиков, производителей приложений ИИ и иных субъектов регулирования. Единое правовое регулирование является действенным барьером на пути «миграции» небезопасного ИИ, поскольку позволяет избежать дифференциации правовых последствий деликта, произошедшего с участием ИИ, в зависимости от применимого права, когда для создания и использования небезопасного ИИ будет возможность выбирать «удобные» юрисдикции в рамках ЕАЭС. ЕЭК могла бы выступить в роли агрегатора экспертизы по обозначенным вопросам.

Право ЕАЭС не содержит препятствий для сближения законодательства стран ЕАЭС в части правового регулирования ИИ, поэтому, в случае если будет принято решение о выработке единой политики в области обеспечения инклюзивного, безопасного и ответственного применения ИИ в отраслях экономики государств-членов, то это может быть реализовано посредством подписания протокола к Договору.

Представляется целесообразным учитывать опыт наднационального правового регулирования ИИ в ЕС в том смысле, чтобы не допустить в законодательства стран Союза недостатки европейского подхода к распределению ответственности за вред, причиненный ИИ, которые, к сожалению, в рамках данной работы перечислить не представляется возможным.

Литература

1. *Выходец Р. С.* Политика стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 106–117. EDN: SIZGKC. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-106-117
2. *Ли Ч., Менг С.* Внедоговорная ответственность за вред, причиненный беспилотными транспортными средствами // Закон. 2020. № 3. С. 49–56. EDN: NSVJTR
3. *Никитенко С. В.* Международно-правовое регулирование использования искусственного интеллекта в области медицины : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2023. 223 с.
4. *Никитенко С. В.* Концепции деликтной ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 1. С. 156–174. EDN: LSGWNU. DOI: 10.37239/2500-2643-2022-18-1-156-174
5. *De Sio S., Mecacci G.* Four Responsibility Gaps with Artificial Intelligence: Why they Matter and How to Address them // Philosophy & Technology. 2021. V. 34. No. 4. P. 1057–1084. DOI: 10.1007/s13347-021-00450-x
6. *Königs P.* Artificial Intelligence and Responsibility Gaps: What Is the Problem? // Ethics and Information Technology. 2022. V. 24. P. 36. DOI: 10.1007/s10676-022-09643-0
7. *Matthias A.* The Responsibility Gap: Ascribing Responsibility for the Actions of Learning Automata // Ethics and Information Technology. 2004. V. 6. No. 3. P. 175–183. DOI: 10.1007/s10676-004-3422-1

Об авторе:

Мельникова Елена Николаевна, юрисконсульт отдела юридического сопровождения деятельности в сфере экономики и финансов Юридического управления Национального исследовательского университета ИТМО (Санкт-Петербург, Российская Федерация), магистр права, соискатель ученой степени

кандидата юридических наук Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: melnikova_elena5@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7263-5281

References

1. Vykhodets R. S. The EAEU's AI Strategy. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2022. V. 16. No. 3. P. 106–117. (In Russ.) EDN: SIZGKC. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-106-117
2. Lee J., Myoung S. K. Delictual Liability for Harm Arising from Autonomous Vehicles // Statute [Zakon]. 2020. No. 3. P. 49–56. (In Russ.) EDN: NSVJTR
3. Nikitenko S. V. International Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence in the Field of Medicine: Diss. ... candidate of legal sciences. Saint Petersburg, 2023. 223 p. (In Russ.)
4. Nikitenko S. V. Concepts of Tort Liability for Damage Caused by Artificial Intelligence Systems // Herald of Economic Justice [Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii]. 2023. No. 1. P. 156–174. (In Russ.) EDN: LSGWNU. DOI: 10.37239/2500-2643-2022-18-1-156-174
5. De Sio S., Mecacci G. Four Responsibility Gaps with Artificial Intelligence: Why they Matter and How to Address them // Philosophy & Technology. 2021. V. 34. No. 4. P. 1057–1084. DOI: 10.1007/s13347-021-00450-x
6. Königs P. Artificial Intelligence and Responsibility Gaps: What Is the Problem? // Ethics and Information Technology. 2022. V. 24. P. 36. DOI: 10.1007/s10676-022-09643-0
7. Matthias A. The Responsibility Gap: Ascribing Responsibility for the Actions of Learning Automata // Ethics and Information Technology. 2004. V. 6. No. 3. P. 175–183. DOI: 10.1007/s10676-004-3422-1

About the author:

Elena N. Melnikova, legal counsel, National Research University ITMO (Saint Petersburg, Russian Federation), Master of Science, Candidate of Legal Sciences degree seeking applicant of the Faculty of Law of St. Petersburg State University;
e-mail: melnikova_elena5@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7263-5281

Роль БРИКС в Африке: результаты и ожидания

Обура Жан-Клод Одхиамбо

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: jeanclaudeobura@gmail.com

РЕФЕРАТ

Цель. Проанализировать роль БРИКС в развитии Африки.

Задачи. Вкратце описать историю создания и развития БРИКС, а также оценить степень влияния организации на геополитическую и экономическую ситуацию в мире. Рассмотреть вклад основных стран — участниц БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), которые на протяжении длительного времени активно вкладывают средства в страны Африки, а также провести сравнение сфер, в которых доминируют эти страны.

Методология. В качестве ключевого метода при проведении исследования использовался сравнительный анализ.

Результаты. Проанализирован вклад каждой из стран — участниц БРИКС, выделены ключевые сферы их интересов, а также дана актуальная оценка перспектив взаимодействия стран БРИКС со странами Африки.

Выводы. Рассмотрено участие государств — членов объединения БРИКС в социально-экономическом развитии Африканского континента, произведен анализ сфер интересов каждой страны в Африке по отраслям, оценены объемы инвестиций и межгосударственной торговли. Отдельно уделяется внимание как положительному, так и отрицательному влиянию присутствия стран БРИКС в Африке, даются перспективы развития дальнейших взаимоотношений африканских территорий и стран — участниц БРИКС. В качестве итога можно однозначно сказать, что роль стран — участниц БРИКС в Африке значительна, и с каждым годом она будет только возрастать, так как растет сила самого объединения, его география и число участников. Каждая из стран блока играет свою существенную роль в жизнедеятельности континента.

Ключевые слова: БРИКС, Африка, экономика, политика, ресурсы, инвестиции, инфраструктура, товарооборот, инновации

Для цитирования: Обура Жан-Клод Одхиамбо. Роль БРИКС в Африке: результаты и ожидания // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 107–116.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-107-116>. EDN: LDOLPE

The Role of BRICS in Africa: Results and Expectations

Obura Jean-Claude Odhiambo

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: jeanclaudeobura@gmail.com

ABSTRACT

Aim. Analyze the role of BRICS in the development of Africa.

Tasks. Briefly describe the history of the creation and development of BRICS, and also assess the degree of its influence on the geopolitical and economic situation in the world. Consider the contribution of the main BRICS member countries (Brazil, Russia, India, China, South Africa), which have been actively

investing in African countries for a long time, and also compare the areas in which these countries dominate.

Methods. Comparative analysis was used as a key method in conducting the study.

Results. The contribution of each of the BRICS member countries is analyzed, the key areas of their interests are highlighted, and an up-to-date assessment of the prospects for interaction between the BRICS countries and African countries is given.

Conclusions. The participation of the BRICS member states in the socio-economic development of the African continent is considered, the areas of interest of each country in Africa are analyzed by industry, and the volumes of investment and interstate trade are assessed. Separate attention is paid to both the positive and negative impact of the presence of the BRICS countries in Africa, and prospects for the development of further relations between African territories and the BRICS member countries are given. As a result, we can unequivocally say that the role of the BRICS member countries in Africa is significant and every year it will only increase, as the strength of the association itself, its geography and the number of participants grows. Each of the bloc countries plays its own significant role in the life of the continent.

Keywords: BRICS, Africa, economy, politics, resources, investments, infrastructure, trade turnover, innovations

For citing: Obura Jean-Claude Odhiambo. The Role of BRICS in Africa: Results and Expectations // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 107–116. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-107-116>. EDN: LDOLPE

Введение

Как показывает история, во все времена в противостоянии какой-либо угрозе, врагу, политической или экономической экспансии государства, схожие по своим взглядам на мироустройство и обладающие ресурсным потенциалом в самом широком значении этого слова, вступают в политические и экономические союзы. В наше время в мире образовано множество международных организаций, призванных поддерживать глобальное политическое и экономическое равновесие. В первую очередь к ним относятся Организация Объединенных Наций, Европейский союз, «Большая двадцатка» (G20), АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии) и прочие.

Настоящая работа посвящена анализу деятельности межгосударственного блока БРИКС. Первая трехсторонняя встреча министров иностранных дел России, Китая и Индии состоялась в рамках саммита «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге в 2006 г. Значение стратегического треугольника неоднократно подчеркивалось на самом высоком уровне. В том же году в рамках 61-й сессии ГА ООН в Нью-Йорке министры встретились уже в расширенном составе, пригласив к диалогу своего бразильского коллегу. В 2011 г. к объединению присоединилась ЮАР.

Поначалу БРИКС не получила должного веса в глобальной геополитике, однако в настоящее время роль данного объединения кратно возросла. В подтверждение данного тезиса достаточно сказать, что совокупная доля государств — участников БРИКС в мировом ВВП по паритету покупательской способности национальных валют составляет порядка 30%, а, по прогнозам, к 2030 г. данный показатель приблизится к 50%. В данных странах проживает 3,2 млрд чел., что составляет 42% всего населения планеты. Совокупная площадь государств БРИКС составляет 26% площади Земли, а суммарный ВВП объединения в 2022 г. составил 15,435 трлн долл. США. Предварительные расчеты агентства Bloomberg показывают, что в 2028 г. доля стран БРИКС в росте мировой экономики будет составлять выше 33%, в основном за счет Китая и Индии. Таким образом, страны блока опередят по данному показателю страны G7 более чем на 5%. Отметим, что данная тенденция устойчиво прослеживается начиная с 2020 г. [2].

Согласно краткосрочным прогнозам того же агентства Bloomberg, вклад в рост мирового ВВП со стороны Китая будет на уровне 22,6%, Индии — 12,9%, а США — 11,3%. Данные цифры свидетельствуют

о том, что Соединенные Штаты постепенно утрачивают лидирующие позиции по многим направлениям экономики, а вслед за этим неизбежно снижение влияния страны на геополитической арене. Однако отметим, что остальные участники БРИКС обеспечат рост мирового ВВП на уровне ниже 4%. Вклад РФ на ближайшие годы оценивается лишь в 1,6%¹. На наш взгляд, столь невысокий показатель связан прежде всего с беспрецедентным экономическим и политическим давлением ведущих стран мира на Россию.

Обсуждение

Потенциал БРИКС как структуры, оказывающей влияние на геополитику и мировую экономику, состоит еще и в том, что в последние один-два года число стран, желающих присоединиться к организации, кратно возросло. Уже сейчас к БРИКС официально присоединились: Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия, Египет и Эфиопия. Аргентина также была в числе одобренных к вступлению в 2024 г., но после выборов президента страна официально отказалась от статуса члена БРИКС и пожелала остаться вне объединения.

Интерес вступить в БРИКС выражают уже более 30 государств, среди которых много африканских государств, стран Латинской Америки и Ближнего Востока: Алжир, Сирия, Тунис, Зимбабве, Судан. В списке стран также присутствует Греция, которая первый раз заговорила о присоединении к БРИКС еще в 2015 г., несмотря на все глобальные противоречия участников БРИКС и стран Евросоюза. Присоединиться к объединению в планах у ряда государств Юго-Восточной Азии, например, Индонезии и Таиланда. Достаточно серьезно настроена на вступление в БРИКС Турция, которая уже давно тесно связана крупными проектами с Россией. Планируют присоединиться к объединению Мексика, Никарагуа, Венесуэла и другие латиноамериканские государства. В случае если БРИКС расширится до таких масштабов, то противостоять организации будут не в силах все существующие на данный момент международные политические и экономические союзы [4].

Темой настоящей работы является обзор деятельности стран — участниц блока БРИКС в Африке. Очевидно, что Африканский континент вследствие исторических реалий несколько отстает в развитии по всем возможным сферам человеческой жизнедеятельности от остального мира. Во многих странах континента сильны пережитки колониального периода существования, которые мешают им идти вперед в своем развитии. Кроме того, бывшие метрополии подчас напрямую влияют на политическую и экономическую ситуацию своих в прошлом колоний. Однако в последние годы прослеживается четкая тенденция на нежелание стран Африки оставаться в неразвитом состоянии под контролем у западных стран, все сильнее ощущается стремление правительств обрести полную независимость и самостоятельно вести внешнеполитическую и социально-экономическую деятельность.

Следует отметить, что Африканский континент богат ресурсами, такими как углеводороды, редкоземельные элементы и металлы, без которых современные высокие технологии просто немислимы. Страны Африки обладают высоким потенциалом человеческих ресурсов, население континента по своему среднему возрасту гораздо моложе среднестатистического гражданина всего мира. Все это делает Африку стратегически важным объектом внимания для ведущих мировых экономик.

Изначально блок БРИКС создавался как альтернатива западному миру и другим интеграционным объединениям. Страны-участницы подбирались из числа наиболее выдающихся государств в своей части мира: Бразилия — в Южной Америке, Китай и Индия — как страны с огромной численностью населения, быстрорастущими экономиками и огромными рынками сбыта, Россия — как страна с самой большой территорией и ресурсной базой на земле, Южно-Африканская Республика — как ведущая по экономическим показателям страна на Африканском континенте. Следовательно, с точки зрения геополитических и экономических интересов участников объединения «осваивать» Африку означает быть в авангарде будущего мироустройства².

¹ Bloomberg рассчитал, что БРИКС «оставил Запад позади» в росте экономик [Электронный ресурс] // РБК: информационно-публицистический ресурс. 18.04.2023. URL: https://www.rbc.ru/economics/18/04/2023/643ddd2d9a7947e6c741245c?from=fro_m_main_9 (дата обращения: 16.04.2023).

² Цинь Ган: Африка является большой ареной международного сотрудничества, а не полем для борьбы великих держав [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/wjbz/zyjh/202301/t20230113_11006900.html (дата обращения: 16.04.2023).

Современные реалии во многом способствуют продвижению БРИКС на Африканском континенте, тем более что в 2023 г. ЮАР председательствовала в объединении, что привело к увеличению числа стран-участниц и значительному расширению БРИКС, в том числе и в Африке.

С начала 2000-х гг. высокую активность в Африке проявляет Китай. Seriously ускорил рост инвестиций в африканскую экономику со стороны КНР провозглашенный в 2013 г. курс «Один пояс — один путь». По состоянию на 2022 г. к китайской инициативе присоединились 49 африканских стран.

Совокупная доля вложений в экономики Африки и стран Ближнего Востока со стороны КНР от суммарных глобальных инвестиций в 2021 г. составила 38%, увеличившись с 8% всего за один год¹. За 2021–2023 гг. китайские инвестиции в Африке суммарно практически достигли отметки в 20 млрд долл.²

По данным официальных источников КНР за 2021 г., видно, что на конец 2020 г. китайские компании при поддержке правительства основали в 16 странах Африки 25 свободных торгово-экономических зон. На их площадках были созданы 623 субъекта малого и среднего предпринимательства с общими вложениями порядка 7,35 млрд долл. Благодаря началу работы данных предприятий были обеспечены рабочими местами 46 тыс. жителей Африканского континента. С 2020 г. на континенте функционируют пятнадцать отделений семи банковских групп из Китая³.

В период с 2000 до 2019 гг. Китай выдал африканским странам кредитов на сумму более чем 153 млрд долл.⁴ По данному показателю страна уступает США, Великобритании и ЕС, однако в будущем Китай имеет перспективы обойти конкурентов. Основными получателями китайских займов и инвестиций являются ЮАР, Демократическая Республика Конго, Замбия, Эфиопия, Ангола, Нигерия, Кения, Зимбабве, Алжир и Гана. На их долю приходится около 70% вложений. Однако практически все африканские страны в той или иной форме получили китайские средства. В список вошли даже те, с которыми у Китая отсутствуют дипломатические отношения, например, Эсватини. Если рассматривать китайские инвестиции по секторам экономики, то распределены они следующим образом:

- порядка 35% финансирования приходится на строительство подконтрольных Китаю особых экономических зон, инфраструктурных транспортных проектов (платных автомагистралей, мостов);
- более 22% вкладывается в добывающие отрасли;
- значимые 17% инвестиционного потока идут на производство, финансы, лизинговые схемы и науку;
- весомые 10% китайские инвесторы уделяют сельскому хозяйству, и это неудивительно, огромное население страны необходимо кормить;
- остальные средства распределяются по другим секторам экономики, в том числе на энергетические проекты (зеленая энергетика).

В зоне интересов Китая находятся страны с богатыми месторождениями углеводородов и редкоземельных металлов, применяемых в высокотехнологичных производствах, например, марганец, литий и кобальт. Первым богата ЮАР — 35% мировых запасов, вторым — Камерун, а 65% мировых запасов кобальта сосредоточены в Демократической Республике Конго, Замбии, Ботсване и Марокко. Очевидно, что китайские компании при поддержке своего правительства активно осваивают ресурсную базу для собственной промышленности. В Камеруне лидер китайского производства электромобилей BYD практически выкупил шесть шахт по добыче лития, что позволит удовлетворить производственные потребности компании в ценном сырье на ближайшие десять лет. Производитель Zhejiang Huayou Cobalt инвестирует 300 млн долл. в тот же литий только в Зимбабве [7].

¹ Nedopil Ch. Countries of the Belt and Road Initiative (BRI) [Электронный ресурс] // Green Finance & Development Center. Shanghai, FISF Fudan University, 2022. URL: <https://greenfdc.org/countries-of-the-belt-and-road-initiative-bri/> (дата обращения: 27.04.2023).

² Янькова А., Кондакова К. Интересы Китая в Африке [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesny-kitaya-v-afrike/?sphrase_id=128955073 (дата обращения: 27.04.2023).

³ By the Numbers: New Report Breaks Down Current State of China Africa Trade and Economic Ties [Электронный ресурс] // China Global South Project. 27.09. 2021. URL: <https://chinaglobalsouth.com/2021/09/27/by-the-numbers-new-report> (дата обращения: 27.04.2023).

⁴ Потеряйко А. Китай оккупирует африканскую экономику кредитами и инвестициями [Электронный ресурс] // Регнум. 17.01.2022. URL: <https://regnum.ru/article/3478783> (дата обращения: 27.05.2024).

Активную деятельность в плане инвестиций проводит КНР в Кении. Основными направлениями деятельности в этой стремительно развивающейся африканской стране являются сельское хозяйство, добыча редкоземельных элементов и связанные с ними инфраструктурные проекты. В плане освоения ресурсов в приоритете добыча и обогащение ниобиевых руд, из которых при переработке получают торий и производные элементы. В плане сельского хозяйства развивается выращивание кофе (основная сельхозпродукция для рынка Китая) и соответствующие сельскохозяйственные технологии. Из крупнейших инфраструктурных проектов Китая в Кении необходимо отметить постройку железной дороги, соединившей кенийскую столицу Найроби с крупным портом Момбаса, в строительстве которого также присутствовал китайский капитал. В прошедшем 2022 г. данный проект принес Кении более 2% ВВП и дал работу для 50 тыс. жителей¹.

Активность КНР в организации транспортной инфраструктуры Африканского континента проявляется давно и не напрасно. Вкладывая в транспорт, Китай улучшает логистику доставки ресурсов для нужд собственного производства и населения, в части обеспечения продовольствием. В 2016 г. за счет средств китайской China Civil Engineering Construction Corporation был построен железнодорожный переход Абуджа — Кадуна, а в 2017 г. введена в строй железная дорога, связавшая Джибути с Эфиопией. При участии капитала из КНР реализован крупнейший автодорожный проект в Африке — автомагистраль, которая связала Кению, Уганду, Руанду и Демократическую Республику Конго. Ее протяженность составила 1344 км.

Китайские высокотехнологические корпорации принимают участие в развитии телекоммуникационной сферы. Так, компания Huawei обеспечила сотовую телефонию в Кении, Зимбабве, Нигерии и поставила оборудование для построения сетей в других странах. Телекоммуникационный гигант ZTE Corporation активно развивает телевизионные, телефонные и оптоволоконные каналы связи на всем Африканском континенте. Обе компании запустили проекты по развитию технологии 5G в Африке.

Усиливает свою экспансию в Африке Китайская Народная Республика и за счет привлечения под знамена своих компаний талантливой африканской молодежи. В вузах Китая ежегодно обучаются десятки тысяч студентов из Африки, причем большинство из них получают стипендии. Китайские учебные заведения открывают собственные филиалы в странах присутствия китайского капитала и бизнеса. Таким образом, КНР повышает уровень образованности на континенте и обеспечивает собственные производства в африканских странах высококлассными специалистами. Есть и политический аспект таких действий: молодежь, как правило, активно проявляет себя в процессах политики, происходящих в своих странах, поэтому, обучая и давая работу африканской молодежи, КНР добивается лояльного отношения к себе, формируя будущие местные элиты².

Подводя краткий итог деятельности Китая в Африке, можно сказать, что данный участник БРИКС является основным инвестором континента, который участвует во всех сферах экономической и социальной сферы. Еще в 2000 г. на уровне высшего руководства КНР и африканских стран была создана организация «Форум сотрудничества Китай — Африка», в рамках которой налаживалось, а теперь и развивается сотрудничество Китая с африканскими государствами. Первыми шагами ее деятельности стало обнуление тарифов на ввоз в КНР 60% товаров из тридцати наименее развитых африканских стран. В дальнейшем были отменены пошлины на ввоз 95% товаров из стран Африки, с которыми у Китая установлены дипломатические отношения [3].

Конечно, есть у этой «медали» и обратная сторона. По оценкам МВФ, Китай является крупнейшим кредитором африканских стран, что ставит многие государства в тотальную зависимость от КНР. К примеру, порядка 72% внешнего долга Кении держит в руках именно Китай³. Такие показатели ведут к негативным последствиям в плане суверенитета и делают экономики этих заемщиков фактически

¹ Ирисова О. Гуманный империализм: как Китай завоевывает Африку [Электронный ресурс] // Forbes.ru. 27.03.2015. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/283713-gumannyy-imperializm-kak-kitai-zavoevyyaet-afriku> (дата обращения: 22.04.2023).

² Дейч Т. Л. Китай и Африка: итоги экономического сотрудничества последних лет [Электронный ресурс] // ИМЭМО РАН. 16.01.2018. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/kitay-i-afrika-itogi-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-poslednih-let> (дата обращения: 23.04.2023).

³ Дейч Т. Китай «завоевывает» Африку [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 26.06.2012. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-zavoevyyaet-afriku/?sphrase_id=144389098 (дата обращения: 23.04.2023).

сырьевыми базами. Тем не менее исправить данную негативную тенденцию возможно посредством более взвешенной политики руководства сотрудничающих с КНР стран, а также их возможная интеграция в сам блок БРИКС.

Индия как одна из наиболее динамично развивающихся стран мира, а также участник БРИКС, является вторым по значению партнером Африки среди стран пятерки. Для ускорения процессов интеграции Индии в экономическую и политическую жизнь Африканского континента в 2008 г. был учрежден Форум «Индия — Африка», который по принципам работы схож с африкано-китайским.

Начиная с 2010-х гг. товарооборот Индии со странами Африки неуклонно растет. Так, за последние десять лет он возрос с 70 млрд долл. в 2012–2013 финансовом периоде до более чем 100 млрд долл. в допандемийном 2019 г. Последние три года торговля несколько затормозилась по объективным причинам, прежде всего из-за логистических проблем, но уже к началу нынешнего года заметен уверенный рост [1].

Во взаимоотношениях Индии и государств Африки стоит учитывать тот факт, что во многих странах континента проживают этнические индийцы. К примеру, большая индийская диаспора присутствует в ЮАР — по официальным данным, это 1,3 млн чел. Индийцы живут на Маврикии, в Кении, Танзании, Мозамбике и Замбии — всего около 2,8 млн чел. Это связано с колониальными временами как Индии, так и Африканского континента. Индийских рабочих попросту привезли англичане [6].

Конечно, как и в случае с Китаем, индийские инвестиционные потоки направлены в основном на нефтегазовый сектор и добычу полезных ископаемых. Отметим, что в отличие от КНР в Африке работают по большей части частные индийские компании. Государственный сектор представлен крупнейшей индийской нефтегазовой компанией ONGC, которая развивает шельфовую добычу углеводородов в Анголе и Нигерии. В Мозамбике ONGC, помимо освоения месторождений нефти и газа, работает в сфере угледобычи. ONGC вложила более 2,5 млрд долл. в разведку и добычу нефти в Судане. Индийская нефтедобывающая компания Essar является крупнейшим акционером самого большого завода по переработке нефти в восточной части Африканского континента в местечке Момбасе (Кения). Значительна роль индийских компаний в проектах по добыче и переработке углеводородов в Габоне, Гане, Кот-д'Ивуаре, Мозамбике, Сан-Томе и Принсипи.

Поддержка партнеров в Африке со стороны индийского правительства выражается еще и в том, что для 34 африканских стран были отменены ввозные пошлины на товары и продукцию, а также выделена возобновляемая кредитная линия в сумме 30 млрд долл. на стимулирование экспорта с континента. Тесно сотрудничество алмазодобывающей промышленности африканских стран и индийских мастеров по огранке алмазов, и это неудивительно, ведь страны Африки богаты данным ископаемым. На континенте ценный минерал добывается в Анголе, Ботсване, Зимбабве и ЮАР. Изготовитель техники, производственного и телекоммуникационного оборудования ТАТА локализовал производство автомобилей и другой техники в ЮАР¹.

Участвуют индийские компании в развитии транспортной инфраструктуры в Африке. Железнодорожные концерны RITES и IRCON работают в Кении, Мозамбике, Судане и Сенегале.

Индийская Bharti Airtel активно работает на рынке телефонии и оптико-волоконной связи, еще в 2010 г. она выкупила активы у оператора сотовой связи Zain из Кувейта и работает в 18 странах континента, обслуживая 90 млн абонентов и предоставляя рабочие места в данном высокотехнологичном сегменте более чем 5000 чел.

Активно работает индийский бизнес в сельскохозяйственном секторе континента. В Африку поставляется соответствующая техника и технологии, экспортируется рис, в основном в Кению. Взамен сельхозпроизводители из Индии получают в долгосрочную аренду сельхозугодья африканских стран.

Индия является крупным игроком на мировом фармацевтическом рынке. Представлена индийская фарминдустрия и на Африканском континенте. Производитель CIPLA является лидером по производству

¹ Дейч Т. Африканский вектор политики БРИКС [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 09.07.2015. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afrikanskiy-vektor-politiki-briks/?sphrase_id=144389899 (дата обращения: 22.04.2023).

препаратов и комплексного лечения ВИЧ и СПИДа в Африке. Благодаря ее усилиям стоимость лечения от данных заболеваний снизилась в разы и стала более доступна для африканцев. Компания построила в Уганде фабрику по производству антималярийных препаратов, которые крайне востребованы в тропических регионах. Индийский фармакологический гигант Ranbaxy разместил производство лекарственных средств в ЮАР, тем самым активно осваивая аптечный рынок континента. Объем торговли медикаментами между Индией и африканскими странами составляет порядка 3,5 млрд долл. в год. Инвестирует Индия в развитие инновационных направлений в науке и технике на Африканском континенте. При поддержке индийских компаний и правительственных структур в Африке активно создаются научные кластеры. В ближайшие два-три года их количество достигнет 100 единиц. В индийских вузах проходят обучение около 30 тыс. студентов из африканских государств, многие из них получают стипендии от принимающей стороны. Применяются дистанционные методы взаимодействия ученых из Индии и Африки¹.

В целом стоит сказать, что во многом к активным действиям в Африке Индию подтолкнул Китай, который самым активным образом развивает свое присутствие во всех странах и сферах Африканского континента. Однако Индия действует в Африке достаточно избирательно. В сфере ее интересов и реализуемых проектов небольшое число стран. К ним относятся: ЮАР, Кения, Мозамбик, Ботсвана, Судан, Ангола. Добавим, что в перспективе степень присутствия Индии в Африке будет расти, в том числе благодаря БРИКС, а в частности, ЮАР, которая, к слову, является крупнейшим партнером Индии в Африке с товарооборотом почти 7 млрд долл.

Важным игроком на Африканском континенте является Бразилия. Связано это во многом с желанием правительства страны диверсифицировать экономику, сместив ее интересы с традиционного и самого крупного торгового партнера США в сторону всего остального мира. Бразилия, как и Китай с Индией, видит в африканских странах прежде всего мощную ресурсную базу, ее позиции сильны в сельском хозяйстве. Данная отрасль на высоком уровне развита в самой стране, и она активно поставляет технологии отрасли в Африку. Не остаются в стороне проекты в энергетике, нефтедобывающей отрасли, развитии инфраструктуры и даже в сфере авиационной промышленности.

Бразильская сельскохозяйственная корпорация EMBRAPA в начале двухтысячных годов начала экспансию в Африке с открытия своих филиалов в Гане, Мали, Мозамбике и Сенегале. Основным направлением ее работы стало культивирование в сельском хозяйстве таких культур, как сахарный тростник и хлопок. Развитие проект продолжил в Кении, Нигерии, Республике Конго, Судане, Уганде, Замбии. В Анголе и Судане при помощи корпорации были введены в строй заводы по производству этанола. Последний нарастил производство до такой степени, что начал экспорт данного компонента в качестве биотоплива в страны Европы в объеме до 15 млн т в год. Индустрия по выращиванию хлопка процветает в странах Западной Африки: Бенине, Буркина-Фасо, Чаде, Мали, Того. Данный продукт сельского хозяйства поставляется как на внутренние, так и на внешние рынки².

Активны в Африке гиганты бразильского бизнеса. В части добычи и переработки углеводородов — Petrobras, которая присутствует в 28 африканских странах и вложила в добычу нефти и газа более 3 млрд долл. Горнодобывающий гигант Vale располагает инвестиционным пакетом порядка 25 млрд долл. и реализует проекты в Анголе, Демократической Республике Конго, Габоне, Гане, Гвинее, Либерии, Мозамбике, ЮАР, Замбии. Работают на Африканском континенте представители строительной индустрии Бразилии — Odebrecht, Andrade Gutierrez и Camargo Correa. Они принимают участие в инфраструктурных проектах, строят жилые и административные здания. В настоящий момент на африканском рынке присутствует порядка пятисот бразильских компаний. Большим спросом пользуются выпускаемые в Бразилии среднемагистральные авиалайнеры Embraer.

¹ Печищева Л. Африканский вектор в политике и экономике Индии [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 12.11.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/africa/afrikanskiy-vektor-v-politike-i-ekonomike-indii/> (дата обращения: 26.04.2023).

² Богуславский А. Африка — Бразилия: перспективы сотрудничества Юг — Юг [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 01.06.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afrika-braziliya-perspektivy-sotrudnichestva-yug-yug/> (дата обращения: 18.04.2023).

На пике развития торговых отношений между Бразилией и странами Африки, который пришелся на 2013–2014 гг., товарооборот составлял порядка 29 млрд долл. в год. В последующие годы он снижался по объективным глобальным причинам нестабильности экономики и политической ситуации в самой Бразилии. После относительной стабилизации мировой экономики и урегулирования политических и экономических проблем в стране Бразилии стало труднее конкурировать с Китаем в Африке. Экономические и политические ресурсы КНР вкупе с агрессивной экспансией на Африканский континент ослабили темпы инвестиций бразильского капитала. Сама торговля по своему паритету дефицитна, то есть Бразилия вывозит из Африки нефть, сжиженный природный газ, уголь, руды. На их долю приходится 90% экспорта африканских стран¹. Тем не менее, несмотря на трудности, вполне возможно, что в современных условиях, связанных с глобальными изменениями миропорядка, возрастающей роли в мировой экономике и политике всех стран — участниц БРИКС позиции Бразилии на Африканском континенте восстановятся и будут укрепляться.

Если говорить о роли России в Африке, то после развала СССР она значительно снизилась. Однако сегодня у России есть все шансы вернуть свои лидерские позиции на этом континенте. Этому способствуют политические сдвиги на мировом уровне, усиление влияния РФ в мире. Вдобавок к этому среди африканских государств сильны симпатии к этой стране. Это связано с тем, что во времена Советского Союза в Африке были реализованы значимые инфраструктурные проекты, а многие правящие режимы были поставлены и поддерживаемы Союзом. Современная Россия списала долги многим африканским странам, составлявшим более чем 20 млрд долл., что прибавило лояльности к стране в Африке.

По последней отчетности, опубликованной официальными российскими источниками, торговый оборот РФ со странами Африки в 2022 г. составил порядка 18 млрд долл. Основной статьей экспорта в Африку является продукция сельхозпроизводителей (пшеница, кукуруза, ячмень и прочие злаки, семена подсолнечника), на долю которой приходится 25%, нефтегазовой промышленности — 22%, осуществляется ввоз машин и оборудования, удобрений. Из Африки в РФ завозится сельскохозяйственная продукция (плодово-ягодная, овощная), продукция добывающих отраслей².

На континенте реализуют свои проекты нефтегазовые корпорации «Лукойл», «Роснефть», «Газпром», в добывающей отрасли «Евраз» (марганец, ванадий в ЮАР), «Норильский никель» (добыча никеля в Ботсване), «Северсталь» (железорудный концентрат в Либерии), «Росатом» (добыча урана в Намибии). «Росатом» также реализует в Египте проект по возведению АЭС. Суммарный объем прямых инвестиций российских компаний в Африку составил за последние годы около 10 млрд долл. ОАО «РЖД» реализует в Малави проект по строительству железной дороги. Сильны позиции корпорации «Рособоронэкспорт», так как Африка является традиционным покупателем российского оружия. Востребованы на Африканском континенте наработки в сфере телекоммуникационных услуг, такие как создание сервисов по аналогии с российским порталом «Госуслуги». На данном рынке работают «Лаборатория Касперского» и Яндекс. Представлена Российская Федерация и в сфере медицины. Российские производители поставляют в африканские страны соответствующее оборудование и технологии. «Росатом» продвигает неэнергетические проекты использования ядерных технологий в области научных исследований, медицины. Корпорация реализовала проект «Центр ядерной науки и технологий» в Замбии³. Традиционно сильны позиции РФ в образовательных программах для африканских студентов. Молодые люди охотно обучаются в российских вузах. В целом при преодолении текущих проблем на внешнеполитической арене Россия вполне сможет претендовать на роль лидера во всех сферах деятельности в Африке.

¹ Дейч Т. Африканский вектор политики БРИКС [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 09.07.2015. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afrikanskiy-vektor-politiki-briks/?sphrase_id=113942110 (дата обращения: 22.04.2023).

² Ханов М. Внимание на Африку. Об экономических перспективах РФ на Южном континенте [Электронный ресурс] // ТАСС. 17.08.2021. URL: <https://tass.ru/opinions/12143295> (дата обращения: 25.04.2023).

³ Мирошниченко К., Мандрыкина И. Россия — Африка: старые друзья и перспективные партнеры [Электронный ресурс] // ТАСС. 04.02.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10621831> (дата обращения: 25.04.2023).

Заключение

В завершении обзора деятельности стран — участниц блока БРИКС в Африке следует отметить роль ЮАР в жизни континента, которая в 2024 г. передала пост председателя БРИКС России. В самом БРИКС вес экономики ЮАР составляет лишь 2,5% относительно всех остальных членов, доля торговли страны в рамках БРИКС со странами Африки — 11%, однако ЮАР является ведущей экономикой континента. Товарооборот Претории с участниками объединения составляет в стоимостном выражении порядка 10 млрд долл., а внутри континента свыше 30 млрд долл.¹ ЮАР участвует в финансировании региональных программ и организаций, таких как Африканский союз и Сообщество развития Юга Африки. Крупнейшие финансовые институты страны финансируют различные проекты во многих континентальных государствах. ЮАР является одним из пяти крупнейших инвесторов в африканскую экономику. Страна реализует значимые проекты в сфере горнодобывающей промышленности, энергетики, химической промышленности и в сельском хозяйстве в таких странах, как Мозамбик, Нигерия, Кения, Гана, Демократическая Республика Конго. ЮАР экспортирует внутри Африканского континента прежде всего собственные технологии в данных отраслях, так как сама является обладателем огромной ресурсной базы. На африканском рынке информационных технологий ЮАР представлена корпорацией MTN, которая предоставляет телекоммуникационные услуги в 21 стране². ЮАР в рамках БРИКС реализовала инициативу по созданию формата БРИКС «аутрич», который призван привлекать к сотрудничеству региональные державы, являющиеся соседями.

В качестве итога можно однозначно сказать, что роль стран — участниц БРИКС в Африке значительна, и с каждым годом она будет только возрастать, так как растет сила самого объединения, его география и число участников. Каждая из стран блока играет свою существенную роль в жизнедеятельности континента. Китай — крупнейшая мировая экономика и лидер по инвестициям и кредитованию африканских стран. Его присутствие охватывает практически все африканские страны. Интересы компаний из КНР распространяются абсолютно на все отрасли, присутствующие в Африке. Индия опережает китайцев в сфере информационных технологий. Индийские компании более интегрированы в африканскую экономику, так как активнее принимают на работу местные кадры, при этом эффективно обучают их. Способствует такой интеграции и многочисленная индийская диаспора в Африке, что упрощает налаживание партнерских отношений. Преимущество Бразилии — это сельскохозяйственная отрасль, ее технологии и внедрение культуры ведения фермерского хозяйства во многом повышают эффективность отрасли на континенте. Бразильские Vale и Odebrecht укомплектованы персоналом из числа местного населения соответственно на 85% и 90%. Россия со времен СССР имеет на континенте репутацию надежного партнера и защитника интересов дружественных государств. Страна является мировым лидером в атомной энергетике, а в бурно развивающейся экономике африканских стран возможные проекты строительства АЭС будут иметь особое значение. Также Россия на взаимовыгодных условиях может обеспечить обороноспособность африканских государств. ЮАР, как представитель Африканского континента в БРИКС, может во многом способствовать интеграции его государств как в объединение, так и посредством других стран-участниц в мировую экономику. Кроме того, Южно-Африканская Республика как ведущая континентальная экономика обладает передовыми технологиями во многих отраслях промышленности, а ее интегрированность в экономическую и политическую жизнь заметно упрощает сотрудничество между всеми странами Африки.

В целом деятельность на Африканском континенте БРИКС позволяет сбалансировать отношения стран Африки со всем остальным миром и диверсифицировать экономическую политику и роль на мировой арене.

¹ Африканский вектор политики БРИКС [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 09.07.2015. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afrikanskiy-vektor-politiki-briks/?sphrase_id=113942110 (дата обращения: 22.04.2023).

² Ютяева И. Инвестиционная привлекательность ЮАР [Электронный ресурс] // Мировое и национальное хозяйство. 2014. № 4 (31). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2014/2014-04/investicionnaya-privlekatelnost-yuar> (дата обращения: 26.04.2023).

Литература

1. Брагина Е. А. Индия — Африка: торговля и инвестиции в XXI веке // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11. № 5. С. 182–199. EDN: VMQIY. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-182-199
2. Дейч Т. Л. Региональная политика БРИКС в Африке // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2015. Т. 10. № 2. С. 206–228. EDN: UDJYNF. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-02-206
3. Дейч Т. Л. Экономические связи Китая с Африкой: проблемы и перспективы // *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 48–56. EDN: KTOSFA. DOI: 10.31857/S032150750020975-4
4. Наумов А. О. «Мягкая сила» стран группы БРИКС (на примере Бразилии и ЮАР) // *Мировая политика*. 2015. № 4. С. 27–40. EDN: VCFSWV. DOI: 10.7256/2409-8671.2015.4.17025
5. Соколова Е. С., Бакулина А. А. Политика Китая в Африке: проблемы и тенденции // *Via in Tempore. История. Политология*. 2022. Т. 49. № 2. С. 489–496. EDN: FUMRTG. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-489-496
6. Усов В. А. Африканская политика Дели и индийские общины в странах Африки: современное состояние // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2016. Т. 16. № 2. С. 226–235. EDN: WNHGXD
7. Mlambo C. China in Africa: An Examination of the Impact of China's Loans on Growth in Selected African States // *Economies*. 2022. Vol. 10. No. 7. P. 154–178. EDN: DWXZPL. DOI: 10.3390/economies10070154

Об авторе:

Обура Жан-Клод Одхиамбо, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: jeanclaudeobura@gmail.com

References

1. Bragina E. A. India — Africa: Trade and Investments in the XXI Century // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law* [Konтуры global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo]. 2018. V. 11. No. 5. P. 182–199. (In Russ.) EDN: VMQIY. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-182-199
2. Deych T. L. BRICS Regional Policy in Africa // *International Organisations Research Journal* [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]. 2015. V. 10. No. 2. P. 206–228. (In Russ.) EDN: UDJYNF. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-02-206
3. Deych T. L. China-Africa Economic Ties: Problems and Outlooks // *Asia and Africa Today* [Aziya i Afrika segodnya]. 2022. No. 7. P. 48–56. (In Russ.) EDN: KTOSFA. DOI: 10.31857/S032150750020975-4
4. Naumov A. O. The BRICS Countries' "Soft Power" (The Case of Brazil and the Republic of South Africa) // *World Politics* [Mirovaya politika]. 2015. No. 4. P. 27–40. (In Russ.) EDN: VCFSWV. DOI: 10.7256/2409-8671.2015.4.17025
5. Sokolova E. S., Bakulina A. A. Chinese Policy in Africa: Problems and Trends // *Via in Tempore. History and Political Science* [Via in Tempore. Istoriya. Politologiya]. 2022. V. 49. No. 2. P. 489–496. (In Russ.) EDN: FUMRTG. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-489-496
6. Usov V. A. African Policy of Delhi and Indian Community in Africa: Current Status // *Vestnik RUDN. International Relations* [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2016. V. 16. No. 2. P. 226–235. (In Russ.) EDN: WNHGXD
7. Mlambo C. China in Africa: An Examination of the Impact of China's Loans on Growth in Selected African States // *Economies*. 2022. Vol. 10. No. 7. P. 154–178. EDN: DWXZPL. DOI: 10.3390/economies10070154

About the author:

Obura Jean-Claude Odhiambo, graduate student, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: jeanclaudeobura@gmail.com

Специфика взаимоотношений государства и бизнеса в современной Индии

Пахомова М. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: mariap2707@gmail.com

РЕФЕРАТ

Индия, являющаяся членом БРИКС и ШОС, может сыграть важную роль в углублении евразийской интеграции. Однако для того, чтобы стало возможным использование ее интеграционного потенциала, необходимо в полной мере осознавать специфику данной страны, характер существующей в ней политической и экономической системы, которая, в частности, детерминируется сложившейся моделью взаимоотношений между государством и бизнесом.

Цель. Выявить особенности системы взаимоотношений между государством и бизнесом, которая сложилась в Индии за период экономических реформ и определяет потенциал и специфику ее политико-экономического развития.

Задачи. Проследить основные этапы эволюции отношений между государством и бизнесом в Республике Индия, дать оценку государственной политике в отношении основных типов бизнеса и различных бизнес-структур, выявить степень влияния частного бизнеса на политику и динамику экономического развития страны.

Методология. Системный и сравнительный анализ, научное обобщение, экспертные оценки.

Результаты. В статье дано научное обобщение эволюции моделей и методов взаимовлияния государства и бизнеса Республики Индия, оценка их эффективности с точки зрения социально-экономического развития страны.

Выводы. Формирование системы взаимоотношений государства и бизнеса в современной Индии было детерминировано потребностями экономического и социального развития страны, сущность и формы которого определялись доминированием соответствующих политических сил и идеологий. На начальном этапе использование репрессивных и принудительных методов регулирования привело к установлению между государством и бизнесом во всех промышленных секторах отношений «патрон — клиент», ориентированных на получение ренты. Однако впоследствии растущая неэффективность индийской экономики и рост коррупции заставили властные элиты страны пересмотреть свои политико-экономические взгляды и перейти к политике экономической либерализации, в результате чего Индия стала приобретать характерные черты «государства развития».

В настоящее время в условиях регулируемой рыночной экономики государство, с одной стороны, стремится обеспечить большую свободу рынка, частного предпринимательства, способствовать большей открытости и интернационализации экономики, с другой — ослабить и ограничить крупный капитал для защиты мелкого и среднего предпринимательства. При этом отношения государства и бизнеса продолжают в значительной степени носить клиентелистский характер, что, по мнению многих специалистов, мешает дальнейшей экономической либерализации и повышению глобальной конкурентоспособности индийской экономики.

Ключевые слова: Индия, государственная политика, бизнес, взаимодействие, экономический рост, конкурентоспособность, клиентелизм

Для цитирования: Пахомова М. А. Специфика взаимоотношений государства и бизнеса в современной Индии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 117–126.
doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-117-126. EDN: LGHAAT

The Specifics of the Relationship between the State and Business in Modern India

Maria A. Pakhomova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: mariap2707@gmail.com

ABSTRACT

India, a member of the BRICS and the SCO, can play an important role in deepening Eurasian integration. However, in order to make possible the use of its integration potential, it is necessary to fully understand the specifics of this country, the nature of its existing political and economic system, which, in particular, is determined by the established model of relations between the state and business.

Aim. To identify the features of the system of relations between the state and business, which has developed in India during the period of economic reforms and determines the potential and specifics of its political and economic development.

Tasks. To trace the main stages of the evolution of relations between the state and business in the Republic of India, to assess government policy in relation to the main types of business and various business structures, to identify the degree of influence of private business on the policy and dynamics of economic development of the country.

Methods. Systematic and comparative analysis, scientific generalization, expert assessments.

Results. The article provides a scientific generalization of the evolution of models and methods of interaction between the state and business of the Republic of India, an assessment of their effectiveness from the point of view of socio-economic development of the country.

Conclusions. The formation of the system of relations between the state and business in modern India was determined by the needs of the economic and social development of the country, the essence and forms of which were determined by the dominance of the relevant political forces and ideologies. At the initial stage, the use of repressive and coercive regulatory methods led to the establishment of a patron — client relationship between the state and business in all industrial sectors, focused on obtaining rent. However, subsequently, the growing inefficiency of the Indian economy and the growth of corruption forced the country's ruling elites to reconsider their political and economic views and switch to a policy of economic liberalization, as a result of which India began to acquire the characteristic features of a "development state". Currently, in a regulated market economy, the state, on the one hand, seeks to ensure greater freedom of the market, private entrepreneurship, promote greater openness and internationalization of the economy, on the other hand, weaken and limit large capital to protect small and medium-sized enterprises. At the same time, the relations between the state and business continue to be largely clientelistic, which, according to many experts, hinders further economic liberalization and increasing the global competitiveness of the Indian economy.

Keywords: India, public policy, business, interaction, economic growth, competitiveness, clientelism

For citing: Pakhomova M. A. The Specifics of the Relationship between the State and Business in Modern India // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 117–126. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-117-126>. EDN: LGHAAT

Введение

За последние десятилетия Индия превратилась в одну из наиболее мощных экономических держав не только Азии, но и всего мира. Неслучайно эту страну даже нередко называют «экономическим тигром» за взрывной рост экономики. Для России в условиях западных санкций Индия представляет на данном этапе особый интерес, поскольку взаимодействие двух стран дает возможность решать целый ряд сложных проблем. Более того, являясь членом ЕАЭС и ШОС, Индия способна сыграть важную роль в углублении евразийской интеграции, выступая в качестве важнейшего актора в рамках Большого Евразийского партнерства. Неслучайно подчеркивается, что «Россия будет и далее наращивать особо привилегированное стратегическое партнерство с Республикой Индией в целях повышения уровня и расширения взаимодействия во всех сферах на взаимовыгодной основе и уделять особое внимание увеличению объемов двусторонних торговых, инвестиционных и технологических связей, обеспечению их устойчивости к деструктивным действиям недружественных государств и их объединений»¹.

Однако для того, чтобы российско-индийское политическое и экономическое сотрудничество в рамках евразийских интеграционных процессов было эффективным, важно, на наш взгляд, четко представлять специфику взаимоотношений между государством и бизнесом в этой стране, особенности модели их взаимодействия, режим функционирования, успехи и болевые точки, саму динамику длительного процесса гармонизации этих отношений, который шел неравномерно, с разной степенью эффективности и, по нашему мнению, до сих пор не завершен. Именно это и является целью данного исследования, основанного на методологии историко-сравнительного анализа, научном обобщении и критическом осмыслении экспертных оценок.

Эволюция отношений государства и бизнеса в независимой Индии

После обретения Индией независимости от британского правления ее новое правительство предприняло серьезные усилия по индустриализации под руководством государства, используя модель плановой экономики, в значительной степени заимствованную у Советского Союза. Однако следует отметить, что в отличие от СССР попытки осуществления экономического планирования и выведения государственного сектора на «командные высоты экономики» основывались на государственных инвестициях в определенные виды деятельности, а не на национализации частных предприятий.

На вооружение была принята т. н. «модель Махаланобиса» [5, с. 10–11], предполагавшая усиление государственного регулирования, поскольку подход невмешательства, который оставлял монополистические конгломераты независимыми, давал возможность последним эксплуатировать потребителей и малый бизнес, угрожая балансу социального развития и общественных интересов. Были введены строгие правила в отношении каждого аспекта предпринимательской деятельности конгломератов во имя защиты общественных интересов от монополистической экономической деятельности [26, с. 24]. Однако при таком неравновесии власти, в котором доминировало государство, у фирм было мало стимулов повышать производительность или конкурентоспособность. Вместо этого они сосредоточились на укреплении формальных и неформальных отношений с правительством путем предоставления государственным чиновникам широкого спектра льгот (в основном политических средств), чтобы получить преференциальный режим.

Отношения по вопросу арендной платы постепенно были институционализированы в рамках лицензионно-разрешительной системы raj², которая вынуждала фирмы тратить время и энергию на укрепление

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 17.12.2023).

² «Лицензионный статус», или «Разрешительный радж» (радж — *правило* на хинди), представлял собой крайне громоздкую, бюрократическую систему лицензий, выдаваемых органами государственной власти, которые требовались для создания и ведения бизнеса в Индии между 1947 и 1990 гг. Термин был придуман индийским борцом за независимость и государственным деятелем Чакраварти Раджагопалачари, который решительно выступал против данного порядка, подчеркивая, что данная система обладает высоким потенциалом политической коррупции и ведет к экономическому застою.

более сложных и многослойных отношений с государством, связанных с поиском ренты, вместо того чтобы укреплять свою рыночную конкурентоспособность. В результате некоторые конгломераты превратились в могущественные группы с особыми интересами, которые доминировали над интересами индийского общества, что усугубило неэффективность экономической системы страны, одновременно ослабив конкурентоспособность промышленности в целом. Неслучайно последовавший за этим период ознаменовался фактическим крахом планирования и наступлением того, что было описано как эпоха «портфельной политики» [18, с. 101], когда отношения государства и бизнеса приобрели более транзакционный характер.

Индийский национальный конгресс (далее — ИНК), неизменно находившийся у власти в стране в течение всего периода после обретения независимости и вернувшийся к власти в 1980 г. после поражения 1977 г., поставил задачу добиться широких экономических реформ и изменений в промышленности, делая упор на рыночные компоненты, чтобы закрепить позиции ИНК как правящей партии. В результате «политический приоритет Индии был полностью изменен с перераспределения на экономический рост» [2, с. 69].

Однако эти радикальные изменения в политике не могли вызвать фундаментальных изменений в институциональной системе, поскольку они были вызваны не подлинным стремлением к экономическим реформам и преобразованию системы, а политической мотивацией лидера ИНК Индиры Ганди закрепить свою власть. Исходя из этого, стратегия поддержки бизнеса в этот период была направлена на предоставление льгот фирмам, которые были недовольны строгими правительственными постановлениями. Соответственно, усилия индийского правительства по проведению экономических реформ были непоследовательными, что делало его уязвимым перед меняющимися интересами и требованиями фирм и других групп с особыми интересами.

В этой политической обстановке лидер ИНК Раджив Ганди, сменивший на этом посту свою мать, предпринял попытку реализации еще более амбициозной инициативы по экономической либерализации. Однако, поскольку он также столкнулся с сильной оппозицией и политическим сопротивлением со стороны различных заинтересованных групп, его усилия не увенчались успехом [12, с. 56–57].

Несмотря на ограниченные масштабы стратегий промышленного развития Индии в этот период, в стране тем не менее был обеспечен некоторый экономический рост. Главное, что государственная власть осознала необходимость налаживания отношений сотрудничества с фирмами. До этого фирмы воспринимались государством лишь в качестве объектов, которые следует контролировать и полностью управлять ими с помощью агрессивных и принудительных политических инициатив, направленных против бизнеса. В результате был создан более гибкий, благоприятный для бизнеса климат, что способствовало смягчению шока от быстрого перехода к новой экономической политике, вызванного кризисом в Индии в 1990-х годах [3, с. 151–153].

В целом, хотя весь период до либерализации 1991 г. часто описывается как «лицензионно-разрешительный период», он не был репрессивным для индийского крупного бизнеса. В процессе попыток использовать режим регулирования в своих собственных интересах бизнес-группы были активными агентами, подрывающими любую реальную координацию экономики при посредничестве государства.

В начале 1990-х годов ограниченность возможностей существовавшей на тот момент в Индии экономической системы стала очевидной. Индийское правительство не смогло адекватно отреагировать на быстро меняющуюся глобальную экономическую конъюнктуру, поэтому страна пережила самый тяжелый экономический кризис в рамках программы финансовой помощи МВФ. Впоследствии Всемирный банк оказал давление на правительство Индии, чтобы оно изменило свою государственную экономическую систему, указав на недостатки чрезмерного экономического регулирования и дефицита федерального бюджета и выдвинув их ликвидацию в качестве предварительного условия для предоставления международных займов [9, с. 347]. В то же время несколько индийских экономистов-реформаторов, которые учились в западных странах и придерживались неолиберальной экономической идеологии, по возвращению в Индию были назначены на высокие официальные посты [6, с. 156], что привело к принятию нового закона о конкуренции, который способствовал внедрению принципов рыночной экономики и свободной конкуренции путем проведения радикальной политики дерегулирования промышленности и приватизации большинства государственных предприятий [23, с. 169].

Ряд видов деятельности, в которых государственный сектор занимал доминирующее положение, — банковское дело и страхование, горнодобывающая промышленность, телекоммуникации и вещание, авиалинии, инфраструктура и т. д. — были открыты для частных предприятий, в то время как некоторые государственные предприятия были приватизированы. Однако невозможность создания конкурентных рынков во многих секторах означала, что государство оставалось на сцене в качестве регулирующего органа, который должен был устанавливать правила игры и обеспечивать их соблюдение.

Возросшая иностранная конкуренция также усилила потребность в государственной поддержке. В то же время бюджетные ограничения усилили зависимость государства от частного капитала в стимулировании экономики. Финансовые учреждения государственного сектора даже финансировали частные инвестиции в инфраструктуру, традиционно являющуюся сферой государственных инвестиций, что привело к огромным дефолтам и ряду корпоративных скандалов.

В этот же период происходит и реструктуризация самих индийских конгломератов, которые переходят от традиционных семейных систем управления к более прозрачной профессиональной модели. Идет попытка отказаться и от традиционных отношений между правительством и бизнесом. В частности, стоит отметить важнейшую роль организаций самого бизнес-сообщества, включая Федерацию торгово-промышленных палат Индии (FICCI), Ассоциированные торгово-промышленные палаты Индии (ASSOCHAM) и Конфедерацию индийской промышленности (CII). Хотя они отличались друг от друга с точки зрения происхождения и целей, сфер охвата и масштаба членства, а также предпочтений руководства и проводимой политики, все они сконцентрировали основные усилия на установлении и поддержании ориентированных на развитие отношений сотрудничества между правительством и фирмами [14, с. 104]. В результате была создана достаточно эффективная система экономического управления, объединившая органы государственной власти и местного самоуправления, иностранные фирмы, экспертов, общественные организации, международные организации и т. д.

Однако, несмотря на все усилия по построению эффективной системы экономического управления, достижение высоких темпов экономического роста (8–10% годовых), существенного увеличения реального уровня занятости не произошло. Промышленное неравенство в Индии также усилилось, что привело к увеличению разрыва между различными типами фирм и промышленным сектором. В этой ситуации Объединенный прогрессивный альянс (ОПА) (с июня 2023 г. Индийский национальный инклюзивный альянс развития), левоцентристская коалиция, в которой доминирует ИНК, находившийся у власти в стране с 2004 по 2014 гг., выступил с предложением изменить промышленную политику для достижения баланса экономического роста и социальной справедливости — двух противоположных политико-экономических идеологий, пожертвовав в определенной степени скоростью экономической либерализации [23, с. 201]. Исходя из этого, индийское правительство вновь ужесточило регулирование деятельности конгломератов, что, естественно, вызвало критику со стороны последних, расценивших такую политику как разновидность демократического популизма [19, с. 63].

В настоящее время мы наблюдаем постепенный, но ускоряющийся переход страны на такую государственную политику, в которой основная ставка делается на экономический рост и корпоративные интересы. Индийский бизнес получает значительную государственную поддержку, особенно от центрального правительства. Правительство реализует различные виды схем и инициатив для развития отраслей промышленности и бизнеса в Индии. Инициатива «Делай в Индии» является хорошим примером в этом направлении, стимулируя промышленное производство в стране. Кроме того, правительство прилагает много усилий для привлечения прямых иностранных инвестиций в Индию¹.

В то же время разразившийся в 2023 г. корпоративный скандал, связанный с деятельностью Adani Group, которую инвестиционная исследовательская фирма Hindenburg Research обвинила в манипулировании акциями и мошенничестве с бухгалтерией, чему способствовало преднамеренное отсутствие контроля со стороны регулирующих органов, в очередной раз привлек внимание к темной стороне отношений государства и бизнеса в Индии [15].

¹ India's Century — Achieving Sustainable, Inclusive Growth. A roadmap for India Inc. December 2022 [Electronic resource]. URL: <https://india-century.com/reports/report.pdf> (accessed: 27.10.2023).

Особенности государственной политики в отношении малого и среднего предпринимательства

В центре внимания индийского государства, как мы видели, на протяжении всей его истории находился крупный бизнес, поскольку именно он в значительной степени определяет экономический рост в стране. Однако важное место в системе взаимоотношений бизнеса и власти занимает также малое и среднее предпринимательство (МСП), в отношении которого проводилась несколько иная государственная политика.

Традиционно индийское государство предлагало инструменты защиты и безусловные преференции для МСП, вместо того чтобы укреплять их конкурентоспособность на рынке. В 1954 г. правительство Индии приняло Закон о промышленном развитии и регулировании [13, с. 103], направленный на защиту деятельности МСП. Посредством Закона о фабриках [там же, с. 104] индийское правительство достаточно жестко провело линию раздела между конгломератами и мелкими фирмами, что привело к ограничению перетока человеческих ресурсов между организациями и отраслями и привело к разделению рынка труда. Однако такой протекционистский межотраслевой раскол отрицательно сказался на росте малых фирм и в конечном счете еще больше укрепил отношения между государством и малыми фирмами как концедентом и бенефициарами [16, с. 101]. В результате погоня за рентой препятствовала промышленной модернизации малых и средних предприятий и в конечном счете снизила их способность конкурировать на рынке [7, с. 59].

Одновременно с полноценными экономическими реформами 1990-х годов были приложены усилия и для изменения политики в отношении малого и среднего бизнеса. Небольшие фирмы начали осознавать необходимость реформаторских инициатив для поддержания своего развития в долгосрочной перспективе. Соответственно, чтобы отреагировать на их позитивное отношение, индийское правительство сформулировало для МСП инициативы по реформированию, ориентированные на рынок. Например, в 2006 г. правительство пересмотрело закон о развитии микро-, малых и средних предприятий, чтобы свести к минимуму ненужное вмешательство государства и внести необходимые коррективы в протекционистские положения [22, с. 67]. В 2009 г. премьер-министр и представители 19 малых фирм договорились о создании специального комитета для координации политики в области налогов, займов, неплатежеспособности / ликвидации, маркетинга, рабочей силы, инфраструктуры и технологического развития МСП [1, с. 20].

Тем не менее, несмотря на эти позитивные изменения, политика государства по отношению к МСП по-прежнему рассматривается как диверсифицирующая и нацеленная, главным образом, на поддержку промышленности. В результате большинство малых и средних предприятий в Индии продолжают проявлять недовольство сокращением помощи и недооценивают свои собственные возможности в условиях экономической либерализации. Таким образом, индийские МСП остаются по-прежнему сильно зависимыми от национальной политики протекционизма в рамках существующих отношений, связанных с поиском ренты, что не дает возможности реформировать их отношения с государством.

Специфика государственного влияния на различные сектора индийской экономики

Давая оценку отношениям государства и бизнеса в Индии, следует, на наш взгляд, учитывать не только существенные различия в отношении к крупным корпорациям / конгломератам и малому и среднему бизнесу, но и тот факт, что эти отношения различаются в зависимости от того, о каком секторе экономики идет речь.

Особо в этой связи следует отметить специфику *ИТ-индустрии*. Именно здесь мы видим наибольшее сходство с восточноазиатской моделью экономического развития — моделью, в которой правительство выступает в качестве движущей силы для стимулирования экономики, эффективно повышая конкурентоспособность ИТ-индустрии в рыночной системе. ИТ-индустрия Индии обладает дисперсной рыночной властью и менее склонна к развитию отношений между правительством и фирмами в поисках

ренты. В результате именно в этой сфере сформировалось наиболее эффективное экономическое управление, основанное на сотрудничестве между государством и бизнесом.

В данном случае мы находим определенное подтверждение справедливости теории встроеной автономии¹, в которой подчеркивается синергетический эффект взаимодействия между правительством и бизнесом [10]. Согласно этой теории, по мере того как правительственные чиновники приобретают все большую автономию, они становятся менее уязвимыми для организаций, преследующих частные выгоды, и, как следствие, возрастает вероятность создания эффективных сетевых форм взаимодействия [4, с. 45].

В отличие от типичного процесса промышленного развития в других странах сектор услуг в Индии оживился до развития производственного сектора. Фирмы, связанные с информационными технологиями, сыграли жизненно важную роль в развитии экономики Индии, поддерживая высочайший уровень конкурентоспособности на мировом рынке. Индийское правительство с самого начала применяло к ИТ-отраслям механизмы рыночной экономики. В то же время государство играло активную ведущую роль и оказывало институциональную поддержку с начального этапа до тех пор, пока не был создан прочный промышленный фундамент.

В 1970-х годах индийское правительство одновременно продвигало ИТ-индустрию аппаратного и программного обеспечения, ожидая синергетического эффекта от обеих сторон. Однако это лишь усугубило путаницу в межотраслевой политике. После этого индийское правительство изменило общее направление политики, сделав основную ставку на продвижение индустрии программного обеспечения. В 1984 г. была принята Новая компьютерная политика, направленная на разработку более прогрессивных политических инициатив и стимулов для повышения производительности и прибыльности индустрии программного обеспечения [20, с. 495–496].

К концу 1980-х годов индийское правительство перешло от государственного планирования к политике, ориентированной на рынок, поскольку оно было убеждено, что предоставление ИТ-компаниям возможности конкурировать на свободных рынках было бы более эффективным, учитывая природу индустрии программного обеспечения (т. е. ее небольшой размер и ориентацию на креативный контент) [17, с. 27–29].

Однако по мере увеличения масштабов ИТ-индустрии произошло обострение конфликтов интересов. Более того, все очевиднее стали проявляться негативные аспекты тесных отношений между правительством и ИТ-фирмами [там же, с. 156]. Соответственно, с 2000-х годов правительство Индии ужесточило правила в области ИТ-индустрии, чтобы устранить внутреннюю недобросовестную конкуренцию и отраслевой дисбаланс с точки зрения инклюзивного роста.

Чтобы преодолеть эту политико-экономическую ситуацию, ИТ-фирмы усилили лоббистскую деятельность и стали стремиться к установлению не только официальных, но и неформальных связей с правительством. Политики и правительственные чиновники, желая сохранить свои посты и власть, готовы даже закрыть глаза на незаконность политического финансирования со стороны таких фирм. Это, в свою очередь, ведет к перераспределению ресурсов в пользу непроизводительной деятельности.

Говоря о *промышленном производстве*, необходимо подчеркнуть, что индийское правительство в последнее время сосредоточило свое внимание на продвижении ряда мер, направленных на его реструктуризацию. Поскольку третичный сектор (сфера услуг), а не производственная сфера получил свое развитие раньше, то экономический рост трудоемких и крупномасштабных секторов был ограничен. Однако нехватка внутренних ресурсов и технологий для развития производственного сектора побудила индийское правительство активно привлекать инвестиции многонациональных корпораций, включая крупный иностранный капитал и человеческие ресурсы, для оживления своей инфраструктуры и оптимизации производственной среды.

В 220 провинциях по всей Индии был реализован ряд проектов по развитию производственного сектора [8, с. 107], для чего был ускорен процесс экономической децентрализации. Однако это создало

¹ Embedded autonomy — термин, введенный П. Эвансом для обозначения идеальных отношений между государством и бизнесом в модели государства развития; государство должно быть связано с бизнесом таким образом, чтобы хорошо понимать его интересы, но при этом чиновники не должны иметь возможности прибрать этот бизнес к рукам.

не только более открытую структуру экономического управления, но и добавило больше уровней к и без того запутанным конфликтам интересов, связанным с развитием производства.

Местный правящий класс, такой как местная элита, богатые фермеры и высшая каста, как правило, поддерживает тесные отношения с правительственными чиновниками государственного уровня, местными политиками, гражданскими организациями и средствами массовой информации. Однако нередко в случаях реализации промышленных проектов (как это было, например, с индийскими многонациональными корпорациями Tata и Vendanta, южнокорейской Posco) имели место сложные конфликты интересов из-за неэффективного экономического управления, основанного на отношениях между различными заинтересованными сторонами в поисках ренты [21, с. 131–132].

Еще одним серьезным препятствием на пути успешного развития производственного сектора Индии стали строгие правила, касающиеся трудовых отношений и приведшие к тому, что производители долгое время предпочитали сдерживать создание новых рабочих мест [24, с. 203]. Только в 2020 г. было принято три законопроекта, дающих возможность реализовать давно назревшие трудовые реформы, которые, в частности, позволяют промышленным предприятиям проявлять определенную гибкость в вопросах сокращения штатов и найма персонала [23, с. 215].

Остро осознавая важность создания кооперативного экономического управления для развития производственного сектора, правительство разработало ряд институциональных механизмов для разрешения конфликтов между заинтересованными сторонами. В 2004 г. начал свою деятельность Национальный совет по конкурентоспособности промышленного производства (NMCC), состоящий из правительственных чиновников, руководителей предприятий и экономистов из различных областей. Этот совет призван создавать государственно-частные партнерства для развития инфраструктуры производственного сектора, а также разрешать политические споры внутри производственных секторов или между межотраслевыми секторами. В то же время индийское правительство продолжало продвигать различные стратегии, направленные на создание благоприятной рыночной среды и резкое сокращение сферы регулирования многих видов промышленной деятельности в производственном секторе. В результате темпы роста промышленности быстро возросли и внесли свой вклад в развитие национальной экономики.

Однако при этом резко обострилась проблема распределения доходов, экономического неравенства между социальными классами и дисбаланса межотраслевых отношений в производственном секторе. Коалиционное правительство ОПА вынуждено было перейти от политики, ориентированной на развитие, к политике, ориентированной на перераспределение, что было расценено индийским бизнесом и иностранными инвесторами как уступка демократическому популизму [12, с. 876].

И в нынешних политических и экономических условиях способность индийского правительства реализовывать политику инклюзивного роста по-прежнему ограничена сохраняющимися отношениями, связанными с поиском ренты. Это приводит к неудовлетворительным результатам, учитывая масштабы инвестиционной активности в производственном секторе.

Заключение

В 1960–70-х годах индийское правительство придерживалось командно-контрольного режима в отношении частного сектора, который приводил к сговору и стремлению к ренте и оказывал значительное негативное воздействие на экономические показатели страны. Между политической и экономической элитами царил атмосфера взаимного недоверия наряду с сильным настроением правительства против бизнеса.

Со сменой правительства в 1980 г. и возвращением Индиры Ганди на пост премьер-министра содействие экономическому росту стало центром экономической политики правительства, что привело к растущему союзу между политической и экономической элитами. Индийское государство дало четкий сигнал о своем намерении взять на себя надежные обязательства по созданию среды, в которой будет поддерживаться частное предпринимательство и проводиться политика, способствующая экономическому росту.

Сдвиг в отношениях между политической и экономической элитами от взаимного недоверия к более совместным и синергетическим отношениям еще более усилился с приходом к власти Раджива Ганди

в 1985 г. Он проявлял особый интерес к современным секторам, таким как информационные технологии и инжиниринг, и пытался привлечь новую экономическую элиту из этих развивающихся секторов к отношениям, которые были у политической элиты с бизнес-сектором.

Кроме того, с появлением нетрадиционных бизнес-групп в южной и западной Индии наблюдалась растущая диверсификация собственности на бизнес, что привело к расширению политических связей бизнес-элиты [25, с. 9]. Частные инвестиции значительно возросли с середины 1980-х годов, особенно в новые сектора, такие как информационные технологии и фармацевтика, и в течение десятилетия Индия стала одной из самых быстрорастущих стран в мире, все больше приобретая характерные черты «государства развития». Индийское правительство в своей политике сделало акцент на рыночной стратегии путем сокращения государственного регулирования и повышения автономии бизнеса, выступая при этом в качестве движущей силы быстрого экономического развития.

Однако, несмотря на достижение высоких темпов экономического роста, в стране стало нарастать социальное неравенство, приведшее к обострению политической ситуации. Это заставило находившуюся у власти в стране с 2004 по 2014 г. левоцентристскую коалицию пойти на изменение промышленной политики для достижения баланса экономического роста и социальной справедливости — двух противоположных политико-экономических идеологий, пожертвовав в определенной степени скоростью экономической либерализации.

Находящаяся у власти с 2014 г. Бхаратия джаната парти во главе с ее лидером Нарендрой Модди в условиях регулируемой рыночной экономики, с одной стороны, стремится обеспечить большую свободу рынка, частного предпринимательства, способствовать большей открытости и интернационализации экономики, с другой — ослабить и ограничить крупный капитал для защиты мелкого и среднего предпринимательства. При этом отношения государства и бизнеса продолжают в значительной степени носить клиентелистский характер, что, по мнению многих специалистов, мешает дальнейшей экономической либерализации и повышению глобальной конкурентоспособности индийской экономики.

Решение данной проблемы важно не только для Индии, но и для всех ее партнеров по евразийской интеграции. В июне 2017 г. на саммите в Астане Индия стала полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества, завершив тем самым свое двенадцатилетнее пребывание в организации в качестве наблюдателя. Выбор в пользу членства в ШОС стал не просто средством реализации экономических интересов страны, но и шагом, свидетельствующим о принципиальном выборе в пользу евразийского вектора развития.

Литература / References

1. *Adhia N.* The History of Economic Development in India since Independence // *India: Past, Present, and Future*. 2015. V. 20. No. 3. P. 18–22 [Electronic resource]. URL: <https://www.asianstudies.org/publications/ea/archives/the-history-of-economic-development-in-india-since-independence/> (accessed: 20.11.2023).
2. *Ahluwalia M. S.* Economic Reforms in India Since 1991: Has Gradualism Worked? // *Journal of Economic Perspective*. 2002. No. 16 (3). P. 67–88. DOI: 10.1257/089533002760278721
3. *Basu K., Annemie M.* The Pattern and Causes of Economic Growth in India // *Oxford Review of Economic Policy*. 2007. No. 23 (2). P. 143–167. DOI: 10.1093/oxrep/grm012
4. *Cali M., Sen K.* Do Effective State Business Relations Matter for Economic Growth? Evidence from Indian States // *World Development*. 2011. No. 39 (9). P. 1542–1557. DOI: 10.2139/ssrn.1534596
5. *Chakravarty S.* Development Planning: The Indian Experience. London : Clarendon Press, 1987. ISBN: 0 19 828555 8.
6. *Chaudhuri S.* Economic Reforms and Industrial Structure in India // *Economic and Political Weekly*. 2002. No. 37 (2). P. 155–162. [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/4411600> (accessed: 15.11.2023).
7. *Das K.* Micro, Small and Medium Enterprises in India: Unfair Fare. Gujarat : Gujarat Institute of Development Research. 2008. [Electronic resource]. URL: <http://www.gidr.ac.in/pdf/WP-181.pdf> (accessed: 15.11.2023).
8. *Dore P., Narayanan K.* Regional Economic Diversity: Lessons from an Emergent India. Oxford : Oxford University Press, 2023. DOI: 10.1093/oso/978
9. *Engerman D.* The Price of Aid: The Economic Cold War in India. Harvard : Harvard University Press, 2018. DOI: 10.2307/j.ctv24w64d1

10. *Evans P.* Embedded Autonomy: State and Industrial Transformation. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. ISBN: 9780691037363
11. *Francine R. Frankel.* Indian's Political Economy: The Gradual Revolution (1947–2004). Princeton : Princeton University Press, 2005. ISBN: 9780195683790
12. *Goyal A.* (ed.) Handbook of the Indian Economy in the 21st Century: Understanding the Inherent Dynamism. Oxford : Oxford University Press, 2014. ISBN: 9780198097532
13. *Jiho Jang, Jung-Yul Kim, Young-Hee Cho.* Change of Industrial Strategies and Government-Business Relationship in India // Journal of International and Area Studies. 2013. V. 20. No. 2. P. 101–115 [Electronic resource]. URL: https://s-space.snu.ac.kr/bitstream/10371/96560/1/7.Change-of-Industrial-Strategies-and-Government-Business-Relationship-in-India_Jang-et-al.pdf (accessed: 15.11.2023).
14. *Kong D.-A., Balatchandirane G.* A Study on Major Big Business Houses in India: Performance and Prospects Since the Reforms // Journal of Indian Studies. 2004. No. 9 (2). P. 141–182.
15. *Mazumdar S.* The Sorry State of India's State–Business Relations [Electronic resource] // EastAsiaForum. 06.06.2023. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2023/06/06/the-sorry-state-of-indias-state-business-relations/> (accessed: 15.11.2023).
16. *McCartney M.* India — the Political Economy of Growth, Stagnation and the State, 1951–2007. (India in the Modern World). London — New York : Routledge, 2011. ISBN: 9780415673600
17. *Mehta H.* The Maverick Effect: The Inside Story India's IT Revolution. New Delhi : Harper Business India, 2022. ISBN 13: 9789354895296. ISBN 10: 9354895298
18. *Mohan R.* (ed.) India Transformed: 25 Years of Economic Reforms. Washington : Brookings Institution Press, 2018. ISBN: 9780815736615
19. *Mohan R.* Growth Record of the Indian Economy, 1950–2008: A Story of Sustained Savings and Investment // Economic and Political Weekly. 2010. No. 43 (19). P. 61–71 [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/40277444?seq=1> (accessed: 20.11.2023)
20. *Mukherji R.* Interests, Wireless Technology, and Institutional Change: From Government Monopoly to Regulated Competition in Indian Telecommunication // The Journal of Asian Studies. 2009. No. 68 (2). P. 491–517. DOI: 10.1017/S0021911809000680
21. *Panagariya A.* New India: Reclaiming the Lost Glory. Oxford : Oxford University Press, 2020. DOI: 10.1093/oso/9780197531556.001.0001
22. *Pradhan J. P.* R&D Strategy of Small and Medium Enterprises in India —Trends and Determinants. Ahmedabad : Sardar Patel Institute of Economic & Social Research, 2010 [Electronic resource]. URL: https://mpr.ub.uni-muenchen.de/20951/1/SMER_and_D.pdf (accessed: 20.11.2023).
23. *Roy T., Swamy A.* Law and the Economy in a Young Democracy: India 1947 and Beyond (Markets and Governments in Economic History). Chicago : University of Chicago Press, 2022. DOI: 10.7208/chicago/9780226799148.001.0001
24. *Sen K.* (ed.) State Business Relations and Economic Development in Africa and India. London — New York : Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9780203077047
25. *Te Velde D. W.* (ed.) Effective State-Business Relations, Industrial Policy and Economic Growth. 2010 [Electronic resource]. URL: <https://cdn.odi.org/media/documents/6126.pdf> (accessed: 20.11.2023).
26. *Varshney R. L.* Government-Business Relations in India // *The Business History Review*. 1964. V. 38. No. 1. P. 22–57. DOI: 10.2307/3112486

Об авторе:

Пахомова Мария Артуровна, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: mariap2707@gmail.com

About the author:

Maria A. Pakhomova, PhD student of the Department of State and Municipal Administration of North-Western Institute of Management of RANEP (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: mariap2707@gmail.com

Арктическое сотрудничество России и Индии в фарватере изменения климата

Зиннатуллин Д. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: st091808@student.spbu.ru

ORCID: 0009-0006-4112-4079

РЕФЕРАТ

Глобальное изменение климата поставило регион в центр геополитики, поскольку таяние арктических льдов превращает его из объекта преимущественно научного интереса в объект соперничества претензий на национальную безопасность, коммерческих интересов и экологических проблем, что имеет глубокие последствия как для международной правовой, так и для политической системы. Окружающая среда Арктики является областью общей заботы, требующей коллективно-го поведения всех, в том числе России и Индии.

Цель. Рассмотреть экологические вопросы в арктической политике России и Индии, а также найти точки соприкосновения в рамках сотрудничества в Арктике по изменению климата.

Задачи. Выявить существующие проблемы и предложить рекомендации по их решению.

Методология. Для решения поставленных в исследовании задач автор прибегает к использованию таких методов, как статистический анализ, метод анализа документов, дискурс-анализ выступлений политических лидеров России и Индии.

Результаты. Рассмотрены вопросы климатической повестки России и Индии. В отличие от России у индийской стороны имеются проблемы в реализации своей государственной политики в сфере изменения климата. Обмен опытом в области эффективного финансирования экологических программ, управление рисками стихийных бедствий и обмен информацией являются областями потенциального сотрудничества в условиях изменения климата. Несмотря на геополитические изменения, происходящие во всем мире, сотрудничество России и Индии не прервалось, а осталось на прежнем уровне и имеет огромный потенциал.

Выводы. Обеспечение экологической безопасности России и Индии является неотъемлемой частью политики двух государств. Как показывают представленные в работе данные, государства имеют схожие интересы в разработке мер для предотвращения ухудшения изменения климата в Арктическом регионе.

Ключевые слова: Арктика, Россия — Индия, изменение климата, сотрудничество, потенциал

Для цитирования: Зиннатуллин Д. А. Арктическое сотрудничество России и Индии в фарватере изменения климата // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 127–136.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-127-136>. EDN: LGTDGO

Arctic Cooperation between Russia and India in the Wake of Climate Change

Daniyar A. Zinnatullin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: st091808@student.spbu.ru

ORCID: 0009-0006-4112-4079

ABSTRACT

Global climate change has placed the region at the centre of geopolitics, as melting Arctic sea ice transforms it from a predominantly scientific interest to a contest of national security claims, commercial interests and environmental concerns, with profound implications for both the international legal and political systems. The Arctic environment is an area of common concern requiring collective behaviour by all, including Russia and India.

Aim. Examine environmental issues in the Arctic policies of Russia and India, and find common ground in Arctic cooperation on climate change.

Tasks. Identify existing problems and propose recommendations to address them.

Methods. To solve the problems set in the study, the author uses such methods as statistical analysis, method of document analysis, discourse analysis of speeches of political leaders of Russia and India.

Results. The issues of the climate agenda of Russia and India are considered. Unlike Russia, the Indian side has problems in implementing its state policy on climate change. Sharing experience in effective financing of environmental programmes, disaster risk management and information exchange are areas of potential cooperation in the context of climate change. Despite the geopolitical changes taking place around the world, Russia-India cooperation has not been interrupted, but has remained at the same level and has great potential.

Conclusions. Ensuring the environmental security of Russia and India is an integral part of the policies of the two states. As the data presented in this paper show, the states have similar interests in developing measures to prevent climate change deterioration in the Arctic region.

Keywords: Arctic, Russia-India, climate change, cooperation, potential

For citing: Zinnatullin D. A. Arctic Cooperation between Russia and India in the Wake of Climate Change // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 127–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-127-136>. EDN: LGTDGO

Введение

В последнее время интерес к Арктике стали проявлять неарктические игроки. В их числе необходимо выделить Индию. В статье сравним арктическую политику России и Индии, проводимую в рамках минимизации угроз от последствий изменения климата.

Задачами являются:

- рассмотрение критерия «экология» в арктическом векторе России;
- анализ государственной политики Индии в борьбе с последствиями изменения климата;
- исследования положений индийского документа «Арктическая политика Индии»;
- предложение рекомендаций для сотрудничества между странами.

Количество политологических исследований по данному вопросу остается небольшим. Учеными, занимающимися изучением арктической политики России и Индии, в том числе в вопросе минимизации угроз от последствий изменения климата, являются Ю. А. Болсуновская [1], Ю. А. Коновалова [2], М. А. Уткова [3], Sh. Bipandeep [4], J. Bhagwat [5], K. Nachiappan [6], L. Rajamani [7], V. Suhag [8], P. Uma, P. Reinhart [9], A. Zakharov [10] и другие исследователи.

Среди использованных источников для подготовки статьи следует выделить официальные документы РФ, документ «Арктическая политика Индии» от 2022 г., российско-индийские соглашения о сотрудничестве, аналитические отчеты и материалы правительств. Также в работе использованы положения, содержащиеся в статьях, в журналах и на интернет-ресурсах, затрагивающие вопросы изменения климата и арктическую тематику.

Экология в арктическом векторе России

О важности Арктики говорится как в выступлениях президента В. В. Путина, так и во внешнеполитических и других стратегических документах страны. Одним из пунктов национальных интересов

России в арктической политике 2035 г., которая была принята в 2020 г., является защита окружающей среды Арктики и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Российской Арктике¹. Начиная с сотрудничества в области научных исследований, Россия хочет постепенно расширять взаимодействие со странами БРИКС в Арктике, в том числе в следующих областях: охрана окружающей среды и борьба с изменением климата; зеленая энергетика. Россия рассматривает потепление климата как основной риск и угрозу реализации арктической стратегии и принимает с этой целью ряд мер, которые основаны на негативных последствиях потепления климата. В ноябре 2020 г. был издан указ Президента РФ № 666, в котором была поставлена задача к 2030 г. снизить выбросы на 30% по сравнению с уровнем 1990 г.² Однако было отмечено, что даже при выполнении этой задачи выбросы углекислого газа в России могут вырасти на 40% и остаться ниже порогового уровня.

Особые экологические риски Арктического региона России можно условно разделить на три группы: природно-экологические, технико-экологические и социально-экологические риски. Среди основных техногенных рисков можно выделить следующие: аварийные разливы нефти; выброс загрязняющих веществ в атмосферу и морскую среду, сжигание нефтяного попутного газа, выбросы парниковых газов, значительное повышение уровня сейсмологической опасности региона в связи с проседанием пород на огромных территориях, разливы при выполнении погрузочно-разгрузочных работ и бункеровочных операций, при аварийных ситуациях, загрязнение морской акватории, загрязнение почв и другие [1, с. 3]. Например, разлив нефти компании «Норникель», произошедший в мае 2020 г., был связан с нарушением технологий: поднялась температура, растаяла вечная мерзлота, обрушился кронштейн под маслбаком, пострадало дно нефтяного бака. В конечном итоге это привело к утечке дизельного топлива³.

В связи с этим расходы на улучшение экологической обстановки в Арктическом регионе начали постепенно увеличиваться. Российский бизнес заинтересован в ответственном инвестировании. Соответствие субъектов среды запросам инвесторов определяется тем, проявляют ли они заботу об экологии в обществе, и грамотно выстроенным менеджментом [3, с. 2]. Рассмотрим траты отечественного бизнеса на экологию за 2022 г. Расходы впервые за всю историю наблюдений перевалили за психологическую отметку 1 109 569 760 руб. (рис. 1). Это на 12,2% больше, чем в 2021 г.

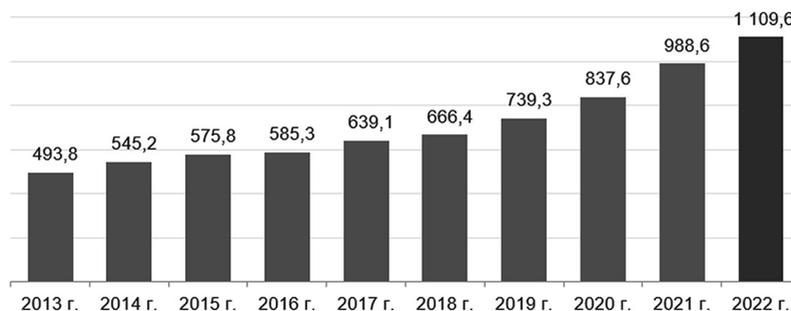

Рис. 1. Экологические расходы предприятий по годам, млрд руб.⁴
Fig. 1. Environmental expenditures of enterprises by year, RUB bln.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 11.11.2023).

² Safonov G. 2021. Back to the future? Evolution of Russia's climate policy [Электронный ресурс] // Centre for Strategic and International Studies. 01.03.2021. URL: <https://www.csis.org/analysis/back-future-russias-climate-policy-evolution> (дата обращения: 30.10.2023).

³ Восстановление экосистемы после разлива дизтоплива на ТЭЦ в Норильске займет не менее 10 лет [Электронный ресурс] // Интерфакс (сайт). 04.06.2020. URL: <https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/vosstanovlenie-ekosistemy-posle-razliva-diztopliva-na-tec-v-norilске-zaymet-ne-menee-10-let> (дата обращения: 09.11.2023).

⁴ Экологические расходы предприятий по годам, млрд руб. [Электронный ресурс] // ФинЭкспертиза (сайт). 07.08.2023. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/rash-biz-na-ekolog/> (дата обращения: 08.11.2023).

Любопытно региональное распределение экологических расходов. Почти 10% всех трат приходится на Красноярский край. Именно там находится арктический Норильский промышленный район, в котором компания «Норникель» реализует свою «серную программу». Инициатива эта весьма капиталоемкая, отсюда и крупная цифра. Второй заполярный участник, занявший четвертое место в стране по сумме экологических расходов, это Ямало-Ненецкий автономный округ. На эти цели было выделено 54,2 млрд руб. В десятку не вошли, но потратили существенные средства на экологию предприятия Якутии (25,2 млрд) и Мурманской области (16,1 млрд). Среди и арктических, и общегосударственных аутсайдеров Чукотка. На экологические нужды предприятиям всего было направлено 940 млн руб.¹ Зафиксированный по итогам года прирост примерно уравнивается инфляцией.

Несмотря на острейший военно-политический кризис, который сопровождается жестким внешним экономическим давлением, российские предприятия не снизили объем трат на цели, связанные с экологией, вроде как не имеющие первостепенного значения для деловой активности как таковой. Из этого следует, что крупный российский бизнес в целом усвоил установку на экоориентированное поведение вопреки недружественному поведению стран из Арктического совета.

Вопросы, связанные с изменением климата в государственной политике Индии

23 октября 2002 г. в Нью-Дели, столице Индии, прошла Восьмая Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата². После десяти дней напряженных консультаций и ожесточенных дебатов представители Индии, других развивающихся и развитых стран наконец достигли консенсуса в последний день встречи и официально приняли Делийскую декларацию. Переговоры по решению проблемы изменения климата — это не просто вопрос защиты окружающей среды, это на самом деле затяжная и острая конкуренция между развивающимися и развитыми странами в сферах экономики, науки и политики.

Обладая способностью влиять на глобальные погодные условия, Арктика сохраняет свое важное значение для индийской системы погоды. В Индии расположена большая часть Гималаев, которые иногда называют третьим полюсом. Ледники Гималаев являются важнейшим источником воды не только для населения региона, но и для питания крупных рек региона, таких как Ганг, Инд и Брахмапутра. Резкое таяние ледников, затопление равнин, серьезные последствия муссонов и затопление прибрежных городов в результате изменения климата вызывают определенную озабоченность в Индии. По мере повышения уровня моря и увеличения частоты штормов происходит постепенный размыв побережья, что создает угрозу повышения уровня Мирового океана. Размыв береговой линии может привести к переселению целых городов и уже сейчас требует реализации множества других проектов по управлению прибрежной зоной. Протяженность береговой линии Индии составляет около 7516 км, а в 70 прибрежных округах, расположенных в 9 штатах, проживают около 171 млн чел. Согласно прогнозам, изменение климата будет все больше угрожать побережью Индии в связи с повышением уровня моря, непредсказуемыми осадками и частыми штормами³. В 2018 г. Индия понесла значительный экономический ущерб из-за климатических явлений, который почти в два раза превысил потери, понесенные в период с 1998 по 2017 г., и составили в общей сумме 37 млрд долл. США [9, с. 10]. Также в качестве примера можно привести природное бедствие, связанное с циклоном Амфан в 2020 г. На данный момент это самый сильный шторм, который случился в Бенгальском заливе, он привел к эвакуации огромного количества граждан Индии и Бангладеш.

В программном документе Индия отчетливо говорит о влиянии изменения климата на ее экономику и его воздействии на урожайность летних культур, таких как рис, бобовые и соя, которые обеспечи-

¹ Экологические расходы предприятий по годам, млрд руб. [Электронный ресурс] // ФинЭкспертиза (сайт). 07.08.2023. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/rash-biz-na-ekolog/> (дата обращения: 08.11.2023).

² The Delhi Ministerial Declaration on Climate Change and Sustainable Development [Electronic resource] // Conference of the Parties (COP), Eighth session, 23 October — 1 November 2002, New Delhi, India. URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/conferences/past-conferences/new-delhi-climate-change-conference-october-2002/cop-8/cop-8-documents> (accessed: 30.10.2023).

³ Asian Development Bank [Electronic resource] // Maharashtra Sustainable Climate Resilient Coastal Protection and Management Project. URL: <https://www.adb.org/node/927196/printable/print> (accessed: 01.11.2023).

вают почти 50% продовольствия Индии, полностью зависящего от цикла муссонов и ледниковых вод, питающих ее речную систему¹. Индия, население которой составляет 1,3 млрд чел., не может рисковать своей продовольственной, водной и экономической безопасностью. Более того, Индия по объему выбросов CO₂ сначала обошла Японию (рис. 2), недавно надежного партнера России, а по итогам 2023 г. должна обойти Европейский союз. При продолжении существующей тенденции в начале 2030-х Индия по уровню выбросов парниковых газов обойдет США.

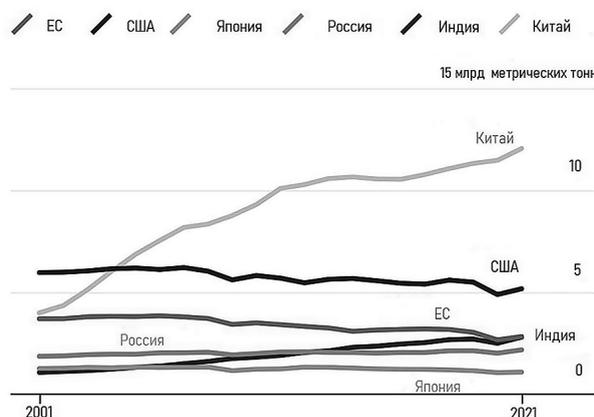

Рис. 2. В настоящее время Индия выбрасывает больше парниковых газов, чем Европейский союз²

Примечание: На основе суммарных выбросов эквивалента CO₂

Fig. 2. India currently emits more greenhouse gases than the European Union

Note: Based on total CO₂ equivalent emissions

Поскольку Индия становится одним из лидеров в борьбе с изменением климата, вполне естественно, что она будет поддерживать инициативы по сохранению непосредственной физической среды Арктики, продолжая при этом изучать ее долгосрочные последствия для региональной и глобальной окружающей среды.

Рассмотрим расходы Министерства охраны окружающей среды, лесов и изменения климата Индии (далее — Министерство) на борьбу с изменением климата с 2012–2013 по 2023–2024 гг. (рис. 3).

Отчетливо видно, что расходы из бюджета на борьбу с изменением климата за последние годы увеличивались, но рост в годовом исчислении не всегда имел положительную динамику. Это наблюдалось во время COVID-19, когда власти Индии боролись с негативными последствиями пандемии.

Более того, за прошедшие 10 лет Министерство не смогло освоить выделенные ему средства (рис. 4). Постоянный комитет по науке и технологиям, окружающей среде и лесам отметил, что это свидетельствует об отсутствии планирования и дальновидности со стороны данного Министерства³.

В будущем, к сожалению, неполное использование средств может также повлиять на ход реализации экологических программ. По прогнозам Всемирного банка, коллективная экономика стран Южной Азии (Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивы, Непал и Шри-Ланка) к 2050 г. потеряет 1,8% своего годового ВВП из-за изменения климата [4]. Если Индия также будет неэффективно использовать свои финансовые инструменты для борьбы с изменением климата, то среди перечисленных стран займет отрицательно лидирующее место.

¹ ICAR Policy Paper [Electronic resource] // Climate Change and Indian Agriculture: Impacts, Coping Strategies, Programmes and Policy URL: https://naarm.org.in/wp-content/uploads/2020/06/ICAR-NAARM-Policy-on-Climate-Change-and-Agriculture_compressed.pdf (accessed: 26.10.2023).

² India is likely to now emit more greenhouse gases than the European Union [Electronic resource] // Statistical Review of World Energy 2021 | 70th edition. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (accessed: 19.10.2023).

³ Report No. 283: Demands for Grants (2016–2017) (Demand No. 32) [Electronic resource] // Ministry of Environment, Forest & Climate Change, Standing Committee on Science and Technology, Environment and Forests, 09.05.2016. URL: https://rajyasabha.nic.in/rsnew/Committee_site/Committee_File/ReportFile/19/24/283_2019_7_10.pdf. (accessed: 17.10.2023).

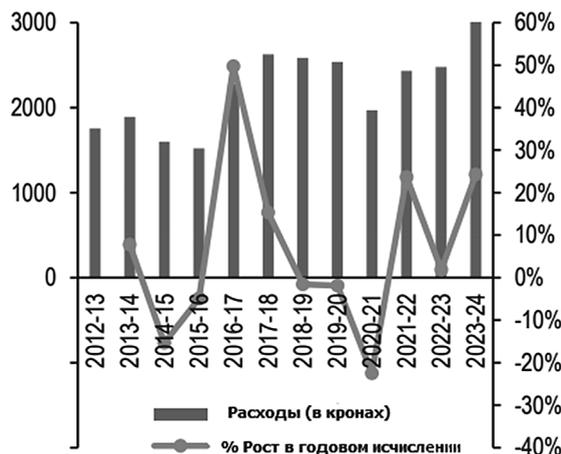

Рис. 3. Бюджетные ассигнования по годам¹

Примечание: Данные за 2022–2023 и 2023–2024 гг. представляют собой пересмотренные сметы и бюджетные сметы соответственно

Fig. 3. Budgetary allocations by year

Note: Figures for 2022–2023 and 2023–2024 are Revised Estimates and Budget Estimates respectively

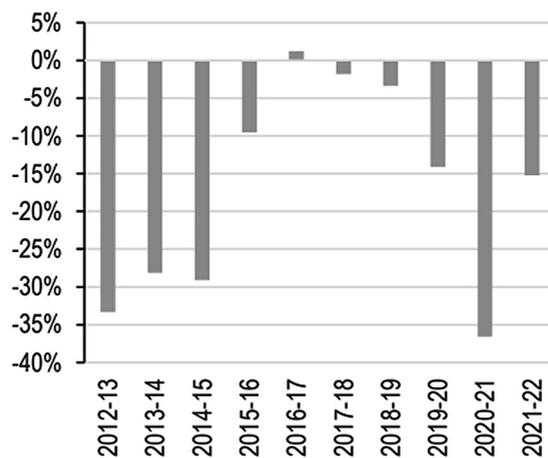

Рис. 4. Использование средств Министерством²

Fig. 4. Utilisation of funds by the Ministry

Арктическая политика Индии от 2022 г.

Арктическая политика Индии была обнародована 17 марта 2022 г. министром естественных наук после пересмотра проекта арктической политики, опубликованного в декабре 2020 г. В документе говорится, что столпами арктической политики Индии являются «наука и исследования, защита климата и окружающей среды, экономическое сотрудничество и сотрудничество в области человеческого развития, транспорт и связь, управление и международное сотрудничество и наращивание национального

¹ PRS Legislative Research [Electronic resource] // Demand for Grants 2023–24 Analysis Environment, Forests and Climate Change URL: https://prsindia.org/files/budget/budget_parliament/2023/DfG_2023-24_Analysis-Environment_Forest_and_Climate_Change.pdf (accessed: 21.10.2023).

² Там же.

потенциала»¹. Одним из столпов политики является признание взаимодополняемости между полярными исследованиями и исследованиями Гималаев. Поскольку Индия имеет огромный опыт научных исследований в Антарктиде и на Третьем полюсе, этот опыт может помочь индийскому научному сообществу лучше понять изменения в Арктике и расширить базу знаний для трех полюсов.

Арктическая политика сделала дополнительный акцент и признала необходимость отдельного изучения влияния изменения климата. Определяя изменение климата как важнейшее измерение научных исследований Индии в Арктике, политика призывает к повышению качества взаимодействия Индии с регионом по выполнению Целей устойчивого развития ООН. Подход и политика Индии на переговорах по изменению климата вызывают большой интерес и внимание [6, с. 1]. Индия также обязалась, что ее предприятия в Арктическом регионе будут следовать самым высоким экологическим стандартам. В качестве примера можно привести двусторонние договоренности (Green Strategic Partnership between the Government of India and the Government of the Kingdom of Denmark 2021–2026², India-Norway cooperation from the Arctic to the monsoon³ и др.) Индии со странами Скандинавии, которые ведут активную деятельность в продвижении политики так называемого «зеленого» перехода. Тема «зеленого» перехода пока не ведет к сокращению потребления ископаемых ресурсов. И, как показали события последних лет, мир очень чувствителен к колебаниям на рынке нефти и газа. В диапазоне пяти лет тенденция вряд ли сильно изменится: энергопереход в одних регионах мира будет компенсироваться ростом потребления углеводородов в других, поскольку «зеленая» энергия остается более дорогой. Перелом случится, возможно, позже — через 10–15 лет, если удастся решить ряд технологических задач. Кроме того, текущий распад глобального мира тоже станет барьером для новых форм энергетики, в том числе в Арктическом регионе.

Российско-индийское взаимодействие в Арктике: точки соприкосновения и рекомендации

Россию с Индией связывает тесное стратегическое партнерство, которое со временем только укрепляется. Россия и Индия участвуют в заседаниях ООН по климатическому режиму. Обе страны утверждают, что минимизация последствий, связанных с изменением климата, должна лежать в первую очередь на богатых индустриальных государствах, учитывая их исторический вклад как основных производителей выбросов парниковых газов. Индия и Россия придерживаются схожей точки зрения на секьюритизацию переговоров по изменению климата и участие в них Совета Безопасности ООН. В то время как Запад, включая США и ЕС, стремится включить вопрос об изменении климата в повестку дня Совета Безопасности ООН, Индия и Россия выступают за то, чтобы дискуссии об изменении климата оставались в рамках Генеральной Ассамблеи ООН, а не рассматривались специализированным органом ООН.

В целом, даже несмотря на то, что большинство стран мира осудили Россию за российско-украинский конфликт на Генеральной Ассамблее ООН и потребовали прекратить специальную военную операцию (141 голос «за», 5 «против», 35 воздержавшихся, в том числе и Индия)⁴, российские действия не вызвали серьезных потрясений в глобальном договоре. Чтобы история отношений между Российской Федерацией и Республикой Индия продолжалась без горьких разочарований, обе стороны должны незамедлительно начать корректировать свое сотрудничество [10, с. 28].

По мере того как две страны стремятся разнообразить свои отношения, не ограничиваясь оборонным и энергетическим секторами, Арктика открывает новый фронт возможностей и сотрудничества между Индией и Россией. В 2018 г. премьер-министр Нарендра Моди во время своего визита в Россию

¹ India's Arctic Policy: Building a partnership for sustainable developmen [Electronic resource] // Ministry of Earth Sciences (MoES). 17.03.2022. URL: <https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-03/compressed-SINGLE-PAGE-ENGLISH.pdf> (accessed: 19.12.2023).

² Green Strategic Partnership between the Government of India and the Government of the Kingdom of Denmark 2021–2026 [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Denmark. URL: <https://indien.um.dk/en/denmark-in-india/green-strategic-partnership/india-denmark-joint-action-plan-2021-2026-> (accessed: 17.05.2024).

³ India-Norway cooperation from the Arctic to the monsoon [Electronic resource] // Dialogue Earth. URL: <https://dialogue.earth/en/climate/india-norway-cooperation/> (accessed: 27.04.2024).

⁴ The UN General Assembly demanded that Russia “immediately” withdraw its troops from Ukraine [Electronic resource] // The United Nations (website). URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/03/1419092> (accessed: 07.11.2023).

говорил о необходимости развития Арктического региона и важной роли в Арктическом совете. Во время визита премьер-министра Моди во Владивосток в сентябре 2019 г. на 20-й ежегодный индийско-российский саммит, Арктика была упомянута впервые. В совместном заявлении отмечалось: «Индия рассчитывает на сотрудничество с Россией в Арктике, Индия с интересом следит за развитием Арктического региона и готова играть важную роль в Арктическом совете»¹. У Индии есть уникальная возможность воспользоваться преимуществами стратегического партнерства с Россией и сотрудничать с ней в различных сферах, таких как возобновляемые источники энергии, научные исследования по изменению климата [5, с. 1] и институциональные связи между российскими университетами. Например, с 4 по 10 февраля 2024 г. в Нью-Дели прошли экспертные встречи российских и индийских специалистов в сфере исследований, экспертизы проблематики высоких широт и реализации образовательных инициатив. Большой интерес у экспертов вызвали вопросы оценки углеродного следа от морехозяйственной деятельности в Арктике, готовность к реагированию на ЧС и ликвидации аварийных разливов нефти². По итогам визита стороны договорились развивать и укреплять научно-экспертный диалог.

На современном этапе сельскохозяйственное производство во многих арктических регионах ограничено, потому что имеющиеся физическая и техническая инфраструктура и финансовые ресурсы недостаточны. В целях поддержания общей продовольственной безопасности перспективно сотрудничество Индии с Россией в развитии ключевых инфраструктурных проектов. Кроме того, Индия может изучить возможности технического и научного сотрудничества с Россией в области геоэкологических исследований российского севера, что позволит индусам лучше понять северную экосистему и ее целесообразность для сельского хозяйства в будущем [8, с. 3].

Возможен ли российский экологический тандем в Арктике? Из вышесказанного, сравнивая политико-стратегическое планирование России и Индии по изменению климата в Арктике, мы видим, что сотрудничество возможно в области финансирования экологических программ Индии. Индии стоит обратиться к помощи российской компании «Сбер» либо перенять опыт. «Сбер» получил ESG-рейтинг уровня АА. Российский банк поднялся на 47 строчек в рейтинге российских компаний по версии рейтингового агентства RAEX. Агентство составляет его с 2018 г., и туда входят 160 компаний.

Оценивают как ESG-риски, так и ключевые ESG-факторы. Например, экологию, социальную политику и управление. Другое рейтинговое агентство, АКРА, оценило усилия «Сбера» в области ESG на рейтинг ESG-B, уровень ESG-2³. Такая оценка означает, что компания добилась значительных успехов в следовании принципам эффективного управления. Вдобавок технологические возможности России в области производства «зеленого» водорода соответствуют растущему спросу на этот экологически чистый источник энергии.

Продвижение Северного морского пути в качестве морского транспортного маршрута, альтернативного существующему сухопутному коридору между Россией и Индией, позволит сократить потери при транспортировке сжиженного природного газа из России в Индию. Арктические морские пути представляют собой альтернативный коридор в периоды, когда традиционные маршруты, такие как Суэцкий или Панамский каналы, замедляются или закрываются. Это, в свою очередь, будет способствовать снижению выбросов углекислого газа в атмосферу Индии как при использовании сжиженного природного газа с АРКТИК СПГ-2, так и при его транспортировке.

Сфера управления стихийными бедствиями положит начало новой эре дружбы, которая позволит обеим сторонам работать в непосредственной близости друг от друга, чтобы минимизировать риск, которому Индия подвергается из-за участвовавших стихийных бедствий. Индии будут полезны современные технологии и структуры, созданные Россией для мониторинга различных событий в режиме реального времени. Индия предпринимает последовательные усилия по включению элементов смягчения

¹ India — Russia Joint Statement during visit of Prime Minister to Vladivostok. 05.09.2019 [Electronic resource] // Embassy of India, Moscow. URL: <https://indianembassy-moscow.gov.in/press-releases-05-09-19-1.php> (accessed: 23.11.2023).

² СЕОНОК развивает российско-индийское сотрудничество в Арктике [Электронный ресурс] // Петрозаводский государственный университет. 14.02.2024. URL: <https://petrsu.ru/news/2024/126788/seonok-razvivaet-ros> (дата обращения: 18.05.2024).

³ ESG-рэнкинг российских компаний (январь 2024 года) [Электронный ресурс] // Сайт рейтинговой группы RAEX. URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2024.1/ (дата обращения: 07.03.2024).

последствий стихийных бедствий в новые программы развития, в том числе пересматривает некоторые из текущих схем развития для включения в них мер по снижению риска стихийных бедствий, которые могут возникнуть в Арктическом регионе.

Заключение

По результатам исследования мы пришли к следующему заключению.

В арктической политике России немаловажную роль играют такие аспекты, как охрана окружающей среды и борьба с изменением климата, зеленая энергетика. Финансирование программ, в том числе связанное с экологическим ориентированием в арктической зоне России, с каждым годом увеличивается, несмотря на возникающие проблемы в новой геополитической реальности.

Вопросы, связанные с изменением климата, в государственной политике Индии играют одну из первоочередных задач, с которой страна столкнется в ближайшее десятилетие.

С 2013 г. Индия стала страной-наблюдателем в Арктическом совете, однако с 2022 г. организация не ведет полномасштабной деятельности. В 2022 г. была принята Арктическая политика Индии. Принятие данного документа, закрепляющего положения страны в делах Арктики, говорит о серьезных намерениях Индии в Арктике, подчеркивает долгосрочные планы одной из ведущих экономик мира по развитию и взаимовыгодному сотрудничеству в Арктике.

При сравнении арктической политики двух стран в области минимизации угроз от последствий изменения климата были выявлены проблемы и предложены рекомендации для улучшения сотрудничества в данной сфере.

Литература

1. Болсуновская Ю. А., Боярко Г. Ю. Особые экологические риски в системе обеспечения экологической безопасности Арктического региона РФ // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9. Ч. 12. С. 2725–2728. EDN: TEMZEF
2. Коновалова Ю. А. Индийские интересы в арктическом регионе // *Научное обозрение*. Сер. 1: Экономика и право. 2014. № 4. С. 145–151. EDN: TACTDV
3. Уткова М. А., Утков П. Ю. Эколого-экономическая безопасность как фактор сбалансированного развития Севера Арктики // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2013. № 2. С. 118–122. EDN: RCFJLZ
4. Sharma B. China's Emerging Arctic Engagements: Should India Reconsider Its Approach towards the Polar North? // *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*. 2020. No. 16 (1) P. 46–67. DOI: 10.1080/09733159.2020.1772532
5. Bhagwat J. Cooperation between Russia and India in the Arctic: A Pipedream or a Strategic Necessity // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2020. V. 13. No. 4. P. 488–506. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2020.405
6. Nachiappan K. Agenda-setting from Behind: India and the Framework Convention on Climate Change // *India Review*. 2020. No. 18 (5). P. 552–567. DOI: 10.1080/14736489.2019.1703365
7. Rajamani L. India and Climate Change: What India Wants, Needs, and Needs to Do // *India Review*. 2009. No. 8 (3). P. 340–374. DOI: 10.1080/14736480903116842
8. Suhag V. Prospects of an India-Russia Cooperation for Northern Agriculture // *Russian Arctic*. 2022. No. 16. P. 45–50. DOI: 10.24412/2658-4255-2022-1-45-50
9. Purushothaman U., Philip R. The Impact of Climate Change on India-Russia Relations // *MGIMO Review of International Relations*. 2023. No. 16 (2). P. 176–197. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-176-197
10. Zakharov A. Exploring New Drivers in India-Russia Cooperation [Электронный ресурс] // *Observer Research Foundation (ORF). Occasional Paper*. 2017. No. 124. P. 1–34. URL: https://www.orfonline.org/wp-content/uploads/2017/10/ORF_Occasional_Paper_124_India-Russia.pdf (дата обращения: 20.04.2024).

Об авторе:

Зиннатуллин Данияр Альбертович, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: st091808@student.spbu.ru; ORCID: 0009-0006-4112-4079

References

1. Bolsunovskaya Yu. A., Boyarko G. Y. Particular Environmental Risks in the System of Ecological Security of the Arctic Region in Russia // *Fundamental Research [Fundamental'nye issledovaniya]*. 2014. No. 9. Part 12. P. 2725–2728. (In Russ.) EDN: TEMZEF
2. Konovalova Yu. A. Indian Interests in the Arctic Region // *Scientific Review. Ser. 1: Economics and Law [Nauchnoe obozrenie. Ser. 1: Ekonomika i pravo]*. 2014. No. 4. P. 145–151. (In Russ.) EDN: TACTDV
3. Utkova M. A., Utkov P. Yu. Ecological and Economic Security as a Factor of Balanced Development of the Arctic North // *The North and the Market: Forming the Economic Order [Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka]*. 2013. No. 2. P. 118–122 (In Russ.) EDN: RCFJLZ
4. Sharma B. China's Emerging Arctic Engagements: Should India Reconsider Its Approach towards the Polar North? // *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*. 2020. No. 16 (1) P. 46–67. DOI: 10.1080/09733159.2020.1772532
5. Bhagwat J. Cooperation between Russia and India in the Arctic: A pipedream or a Strategic Necessity // *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya]*. 2020. V. 13. No. 4. P. 488–506. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2020.405
6. Nachiappan K. Agenda-setting from behind: India and the Framework Convention on Climate Change // *India Review*. 2020. No. 18 (5). P. 552–567. DOI: 10.1080/14736489.2019.1703365
7. Rajamani L. India and Climate Change: What India Wants, Needs, and Needs to Do // *India Review*. 2009. No. 8 (3). P. 340–374. DOI: 10.1080/14736480903116842
8. Suhag V. Prospects of an India-Russia Cooperation for Northern Agriculture // *Russian Arctic*. 2022. No. 16. P. 45–50. DOI: 10.24412/2658-4255-2022-1-45-50
9. Purushothaman U., Philip R. The Impact of Climate Change on India-Russia Relations // *MGIMO Review of International Relations*. 2023. No. 16 (2). P. 176–197. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-176-197
10. Zakharov A. Exploring New Drivers in India-Russia Cooperation [Electronic resource] // *Observer Research Foundation (ORF). Occasional Paper*. 2017. No. 124. P. 1–34. URL: https://www.orfonline.org/wp-content/uploads/2017/10/ORF_Occasional_Paper_124_India-Russia.pdf (accessed: 20.04.2024).

About the author:

Daniyar A. Zinnatullin, postgraduate student at Saaint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: st091808@student.spbu.ru; ORCID: 0009-0006-4112-4079

Современная арктическая политика Индии

Веселова Д. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6674-0357

РЕФЕРАТ

Цель. Изучить арктическую политику Индии, рассмотрев ее концептуальную, институциональную и процессуальную составляющие.

Методология. Системный подход, анализ документов, сравнительный анализ, обобщение и синтез.

Результаты. В статье рассмотрены положения стратегически важного документа Индии, посвященного реализации политики в Арктике, государственные органы, компетентные осуществлять арктическую политику Индии, их основные функции, направления деятельности Дели в Арктике. Сопоставлены тренды, по которым реально осуществляются действия, с направлениями, закрепленными в стратегическом документе страны по арктической политике.

Выводы. Документ «Арктическая политика» носит лишь декларативный, политический характер. Программный документ, закрепляющий план мероприятий по осуществлению политики в Арктике со сроками, на данный момент не принят. Отсутствуют нормы по привлечению к ответственности за ненадлежащую реализацию мероприятий. Не создан специализированный орган, ответственный за реализацию политики в Индии, несмотря на упоминание о нем в Арктической политике Индии. Научное направление в Арктике для Индии является ключевым. Оно также выделено в качестве приоритетного в Арктической политике, что является слабой стороной индийской арктической политики. Можно выделить еще пять направлений деятельности Индии в Арктике, которые находятся на стадии формирования или развития. Основным партнером Индии является Норвегия, складываются тесные связи с Россией. В арктической политике страны имеются серьезные упущения, связанные с отсутствием ледокола, неучастием в Совете Баренцева / Евроарктического региона, со слабым инвестированием арктических проектов. Практическая значимость научной работы состоит в возможности использовать ее результаты для дальнейшего выстраивания диалога с индийским правительством и бизнес-сообществом, также ее выводы могут лежать в основе будущих научных исследований.

Ключевые слова: Арктика, арктическая политика, международное сотрудничество, изменение климата, Северный морской путь

Для цитирования: Веселова Д. Н. Современная арктическая политика Индии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 137–147.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-137-147>. EDN: LHLSJQ

The Modern Arctic Policy of India

Darya N. Veselova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6674-0357

ABSTRACT

Aim. To study India's Arctic policy by considering its conceptual, institutional and procedural components.

Methods. Structural-analytical approach, document analysis, comparative analysis, generalization and synthesis.

Results. The article examines the provisions of a strategically important document of India dedicated to the implementation of policy in the Arctic, government bodies competent to implement India's Arctic policy, their main functions, and the directions of Delhi's activities in the Arctic. The trends along which actions are actually taken are compared with the directions enshrined in the country's strategic document on Arctic policy.

Conclusions. The document "Arctic Policy" is only declarative, political in nature. The policy document establishing the action plan for the implementation of policy in the Arctic with deadlines has not yet been adopted. There are no standards for holding people accountable for improper implementation of activities. A specialized body responsible for implementing policy in India has not been created, despite its mention in India's Arctic Policy. The scientific direction in the Arctic is key for India. It is also highlighted as a priority in the Arctic policy, which is a weak point of Indian Arctic policy. There are 5 more areas of Indian activity in the Arctic that are at the stage of formation or development. Norway is India's main partner, close ties are developing with Russia. There are serious omissions in the country's Arctic policy related to the lack of an icebreaker, non-participation in the Barents Euro-Arctic Council, and poor investment in Arctic projects. The practical significance of the scientific work lies in the ability to use its results to further build a dialogue with the Indian government and business community, and its conclusions can form the basis of future scientific research.

Keywords: Arctic, Arctic policy, international cooperation, climate change, Northern Sea Route

For citing: Veselova D. N. The Modern Arctic Policy of India // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 137–147. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-137-147>. EDN: LHLSJQ

Введение

Индия удалена от Арктического региона на тысячи километров. Несмотря на такую удаленность, начиная с 2007 г. интерес Индии к Арктике только растет. Проводятся научно-исследовательские экспедиции, развивается сотрудничество между Индией и арктическими странами, заключаются контракты на поставку углеводородов, добытых в Арктике. В марте 2022 г. Индия приняла стратегически важный документ — «Арктическая политика Индии: построение партнерства для устойчивого развития» (далее — Арктическая политика). В документе отражены интересы страны в Арктическом регионе и выделены направления деятельности Индии в Арктике. В связи с этим представляет интерес рассмотрение арктической политики Индии на современном этапе, после принятия данного документа.

Из-за санкций западных стран в отношении РФ основными партнерами России стали азиатские страны, в числе которых находится и Индия. Поэтому чрезвычайно важно рассмотреть политику Индии в Арктическом регионе, выявляя плюсы и минусы от ее проведения для нашей страны и определяя потенциальные направления для сотрудничества двух стран.

«Политика — это участие в делах государства, определение форм, задач, содержания его деятельности, а также характеристика образа действий, направленных на достижение определенных целей в отношениях людей между собой, в отношениях между хозяйствующими субъектами, государственными органами и государствами» [1, с. 100].

На основании такого определения политики для комплексного изучения деятельности Индии в Арктике рассмотрим документы Индии по освоению и развитию Арктики (концептуальную составляющую); основных политических акторов, компетентных проводить арктическую политику (институциональную составляющую); ключевые направления деятельности в Арктике и проводимые в рамках этих трендов мероприятия (процессуальную составляющую).

Целью работы является изучение арктической политики Индии при сопоставлении реально реализуемых трендов с направлениями, закрепленными в Арктической политике.

За последнее десятилетие научный интерес к вопросу реализуемой Индией политики в Арктике возрос, однако количество исследовательских работ остается небольшим. Многие исследования проводились до принятия Арктической политики. Среди российских ученых, изучавших вопрос политики Индии в Арктике, следует выделить К. С. Зайкова [3, с. 264], Я. В. Лексютину [4, с. 40–48], Н. А. Николаева [5, с. 321–335], Ю. А. Райкова [7, с. 20–39], Т. Л. Шаумян, В. П. Журавеля [9, с. 175–184].

Китайские и индийские ученые также занимались исследованием арктической политики Индии. С. Сунь [8, с. 346–365], Ц. Хуа [10, с. 156–171], J. Bhagwat [11, р. 16–22], N. Gadihoke [12, р. 1–12], S. Kanagavalli [13], U. K. Sinha, A. Gupta [14, р. 872–885] рассматривали вопросы проведения политики Индии в Арктике и сотрудничества Дели с арктическими государствами.

Методы и методология

В качестве методологической основы использован системный подход, а также специальные научные методы — анализ документов и сравнительный анализ. В частности, автор исследует положения Арктической политики и сравнивает по некоторым вопросам индийскую и китайскую политику в Арктике. Также были использованы общенаучные методы: обобщение и синтез.

Результаты исследования

Концептуальная основа

В 2013 г. МИД Индии опубликовал первый документ «Индия и Арктика», закрепляющий национальные интересы Индии в Арктике. Он был принят после получения Индией статуса страны — наблюдателя в Арктическом Совете (далее — АС) в мае 2013 г.

В 2022 г. Индия опубликовала документ под названием «Арктическая политика Индии: построение партнерства для устойчивого развития». Документ носит политический характер. Если сопоставить данный документ с Белой книгой Китая по арктической политике¹, то стоит отметить, что последняя также носит концептуальный характер, что связано, во-первых, с тем, что обе страны не являются арктическими игроками, во-вторых, с получением статуса стран-наблюдателей в АС Индия и Китай приняли на себя обязательства уважать и соблюдать суверенитет арктических государств в их секторах в регионе. Принятие нормативного правового акта, содержащего обязательные для исполнения положения, повлекло бы за собой недоверие со стороны арктических стран.

Арктическая политика выделяет шесть направлений: наука и исследования, изменение климата и защита окружающей среды, экономическое и человеческое развитие, транспорт и связь, управление и международное сотрудничество, наращивание национального потенциала². В документе выделяются четыре интереса Индии в Арктике [3, с. 272]: научный, экологический, экономический и стратегический³, которые прослеживаются при изучении направлений деятельности Индии в Арктике.

В заключении обращается внимание на принятие специального плана для реализации положений, прописанных в Арктической политике Индии, а также учреждение специализированного органа для управления и контроля — межминистерской Уполномоченной группы по Арктической политике. На 2024 г. ни план проведения мероприятий в Арктике не принят, ни специализированный орган не учрежден. Однако это не говорит о потере интереса Индии к региону. Формирование концептуальной основы Индии проходило постепенно; лишь в 2022 г. была принята Арктическая политика. Индия не входит в число арктических государств, что позволяет ей отложить принятие плана. При этом

¹ China's Arctic Policy [Электронный ресурс] // The State Council the People's Republic of China: English.Gov.CN. 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения: 24.03.2024).

² India and the Arctic: Building a Partnership for Sustainable Development, 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-05/India_Arctic_Policy_2022.pdf (дата обращения: 24.03.2024).

³ Там же.

главным конкурентом Индии является Китай, который также не имеет конкретной программы действий в Арктическом регионе.

Институты Индии

Институтом, который занимается научными разработками в Арктике, является Национальный центр полярных и океанических исследований (NCPOR), подотчетный Министерству наук о Земле Индии. До 2018 г. NCPOR назывался Национальным центром антарктических и океанических исследований (NSAOR). Переименование NSAOR в NCPOR говорит об усилившемся за последние пять лет интересе Индии к Арктическому региону. NCPOR играет ключевую роль лишь в научной сфере и не несет ответственности за реализацию арктической политики страны.

Какого-либо специализированного органа, занимающегося проведением Индией политики в Арктике и обладающего контролируемыми полномочиями, не существует, что связано, во-первых, с принятием Индией стратегического документа в 2022 г., во-вторых, с отсутствием конкретного плана действий, в-третьих, с приоритетом научной деятельности в регионе, регулируемой NCPOR; и наконец, с поздней заинтересованностью Арктическим регионом в целом.

Направления деятельности

В работе сопоставим направления деятельности Индии в Арктическом регионе, закрепленные в Арктической политике, с трендами, по которым в действительности проводятся мероприятия. Так как Индия не является арктическим государством, то осуществлять какую-либо деятельность в Арктике Дели может либо в сотрудничестве с арктическими странами, либо с их разрешения. Поэтому рассмотрим вопросы партнерства Индии с арктическими странами через призму изучения направлений деятельности Дели в Арктике.

1. Проведение научных исследований в Арктике

Начало научной деятельности Индии в Арктическом регионе было положено в 2007 г., когда состоялась первая научно-исследовательская экспедиция индийских ученых на Северный полюс. Целью экспедиции было изучение изменений климата и экосистемы Арктики. На 2024 г. Индия осуществила тринадцать экспедиций в Арктику [13].

В 2008 г. на острове Шпицберген (Норвегия) была открыта индийская полярная станция «Химадри» [8, с. 352]. В 2014 г. была спущена индийская многоцелевая плавучая обсерватория «ИндАрк» [9, с. 176]. Основная ее задача сводится к проведению морских исследований и сбору данных в арктических морях даже в зимнее время года¹. 2016 г. ознаменован созданием самой северной индийской атмосферной лаборатории в Грувебадете (Шпицберген). Лаборатория предназначена для изучения облаков, осадков, загрязнителей дальнего действия и других фоновых параметров атмосферы².

На данный момент в самой Индии более 25 научно-исследовательских учреждений занимаются изучением Арктики. Страна является членом Международного арктического научного совета, Комитета научных менеджеров Нью-Олесунна, Арктического университета и Азиатского форума полярных наук и играет важную роль в арктическом научном сообществе [13].

Индия также является наблюдателем в Арктическом совете, чья деятельность связана с охраной окружающей среды в Арктике. При изучении списков участников заседаний старших должностных лиц АС с 2013 г. по 2021 г.³ выявлено, что в среднем Индия представлена 1–2 делегатами на заседаниях, в то время как Китай, Сингапур, Республика Корея, Япония — 2–3 участниками, что говорит об отставании

¹ India's Engagement with Arctic Council [Электронный ресурс] // Arctic-council: official website. 2016. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/f61dbf95-11fa-422e-b5a6-d42a1106001d/content> (дата обращения: 10.03.2024).

² India unveils Arctic Policy [Электронный ресурс] // Manorama Yearbook: website. 18.03.2022. URL: <https://www.manoramayearbook.in/india/special-articles/2022/03/18/india-arctic-policy.html> (дата обращения: 10.03.2024).

³ Participant Lists from the Meetings Held for 2013–2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://arctic-council.org/ru/> (дата обращения : 16.04.2024).

Дели в этом направлении от других стран и о несформированности в полной мере арктической политики Индии как в целом, так и в области охраны окружающей среды в Арктике. К подобным выводам в своем исследовании пришел и Ц. Хуа [10, с. 166].

Индия для решения экологических вопросов в своей стране рассматривает опыт арктического сотрудничества. Так, в начале 2023 г. в ОАЭ прошел форум «Третий полюс — Гималаи и арктическая модель», на котором обсуждались возможности применения «арктической модели сотрудничества» в регионе Гиндукуш-Гималаи для смягчения угроз таяния ледников и обеспечения водной безопасности в связи с изменением климата¹.

Таким образом, ключевым направлением деятельности Индии в Арктическом регионе является проведение научных исследований с целью мониторинга окружающей среды региона, изучения климатических изменений, происходящих в Арктике, для решения экологических проблем Индии.

2. Добыча полезных ископаемых в Арктике

Несмотря на заявленное преимущество научных интересов в Арктике, в Арктической политике Индии выделяется такое направление, как «экономическое и человеческое развитие», а значит, закреплён экономический интерес. В первую очередь он связан с использованием полезных ископаемых арктического шельфа.

Индия занимает 3-е место в мире по потреблению энергии. В 2016 г. страна присоединилась к Парижскому соглашению по климату, а потому должна перейти с использования угля при выработке энергии на более экологичные источники. В краткосрочной перспективе — на нефть и газ.

Арктика представляет собой «кладовую» полезных ископаемых. Особое внимание власти страны уделяют разработке углеводородных месторождений, в том числе и в России.

В 2014 г. ПАО «НК «Роснефть»» и индийская ONGC подписали Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в геологических изысканиях, разведке и добыче углеводородов на арктическом шельфе РФ [6, с. 167]. Также между «Роснефтью» и Essar Group было подписано долгосрочное соглашение о поставке в Индию ежегодно 10 млн т нефти [2, с. 12] в течение последующих десяти лет подряд.

В 2023 г. «Роснефть» и Indian Oil Company заключили соглашение об увеличении поставок нефти в Индию². С 2021 г. доля российских поставок нефти в Индию выросла с 3% до 38% в 2023-м, а их объём увеличился до 1,7 млн б/с (баррелей в сутки). Экспорт нефтепродуктов из России в Индию вырос с 70 тыс. б/с до 130 тыс. б/с. При этом стоит отметить тенденцию увеличения закупок европейскими странами у Индии нефтепродуктов с 205 тыс. в 2021 г. до 315 тыс. б/с в 2023 г.³ Показатели говорят о нейтральной позиции Индии по отношению к санкциям западных стран в адрес России, а также об экономической выгоде Дели от последствий действия санкций, которая выражается в увеличении объёма закупок нефти и нефтепродуктов и продаже излишка Европе.

ПАО «НОВАТЭК» рассматривает Индию как рынок сбыта сжиженного природного газа (СПГ). Так, компания Novatek Gas Power Asia Ltd. в марте 2018 г. поставила в Индию первую партию СПГ, изготовленную на заводе «Ямал СПГ» [6, с. 168]. В 2019 г. НОВАТЭК заключил с индийскими Petronet LNG и H-Energy Global Ltd меморандумы о взаимопонимании на поставку СПГ⁴. Несмотря на трудности поставок СПГ после начала специальной военной операции на Украине и ужесточения санкций западных

¹ Brodt L. Increased Asian Engagement in the Arctic and Russia-India Cooperation in the Region [Электронный ресурс] // RIAC. 15.02.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/increased-asian-engagement-in-the-arctic-and-russia-india-cooperation-in-the-region/#:~:text=On%20the%2018th%20and%2019th,insecurity%20exacerbated%20by%20climate%20change> (дата обращения: 23.05.2024).

² «Роснефть» и IndianOilCompany заключили соглашение об увеличении поставок нефти в Индию [Электронный ресурс] // ТАСС: инф. агентство. 29.03.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17395899> (дата обращения: 08.03.2024).

³ Индия добавит нефти спроса [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: сайт инф. агентства. 13.02.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6508826#:~:text=Доля%20российских%20поставок%20в%20Индию,36%25%20российского%20экспорта%20нефти> (дата обращения: 01.05.2024).

⁴ НОВАТЭК договорился о выходе на СПГ-рынок Индии [Электронный ресурс] // РБК: инф. агентство. 04.09.2019. URL: <https://www.rbc.ru/business/04/09/2019/5d6f6d6b9a79475cdb721d4a?from=copy> (дата обращения: 08.03.2024).

государств, в 2023 г. по сравнению с 2022 г. увеличились поставки российского СПГ в Индию в 1,5 раза (с 324 тыс. т до 432 тыс. т)¹. В целом снижение закупок СПГ недружественными для России странами положительно повлияло на рост закупок СПГ Дели.

В 2015 г. между «Роснефтью» и ONGC Videsh Ltd. состоялась сделка по покупке ONGC 15% акций «Ванкорнефти». С 2016 г. ONGC имеет 26% акций, а консорциум в составе Oil India, Indian Oil Corporation, Bharat Petroresources — 23,9% [4, с. 45], в совокупности — 49,9%. В этом же году Oil India, Indian Oil и Bharat Petroresources приобрели 29,9% доли в ООО «Таас-Юрях Нефтегазодобыча» (дочерняя компания Роснефти)².

В 2014 г. «НОВАТЭК» сделал оферту ONGC, PetronetLNG, Indian Oil Corporation о покупке 9% акций в проекте «Ямал СПГ» [6, с. 168]. Однако индийские компании отказались принять это предложение. В 2018 г. «НОВАТЭК» обратился к индийским компаниям с предложением об участии в реализации проекта «Арктик СПГ-2». Предложение актуально по настоящее время. Но индийские инвесторы не готовы вкладывать свой капитал в проект. Это связано с двойственной позицией Индии относительно добычи углеводородов на арктическом шельфе. С одной стороны, освоение Арктики путем разработки нефтегазовых месторождений укрепит статус Индии в Арктическом регионе. С другой стороны, некоторые индийские ученые утверждают, что до конца не изучены последствия добычи полезных ископаемых в Арктике на экосистему региона.

На нежелании инвестирования сказываются трудности освоения месторождений в Арктике, несовершенство технологий, высокая стоимость проектов, длительный период возврата инвестиций [5, с. 327], санкции западных стран. Индийские инвесторы опасаются, что санкции в отношении России, такие как запрет на экспорт/импорт, могут ограничить в будущем возможности получения прибыли от профинансированных ими арктических проектов.

Российско-украинский конфликт повлиял на восприятие Индией роли России в мире. Поэтому Дели активизировал усилия по диверсификации источников импорта сырой нефти из других стран³. Однако возможное расторжение контрактов с российскими компаниями по поставке углеводородов на льготных условиях противоречило бы политике энергетической безопасности.

Таким образом, Индия рассматривает Арктику не только с точки зрения проведения научных исследований в данном регионе, но и заинтересована в добыче и поставках сырья.

3. Политика Индии по отношению к коренным народам Арктики

В документе «Арктическая политика» изучению и пониманию традиционных знаний коренных народов Севера уделяется большое внимание. Направления «экономическое и человеческое развитие» и «наука и исследования» посвящены данному вопросу. Во-первых, это связано с тем, что коренные народы Арктики всю жизнь взаимодействуют с природой, чувствуют любое ее изменение, а потому могут выступать в роли политических акторов при принятии политических решений, касающихся региона. Поэтому Индия планирует плодотворно взаимодействовать с коренными жителями и работать с ними над экологическими вопросами [9, с. 177]. Во-вторых, в Индии хорошо развита телемедицина. Данную практику Индия предполагает перенести на отдаленные территории Арктики. В-третьих, индийское руководство выступает за содействие обмену традиционными знаниями между жителями Гималаев и арктических территорий. Считается, что во многом проблемы, возникающие у народов Арктики и Гималаев в связи с изменением климата, промышленным освоением территорий, схожи.

¹ Россия в 2023 году резко нарастила поставки СПГ в Индию и Турцию [Электронный ресурс] // Ведомости: сайт инф. агентства. 17.01.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/01/17/1015366-rossiya-v-2023-godu-rezko-narastila-postavki-spg-v-indiyu-i-turtsiyu> (дата обращения: 01.05.2024).

² ООО «Таас-Юрях Нефтегазодобыча» [Электронный ресурс] // Роснефть: офиц. сайт. URL: https://tyngd.rosneft.ru/about/Glance/OperationalStructure/Dobicha_i_razbotka/Vostochnaja_Sibir/tyngd/ (дата обращения: 22.03.2024).

³ Panda J. P. What does the Russia-Ukraine War Mean for India in the Long Term? [Электронный ресурс] // Institute for Security & Development Policy. 2022. URL: <https://www.isdp.eu/publication/what-does-the-russia-ukraine-war-mean-for-india-in-the-long-term/> (дата обращения: 10.03.2024).

Таким образом, выстраивание партнерских отношений с коренными народами Арктики, понимание их традиционных ценностей и изучение уникальных знаний станет важным аспектом взаимодействия Индии с арктическими странами по таким направлениям, как экологическая и климатическая безопасность, внедрение телемедицины, развитие науки и укрепление коммерческих связей, в том числе развитие туризма.

4. Развитие Северного морского пути и инфраструктуры вдоль него

Данное направление связано с трендом «транспорт и связь». Это потенциально перспективное направление для инвестирования, т. к. ученые-климатологи прогнозируют, что уже к середине XXI в. северные моря в летний период будут полностью освобождаться ото льда. Для Индии такой поворот событий означает появление новой морской трассы для перевозки углеводородов с арктического шельфа.

Возможность судоходства по морям Северного Ледовитого океана стимулирует Дели взаимодействовать с Россией для получения технологий строительства ледоколов и судов ледового класса и подготовки аттестованного для таких работ персонала. В 2021 г. в рамках Ежегодного двустороннего саммита и Восточного экономического форума представители Индии заявили о заинтересованности страны в совместном с Россией участии в развитии СМП. Однако индийские инвесторы опасаются последствий действия санкций западных стран, а потому с осторожностью относятся к инвестированию дорогостоящих долгосрочных проектов, какими являются инфраструктурные проекты в Арктике. Поэтому, несмотря на публичные заявления о готовности вкладываться в проекты по развитию СМП, в действительности Дели не направил финансирования на реализацию инфраструктурных проектов в Арктической зоне РФ.

Индия имеет двойственную позицию относительно развития СМП. С одной стороны, СМП даст Индии быстрые и безопасные перевозки сырья с арктического шельфа. С другой стороны, при увеличении грузопотока через СМП произойдет его снижение через южные морские пути, которые проходят через Индийский океан, который находится под контролем Индии, что представляет угрозу для стратегического и геополитического потенциала страны. Кроме того, СМП заинтересован Китай, который в случае улучшения ледовых условий за полярным кругом будет перевозить грузы, используя СМП. В этом случае у Индии не будет рычага давления на КНР, который она имеет сейчас, контролируя проходящие через Малаккский пролив и Индийский океан китайские грузоперевозки.

5. Сотрудничество с арктическими государствами

Управление и международное сотрудничество заявлено в качестве стратегического направления Индии в Арктике. Партнерство с арктическими странами поможет наращиванию национального потенциала Индии в регионе.

Еще в 2022 г. на втором саммите Индия — Северные страны премьер-министр Н. Модии отметил, что арктическая политика Индии обеспечивает хорошую основу для расширения сотрудничества между Индией и полярными странами в Арктическом регионе¹.

Активное взаимодействие Индии и Норвегии началось с 2006 г., когда Норвегию посетил индийский министр наук о Земле К. Сибал [9, с. 180–181]. В ходе переговоров стороны договорились о научном сотрудничестве между странами. В 2007 г. состоялась первая экспедиция индийских ученых на Шпицберген. Через год на Свальбарде была открыта первая индийская полярная научно-исследовательская станция «Химадри». В том же году Индия и Норвежский институт полярных исследований подписали Меморандум о взаимопонимании, в котором прописали условия для сотрудничества в области полярных наук [3, с. 266]. В 2008 г. Индия получила членство в Комитете научных руководителей

¹ Remarks by Secretary (West) at the National Conference on Polar Sciences organised by National Centre for Polar and Ocean Research (NCPOR) [Электронный ресурс] // Ministry of External Affairs. 2023. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/36560/remarks+by+secretary+west+at+the+national+conference+on+polar+sciences+organised+by+national+centre+for+polar+and+ocean+research+npcor+vasco+da+gama+goa> (дата обращения: 10.03.2024).

Нью-Олесунн. В 2012–2013 гг. норвежские и индийские ученые осуществили совместные экспедиции в район Баренцева моря [9, с. 181]. Совместная исследовательская деятельность стран продолжается и по настоящее время. Норвегия и Индия также взаимодействуют в области защиты прав коренных народов. По данному вопросу проводятся конференции, диалоги, встречи.

Таким образом, между Норвегией и Индией выстроились крепкие связи в научно-исследовательской сфере. Норвегия является ключевым партнером Индии по данному вопросу.

Партнерство между Индией и Финляндией началось позже и не достигло таких масштабов, как с Норвегией. То же самое можно сказать и о взаимодействии Индии со Швецией, Данией и Исландией. Сотрудничество между странами носит общий характер и не связано с развитием Арктического региона или управления им.

В 2018 г. премьер-министр Канады посетил Индию, было подписано совместное заявление, в котором была отмечена возможность индийских ученых принимать участие в научно-исследовательских проектах Канады [11, р. 16–22]. Однако сотрудничество в научной деятельности между Канадой и Индией находится на низком уровне.

Взаимодействие между Индией и США в Арктике отсутствует. Связано это с тем обстоятельством, что Индия не включена в арктическую стратегию США. Однако в 2024 г. США планируют принять обновленную арктическую стратегию Министерства обороны, в которой Индия значилась бы среди ключевых стратегических партнеров США¹. США признают, что Индия становится крупной арктической державой, с которой следует установить непосредственное сотрудничество.

Ранее уже рассматривался вопрос сотрудничества России и Индии в области добычи углеводородов в Арктике и инвестирования в арктические инфраструктурные проекты. Дели заинтересован в совместном с Россией строительстве ледоколов и подготовке высококвалифицированного персонала, способного работать в суровых арктических условиях. Развитие партнерства между Индией и Россией также будет способствовать привлечению индийских специалистов, новейших технологий, материальных ресурсов, финансов в Россию для построения инфраструктуры в российской Арктике.

Отсутствие партнерства между Индией и США в Арктике предопределило сотрудничество между Россией и Индией, которое сейчас развивается по многим направлениям. Однако если в обновленной арктической стратегии Министерства обороны США Индия будет включена как основной партнер США в Арктике и Индия примет данное предложение, то их союз может создать риски для выстраивания партнерства Индии и России в Арктической зоне РФ. Индии нужно будет принять одну сторону.

Таким образом, основным партнером Индии по арктическим проектам является Норвегия. Взаимодействие сосредоточено на научно-исследовательской деятельности. В России Индия видит поставщика углеводородного сырья и арктического игрока, способного поделиться технологиями по строительству ледоколов. С США арктическое сотрудничество на данный момент не налажено. С остальными странами Индия взаимодействует лишь для решения общего круга вопросов, не связанных с Арктикой.

Заключение

В проводимой Индией арктической политике можно выделить пять основных трендов, которые коррелируют с шестью ключевыми направлениями деятельности Индии в Арктике. Тренд «проведение научных исследований по изучению арктических территорий и изменению климата в регионе» тесно связан с наукой и исследованиями, изменением климата и защитой окружающей среды. Участие в добыче полезных ископаемых в Арктике коррелирует с направлениями «экономическое и человеческое развитие» и «наращивание национального потенциала». Взаимодействие Индии с коренными народами Арктики подчеркивает связь с направлением «управление и международное сотрудничество», а также с трендами «наука и исследования», «экономическое и человеческое развитие». Развитие СМП и инфраструктуры вдоль него видится составляющей трендов «транспорт и связь» и «наращивание националь-

¹ The Polar Tiger: Why India Must Be Included in the New U.S. Arctic Defense Strategy [Электронный ресурс] // High North News. 28.11.2023. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/polar-tiger-why-india-must-be-included-new-us-arctic-defense-strategy> (дата обращения: 10.03.2024).

ного потенциала». Сотрудничество с арктическими государствами указывает на тренды «управление и международное сотрудничество» и «наращивание национального потенциала».

Сильными сторонами арктической политики Индии выступают принятие в 2022 г. Арктической политики; получение статуса наблюдателя в АС; провозглашение курса на изучение традиций и культуры коренных народов Арктики; заинтересованность развитием инфраструктуры СМП, а также тесное научное и экологическое сотрудничество с Норвегией. Данные, полученные в результате научной работы, используются индийскими учеными для выявления связей между изменением климата в Арктике и изменением системы муссонов, затоплением прибрежных индийских территорий и изменением климата в Гималаях.

Среди слабых сторон индийской арктической политики стоит выделить декларативный характер стратегического документа и отсутствие отдельного программного документа, в котором прописывались бы конкретные мероприятия, сроки их выполнения, источники финансирования. Однако т. к. Индия не является арктической страной, для нее отсутствие плана не несет серьезных отрицательных последствий, однако ущемляет ее геополитические амбиции и интересы. Еще одним недостатком является отсутствие специализированного органа по управлению и контролю за реализацией политики в Арктике.

Слабой стороной является завязанность курса политики на научных исследованиях. При этом положительным моментом выступает выделение в Арктической политике, помимо тренда «наука и исследования», еще пять актуальных направлений деятельности. Серьезным упущением представляется отсутствие судов ледового класса. Однако Индия уже взяла курс на взаимовыгодное сотрудничество по этому вопросу с Россией. Кроме того, Индия не входит в число наблюдателей в Совет Баренцева / Евроарктического региона и даже не подала заявку на получение статуса в организации. Проблемой является недостаточное финансирование научных проектов и слабое инвестирование бизнеса в арктические проекты. Стоит отметить, что у Индии два подхода к инвестированию. С одной стороны, и власти, и бизнес понимают необходимость участия в проектах, связанных с добычей полезных ископаемых в Арктике и развитием СМП. Это целесообразно и с экономической, и со стратегической точек зрения. С другой стороны, в индийских СМИ и работах индийских ученых часто берется во внимание экологический фактор — неизвестность того, как добыча полезных ископаемых скажется на экологии региона. Отмечается, что плавание по СМП может привести к быстрому таянию морских льдов, что негативно скажется на экономике страны. Кроме того, индийское руководство понимает и видит технологические и технические трудности освоения месторождений в регионе, высокую стоимость проектов и длительный период возврата инвестиций. При сотрудничестве с Россией проблемой выступают санкции западных стран, к которым Индия не присоединилась, однако которые могут ограничить возврат прибыли от реализованных проектов.

К возможностям Индии в Арктике следует отнести заключение контрактов на поставку углеводородов по льготным ценам; инвестирование экологических проектов в Арктическом регионе; проведение мониторинга окружающей среды в исследуемом регионе; изучение знаний и традиций коренных народов Арктики; шанс получить высококвалифицированный персонал, обладающий знаниями и умениями по строительству судов ледового класса и ледоколов, а также сами технологии строительства таких судов; участие в будущем в арктической повестке и принятие решений по управлению Арктическим регионом.

Таким образом, на данный момент слабых сторон в индийской политике в Арктике больше, чем сильных сторон, возможностей и угроз, что говорит о несформированности в полной мере арктической политики, ее нахождении на стадии становления.

В целом Индии следует выйти за рамки чисто научного подхода к Арктике. Для повышения своей значимости и статуса на международной арене стране нужно включиться в процесс принятия решений в данном регионе мира посредством активного участия в международных и региональных организациях, а также развития сотрудничества со всеми арктическими государствами для решения вопросов освоения, сохранения и развития Арктического региона, а также управления им.

Литература

1. *Веселова Д. Н.* Климатическая политика Российской Федерации: законодательные и институциональные аспекты // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 3. С. 96–111. EDN: RPSQP. DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_96
2. *Галищева Н. В.* Союз, проверенный временем. Индийско-российское экономическое сотрудничество: основные проблемы и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2015. № 5. С. 10–15. EDN: TUPSOX
3. *Зайков К. С., Бхагват Д. В.* Арктическая политика Индии: исторический контекст // Арктика и Север. 2022. № 48. С. 261–274. EDN: FRMKWE. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.261
4. *Лексютина Я. В.* Китай и Индия в Арктике: интересы, стратегии и сотрудничество с Россией // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 40–48. EDN: UIVMRH. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/40-48
5. *Николаев Н. А.* Индийский интерес к Арктике в контексте арктической политики Китая // Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4 (4). С. 321–335. EDN: ZWBVIN. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-321-335
6. *Новиков И. А.* Анализ проектов между Россией и Индией в нефтегазовом секторе и задачи на будущее // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 3 (117). С. 166–171. EDN: XJKNTM
7. *Райков Ю. А.* Арктика во внешней политике США и ведущих стран Восточной Азии // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 50 (6). С. 20–39. EDN: FCPXXD. DOI: 10.31857/S268667300009768-4
8. *Сунь С.* Треугольник РИК в Арктике: соперничество или сотрудничество? // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 2А. С. 346–365. EDN: ZDMGOJ
9. *Шаумян Т. Л., Журавель В. П.* Индия и Арктика: охрана окружающей среды, экономика и политика // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 175–184. EDN: WJKLHZ. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.24.175
10. *Хуа Ц.* Влияние международного дискурса Индии на арктическую политику страны // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 156–171. EDN: NNNXCO. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.156
11. *Bhagwat J., Shaparov A. E.* India's Arctic Policy: Signs of a Pivot to Arctic Energy and the Northern Sea Route // Economic and Political Weekly. 2022. Vol. LVII. No. 20. P. 16–22.
12. *Gadihoke N.* Arctic Melt: The Outlook for India // Maritime Affairs Journal of the National Maritime Foundation of India. 2012. Vol. 8. No. 1. P. 1–12. DOI: 10.1080/09733159.2012.690287
13. *Kanagavalli S.* Third Pole's View on the North Pole — India's Arctic Policy [Электронный тресурс] // Polar Research and Policy Initiative. 12.04.2022. URL: <https://polarconnection.org/third-pole-india-arctic-policy/> (дата обращения: 22.03.2024).
14. *Sinha U. K., Gupta A.* The Arctic and India: Strategic Awareness and Scientific Engagement // Strategic Analysis. 2014. Vol. 38. No. 6. P. 872–885. DOI: 10.1080/09700161.2014.952945

Об авторе:

Веселова Дарья Николаевна, доцент кафедры российской политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); преподаватель ФСПО Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация); доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС» (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук;
e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6674-0357

References

1. Veselova D. N. Climate Policy of the Russian Federation: Legislative and Institutional Aspects // Discourse-P [Diskurs-Pi]. 2021. Vol. 18. No. 3. P. 96–111. (In Russ.) EDN: RPSQP. DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_96
2. Galishheva N. V. Union Spent Time. Indian-Russian Economic Cooperation: Key Challenges and Prospects // Asia and Africa Today [Aziya i Afrika segodnya]. 2015. No. 5. P. 10–15. (In Russ.) EDN: TUPSOX
3. Zaikov K. S., Bhagwat J. V. India's Arctic Policy: The Historical Context // Arctic and North [Arktika i Sever]. 2022. No. 48. P. 261–274. (In Russ.) EDN: FRMKWE. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.261
4. Leksyutina Ya. V. China and India in the Arctic: Interests, Strategies, and Cooperation with Russia // Ojkumena. Regional researches [Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya]. 2019. No. 4. P. 40–48. (In Russ.) EDN: UIVMRH. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/40-48

5. Nikolaev N. A. Indian Interest in the Arctic in the Context of China's Arctic Policy // *Post-Soviet Issues [Problemy postsovetskogo prostranstva]*. 2017. Vol. 4. No. 4. P. 321–335. (In Russ.) EDN: ZWBBIH. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-321-335
6. Novikov I. A. Analysis of the Directions of the Development of Cooperation between Russia and India in the Oil & Gas Sector // *News of the Saint Petersburg State Economic University [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]*. 2019. No. 3 (117). P. 166–171. (In Russ.) EDN: XJKNTM
7. Raikov Yu. A. The Arctic in the U.S. Foreign Policy and the Leading East Asian Countries // *USA & Canada: Economics, Politics, Culture [SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura]*. 2020. No. 50 (6). P. 20–39. (In Russ.) EDN: FCPXXD. DOI: 10.31857/S268667300009768-4
8. Sun' S. Triangle RIC in the Arctic: Rivalry or Cooperation? // *Theories and Problems of Political Studies [Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy]*. 2017. Vol. 6. No. 2A. P. 346–365. (In Russ.) EDN: ZDMGOJ
9. Shaumyan T. L., Zhuravel V. P. India and the Arctic: Environment, Economy and Politics // *Arctic and North [Arktika i Sever]*. 2016. No. 24. P. 175–184. (In Russ.) EDN: WJKLHZ. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.24.175
10. Hua J. The Impact of India's International Discourse on Its Arctic Policy // *Arctic and North [Arktika i Sever]*. 2023. No. 51. P. 156–171. (In Russ.) EDN: NNNXCO. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.156
11. Bhagwat J., Shaparov A. E. India's Arctic Policy: Signs of a Pivot to Arctic Energy and the Northern Sea Route // *Economic and Political Weekly*. 2022. Vol. LVII. No. 20. P. 16–22.
12. Gadihoke N. Arctic Melt: The Outlook for India // *Maritime Affairs Journal of the National Maritime Foundation of India*. 2012. Vol. 8. No. 1. P. 1–12. DOI: 10.1080/09733159.2012.690287
13. Kanagavalli S. Third Pole's View on the North Pole — India's Arctic Policy [Electronic resource] // *Polar Research and Policy Initiative*. 12.04.2022. URL: <https://polarconnection.org/third-pole-india-arctic-policy/> (accessed: 22.03.2024).
14. Sinha U. K., Gupta A. The Arctic and India: Strategic Awareness and Scientific Engagement // *Strategic Analysis*. 2014. Vol. 38. No. 6. P. 872–885. DOI: 10.1080/09700161.2014.952945

About the author:

Darya N. Veselova, Associate Professor of Department of Russian Politics of Faculty of Political Science of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); Lecturer at the Faculty of Secondary Professional Education of the North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation); Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law of AN HEO "University associated with IA EAEC" (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences;
e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6674-0357

Международный аспект политики информационной безопасности КНР

Семенов Б. Р.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: bsemenov-13@edu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрен международный аспект политики информационной безопасности Китая. В связи с тем что информационная сфера становится все более значимой в отношениях между государствами, обращение к политике одного из ведущих международных акторов — Китайской Народной Республики — является востребованным и актуальным. Опыт Китая в обеспечении информационной безопасности может быть востребован и в других государствах, включая Российскую Федерацию.

Цель. Цель работы — охарактеризовать международный аспект политики информационной безопасности Китая и раскрыть особенности взаимодействия КНР с другими странами в этой области.

Задачи. Провести обзор ключевых международных документов, обеспечивающих международную информационную безопасность КНР, а также внутреннего законодательства страны в этой сфере. Рассмотреть вопрос противостояния КНР и США в информационном пространстве.

Методы. В работе используется исторический метод для изучения развития системы информационной безопасности КНР, анализ документов для обзора внутреннего и внешнего законодательства Китая в сфере информационной безопасности, а также сравнительный анализ для сопоставления подходов различных стран в сфере кибербезопасности.

Результаты. По итогам проведенного исследования можно выделить следующие ключевые результаты.

В контексте Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) КНР демонстрирует стремление к совместному развитию норм международного права в области информационной безопасности, а также активно участвует в создании соглашений о сотрудничестве в этой сфере, что подчеркивает роль государства как сторонника многополярного мира в киберпространстве.

В рамках взаимодействия со странами БРИКС Китай нацелен на углубление сотрудничества в области информационной безопасности через ряд инициатив и соглашений, направленных на разработку общих подходов и стандартов. Это сотрудничество способствует созданию единой системы защиты в информационной сфере среди стран БРИКС, укрепляя их позиции в международном информационном пространстве.

В отношениях с США взаимодействие КНР характеризуется конкуренцией и противостоянием, особенно в контексте кибербезопасности. Это включает в себя различия в подходах к регулированию информационного пространства и кибершпионаже. Тем не менее существующие противоречия и конфликты подчеркивают необходимость диалога и сотрудничества для разработки общих международных правил поведения в киберпространстве, что может способствовать обеспечению международной информационной безопасности и стабильности.

Выводы. Международный аспект политики информационной безопасности КНР раскрывает разнообразные формы взаимодействия с другими странами, каждая из которых имеет свои особенности. Эти взаимоотношения формируют многоуровневую систему международной

информационной безопасности, в которой КНР играет ключевую роль, стремясь к созданию сбалансированного и безопасного информационного пространства.

Ключевые слова: международная информационная безопасность, «Золотой щит», кибербезопасность, международное сотрудничество, кибершпионаж, технологическое развитие, Китайская Народная Республика

Для цитирования: Семенов Б. Р. Международный аспект политики информационной безопасности КНР // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 148–158. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-148-158>. EDN: LICZPV

International Aspect of PRC Information Security Policy

Boris R. Semenov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: bsemenov-13@edu.ranepa.ru

ABSTRACT

This article examines the international aspect of China's information security policy. Due to the fact that the information sphere is becoming increasingly important in relations between states, the appeal to the policy of one of the leading international actors — the People's Republic of China — is in demand and relevant. China's experience in ensuring information security may be in demand in other countries, including the Russian Federation.

Aim. The purpose of the article is to characterize the international aspect of China's information security policy and to reveal the specifics of China's interaction with other countries in this area.

Tasks. To achieve this goal was conducted a review of key international documents ensuring the international information security of the People's Republic of China, as well as the country's domestic legislation in this area. Also the issue of confrontation between China and the United States in the information space was considered.

Methods. The study employs the historical method to examine the development of China's information security system, document analysis to review China's domestic and international legislation in the field of information security, and comparative analysis to compare the approaches of different countries in the field of cybersecurity.

Results. The conducted research highlights the following key outcomes: In the context of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), China demonstrates a commitment to the joint development of international legal norms in the field of information security, as well as actively participates in the creation of cooperation agreements in this area, emphasizing the state's role as an advocate for a multipolar world in cyberspace. Within the framework of interactions with the BRICS countries, China aims to deepen cooperation in the field of information security through a series of initiatives and agreements aimed at developing common approaches and standards. This cooperation contributes to the creation of a unified protection system in the information sphere among the BRICS countries, strengthening their positions in the international information space. In relations with the United States of America, the interaction of China is characterized by competition and confrontation, especially in the context of cybersecurity. This includes differences in approaches to regulating the information space and cyber espionage. Nonetheless, existing contradictions and conflicts underscore the need for dialogue and cooperation to develop common international rules of behavior in cyberspace, which can contribute to ensuring international information security and stability.

Conclusions. The international aspect of the China's information security policy reveals various forms of interaction with other countries, each with its unique features. These relationships form a multi-

level system of international information security, in which the PRC plays a key role, aiming to create a balanced and secure information space.

Keywords: International Information Security, “Golden Shield”, Cybersecurity, International Cooperation, Cyber Espionage, Technological Development, People’s Republic of China

For citing: Semenov B. R. International Aspect of PRC Information Security Policy // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 148–158. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-148-158>. EDN: LICZPV

Введение

Участие страны в обеспечении международной информационной безопасности (МИБ) представляет собой один из ключевых принципов для Китайской Народной Республики (КНР). В связи с высоким экономическим ростом и укреплением позиции Китая на международной арене все чаще возникает конфликт интересов государства с другими странами. Особенно напряжены отношения Китая с Соединенными Штатами, что связано с проблемой кибербезопасности и защиты интеллектуальной собственности, в частности, уязвимостью секторов финансовых корпораций и информационных технологий. Вместе с тем их совершенствование и развитие позволяют противодействовать кибершпионажу со стороны иностранных агентов. Таким образом, правительство Китая заявляет о единоличном управлении собственным информационным пространством [10, с. 80], что подразумевает создание защищенной от кибератак информационной структуры.

Вопросы национальной безопасности в киберпространстве Китая активно изучаются американскими специалистами, например Д. Линдси [11] и Д. Вентре¹. Их научные труды направлены на теоретическое обоснование работы государственного аппарата КНР в сфере информационного пространства.

В контексте китайских исследований следует отметить труды Ф. Биньсина [15] и В. Гуйфана [16]. Эти авторы также осуществляют сравнительный анализ подходов КНР и США к вопросам информационной безопасности, акцентируя внимание на анализе американской системы безопасности.

В российском научном дискурсе данная тематика представлена работами таких авторов, как Г. Ибрагимова [4], К. Антипов [1] и А. Булавин [2]. Они предлагают общий анализ системы кибербезопасности КНР, основываясь в большей степени на исследованиях зарубежных авторов.

В работе используются исторический метод для исследования развития системы информационной безопасности КНР, традиционный анализ документов для обзора внутренней и внешней законодательной базы Китая в сфере информационной безопасности, описательный метод для рассмотрения противостояния между КНР и США в информационном пространстве. Также использованы общенаучные методы синтеза, обобщения и аналогии.

Отметим, что стремительные технологические изменения, которые привели к созданию глобальных высокоскоростных сетей, как считает китайское руководство, являются потенциальной угрозой и могут подрывать национальный суверенитет. Поэтому необходимо установить определенный международный порядок информационного взаимодействия и обмена на паритетных началах. Среди приоритетных задач, стоящих перед страной в связи с встраиванием в глобальные сети, исследователи выделяют: запрет информации, которая не соответствует нормам и жизненным принципам китайского населения и расшатывает национально-культурные устои; блокировку доступа к сведениям о работе государственных структур; выработку жесткой системы правил, которые регулируют доступ к иностранным источникам [5, с. 25–26].

Одним из ключевых приоритетов, выделенных исследователями, также является защита интеллектуальной собственности, которая критически важна для стимулирования инноваций и экономического развития. Китай — страна с одним из самых высоких уровней валового внутреннего продукта в мире. В этой связи китайские технологии являются частой целью при краже интеллектуальной собственности,

¹ *Ventre D.* Artificial Intelligence, Cybersecurity and Cyber Defence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wiley.com/en-us/Artificial+Intelligence%2C+Cybersecurity+and+Cyber+Defence-p-9781786304674> (дата обращения: 26.09.2023).

и усилия по укреплению механизмов защиты являются необходимыми для защиты технологических активов страны.

Кроме того, китайское правительство стремится регулировать поток информации в стране, особенно контент, который считается вредным для национальной безопасности или социальной стабильности. Это привело к развитию сложной системы интернет-цензуры и наблюдения, которая критикуется различными правозащитными группами за ограничение свободы слова и выражения. Несмотря на актуализацию внутренней безопасности в информационной сфере, Китай проявляет высокую активность в реализации международной информационной безопасности, участвуя в разработке политики в разных форматах, включая международные организации.

Несмотря на внешние и внутренние вызовы, Китай продолжает преследовать свою цель стать глобальным лидером в области информационных технологий и вкладывает значительные средства в развитие передовых технологий, таких как искусственный интеллект, квантовые вычисления и сети 5G. Эти усилия имеют потенциал изменить глобальный информационный ландшафт и могут иметь значительные экономические и стратегические последствия для Китая и всего мира.

Анализ международно-правовой базы КНР в области информационной безопасности

Первым официальным и вступившим в законную силу 1 июня 2017 г. законодательным актом, который регламентирует действия КНР в области кибербезопасности, является Стратегия международного сотрудничества в киберпространстве¹ (Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China). В соответствии с документом необходимо защитить интересы страны и национальный суверенитет, что подразумевает право определения модели государственной политики в сети Интернет; предупредить разногласия в киберпространстве; осуществить совместное управление киберпространством, в котором ООН станет главным инструментом; устранить цифровой разрыв между развитыми и развивающимися странами за счет обеспечения всеобщего доступа. В этой связи основными озвученными в Стратегии задачами становятся невмешательство сторонних государств во внутреннюю жизнь Китая, создание свода международных правил поведения в киберпространстве, защита прав и интересов граждан, разработка площадок для обмена «киберкультурой» [3, с. 128–129].

По словам ученых, в Китае также существует несколько формообразующих международных документов, обеспечивающих международную информационную безопасность [9, с. 129–130].

1. *Заявление глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) по международной информационной безопасности* (15 июня 2006 г.), диктующее необходимость обеспечения информационной безопасности на региональном и международном уровне, а также исследование концепций, которые направлены на укрепление безопасности глобальных информационных и телекоммуникационных систем².

2. *Соглашение между правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области международной информационной безопасности* (2 июня 2011 г.), в котором выработаны главные направления сотрудничества (выработка совместных мер по развитию норм международного права в области ограничения распространения и применения информационного оружия, противодействие угрозам использования информационно-коммуникационных технологий в террористических целях, противодействие информационной преступности, содействие обеспечению безопасного, стабильного функционирования и интернационализации управления глобальной сетью Интернет и др.)³.

Кроме того, по заявлению Генерального секретаря ШОС Ч. Мина, в 2023 г. обеспечение информационной безопасности и реагирование на вызовы и угрозы в Интернете были официально выделены

¹ Стратегия международного сотрудничества в киберпространстве [Электронный ресурс] // Xinhua (сайт). URL: http://www.xinhuanet.com/english/china/2017-03/01/c_136094371.html (дата обращения: 28.06.2023).

² Заявление глав государств — членов ШОС по международной информационной безопасности (г. Шанхай, 15.06.2006) [Электронный ресурс] // Информационное агентство ИнфоРос (сайт). URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=94> (дата обращения: 15.01.2023).

³ Соглашение между правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области международной информационной безопасности (02.06.2011) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902289626> (дата обращения: 15.01.2023).

в отдельное направление работы Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества (РАТС ШОС). По утверждению Генерального секретаря, в 2022 г. в рамках РАТС ШОС были определены совместные меры по противодействию современным вызовам и угрозам со стороны международных террористических организаций, было подписано 42 соответствующих документа. Помимо этого, принимались последовательные меры по недопущению использования сети Интернет в террористических, сепаратистских и экстремистских целях на пространстве ШОС¹.

3. *Соглашение между правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности* (30 апреля 2015 г.), в котором среди основных направлений сотрудничества указаны создание каналов связи и контактов в целях совместного реагирования на угрозы в сфере МИБ, взаимодействие в разработке и продвижении норм международного права в целях обеспечения национальной безопасности и МИБ, разработка и осуществление необходимых совместных мер доверия, способствующих обеспечению МИБ, обмен информацией о законодательстве государств Сторон по вопросам обеспечения ИБ, содействие научным исследованиям в области обеспечения МИБ и др.²

4. Закон «*Об управлении деятельностью зарубежных неправительственных организаций внутри страны*» (28 апреля 2016 г.), указывающий на обязательную регистрацию и контроль зарубежных неправительственных организаций министерством общественной безопасности Китая [9, с. 129–130].

5. *Ташкентская декларация 15-летия Шанхайской организации сотрудничества* (24 июня 2016 г.), настаивающая на углублении практического сотрудничества по реализации Соглашения между правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения МИБ³.

6. *Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о взаимодействии в области развития информационного пространства* (25 июня 2016 г.) о необходимости совместных усилий в целях развития информационного пространства, обеспечения его безопасности, наращивания практического диалога и сотрудничества в этой области⁴.

7. *Стратегия международного сотрудничества в киберпространстве* (2 марта 2017 г.) об интернет-суверенитете и отказе от гегемонии в Интернете, недопущении вмешательства во внутренние дела других государств с использованием ИКТ [9, с. 130].

8. *Циндаоская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества* (10 июня 2018 г.) о создании системы мониторинга вероятных угроз в киберпространстве и противодействия им [9, с. 130].

В качестве одной из наиболее важных предпосылок к развитию информационной безопасности в КНР отмечается деятельность Эдварда Сноудена, экс-сотрудника Центрального разведывательного управления (ЦРУ) и Агентства национальной безопасности (АНБ) США. Его разоблачения вызвали негативную реакцию со стороны Китая, в результате чего был увеличен штат сотрудников, ответственных за фильтрацию и обработку данных в китайской сети Интернет, и началось улучшение элементов искусственного интеллекта «Золотого щита» [7, с. 388].

В Китае информационные данные проходят трехуровневую фильтрацию. На первом этапе происходит блокировка крупных электронных ресурсов, которые нарушают китайские законы, отказываются сотрудничать или демонстрируют политику государства в негативном ключе. На втором уровне используются алгоритмы искусственного интеллекта, проверяющие соответствие информационных данных законодательству КНР и, в противном случае, осуществляющие их блокировку. Третий этап подразумевает

¹ Генсек Чжан Мин: информационная безопасность стала отдельным направлением работы РАТС ШОС [Электронный ресурс] // Российское информационное агентство. URL: <https://ria.ru/20230704/shos-1882050269.html> (дата обращения: 25.03.2024).

² Соглашение между правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (30.04.2015) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420283259> (дата обращения: 28.01.2023).

³ Ташкентская декларация 15-летия Шанхайской организации сотрудничества (29.01.2023) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5094> (дата обращения: 04.09.2022).

⁴ Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о взаимодействии в области развития информационного пространства (25.06.2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5099> (дата обращения: 29.01.2023).

ручную обработку интернет-контента сотрудниками Бюро общественной информации и надзора за сетевой безопасностью [7, с. 388–389].

По замечанию зарубежных исследователей и журналистов, особым явлением в киберпространстве Китая стала «50-центовая армия», или «Умаодан». Она состоит из китайских блогеров и участников форумов (преимущественно студентов), которые осуществляют проправительственную деятельность в интернет-сети, положительно отзываясь о политике страны, ее правительстве и партии. За каждый пост автор получает пять мао (цзяо), что приравнивается к пятидесяти центам¹. Руководство страны тем самым стремится сохранить баланс в вопросе контроля зарубежного присутствия в информационном пространстве Китая. Это, по словам ученых, порождает проблему выбора между ослаблением внутреннего идеологического контроля и снижением эффективности внешнеэкономического сотрудничества [7, с. 389].

50-центовая армия является частью более широкой стратегии Китая по контролю за общественным мнением в киберпространстве. Правительство разработало сложную систему интернет-цензуры и наблюдения, чтобы сохранить свое влияние на информационный поток в стране. Руководство страны утверждает, что такие меры необходимы для поддержания социальной стабильности и национальной безопасности.

Вместе с тем использование оплачиваемых комментаторов для формирования общественного мнения не уникально для Китая и было замечено и в других странах. Это подчеркивает необходимость более широкой дискуссии об этике онлайн-поведения и потенциальном влиянии таких практик на общественный дискурс.

Здесь также необходимо отметить, что в международных масштабах беспрецедентным на тот момент стал принятый 7 ноября 2016 г. *Закон КНР о кибербезопасности*, согласно которому руководство Китая получает право на регулирование китайской интернет-сети. Срок хранения опубликованной информации на территории Китая составляет не менее полугода. К этим же мерам относится проект «Золотой щит», который с 2004 г. блокирует нежелательный для государства контент в информационном поле, а также спонсируемая руководством публикационная активность лиц, высказывающих положительное мнение о проводимой КНР политике [8, с. 159–160].

Участие КНР в разработке международной политики информационной безопасности

КНР играет значимую роль в разработке международной политики информационной безопасности, активно участвуя в различных международных форматах и инициативах. Эти платформы предоставляют Китаю возможность продвигать свои предложения и инициативы, направленные на укрепление международной информационной безопасности, а также выражать свою позицию в вопросах регулирования поведения государств в информационном пространстве. Приведем конкретные примеры.

1. Глобальная инициатива по безопасности данных (2020 г.).

В сентябре 2020 г. Китай объявил о глобальной инициативе по стандартам безопасности данных. Ключевые тезисы инициативы:

- Китай призывает другие страны объективно и разумно относиться к безопасности данных и прилагать усилия к обеспечению открытости, безопасности и стабильности глобальной цепочки поставок ИКТ. Вместе с этим страны должны противодействовать деятельности в сфере ИКТ, которая наносит ущерб ключевым инфраструктурным объектам других стран или нацелена на кражу важных данных из этих стран;
- Китай призывает мировое сообщество принять действия для предотвращения массовой слежки и незаконного сбора персональных данных граждан других государств. Поставщики продуктов и услуг ИКТ должны предотвращать создание так называемых «закладок» в своих продуктах и услугах, которые могут позволить незаконно получать данные;

¹ Fareed M. China Joins a Turf War [Электронный ресурс] // The Guardian. 22.09.2008. URL: <https://www.theguardian.com/media/2008/sep/22/chinathemedia.marketingandpr> (дата обращения: 15.07.2023).

- предприятия должны соблюдать законы стран, в которых они ведут свою деятельность, в то же время странам не следует в принудительном порядке требовать от отечественных предприятий хранить на их собственной государственной территории данные, созданные или полученные ими за рубежом;
- необходимо уважать суверенитет и право на управление данными других стран и отказаться от приобретения данных, хранящихся в других странах, через частные компании или частных лиц. Инициатива призывает разные страны удовлетворять потребности в получении трансграничных данных путем правовой помощи или через другие соответствующие каналы¹.

2. Участие в Группе правительственных экспертов (ГПЭ) ООН.

С 2004 по 2016 г. ООН организовала пять ГПЭ, в которых участвовали эксперты из 15–25 государств-членов, включая пять постоянных членов Совета Безопасности. Четвертая ГПЭ в 2015 г. достигла консенсуса о применимости международного права, в частности Устава ООН, к киберпространству и включила в свой окончательный отчет список из одиннадцати добровольных, необязательных норм ответственного поведения государств в киберпространстве, а также явное упоминание четырех принципов международного права (гуманность, необходимость, пропорциональность и различие), применимых к поведению государств в киберпространстве².

3. Ежегодные встречи Всемирной интернет-конференции WIC.

С 2014 г. Китай проводит ежегодные встречи Всемирной интернет-конференции, которые дают представление о глобальном видении Пекина в области управления Интернетом и цифрового суверенитета. В 2022 г. Китай заявил о преобразовании площадки в международную организацию с целью более действенного участия в управлении Интернетом как глобальной технической системой и как средой распространения информации³.

4. Инициативы в рамках БРИКС:

- 2013 г., Дурбан, Южная Африка. В рамках этого саммита странами-участницами была признана необходимость сотрудничества в области кибербезопасности. На саммите была принята Декларация eThekwinі, в которой подчеркивалась важность «вклада и участия в мирном, безопасном и открытом киберпространстве, разработке общепринятых норм, стандартов и практик»⁴.
- 2015 г., Уфа, Россия. На саммите в Уфе в 2015 г. лидеры БРИКС учредили Рабочую группу по безопасности в использовании ИКТ с целью «разработки практического сотрудничества для решения общих проблем безопасности в использовании ИКТ» и «обмена информацией и кейс-стади по политике и программам в области ИКТ». В том же году был подписан Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в науке, технологиях и инновациях, что способствовало расширению механизмов взаимодействия и созданию новых совещательных форматов в рамках обмена опытом в сфере регулирования киберпространства⁵.

В целом эти инициативы и события иллюстрируют активное участие Китая в разработке и продвижении международной политики в области кибербезопасности, демонстрируя его стремление к совместной работе и обмену опытом.

¹ Tiezzi S. China's Bid to Write the Global Rules on Data Security [Электронный ресурс] // The Diplomat. 10 September 2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/09/chinas-bid-to-write-the-global-rules-on-data-security/> (дата обращения: 15.01.2024).

² Report of the Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security № A/70/174. United Nations General Assembly. 22 July 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/228/35/PDF/N1522835.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.01.2024).

³ Li J. China's World Internet Conference goes international as Beijing seeks to promote its own vision of global cyberspace. South China Morning Post. 3 July 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/tech/big-tech/article/3185151/chinas-world-internet-conference-goes-international-beijing-seeks> (дата обращения: 15.01.2024).

⁴ V BRICS Summit eThekwinі Declaration BRICS and Africa: Partnership for Development, Integration and Industrialisation. Durban, South Africa. 27 March 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/hywj/ODS/202203/t20220308_10649513.html (дата обращения: 15.01.2024).

⁵ Меморандум о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между Правительством Федеративной Республики Бразилии, Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Индии, Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Южно-Африканской Республики. 23.03.2015 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&nd=102369530&rdk=0&empire=> (дата обращения: 15.01.2024).

Противостояние КНР и США

Повышенное внимание к кибербезопасности со стороны руководства страны также было спровоцировано напряженными отношениями с США, вызванными торговой войной и обострившимися в ходе информационного противостояния, которое, по оценке экспертов, развивается в китайско-американских отношениях с 2009 г. Во время обсуждения в американском конгрессе применения КНР информационных технологий действующий на тот момент президент Барак Обама заявил, что кибератаки являются «одним из наиболее серьезных вызовов экономике и национальной безопасности США» [1, с. 41].

Корень конфликта кроется не просто в двусторонних, направленных на нанесение урона действиях, но и в принципиально разных подходах даже в вопросе, затрагивающем терминологию. Так, в США и европейских странах обычно используется термин «кибербезопасность», означающий в основном обеспечение безопасности архитектуры Интернета. Например, Б. Шнайер, американский специалист по технологиям безопасности, определяет кибербезопасность как важнейший компонент защиты информации и систем от несанкционированного доступа и атак. Его концепция связана с повышением устойчивости систем к угрозам, поддержанием конфиденциальности, целостности и доступности информации¹. В КНР, как и в России, наиболее употребительным термином является «информационная безопасность», что означает регулирование, или ограничение, распространения нежелательной информации [2, с. 28]. Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» информационная безопасность страны определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства»².

В целом позиция американского правительства о прозрачном контроле над интернет-сетью не пользуется одобрением со стороны китайского руководства. Кроме того, Пекин обвиняет США в милитаризации информационного пространства и присутствии во внутренних сетях Китая [2, с. 29]. Именно американское руководство, по мнению Китая, усиливает гегемонию в мире за счет киберпространства, осложняя политическую ситуацию вокруг вышеназванных, острых для страны тем [7, с. 389].

Руководство США имеет противоположную точку зрения, настаивая на том, что КНР несет в себе потенциальную угрозу для страны в интернет-пространстве. Исследователи ссылаются на доклад Центра стратегических и международных исследований (CSIS, Центр), в котором приводятся следующие сведения: зафиксировано 108 случаев агрессивной политики Китая в информационном поле и 25 нападений на страну; агрессивное поведение со стороны США наблюдалось лишь в 9 случаях, в то время как страна подвергалась сторонним атакам 117 раз. Несмотря на то, что в указанном примере приведено общее количество случаев, КНР ведет себя гораздо более агрессивно по сравнению с США [7, с. 389]. Однако с китайской точки зрения такая статистика не отражает истинного положения вещей, а является искажением реальной действительности.

Сотрудники Центра предполагают, что в ряде кибератак заинтересован сам Китай, особенно в части вопросов, касающихся территориального конфликта в Южно-Китайском море. Так, в 2015 г., когда состоялись слушания по вопросу «совладения» или «совместного освоения» зон архипелага Спратли между Филиппинами и Китаем [6, с. 126], была проведена кибератака на сайт Международного трибунала в Гааге [7, с. 389]. Вместе с тем ученые отмечают и наступательный характер киберстратегии Соединенных Штатов, действия которых провоцируют антиправительственные настроения в Китае, в том числе по вопросам Тибета и Синьцзяна [1, с. 42].

Информационную безопасность, отмечают эксперты, КНР способна обеспечить с помощью существующих на данный момент технологий, учреждений и нормативно-правовой базы. Так, страна занимается раз-

¹ Schneier B. Data and Goliath: The Hidden Battles to Collect Your Data and Control Your World. March 2015. W. W. Norton & Company. P. 7–8.

² Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102417017> (дата обращения: 18.09.2023).

работкой внутренней защищенной сети, в основе которой лежит квантовое шифрование. Подтверждением служит запуск квантовой коммуникационной линии «Пекин — Шанхай», являющейся первым участком сети. Обеспечению кибербезопасности способствует также сотрудничество с внутренними организациями, которые производят высокотехнологичные продукты, и ведущими медиакомпаниями [7, с. 390–391].

Заключение

Современный мир сталкивается с беспрецедентными вызовами в сфере информационной безопасности, которые требуют глобального сотрудничества и скоординированных действий. Анализ политики Китайской Народной Республики в этой области демонстрирует активное участие страны в международном регулировании и развитии международных норм и стандартов кибербезопасности. Отходя от строго национального уклонения в политике информационной безопасности, Китай проявляет стремление к формированию многополярного мира в информационном пространстве, что представляет особый интерес для мирового сообщества.

Международное сотрудничество. Китай не только активно участвует в различных международных организациях и платформах, но и предлагает инициативы, направленные на разработку и укрепление международных норм и стандартов в области кибербезопасности. Среди наиболее ярких примеров: Глобальная инициатива по безопасности данных (2020), обеспечение информационной безопасности и борьба с международным терроризмом в рамках Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества (РАТС ШОС), Ежегодное проведение Всемирной интернет-конференции, в рамках которой страна продвигает китайскую модель управления Интернетом, а также участие в Рабочей группе по безопасности в использовании ИКТ в рамках БРИКС с целью расширения механизмов взаимодействия и создания новых совещательных форматов в рамках обмена опытом в сфере регулирования киберпространства. КНР демонстрирует понимание необходимости защиты глобального информационного пространства от современных угроз, таких как киберпреступность, терроризм и шпионаж. В этом контексте Китай вносит вклад в развитие и укрепление международной информационной безопасности, предлагая свой опыт и ресурсы для создания эффективных механизмов защиты.

Противостояние с США. Китай обеспечивает тотальный контроль китайской интернет-сети, создавая необходимый информационный климат внутри Китая и ограничивая внешнее влияние. Регламентация как технических и организационных действий, так и поведения пользователей в киберпространстве является основным отличием Интернета в Китае [4, с. 181], что провоцирует возникновение противоречий государства с другими странами мира, в частности с США. Взаимодействие Китая и США в сфере кибербезопасности характеризуется в большей степени конкуренцией, чем сотрудничеством.

Упомянутая конкуренция между Китаем и США в информационном пространстве вызывает опасения относительно потенциала киберконфликта между этими двумя мировыми державами. Появление новых технологий и увеличение взаимосвязанности государств сделали киберпространство важной и уязвимой областью международной безопасности. В результате как Китай, так и США инвестируют значительные средства в кибертехнологии, включая наступательные и защитные, и активно разрабатывают кибердоктрины и стратегии.

Наиболее пристальному вниманию в контексте конфронтации между КНР и США подвергаются материалы, связанные с территориальными вопросами, например сепарацией Тибета и Тайваня, а также с конфликтом в Южно-Китайском море [7, с. 389, 392]. Это соперничество, по словам исследователей, оказывает значительное влияние на общемировую военную ситуацию, ускоряя милитаризацию киберпространства, провоцируя напряженность и втягивая в гонку кибервооружений остальные страны [1, с. 43]. Подобные киберугрозы, которые касаются политических, экономических, социальных и других сфер, оказывают негативное воздействие на дальнейшее существование глобальной интернет-сети, имеющее непреходящее значение для развития мирового сообщества.

Для борьбы с этой растущей угрозой необходимо международное сотрудничество и диалог по вопросам кибербезопасности. Разработка норм и правил поведения для государств в киберпространстве,

в создании которых активно участвует Китайская Народная Республика, способствует предотвращению эскалации киберконфликтов, а также стабильности и безопасности в этой области. Кроме того, Китай инвестирует значительные средства в технологии, обеспечивающие кибербезопасность, особенно в критическую инфраструктуру для защиты от потенциальных кибератак, что свидетельствует о ведущей роли Поднебесной не только в решении внутренних проблем, но и о возрастающем влиянии на международную информационную безопасность.

Литература

1. *Антипов К. В.* Киберконфликт в китайско-американских отношениях и поиски диалога // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 6. С. 39–54. EDN: RVWILZ
2. *Булавин А. В.* О подходах США и Китая к обеспечению кибербезопасности // Общество: политика, экономика, право. 2014. № 1. С. 27–31. EDN: RUJYSB
3. *Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Пискунов Д. А.* Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. Т. 16. № 3. С. 7–33. EDN: RHBSFR. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-03-01
4. *Ибрагимова Г.* Стратегия КНР в области управления интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 1 (104). С. 169–184. EDN: PILMBR
5. *Кулажников В. В.* Нормативно-правовое и технологическое обеспечение информационной безопасности КНР // Образование и право. 2019. № 7. С. 24–30. EDN: ZUPYRL
6. *Локшин Г. М.* Филиппины против Китая в Гаагском арбитраже // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. № 28. С. 126–133. EDN: VZEOCN
7. *Понька Т. И., Рамич М. С., У Юйяо.* Информационная политика и информационная безопасность КНР: развитие, подходы и реализация // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 382–394. EDN: UANODL. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-382-394
8. *Разумов Е. А.* Политика КНР по обеспечению кибербезопасности // Россия и АТР. 2017. № 4 (98). С. 156–170. EDN: YMTCGH
9. *Ромашкина Н. П., Задремайлова В. Г.* Эволюция политики КНР в области информационной безопасности // Пути к миру и безопасности. 2020. № 58. С. 122–138. EDN: UAUVRE. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-122-138
10. *Чекменева Т. Г., Ершов Б. А., Трубицын С. Д., Остапенко А. А.* Стратегия Китая по обеспечению информационной безопасности: политический и технический аспекты // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. № 7 (9). 2020. С. 78–97. DOI: 10.5281/zenodo.3911320. EDN: KBYJRD
11. *Lindsay J. R., Cheung T. M., Reveron D. S.* China and Cybersecurity Espionage: Strategy, and Politics in the Digital Domain. Oxford University Press, 2015. 379 p.
12. *Lindsay J. R.* The Impact of China on Cybersecurity: Fiction and Friction // International Security. 2015. Vol. 39. No. 3. P. 7–47. DOI: 10.1162/ISEC_a_00189
13. *Ventre D.* Chinese Cybersecurity and Defense. London : Wiley ISTE, 2014. 301 p. DOI: 10.1002/9781119009009
14. *Zack Beauchamp.* The New US-China Cybersecurity Agreement: A Brief Guide [Электронный ресурс] // VOX.com. 25.09.2015. URL: <https://www.vox.com/2015/9/25/9399117/obama-xi-cyber-economic> (дата обращения: 06.06.2024).
15. 方滨兴, 杜阿宁, 张熙, 王忠儒. 国家网络空间安全国际战略研究 = *Фан Биньсин, Чжун Си, Ван Яжунжу.* Исследование международной стратегии национальной безопасности в области киберпространств // 中国工程科学2016年第18卷第6期 13-16页 = Журнал Китайской инженерной академии. 2016. № 6. P. 13–16. (На китайском)
16. 王桂芳. 大国网络竞争与中国网络安全战略选择 = *Ван Гуйфан.* Киберконкуренция между Великими державами и стратегический выбор кибербезопасности Китая // 国际安全研究. 2017年第2期第27-46页 = Исследование международной безопасности. 2017. № 2. P. 27–46. (На китайском)

Об авторе:

Семенов Борис Романович, аспирант факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: bsemenov-13@edu.ranepa.ru

References

1. Antipov K. V. Cyber Conflict in Sino-American Relations and the Search for Dialogue // *Far Eastern Studies* [Problemy Dal'nego Vostoka]. 2013. No. 6. P. 39–54. (In Russ.) EDN: RVWILZ
2. Bulavin A. V. Concerning Approaches of the USA and China to Cybersecurity // *Society: Politics, Economics, Law* [Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo]. 2014. No. 1. P. 27–31. (In Russ.) EDN: RUJYSB
3. Degterev D. A., Ramich M. S., Piskunov D. A. U.S. & China Approaches to Global Internet Governance: “New Bipolarity” in Terms of “The Network Society” // *International Organisations Research Journal* [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]. 2021. Vol. 16. No. 3. P. 7–33. (In Russ.) EDN: RHBSFR. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-03-01
4. Ibragimova G. China’s Strategy in Cyberspace: The Issues Internet Governance and Information Security // *Security Index* [Indeks bezopasnosti]. 2013. Vol. 19. No. 1 (104). P. 169–184. (In Russ.) EDN: PILMBR
5. Kulazhnikov V. V. Regulatory Legal and Technological Support of China’s Information Security // *Education and Law* [Obrazovanie i pravo]. 2019. No. 7. P. 24–30. (In Russ.) EDN: ZUPYRL
6. Lokshin G. M. The Philippines against China in the Haig Tribunal // *Southeast Asia: Actual Problems of Development* [Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya]. 2015. No. 28. P. 126–133. (In Russ.) EDN: VZEOCN
7. Ponka T. I., Ramich M. S., Y. Wu. Information Policy and Information Security of PRC: Development, Approaches and Implementation // *Vestnik RUDN. International Relations* [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2020. Vol. 20. No. 2. P. 382–394. (In Russ.) EDN: UANODL. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-382-394
8. Razumov E. A. PRC’s Cybersecurity Policy // *Russia and the Pacific Region* [Rossiya i ATR]. 2017. No. 4 (98). P. 156–170. (In Russ.) EDN: YMTCGH
9. Romashkina N. P., Zadremailova V. G. Evolution of China’s Information Security Policy // *Pathways to Peace and Security* [Puti k miru i bezopasnosti]. 2020. No. 58. P. 122–138. (In Russ.) EDN: UAUVRE. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-122-138
10. Chekmeneva T. G., Ershov B. A., Trubitsyn S. D., Ostapenko A. A. China’s Information Security Strategy: Political and Technical Aspects // *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research* [Byulleten' sotsial'no-ekonomicheskikh i gumanitarnykh issledovaniy]. 2020. No. 7 (9). P. 78–97. (In Russ.) EDN: KBYJRD. DOI: 10.5281/zenodo.3911320
11. Lindsay J. R., Cheung T. M., Reveron D. S. *China and Cybersecurity Espionage: Strategy, and Politics in the Digital Domain*. Oxford University Press, 2015. 379 p.
12. Lindsay J. R. The Impact of China on Cybersecurity: Fiction and Friction // *International Security*. 2015. Vol. 39. No. 3. P. 7–47. DOI: 10.1162/ISEC_a_00189
13. Ventre D. *Chinese Cybersecurity and Defense*. London: Wiley ISTE, 2014. 301 p. DOI: 10.1002/9781119009009
14. Zack Beauchamp. The New US-China Cybersecurity Agreement: A Brief Guide [Electronic resource] // *VOX.com*. 25.09.2015. URL: <https://www.vox.com/2015/9/25/9399117/obama-xi-cyber-economic> (accessed: 06.06.2024).
15. Fan Bingsin, Zhong Xi, Wang Yazhong. Research on the International Strategy of National Security in the Field of Cyberspace // *Chinese Academy of Engineering Journal*. 2016. No. 6. P. 13–16. (In Chinese)
16. Wang Guifan. Cyber-competition between Great Powers and China’s strategic choice in cybersecurity // *International Security Research*. 2017. No. 2. P. 27–46. (In Chinese)

About the author:

Boris R. Semenov, graduate student at the Faculty of International Relations and Political Studies at the North-West Institute of Management of the RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: bsemenov-13@edu.ranepa.ru

Особенности оценки имиджа КНР за рубежом на примере новостного освещения COVID-19

Иванников Н. С.^{1,*}, Правдина Е. Е.²

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: ivannikov.n78@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1244-1036

² Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Статья рассматривает внешнеполитический имидж Китайской Народной Республики в отражении зарубежных новостных СМИ при освещении негативной темы, тесно связанной с Китаем, — пандемии COVID-19, а также анализирует возможность формирования положительного имиджа путем ведения внешней политики.

Цель. Оценить внешнеполитический имидж Китайской Народной Республики на основе контент-анализа новостных сетевых СМИ и определить существует ли возможность улучшать его на международной арене при рассмотрении изначально негативной ситуации.

Методы. Для определения специфики освещения пандемии коронавируса в англоязычных СМИ был проведен качественный и количественный контент-анализ корпусов The Guardian и The Washington Post, совокупным объемом в 172 статьи, по разработанному авторами комплексу параметров, включающих возможность формирования выборки, лексический анализ заголовков, анализ тональности и анализ фреймов.

Результаты. В рамках анализа по шести критериям были получены следующие результаты: степень интенсивности освещения оценена как высокая, анализ заголовков показал снижение негативных коннотаций во втором макропериоде, положительная тональность корпусов возросла на 10–20% к 2021 г., качественный анализ тональности текста показал важность международного сотрудничества при описании темы, связанной с Китаем, где одним из ключевых слов является support (поддержка), а также подтверждает существование теорий об утечке вируса и его искусственном происхождении в западном информационном поле, анализ фреймов также подтвердил снижение негативной тональности текстов во втором макропериоде.

Выводы. В ходе исследования был сделан вывод о превалировании негативных оценок имиджа Китайской Народной Республики в западных новостных СМИ, что обусловлено как освещением изначально негативной темы, так и освещением государства с отличной от Запада идеологией, созданием сенсационного материала путем критики другого государства, распространением конспирологических теорий о создании коронавируса в лабораторных условиях. При этом была установлена возможность государства улучшать собственный имидж в зарубежных новостных СМИ путем реализации продуманной дружественной внешней политики.

Ключевые слова: имидж, КНР, СМИ, новости, коронавирус

Для цитирования: Иванников Н. С., Правдина Е. Е. Особенности оценки имиджа КНР за рубежом на примере новостного освещения COVID-19 // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 159–166.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-159-166>. EDN: LNJPV5

Features of Assessing the Image of the PRC Abroad on the Example of News Coverage of COVID-19

Nikita S. Ivannikov^{a,*}, Evgeniia E. Pravdina^b

^a Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation;

* e-mail: ivannikov.n78@gmail.com

^b N. A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

ABSTRACT

The article examines the foreign policy image of the People's Republic of China in the reflection of foreign news media in covering a negative topic closely related to China — the COVID-19 pandemic, and analyses the possibility of forming a positive image by conducting foreign policy.

Aim. To assess the foreign policy image of the People's Republic of China based on content analysis of online news media and determine whether there is an opportunity to improve it in the international arena when considering the initially negative situation.

Methods. To determine the specifics of coverage of the coronavirus pandemic in the English-language media, a qualitative and quantitative content analysis of *The Guardian* and *The Washington Post* corpora, totalling 172 articles, was conducted according to a set of parameters developed by the authors, including the possibility of sample formation, lexical analysis of headlines, tonality analysis and frame analysis.

Results. Within the 6 criteria analysis, the following results were obtained: the degree of intensity of coverage was rated as high, headline analysis showed a decrease in negative connotations in the second macro-period, the positive tone of the corpora increased by 10–20% by 2021, the qualitative analysis of the tone of the text showed the importance of international cooperation when describing the topic related to China, where one of the key words is “support”, and also confirms the existence of theories about the leakage of the virus and its artificial origin in the West and the United States.

Conclusion. The study concluded that negative assessments of the image of the People's Republic of China prevail in the Western news media, which is due to the coverage of an initially negative topic, as well as the coverage of a state with an ideology different from the West, the creation of sensational material by criticizing another state, and the dissemination of conspiracy theories about the creation of a coronavirus in laboratory conditions. At the same time, the possibility of the state to improve its own image in the foreign news media by implementing a well-considered friendly foreign policy was established.

Keywords: image, PRC, media, news, coronavirus

For citing: Ivannikov N. S., Pravdina E. E. Features of Assessing the Image of the PRC Abroad on the Example of News Coverage of COVID-19 // *Eurasian Integration: Economic, Law, Politics*. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 159–166. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-159-166>. EDN: LNJ PVS

Введение

Внешнеполитический имидж государства является важным фактором международной политики страны, так как он во многом определяет ее место в системе международных отношений. Правительства во всем мире занимаются имиджевой политикой для создания устойчивой репутации государства на международной арене. Китайская Народная Республика, обладающая значительным экономическим потенциалом, сильным политическим курсом, а также являющаяся активным членом международного сообщества, уделяет большое внимание формированию государственного имиджа как внутри страны, так и вне ее. При этом восприятие государства извне различается в связи с комплексом факторов, включающих идеологию, двусторонние взаимоотношения и позицию по конкретным вопросам.

Пандемия коронавируса COVID-19, которая началась со вспышки в китайском городе Ухань (武) провинции Хубэй (湖北), значительно повлияла на восприятие имиджа КНР за рубежом. С одной стороны, пандемия осложнила международные отношения между странами, так как ограничения, связанные со сдерживанием распространения вируса, привели к снижению темпов ведения международной политики, закрытию границ, повышению уровня ксенофобии в мире. С другой стороны, борьба с коронавирусом продемонстрировала качества КНР как сильного государства. С точки зрения внутренней политики, меры КНР по сдерживанию распространения коронавируса оказались одними из самых эффективных: КНР за короткий период стала государством с самыми высокими темпами и объемами вакцинации населения¹. Во внешней политике КНР оказывала значительную гуманитарную помощь другим государствам для борьбы с COVID-19².

Методы исследования

В ходе исследования была проанализирована выборка 172 новостных статей на английском и русском языках, опубликованных в пяти различных изданиях. Корпус статей на английском языке британского ежедневного издания The Guardian³ включает 93 новостных сводки, американского ежедневного издания The Washington Post⁴ — 79 новостных сводок⁵. Выборка осуществлялась за период с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2021 г. (два года), где каждый месяц рассматривался как микропериод, а каждый год — как макропериод в каждом отдельном издании.

Для формирования выборки были выдвинуты следующие критерии отбора новостных статей:

1) в заголовке статьи обязательно должны были быть представлены две категории ключевых слов или их производных: первая категория — «China»/«Китай» или «PRC»/«КНР»; вторая категория — «coronavirus»/«коронавирус», «COVID-19», «pandemic»/«пандемия»;

2) объем стандартной выборки составляет 48 статей в макропериоде (год), где каждый микропериод (месяц) содержит 4 статьи. Диапазон от 40 до 48 статей является показателем высокой степени освещения событий по заданным параметрам, от 30 до 39 статей — средним, от 29 и ниже — низким.

Контент-анализ выборки включал в себя черты и качественного, и количественного анализа и проводился по ряду параметров, разработанных авторами исследования:

- 1) возможность сформировать выборку новостных статей;
- 2) лексический анализ заголовков новостных статей на наличие оценок о Китайской Народной Республике;
- 3) классификация заголовков с выраженными оценочными суждениями на позитивные, негативные и смешанные;
- 4) статистический анализ тональности текста на основе словаря Bing⁶;

¹ См. прим. о темпах вакцинации: Number of COVID-19 vaccine doses administered worldwide as of April 4, 2022, by country / publ. by J. Elflein // Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1194934/number-of-covid-vaccine-doses-administered-by-county-worldwide/#professional> (дата обращения: 20.05.2022); Coronavirus (COVID-19) Vaccinations [Электронный ресурс] // Our World in Data (сайт). URL: <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations> (дата обращения: 20.05.2022).

² См. прим. о помощи международному сообществу: Страновой обзор: Опыт Китая в борьбе с COVID-19. Счетная палата Российской Федерации, 2020. С. 24–25 [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/China%20COVID-19.pdf> (дата обращения: 20.05.2022); Song W. China's Global Engagement to Fight the Novel Coronavirus Pandemic // Global Health Research and Policy. 2020. V. 5. No. 1. P. 1–4; Fook L. L. China's Covid-19 Assistance to Southeast Asia: Uninterrupted aid Amid Global Uncertainties // ISEAS Perspective. 2020. No. 58. 13 p.

³ The Guardian (сайт) [Selected articles by the presence of categories of keywords in the title: 1) China; 2) coronavirus for the period from 01.01.2020 to 01.31.2020 (46 articles)] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 20.05.2022); The Guardian (сайт) [Selected articles by the presence of categories of keywords in the title: 1) China; 2) coronavirus for the period from 01.01.2021 to 01.31.2021 (47 articles)] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 20.05.2022).

⁴ The Washington Post (сайт) [Selected articles by the presence of categories of keywords in the title: 1) China; 2) coronavirus for the period from 01.01.2020 to 01.31.2020 (39 articles)] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения: 20.05.2022); The Washington Post (сайт) [Selected articles by the presence of categories of keywords in the title: 1) China; 2) coronavirus for the period from 01.01.2021 to 01.31.2021 (40 articles)] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения: 20.05.2022).

⁵ Оба издания входят в топ-10 по популярности в мире по данным различных рейтингов. См. прим.: Top 10 Newspapers in the World 2020, Best Newspapers in the World // Global Newspaper Industry Factsheet // Biz Vibe [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.bizvibe.com/blog/top-newspapers-world> (дата обращения: 20.05.2022).

⁶ Bing Sentiment Lexicon [Электронный ресурс] // Textdata (сайт). URL: https://emilhitvitfeldt.github.io/textdata/reference/lexicon_bing.html (дата обращения: 20.05.2022).

5) качественный анализ тональности текстов корпуса за макропериод на предмет самых популярных положительных и отрицательных слов;

6) анализ фреймов (табл. 1); медицинская лексика была отнесена к нейтральным фреймам, так как она обусловлена темой выборки и не должна нести негативной коннотации в рассматриваемой теме.

Таблица 1

Фреймы контент-анализа
Table 1. Frames content analysis

Категория фрейма	№	На русском	На английском
Положительные	1	Укрепить	Strengthen
	2	Эффективный	Effective
	3	Объединить	Unite
	4	Единство	Unity
	5	Помощь	Help
	6	Рост	Growth
	7	Усилия	Efforts
	8	Содействие	Contribution
	9	Прогресс	Progress
	10	Ответственность	Responsibility
	11	Доверие	Trust
Нейтральные	12	Вакцина	Vaccine
	13	Вирус	Virus
	14	Стабильность	Stability
	15	Меры	Measures
	16	Профилактика и контроль	Prevention and Control
	17	Почти	Almost
	18	Контроль	Control
	19	Стремиться	Seek
Негативные	20	Китайский вирус	Chinese virus
	21	Ошибка	Fault
	22	Обеспокоенность	Concern
	23	Кризис	Crisis
	24	Угроза	Threat
	25	Трудный	Difficult
	26	Опасность	Danger
	27	Ущерб	Damage
	28	Серьезный	Severe
	29	Паника	Panic
	30	Неудача	Fail

Источник: составлено авторами

Результаты

Возможность формирования выборки. Корпуса новостных статей на английском языке содержат от 39 до 47 статей за макропериод, что говорит о высокой степени освещения событий, связанных с КНР.

Анализ заголовков корпуса. Анализ корпуса новостных сводок электронного международного издания The Guardian показал, что в макропериоде за 2020 г. доля статей с выраженным оценочным суждением в заголовке составила 58,7%, в то время как этот же показатель равен 31,25% за период 2021 г. (рис. 1).

В издании The Washington Post число заголовков, содержащих оценочные суждения в 2020 г., составляет 48,7%, в 2021 г. процент подобного рода заголовков составляет 62% (рис. 2).

Рис. 1. Динамика тональности корпуса The Guardian за 2020–2021 гг.

Fig. 1. The dynamics of the tone of The Guardian's corpus for 2020–2021

Источник: составлено авторами

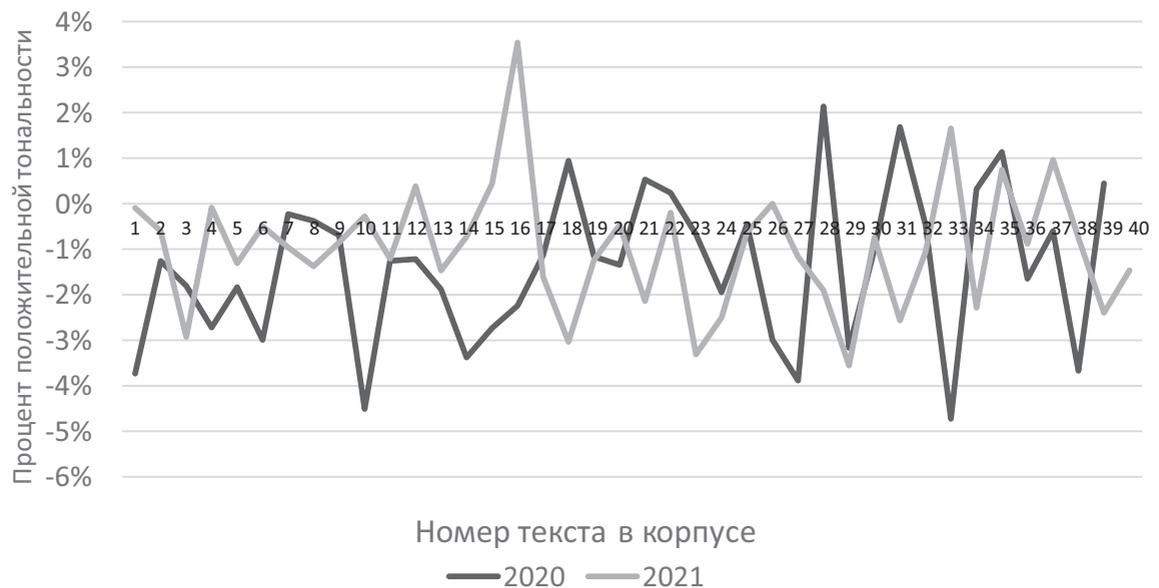

Рис. 2. Динамика тональности корпуса The Washington Post за 2020–2021 гг.

Fig. 2. The dynamics of the tonality of The Washington Post corpus for 2020–2021

Источник: составлено авторами

После отчистки от служебных слов топ положительных и отрицательных слов выглядит следующим образом (табл. 2, 3). В скобках указан перевод и количество повторов в корпусе за год.

Качественный анализ тональности текстов The Guardian
Table 2. Qualitative analysis of the tonality of The Guardian texts

Положительные единицы		Негативные единицы	
2020	2021	2020	2021
Support (поддержка, 23)	Work (работа, 23)	Virus (вирус, 138)	Virus (вирус, 107)
Work (работа, 20)	Intelligence (интеллект, 19)	Outbreak (вспышка, 108)	Outbreak (вспышка, 86)
Good (хороший, 12)	Positive (позитивный, 18)	Epidemic (31)	Infections (инфекции, 40)
Significant (значительный, 10)	Effective (эффективный, 13)	Emergency (чрезвычайная ситуация, 29)	Emergency (чрезвычайная ситуация, 18)
Important (важный, 10)	Strong (сильный, 11)	Crisis (кризис, 28)	Strict (кризис, 15)

Источник: составлено авторами

Качественный анализ тональности текстов The Washington Post
Table 3. Qualitative analysis of the tonality of the texts of The Washington Post

Положительные единицы		Негативные единицы	
2020	2021	2020	2021
Support (поддержка, 26)	Intelligence (интеллект, 42)	Virus (вирус, 201)	Virus (вирус, 127)
Work (работа, 23)	Trust (доверие, 36)	Outbreak (вспышка, 115)	Outbreak (вспышка, 54)
Good (хороший, 20)	Work (работа, 33)	Crisis (32)	Leak (утечка, 33)
Effective (эффективный, 19)	Recovery (восстановление, 12)	Blame (вина, 25)	Infections (инфекции, 26)
Intelligence (интеллект, 17)	Confidence (уверенность, 12)	Risk (риск, 18)	Risk (риск, 20)

Источник: составлено авторами

Анализ фреймов. В корпусе The Guardian за 2020 г. было выделено 173 положительных фрейма, 483 нейтральных и 117 отрицательных. Наиболее повторяющимся фреймом в категории с положительной коннотацией является «help»/«помощь», встречается 47 раз, в категории с отрицательной коннотацией — «crisis»/«кризис», встречается 28 раз.

В данном корпусе за 2021 г. было выделено: 101 положительный фрейм, 436 нейтральных и 80 отрицательных. Самым частотным в группе положительных фреймов является «efforts»/«усилия», встречается 19 раз, среди негативных — «concern»/«обеспокоенность», встречается 18 раз.

В корпусе The Washington Post за 2020 г. было выделено: 354 положительных фрейма, 715 нейтральных, 189 отрицательных. Наиболее повторяющимся фреймом в категории с положительной коннотацией является «unite»/«объединять», встречается 130 раз, в категории с отрицательной коннотацией — «crisis»/«кризис», встречается 32 раза.

В данном корпусе за 2021 г. было выделено 215 положительных фреймов, 521 нейтральный и 68 отрицательных. Самый частотный положительный фрейм — «unite»/«объединять», встречается 52 раза, негативный — «severe»/«серьезный» — встречается 12 раз.

Обсуждение

Возможность формирования выборки. Частое упоминание названия страны в заголовке придает государству популярность вне зависимости от контекста, в котором оно упоминается, что подтверждает важность Китая как актора современных международных отношений, на который сообщество обращает пристальное внимание.

Анализ заголовков корпуса. Эмотивность оценок в основном была вызвана ажиотажем международного сообщества, новизной вируса, отсутствием мер контроля, тогда как в 2021 г. больший процент зани-

мает констатация фактов без создания «сенсационных» заголовков. В блоке статей с ярко выраженными оценками КНР в заголовке негативные оценки с нейтральными и позитивными в 2020 г. соотносятся как 6:2:1, а в 2021 г. это же соотношение составляет 3:1:1. Несмотря на сохранение превалирования негативных оценок, характерных для освещения в СМИ и привлекающих наибольшее внимание аудитории, в 2021 г. в обоих корпусах увеличилась доля позитивного освещения и сравнялась с нейтральной. Можно сделать вывод о том, что деятельность КНР в рамках контроля распространения коронавируса и ее эффективность дала свои плоды к 2021 г. и снизила агрессивный эмоциональный фон как у репортеров, так и у читателей.

При рассмотрении обоих корпусов можно говорить об увеличении процентного соотношения положительных оценок от числа эмоционально окрашенных заголовков во втором макропериоде. Следовательно, западная публика более позитивно воспринимала действия КНР после пика эпидемии, большое влияние оказали предпринятые КНР меры контроля внутри страны, разработки вакцины, а также активной международной помощи в борьбе с коронавирусом.

Динамика тональности текстов. Динамика тональности англоязычных корпусов не однородна, имеет сильные перепады значений, что говорит о формировании имиджа КНР на средних показателях — более негативные статьи уравниваются более позитивными. При этом большая часть графиков расположена под осью абсцисс, что говорит о негативной тональности текстов корпуса. Тональность обоих корпусов в 2021 г. примерно на 10–20% положительнее, чем за 2020 г., что подтверждает возможность КНР собственной политикой и принятыми мерами контроля моделировать и улучшать собственный имидж на международной арене.

В корпусе The Guardian за 2020 г. только 10% новостных сводок имеют преобладающую позитивную тональность, в 2021 г. этот показатель возрос до 20%, что подтверждает тезис о более положительной оценке имиджа КНР в 2021 г., сделанном на основании анализа заголовков. В корпусе The Washington Post в 2020 г. статьи с превалирующей положительной окраской составляют 18%, а в 2021 г. — 17%, что в целом является стабильным показателем однородного освещения имиджа КНР данным изданием.

Качественный анализ тональности текстов. Можно выделить следующие тонально окрашенные слова с позитивной коннотацией, которые будут влиять на восприятие имиджа КНР в международной прессе: слово «support»/«поддержка» 5-е из 10 самых распространенных положительных лексических единиц в обоих корпусах, в общей сложности оно повторяется 70 раз; «effective»/«эффективный», 7-е в рейтинге, повторяется 46 раз в двух корпусах, и «trust»/«доверие», 10-е в рейтинге, повторяется 52 раза. Другие слова рейтинга сильно зависят от контекста.

Большинство часто используемых негативно окрашенных слов в топ-10 имеют отношение непосредственно к тематике заболевания: «virus»/«вирус», «outbreak»/«вспышка», «infection»/«инфекция» и др. Среди негативно окрашенных слов стоит выделить такие слова, как «crisis»/«кризис», «criticism»/«критика». Последние два слова характеризуют в большей степени социальную среду, а не медицинскую сферу темы освещения, часть этих слов отсылает к отношению международного сообщества на Западе к КНР, а часть может относиться к экономической сфере, которая во многом определяет имидж государства в международных отношениях.

Стоит отметить присутствие слов «blame»/«вина» и «leak»/«утечка» в корпусе The Washington Post, что подтверждает существование за пределами Китая теории о намеренном распространении вируса или же о его лабораторном происхождении.

Анализ фреймов. Рассматривая использование фреймов в динамике двух макропериодов, можно говорить о том, что в 2021 г. используется значительно меньше негативных фреймов, нежели в 2020 г. В 2020 г. совокупное количество негативных фреймов двух корпусов в два раза больше этого же показателя в 2021 г. При этом в 2021 г. количество положительных фреймов также снизилось, однако их доля осталась репрезентативной. Рассматривая корпуса в целом, можно говорить о превалировании положительных фреймов над негативными. Это связано с сильной окрашенностью негативных фреймов, которых журналисты намерено стараются избегать в серьезных изданиях, дабы не распространять панику и не выставлять ситуацию в черном свете. При этом положительные фреймы могут трактоваться по-разному в зависимости от контекста и быть в связке с другими государствами, а не с Китаем.

В 2020 г. для корпуса The Washington Post наиболее популярным фреймом было слово «unite»/«объединять», что говорит о высоком значении международной кооперации в рамках взаимодействия с COVID-19. Ядром международного имиджа КНР в том числе можно считать продвижение мирного международного сотрудничества. На основании вышеперечисленных наблюдений можно сделать вывод о снижении негативных оценок имиджа КНР к 2021 г., а также об уменьшении эмоциональных суждений в тексте в целом, так как уменьшается количество как положительных, так и отрицательных фреймов.

Заключение

Анализ международного имиджа государства является важным в рамках такого глобального явления, как пандемия, так как она во многом трансформировала систему международных отношений в связи с переходом на преимущественно дистанционную кооперацию, большую изоляцию и стремление к повышению внутреннего самообеспечения в связи с перебоями в поставках на фоне ограничений. В международном информационном поле в англоязычных новостных сводках превалирует негативная коннотация в отражении имиджа Китая, обуславливаемая как темой выборки, так и сущностью освещения конкурентной державы в международном пространстве. При этом присутствует значительное колебание оценок: они не сводятся исключительно к негативным показателям и частично нивелируются присутствием статей с ярко выраженной положительной тональностью. Одним из наиболее важных трендов в зарубежных новостях является увеличение положительной тональности, количества позитивных оценочных заголовков, а также позитивных фреймов во втором макропериоде (2021 г.), что говорит о возможности КНР моделировать собственный имидж в международном поле на основании продуманной внутренней и внешней политики и имплементации мер по сдерживанию пандемии. Усилия КНР по внутреннему контролю и борьбе с распространением инфекции, активная разработка вакцины, а также обширная международная помощь по борьбе с COVID-19 дали свои результаты в рамках новостного освещения за рубежом.

Об авторах:

Иванников Никита Сергеевич, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук;
e-mail: ivannikov.n78@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1244-1036

Правдина Евгения Ефимовна, магистрант 2-го курса Института дистанционного обучения Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Российская Федерация;
e-mail: JanePravdina@mail.ru; ORCID: 0009-0008-3173-1662

About the authors:

Nikita S. Ivannikov, Associate Professor of Higher School of International Relations of Institute of Humanities of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences;
e-mail: ivannikov.n78@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1244-1036

Evgeniia E. Pravdina, 2nd year Master degree student, Institute of Distance Learning, N. A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: JanePravdina@mail.ru; ORCID: 0009-0008-3173-1662

Некоторые тренды сотрудничества ЕАЭС с Латино-Карибской Америкой

Торопыгин А. В.*, **Николаенко А. В.**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

*e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0678-3347

РЕФЕРАТ

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) — быстро развивающаяся интеграционная структура. Ее основным приоритетом в деятельности является экономическое развитие, один из аспектов которого — торговля. При этом в начале своей деятельности основное внимание государств — членов объединения было сосредоточено на развитии преимущественно торговли внутри объединения. Создание Таможенного союза и единого экономического пространства в основном решило эту задачу. Современным развитием структуры в соответствии с общемировым трендом стало расширение торговых отношений с приграничными, региональными и внерегиональными партнерами. Таким образом, происходит процесс интеграции интеграций, т. е. взаимодействие на уровне интеграционных структур и отдельных государств. Поскольку основным направлением деятельности ЕАЭС является экономика, то речь в первую очередь идет о создании зон свободной торговли (ЗСТ) с рядом стран.

Нынешний мировой политический кризис и кризис международных отношений способствует поляризации государств. Произошло цементирование стран Севера; по сути дела, можно говорить о едином Западе. Однако нельзя говорить о едином Юге. Это нашло свое отражение в формуле «несимметричной биполярности». В этих условиях наряду с чисто экономическими функциями ЕАЭС будет расширять информационную функцию, исполнять роль транслятора мягкой силы, площадки для переговоров по широкому кругу вопросов.

Цель. Выявить динамику и направления развития взаимоотношений ЕАЭС с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ, ЛКА).

Задачи. Рассмотреть основные тренды и этапы взаимодействия стран ЛАКБ с ЕАЭС; выявить новые направления развития евразийской интеграции.

Методология. Применение системного подхода позволило проанализировать интеграционные процессы с учетом различных направлений. Авторы рассматривают сотрудничество Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с Латино-Карибской Америкой через призму торговли. Метод историко-сравнительного анализа использовался для сопоставления концепций развития интеграции через опыт взаимодействия интеграционных структур с третьими экономиками и государствами. В рамках историко-сравнительного анализа показано развитие формализации диалога ЕАЭС с интеграционными структурами ЛКА. Структуры, с которыми развивалось взаимодействие, акторы международных отношений различны — интеграционные структуры, международные организации, форумы и т. д., — был использован социологический подход.

Результаты. На фоне развития экономического взаимодействия выявлены новые направления взаимодействия.

Выводы. В идущем сегодня третьем этапе сотрудничества между ЕАЭС и ЛКА усиливается элемент политической коммуникации информационной функции организации, что является ответом на политический кризис, с одной стороны, с другой — на противостояние санкциям Запада с точки зрения попыток изоляции России в мире.

Ключевые слова: Латино-Карибская Америка (ЛКА), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), интеграция, интеграционные объединения, нормативно-правовая база международной деятельности, торгово-экономические отношения, современные концепции деятельности международных организаций, политическая коммуникация

Для цитирования: Торопыгин А. В., Николаенко А. В. Некоторые тренды сотрудничества ЕАЭС с Латино-Карибской Америкой // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 167–177.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-167-177>. EDN: LOYJKD

Some Trends in EAEU Cooperation with Latin-Caribbean America

Andrey V. Toropygin*, **Anastasia V. Nikolaenko**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation

*e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0678-3347

ABSTRACT

The Eurasian Economic Union (EAEU) is a rapidly developing integration structure. Its main priority in activities is economic development, even more precisely, trade. At the same time, at the beginning of its activities, the main attention of the member states of the association was focused on the development of domestic trade. The creation of a customs union and a single economic space basically solved this problem. The current development of the structure, in accordance with the global trend, was the expansion of trade relations with border, regional and non-regional partners. Thus, there is a process of integration of integrations, i.e. interaction at the level of integration structures and individual states. Since the EAEU's main activity is the economy, first of all, we are talking about the creation of Free Trade Zones (FTAs).

Aim. The purpose of the article is to identify the dynamics and directions of the development of relations between the EAEU and the countries of Latin America and the Caribbean.

Tasks. Consider the main trends and stages of interaction between the LACB countries and the EAEU; identify new directions for the development of Eurasian integration.

Methods. The use of a systematic approach made it possible to analyze integration processes taking into account various directions. The method of historical and comparative analysis was used to compare the concepts of the development of integration. Situational analysis made it possible to demonstrate the dynamics of the development of Eurasian integration and the formation of interaction with external actors.

The sociological approach made it possible to consider as a special variety of international structures with the characteristics of both intergovernmental bodies and organizations.

Results. Against the background of the development of economic interaction, new areas of interaction have been identified.

Conclusions. In the current third stage of cooperation between the EAEU and the LKA, the element of political communication of the organization's information function is strengthened, which is a response to the political crisis on the one hand, and on the other, opposition to Western sanctions in terms of attempts to isolate Russia in the world.

Keywords: Latin-Caribbean America (LCA), Eurasian Economic Union (EAEU), integration, integration associations, regulatory framework of international activities, trade and economic relations, modern concepts of activities of international organizations, political communication

For citing: Toropygin A. V., Nikolaenko A. V. Some Trends in EAEU Cooperation with Latin-Caribbean America // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 167–177. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-167-177>. EDN: LOYJKD

Введение

Евразийский экономический союз (ЕАЭС, Союз) является продолжателем Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). По своему функционалу ЕврАзЭС было гораздо шире. Оно включало вопросы образования, культуры, политический вектор взаимодействия в лице Межпарламентской Ассамблеи. Велась и широкая международная деятельность. В ЕврАзЭС появился документ «Об основных направлениях международной деятельности ЕврАзЭС», ныне ежегодный документ ЕАЭС.

В настоящее время ЕАЭС — международное интеграционное объединение, в основе которого лежат два принципа деятельности: межгосударственный и наднациональный. Надгосударственный принцип лежит в основе деятельности Таможенного союза ЕАЭС. Межгосударственный — как в основе принятия всех остальных решений (одно государство — один голос), так и управляющих воздействий с помощью международных договоров.

Материалы и методы

Деятельность ЕАЭС и различных ее аспектов широко освещается в научной литературе. Очевидно, что большинство работ в той или иной степени затрагивают сферу экономики. Среди авторов следует обратить внимания на работы С. Ю. Глазьева, Е. Ю. Винокурова, А. Либмана, Б. А. Хейфеца и других [3; 10; 13].

Важной сферой исследования в нашем случае являются многосторонние институты и интеграционные процессы в исследованиях авторов: И. Л. Прохоренко¹, Е. Долженковой, А. Ю. Мохоровой, Л. Э. Слуцкого [4; 9].

Естественно, что основной сферой взаимодействия ЕАЭС со странами ЛКА является торговля. Эта тема рассматривается такими авторами, как: Е. К. Березина, О. Г. Карпович, Н. А. Школяр², А. Сербин, М. Канет [1; 2; 5; 12; 14].

Неоценимую помощь в налаживании взаимодействия со странами ЛКА оказала Российская Федерация. У России были хорошие отношения со странами региона еще со времен СССР. Эти двухсторонние отношения были институционализированы и в многосторонних форматах. Россия получила статус наблюдателя в интеграционных структурах Латиноамериканского региона, сначала при Латиноамериканской ассоциации интеграции, а затем и при Ассоциации Карибских государств.

Можно сказать, что уже с этого периода Российская Федерация наряду с традиционными торговыми связями искала новые формы и пути сотрудничества. С 1990-х годов она становится инициатором углубления взаимного сотрудничества с ЛКА с использованием этих новых форматов и возможностей. Это особенно заметно с момента создания ЕврАзЭС, а затем ЕАЭС.

Уточним две важные, на наш взгляд, детали, значимые на начальном этапе сотрудничества. Во-первых, наднациональной сферой компетенции является только сфера таможенного управления,

¹ Прохоренко И. Л. Международные институты в современной мировой политике РСМД [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 04.03.2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnye-instituty-v-sovremennoy-mirovoy-politike/?sphrase_id=111135622 (дата обращения: 15.01.2024).

² Школяр Н. А. Торговля России со странами Латинской Америки: ориентиры на третье десятилетие [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 03.02.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/torgovlya-rossii-so-stranami-latinskoj-ameriki-orientiry-na-trete-desyatiletie/> (дата обращения: 01.02.2024).

во-вторых, сложилась ситуация, при которой «евразийская интеграция рассматривалась как формат сотрудничества с Россией»¹.

Это неверно в том смысле, что евразийская интеграция — это интеграция равноправных участников. Но в то же время вполне понятно, что такое положение является следствием большого перевеса России не только в экономической сфере, но и в других важных моментах. Так, научное и экспертное сообщество Российской Федерации внесло значительный вклад в теоретическое осмысление и подготовку возможных вариантов взаимодействия с зарубежными партнерами, в частности со странами ЛКА. Например, в указанной НИР приняли участие ведущие эксперты РСМД; были рассмотрены вопросы взаимодействия с МЕРКОСУР (общий рынок стран Южной Америки) и УНАСУР (Союз южноамериканских наций).

Другими словами, учитывая высокий научный задел и потенциал в изучении региона, можно говорить о важности России в процессе взаимодействия ЕАЭС со странами ЛКА как в многостороннем, так и в двухстороннем режимах.

Очевидно, что это, можно сказать, побочный, хотя и важный эффект. Основная деятельность ЕАЭС связана с реальной экономикой. Евразийская экономическая комиссия сделала очень много для развития торговли как внутри ЕАЭС, так и с другими странами мира, в том числе и со странами ЛКА.

Обсуждение результатов

Учитывая международный опыт различных форм взаимодействия интеграционных структур с третьими экономиками и государствами, для ЕАЭС были возможны следующие варианты: торгово-экономические договоры, партнеры по диалогу, государства-наблюдатели и государства — ассоциированные члены. Возможностью стать государством-наблюдателем в 2021 г. воспользовалась Республика Куба².

Эксперты, как правило, выделяют три институциональных формата для выстраивания взаимоотношений с партнерами: 1) соглашение о зоне свободной торговли. При этом могут учитываться и параметры, выходящие за правила Всемирной торговой организации (ВТО); 2) непреференциальные торговые соглашения; 3) меморандумы о сотрудничестве с третьими странами и международными организациями, которые предполагают в первую очередь взаимный обмен информацией и носят скорее ознакомительный характер [1]. Понятно, что реально схема работает в обратном порядке.

Таким образом, именно диалоговые механизмы, которые основаны на подписании меморандумов о взаимопонимании, являются основным инструментом взаимодействия между странами. Соглашения могут заключаться во многих областях: торговое взаимодействие, логистика, сельское хозяйство, телекоммуникации, туристическое направление, энергетическая сфера и другие.

Эти области наиболее важны для взаимодействия стран ЕАЭС с Латиноамериканским регионом и странами Карибского бассейна.

Результаты

Специалисты связывали с этой схемой большие надежды, и в первую очередь с Чили. Министр по интеграции и макроэкономике ЕЭК до 2019 г. Т. Валовая еще в 2017 г. говорила, что Чили может стать первопроходцем среди стран Латинской Америки в отношении развития сотрудничества с ЕАЭС [1]. И действительно, Меморандум с Чили был подписан в 2015 г.³; в 2017 г. выработаны основные направления взаимодействия. На следующий год купля-продажа возросла на 31% — до 1,2 млрд долл., как и экспорта стран Союза в Чили — на 54,8%, или 127,1 млн долл. В это же время поставки из Чили увели-

¹ Аннотация к результатам научно-исследовательской работы на тему «Разработка эффективных коммуникационных моделей взаимодействия Евразийской экономической комиссии с экспертным сообществом и широкой общественностью стран Евразийского экономического союза и зарубежных стран в публичной сфере» [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/73c/Annotatsiya-rezultatov-NIR-DPiOO.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

² О статусе государства-наблюдателя при Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/o-statuse-gosudarstva-nablyudatelya.php (дата обращения: 10.04.2024).

³ ЕЭК и Чили договорились в 1-м полугодии 2015 года подписать Меморандум о взаимопонимании [Электронный ресурс] // ЕЭК. 21.04.2015. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/22-04-2015-1/> (дата обращения: 14.04.2024).

чилились до 1,1 млрд долл., т. е. на 28,7%. Продукты — рыба (42,8%), свинина (7,7%), вино (4,0%), медные руды и концентраты (11,9%), прочие (33,6%).

Но дальше, по очевидным причинам, последовал спад, вызванный пандемией COVID-19. Однако в целом движение вперед в плане налаживания контактов и диалога продолжалось. В 2018 г. был подписан меморандум о взаимопонимании между Латиноамериканской экономической системой (ЛАЭС) и ЕЭК [8]. С Эквадором, помимо меморандума, был подписан и План работы на 2019 г., в Мексике открылось представительство ЕАЭС [Там же, с. 180]. Расширялись связи с ЭКЛАК (Экономическая комиссия ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейна). Одним из основных направлений стал переговорный процесс между ЕАЭС и МЕРКОСУР, который завершился в 2018 г. подписанием Меморандума о взаимопонимании и торгово-экономическом сотрудничестве для последующего заключения соглашения о свободной торговле [Там же].

Формализация диалога между ЕЭА и Тихоокеанским альянсом (ТА) — интеграционным объединением Колумбии, Мексики, Перу и Чили — произошла в Лиме в ходе 14-го саммита Тихоокеанского альянса на уровне глав государств (2019 г.)¹, когда была подписана Декларация о партнерстве.

Некоторые страны — члены ЕАЭС уже начали осваивать этот рынок: между Арменией и Бразилией был подписан Меморандум о торговом и инвестиционном партнерстве (2017 г.) с целью изучения бизнес-возможностей двух стран. А предприятия Белоруссии продолжали закрепляться на этом рынке (БелАЗ, МАЗ, МТЗ, Гомсельмаш)².

Таким образом, к третьему десятилетию нового века как ЕАЭС в целом, так и отдельным его странам удалось наладить диалог практически со всеми экономическими интеграционными системами. Среди них такие, как МЕРКОСУР, третье по величине и влиянию торговое объединение, потенциал рынка — огромен, Тихоокеанский альянс (ТА) — 35% ВВП Латинской Америки и др. Однако экономический эффект от торговли был небольшим. Очевидно, что определенным показателем здесь может служить Россия. «В 2020 г. поставки товаров из этого региона составляли 7,3 млрд долл., то есть 3,1% российского импорта; Бразилии (2 (5,2) млрд долл.), Эквадора (1,3 (1,5) млрд долл.) и Мексики (1 (2,4) млрд долл.)³. Удельный вес этого региона в российских продажах за рубеж составляет лишь 1,4%»⁴.

Наверное, следует признать, что торговая активность не очень высокая. Ведь в 2014 г. Президент России побывал в четырех странах ЛКА, в 2015 г. премьер-министр посетил семь стран.

В определенной мере объяснение этому можно найти в речи Т. Валовой, прозвучавшей при подписании документа в Лиме. По ее словам, диалог ЕЭК — ТА отвечает тенденциям мировой экономики и создает площадку для переговоров между правительствами и предпринимателями двух регионов, развивает сеть международных контактов⁵. Важна не только экономика, но и коммуникационная имиджевая составляющая. Иными словами, противодействие попыткам Запада по изоляции России и дружественных ей стран.

Более открыто и более точно говорит А. Сербин, специалист по Латинской Америке, описывая цели России в этом регионе: «Правительство В. В. Путина искало баланс между диверсификацией торговли и экономическими отношениями с регионом, и геополитическими союзами, исходя из геостратегических целей, связанных с динамикой глобальных преобразований» [8, с. 174].

2021 г. стал годом больших надежд. Мир начал выходить из состояния борьбы с COVID-19. За время пандемии экспорт в регион Латинской Америки и Карибского бассейна уменьшился на 27% и составил лишь 4,6 млрд долл. Большая часть из этих данных пришлось на Мексику и Бразилию (68%). Несмотря

¹ ЕЭК и Тихоокеанский альянс подписали Декларацию о партнерстве [Электронный ресурс] // ЕЭК. 08.07.2019. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/08-07-2019-1/> (дата обращения: 14.04.2024).

² Сысоева А. В. ЕАЭС, МЕРКОСУР и интеграция [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 28.01.2019 URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eaes-merkosur-i-integratsiya/> (дата обращения: 01.02.2024).

³ В скобках даны цифры за 2017 г.

⁴ Школяр Н. А. Внешняя торговля России: ситуация перед новой стратегией [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 19.04.2021 URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vneshnyaya-torgovlya-rossii-situatsiya-pered-novoy-strategiyu/?sphraise_id=105202212 (дата обращения: 12.05.2024).

⁵ ЕЭК и Тихоокеанский альянс подписали Декларацию о партнерстве [Электронный ресурс] // ЕЭК. 08.07.2019. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/08-07-2019-1/> (дата обращения: 10.04.2024).

на такие показатели доли ЛКА в совокупном российском экспорте, включая такие товарные позиции, как удобрения, оборудование для энергетики, вертолеты, рынок стран Латинской Америки имеет важное значение для российских экспортеров¹.

В июне 2021 г. Коллегия ЕЭК презентовала совместный с ООН доклад «Евразийский экономический союз и страны Латинской Америки Карибского бассейна: трансграничное партнерство»². Безусловно, доклад продолжил сложившуюся традицию глубокой проработки вопросов, непосредственно связанных с торговлей; но не только с ней (мы уже упоминали соответствующие НИР). Таким образом, можно говорить о том, что ЕАЭС обладает экспертной информацией о регионе, выходящей за рамки торгово-экономических отношений.

При констатации, что между ЕАЭС и Секретариатом по экономической интеграции в Центральной Америке, секретариатом Андского сообщества с Латиноамериканской экономической системой и с МЕРКОСУР налажены взаимодействие и торговые отношения, было указано, что доля экспорта стран Южной Америки в ЕАЭС составляет 1,1% от общего экспорта региона и лишь 1,6% от общего экспорта ЕАЭС поступает в Латинскую Америку. По словам министра по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии С. Глазьева, главная причина этому — география. Но ее влияние можно преодолеть при помощи современных технологий³.

В большом аналитическом докладе представлен обширный материал по проблеме торговли со странами Латинской Америки и Карибского бассейна. Рассматриваемые регионы, и это можно подчеркнуть, во многом похожи друг на друга.

Страны ЛАК экспортируют транспортные средства, минеральное топливо, механическое и электрическое оборудование, руды, масличные семена, драгоценные металлы и фрукты.

Говоря о торговле интеграционной структуры с отдельно взятой страной или об интеграции интеграций, очевидно, что необходимо хотя бы минимально уточнить как реалии деятельности интеграции, так и теоретические взгляды на эти структуры.

Несмотря на то что в основе ЕАЭС лежит модель классической интеграции Европейского союза, ее реализация на евразийском пространстве потребовала серьезной адаптации. По мере развития происходила ее трансформация, подстройка под реальные условия. Появились и новые теоретические осмысления этого процесса. Так, влияние жизни в одном государстве до распада СССР на процесс интеграции подчеркивается в концепциях «скрепляющей интеграции» [6]. Важность экономической сферы в развитии процесса интеграции и понимание этого процесса как механизма достижения более существенных для человечества целей — основа концепции «прагматического евразийства» [Там же].

Выдвижение экономического вектора взаимодействия в интеграции играло политическую роль, снимая вопросы о реставрации Советского Союза. В Программе показано, что восприятие евразийской интеграции в странах ЕАЭС складывается на двух базовых составляющих: 1) евразийская интеграция — это форма сотрудничества с Россией, 2) это процесс открытия рынков, прежде всего, это экономическое сотрудничество. Но в экспертных сообществах (ЕС, КНР, США, государства Латинской Америки) рассматривают «ЕАЭС как политический проект, где лидирует Россия, и который в основном отвечает российским устремлениям, в частности ...усилению позиций как мирового альтернативного западному центра силы»⁴. Представляется, что в таком взгляде зарубежных экспертов на евразийскую интеграцию немалую роль играет асимметричность ЕАЭС, иными словами, превалирование России в объединении.

Кризисные явления в международных отношениях, в частности в области многосторонних отношений, заставляют научное сообщество более пристально смотреть на развитие многосторонних струк-

¹ Школяр Н. Внешняя торговля России: ситуация перед новой стратегией [Электронный ресурс] // РСМД. 19.04.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vneshnyaya-torgovlya-rossii-situatsiya-pered-novoy-strategiy/> (дата обращения: 12.05.2024).

² Евразийский экономический союз и страны Латинской Америки Карибского бассейна: трансграничное партнерство [Электронный ресурс] // ЕЭК. 24.06.2021. URL: https://eec.eaunion.org/comission/department/dep_makroec_pol/events/EECECLACreport/ (дата обращения: 12.04.2024).

³ Скляр Л. Эксперты предложили новые пути развития торговли ЕАЭС и Латинской Америки [Электронный ресурс] // Евразия.Эксперт. 29.06.2021. URL: <https://eurasia.expert/novye-puti-razvitiya-torgovli-eaes-i-latinskoj-ameriki/> (дата обращения: 10.03.2024).

⁴ Этап II «Выработка и реализация моделей взаимодействия Евразийской экономической комиссии с экспертными сообществами государств — членов Евразийского экономического союза и зарубежных стран» [Электронный ресурс] // ЕЭК. URL: <https://eec.eaunion.org/upload/iblock/288/OTCHET-2-ETAP.pdf> (дата обращения: 07.04.2024).

тур таких интеграционных объединений и международных организаций. Социологический подход дает возможность объединить эти два актора международных отношений. Современное понимание международной организации, в определенной мере, основывается на взглядах, согласно которым организации призваны обеспечить вклад в более грамотное устройство мира и взаимодействия между акторами международных отношений [13]. Первый из этих взглядов — менеджерская концепция, второй — «концепция агоры». Концепции подчеркивают важность нового общественного пространства, пространства для дискуссий и обмена мнениями, доведения своего мнения до остальных, возможность широкой дискуссии о развитии регионов и мира в целом.

Обсуждение

Структуры экспорта стран ЕАЭС и ЛКА довольно схожи. И в первую очередь это ресурсы. До самого последнего времени торговое и инвестиционное присутствие России в регионе было минимальным. Основным направлением сотрудничества были продажа оружия и проекты в нефтедобывающей, горнодобывающей отраслях и атомной энергетике, аэрокосмическом секторе [8, с. 178–179]. Но страны ЛКА за последние годы продвинулись вперед в сложных информационно-коммуникационных технологиях и цифровой повестке. По мнению экспертов, это представляет большой интерес для стран ЕАЭС и может быть использовано при налаживании коммуникации в будущем.

С. Ю. Глазьев подчеркивает, что в настоящее время выиграют те страны, которые смогут достойно встраиваться в структуру шестого технологического уклада. Другими словами, необходимо модернизировать структуры производства, финансовые институты, диверсифицировать сырьевую экономику. А это предполагает в том числе использование ИТ-технологий. Страны МЕРКОСУР активно развивают эту тему. Но проблема может возникнуть из-за значительной привязки участников стран МЕРКОСУР к проектам в области научных исследований со странами Северной Америки. Большой процент финансирования стран МЕРКОСУР в научной сфере занимают Соединенные Штаты Америки.

На прошедшем в мае 2023 г. Втором Евразийском экономическом форуме было продекларировано, что страны Латинской Америки, государства ЕАЭС и дружественные страны должны вместе формировать новую глобальную валютно-финансовую систему с использованием цифровых механизмов и новых технологических достижений. По мнению экспертов, это позволит избавиться от засилья доллара, укрепит связи между государствами и бизнес-партнерами, увеличит товарооборот, что и необходимо на сегодняшний день. В рамках круглого стола «ЕАЭС — Латинская Америка» была озвучена цифра: «...сейчас доля Латинской Америки в товарообороте ЕАЭС — 3%»¹. Безусловно, приведенные данные говорят о возможности увеличения взаимодействия. Однако проблема расстояния остается достаточно существенной, когда речь заходит о взаимодействии стран ЕАЭС с Латинской Америкой и государствами Карибского бассейна.

Общий объем торговли перешел черту в 20 млрд долл. Этому способствуют три меморандума с правительствами третьих стран, четыре меморандума с региональными интеграционными и межгосударственными объединениями, одна декларация с государствами — участниками Рамочного соглашения², заключенные ЕЭК ЕАЭС. Сотрудничество осуществляется через обмен опытом и информацией, разработку совместных аналитических работ и рекомендаций, проведения семинаров, конференций, круглых столов и т. д. Могут создаваться и специальные рабочие группы.

Основное направление сотрудничества, разумеется, торговля, но есть и другие, например продвижение устойчивого развития. Документ ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» носит политический характер, и его реализация — задача в том числе также политическая. Исследование влияния интеграции на достижение целей в области

¹ ЕЭФ-2023: ЕАЭС и Латинская Америка обозначили новые приоритеты сотрудничества [Электронный ресурс] // ЕЭК. 24.05.2023. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eef-2023-eaes-i-latinskaya-amerika-oboznachili-novye-prioritety-sotrudnichestva/> (дата обращения: 15.05.2024).

² Меморандумы о сотрудничестве или взаимодействии (третьи страны, региональные интеграционные объединения и международные организации) [Электронный ресурс] // ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/commission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/memorandumy.php (дата обращения: 13.04.2024).

устойчивого развития (ЦУР), экономического роста, социальной интеграции и экологической устойчивости рассматривались как в теоретическом плане (разработка методологии анализа достижений показателей ЦУР¹), так и на практике. Эксперты предлагают включить параметры, связанные с ЦУР, в торговые соглашения [7].

Развитию торговли мешают в первую очередь различные экономические санкции. Рост цен на российскую продукцию повышается из-за ограничений в работе действующих портов. Недружественные государства, проводя политику изоляции Российской Федерации, пытаются использовать монополию на важные узлы мировой валютно-финансовой системы в своих политических целях. Противостоять этому можно, только расширяя и углубляя сотрудничество с остальным миром, в том числе и странами Латинскоамериканского региона. «Очень важно сейчас организовать сотрудничество стран Латинской Америки, Карибского бассейна и России», — подчеркнул генеральный секретарь Боливарианского альянса народов нашей Америки — Торгового договора Феликс Пласенсия на Втором Евразийском форуме.

Формат Евразийского форума и сам форум такого масштаба говорит о том, что ЕАЭС может рассматриваться и как широкая дискуссионная площадка. А международное взаимодействие ЕАЭС — как своеобразная политическая функция организации.

Расширить торговлю будет очень сложно, так как с Латинской Америкой сейчас отсутствуют логистические маршруты экспорта и импорта. Но помимо этого функционального направления деятельности ЕАЭС, на наш взгляд, сформируется новое для Союза направление — многосторонней дипломатии.

У государств — членов ЕАЭС, несмотря на экономическую зависимость от России, сформировались собственные отношения с инициаторами этих антироссийских санкций. Это вызвало у них диссонанс, им нужно было найти баланс между экономическим интересом в рамках интеграционных процессов в ЕАЭС и развитием отношений с внешними игроками без ущерба себе и Союзу. В целом страны — участники ЕАЭС не могут не попасть под влияние российской интеграции, поскольку их экономики зависят от экономики РФ.

В январе 2023 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин заявил, что у Союза есть все шансы стать «одним из мощных, самостоятельных, самодостаточных полюсов формирующегося многополярного мира»².

И хотя за высказываниями Президента не последовало конкретизации, ясно, что такая задача будет поставлена. Россия рассказывает всему миру, что ее предложения по формированию нового мирового порядка лежат в плоскости многополярного мира. Это находит понимание у большинства стран, особенно развивающихся. Для этого необходима возможность информирования и дискуссия. Поэтому идет активная деятельность по формированию международных переговорных площадок. Напомним, что одной из целей введенных против нашей страны санкций и была попытка изолировать Россию от остального мира. Так, например, в 2023 г. в Москве по инициативе Государственной Думы Федерального Собрания РФ прошла Первая международная парламентская конференция «Россия — Латинская Америка»³.

Роль ЕАЭС в контексте противостояния антироссийским санкциям весьма показательна. Союз является способом нивелирования негативного санкционного эффекта. Можно проследить некую сплоченность государств — членов ЕАЭС, поскольку они имеют общее историческое прошлое (все страны — члены Союза являются бывшими республиками СССР) и исходя из этого рассматривают различные варианты межгосударственных отношений и связей, которые смогут позволить укреплять позиции государств и Союза в целом в региональном и глобальном контексте.

В этом ключе можно рассматривать и мероприятия ЕАЭС (как дополнение к основному вектору, см. табл.). Формат Евразийского форума и сам форум такого масштаба говорят о том, что ЕАЭС может рассматриваться и как широкая дискуссионная площадка, а международное взаимодействие ЕАЭС — как

¹ Аннотация к результатам НИР «Разработка методологии анализа достижений показателей Целей устойчивого развития в рамках интеграционного объединения и ее практическая апробация на примере Евразийского экономического союза. Оценка влияния интеграционных процессов в Союзе на достижение данных показателей» [Электронный ресурс] // ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/nir_results/124847/ (дата обращения: 15.05.2024).

² Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина к главам государств — членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 23.01.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70380> (дата обращения: 10.04.2024).

³ Conferencia Parlamentaria Internacional "Rusia — América Latina" [Электронный ресурс] // Duma Estatal. Moscú, 29 de septiembre — 2 de octubre de 2023 URL: http://duma.gov.ru/es/internacional/forum_english/ (дата обращения: 15.04.2024). (In Spanish)

политическая функция организации, реализуемая через развитие и усиление информационной функции организации.

Таблица

Мероприятия различного уровня, проводимые ЕАЭС и ЛКА

Table. Events of various levels held by the EAEU and LCA

Год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Количество мероприятий	1	4	4	2	—	—	6	1	1

Источник: составлено авторами по данным: Мероприятия [Электронный ресурс] // ЕЭК. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/paos/events/> (дата обращения: 12.05.2024)

В «Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2024 год»¹ взаимодействию с ЛКА отводится большое место. В первую очередь важна Республика Куба как государство — наблюдатель при ЕАЭС². В документе говорится о необходимости развивать взаимовыгодное сотрудничество с МЕРКОСУР, ТА, ЛАЭС, Секретариатом по экономической интеграции СИЕКА, Генеральным секретариатом Андского сообщества. При этом особо подчеркивается, что взаимодействие с ЭКЛАК должно проводиться «в целях налаживания контактов в сфере предпринимательства и расширения взаимодействия, в том числе на площадках сторонних организаций, по вопросам, представляющим взаимный интерес, посредством обмена аналитическими и справочными материалами и взаимного участия в мероприятиях»³.

Выводы

Весь период взаимодействия ЕАЭС с ЛКА можно разделить на три этапа: до 2019 г., с 2019 по 2021 г., с 2021 г. по настоящее время. На всех этапах развития международной деятельности Российская Федерация играла важнейшую роль. На первом этапе развития сотрудничество развивалось весьма интенсивно и шло по нарастающей; основная нормативно-правовая база взаимодействия была наработана на этом этапе. Это меморандумы о взаимопонимании⁴. Второй этап — почти полное снижение интенсивности контактов в связи с COVID-19. Третий — постковидный. На этом этапе сыграл свою роль «отложенный спрос». Однако основное влияние оказывает международный политический кризис. Предложение России о формировании нового мирового порядка в форме многополярности требует развития коммуникации для его трансляции, в первую очередь странам глобального Юга. В этих условиях круг задач сотрудничества ЕАЭС с зарубежными партнерами будет расширяться, а информационная функция интеграционной структуры усиливаться. В условиях санкционного давления Запада в информационной сфере ЕАЭС становится важным элементом политической коммуникации.

Литература

1. Березина Е. К. Международное сотрудничество ЕАЭС на примере Латинской Америки [Электронный ресурс] // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2018. № 2–2 (22). С. 121–124. <https://auspublishers.com.au/temp/4af58e0170c22344c949d2f751de74c9.pdf> (дата обращения: 15.03.2024). EDN: YRNTLV

¹ Решение ВЕЭС «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2024 год»; Основные направления международной деятельности Евразийского экономического союза на 2024 год от 25 декабря 2023 г. № 27, Санкт-Петербург.

² *Ortelio González Martínez*. Cuba puede ser puente entre la Unión Económica Euroasiática y América Latina y el Caribe [Электронный ресурс] // GRANMA (сайт). 29.10.2023. URL: <https://www.granma.cu/mundo/2023-10-26/cuba-puede-ser-puente-entre-la-union-economica-euroasiatica-y-america-latina-y-el-caribe-26-10-2023-20-10-02> (дата обращения: 15.04.2024). (In Spanish)

³ Решение ВЕЭС «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2024 год»; Основные направления международной деятельности Евразийского экономического союза на 2024 год от 25.12.2023 № 27, Санкт-Петербург.

⁴ В ЕАЭС Декларация о партнерстве между Евразийской экономической комиссией и государствами — участниками Рамочного соглашения Тихоокеанского альянса учитывается как Меморандум.

2. Березина Е. К., Торопыгин А. В. ЕАЭС расширяет международное сотрудничество: направление — Латинская Америка // Управленческое консультирование. 2021. № 3 (147). С. 43–57. EDN: PUPNLQ. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-3-43-57
3. Винокуров Е. Ю. Прагматическое евразийство // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 4 (21). С. 7–20. EDN: ROCSJJ
4. Долженкова Е., Мохорова А. Ю. Интеграционные процессы ЕАЭС в условиях санкций: социально-экономический и демографический аспекты // Демис. Демографические исследования. 2023. Т. 3. № 2. С. 55–65. EDN: VUPSYZ. DOI: 10.19181/demis.2023.3.2.4
5. Карпович О. Г., Шангараев Р. Н. Перспективы сотрудничества России со странами Латинской Америки // Russian Journal of Management. 2019. Т. 7. № 2. С. 26–30. EDN: QLGI AF. DOI: 10.29039/article_5d4846bd2c62f8.86915580
6. Коровникова Н. А. Концепция современного евразийства в контексте становления Евразийского экономического союза // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. № 2. Ч. 2. С. 465–467. EDN: AIARIR
7. Макарова В. В. Особенности стратегий устойчивого развития интеграционных объединений и рекомендации для ЕАЭС // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 11. С. 152–160. DOI: org/10.24158/per.2023.11.19
8. Сербин А. Евразия и Латинская Америка в многополярном мире / науч. ред. О. В. Катышева. Симферополь: Н. Орианда, 2020. 200 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.academia.edu/44903943> (дата обращения: 07.02.2024).
9. Слуцкий Л. Э. Вызовы и перспективы евразийской интеграции в меняющемся мире // Статистика и экономика. 2023. Т. 20. № 3. С. 46–55. EDN: WWRPEY. DOI: 10.21686/2500-3925-2023-3-46-55
10. Хейфец Б. А. Как модернизировать Евразийский экономический союз. М. : Институт экономики Российской академии наук, 2019. 45 с. ISBN: 978-5-9940-0648-1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.inecon.org/docs/2019/Kheifets_paper_2019.pdf (дата обращения: 15.12.2023) EDN: UNLOXQ
11. Ariel González Levaggi. Turquía y América Latina y el Caribe: entre el europeísmo y el eurasiatismo [Электронный ресурс] // Journal Los actores globales y el (re) descubrimiento de América, Pensamiento Propio. 2019. P. 273–281 URL: <https://www.cries.org/wp-content/uploads/2020/11/026-levaggi.pdf> (дата обращения: 17.04.2024). (In Spanish)
12. Kanet R. E., Moulioukova D. Russia in Latin America: An Extension of Moscow’s Policy in the Developing World // Global Affairs. 2021. V. 7. P. 295–310. DOI: 10.1080/23340460.2021.1985940
13. Libman A., Vinokurov E. One Eurasia or Many? Regional Interconnections and Connectivity Projects on the Eurasian Continent. Washington, D.C. : George Washington University, 2021. 133 p. [Электронный ресурс]. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2021/03/ONE-EURASIA-OR-MANY_-1.pdf (дата обращения: 07.02.2024).
14. Serbin A. ¿Un triángulo escaleño? América Latina y el Caribe, China y los Estados Unidos y las narrativas del nuevo ciclo // Anuario de la Integración Regional de América Latina y del Caribe. 2016. No. 13. P. 31–58. (In Spanish)

Об авторах:

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук;
e-mail: toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0678-3347

Николаенко Анастасия Валентиновна, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук;
e-mail: nikolaenko-av@ranepa.ru

References

1. Berezina E. K. The Eurasian Economic Union’s International Cooperation on the Example of Latin American Region [Electronic resource] // National Security and Strategic Planning [Natsional’naya bezopasnost’ i strategicheskoe planirovanie]. 2018. No. 2–2 (22). P. 121–124. URL: <https://auspublishers.com.au/temp/4af58e0170c22344c949d2f751de74c9.pdf> (accessed: 15.03.2024). (In Russ.) EDN: YRNTLV

2. Berezina E. K., Toropygin A. V. EAEU Expands International Cooperation: Latin American Trend // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. No. 3 (147). P. 43–57. (In Russ.) EDN: PUPNLQ. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-3-43-57
3. Vinokurov Ye. Yu. Pragmatic Eurasianism // Journal of Eurasian Economic Integration [Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya]. 2013. No. 4 (21). P. 7–20. (In Russ.) EDN: ROCSJJ
4. Dolzhenkova E., Mokhorova A. Yu. EAEU Integration Processes in Conditions of Sanctions: Socio-Economic and Demographic Aspects // Demis. Demographic Research [Demis. Demograficheskie issledovaniya]. 2023. V. 3. No. 2. P. 55–65. (In Russ.) EDN: VUPSYZ. DOI: 10.19181/demis.2023.3.2.4
5. Karpovich O., Shangaraev R. Russia — Latin American Countries Cooperation Prospects // Russian Journal of Management. 2019. V. 7. No. 2. P. 26–30. (In Russ.) EDN: QLGI AF. DOI: 10.29039/article_5d4846bd2c62f8.86915580
6. Korovnikova N. A. The Concept of Modern Eurasianism in the Context of the Formation of the Eurasian Economic Union // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation [Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo]. 2018. No. 2. Part 2. P. 465–467. (In Russ.) EDN: AIARIR
7. Makarova V. V. Characteristics of Sustainable Development Strategies of Integration Associations and Recommendations for the EAEU // Society: Politics, Economics, Law [Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo]. 2023. No. 11. P. 152–160. (In Russ.) DOI: 10.24158/pep.2023.11.19
8. Serbin A. Eurasia and Latin America in a Multipolar World / ed. by O. V. Katysheva. Simferopol : N. Orianda, 2020. 200 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.academia.edu/44903943> (accessed: 07.02.2024). (In Russ.)
9. Slutsky L. E. Challenges and Prospects of Eurasian Integration in a Changing World // Statistics and Economics [Statistika i ekonomika]. 2023. V. 20. No. 3. P. 46–55. (In Russ.) EDN: WWRPEY. DOI: 10.21686/2500-3925-2023-3-46-55
10. Kheifets B. A. How to Modernize the Eurasian Economic Union. Moscow : Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2019. 45 p. ISBN: 978-5-9940-0648-1 [Electronic resource]. URL: https://www.inecon.org/docs/2019/Kheifets_paper_2019.pdf (accessed: 15.12.2023) (In Russ.) EDN: UNLOXQ
11. Ariel González Levaggi. Turquía y América Latina y el Caribe: entre el europeísmo y el eurasiatismo [Electronic resource] // Journal Los actores globales y el (re) descubrimiento de América, Pensamiento Propio. 2019. P. 273–281 URL: <https://www.cries.org/wp-content/uploads/2020/11/026-levaggi.pdf> (accessed: 17.04.2024). (In Spanish)
12. Kanet R. E., Moulioukova D. Russia in Latin America: An Extension of Moscow's Policy in the Developing World // Global Affairs. 2021. V. 7. P. 295–310. DOI: 10.1080/23340460.2021.1985940
13. Libman A., Vinokurov E. One Eurasia or Many? Regional Interconnections and Connectivity Projects on the Eurasian Continent. Washington, D.C. : George Washington University, 2021. 133 p. [Electronic resource]. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2021/03/ONE-EURASIA-OR-MANY_-1.pdf (accessed: 07.02.2024).
14. Serbin A. ¿Un triángulo escaleño? América Latina y el Caribe, China y los Estados Unidos y las narrativas del nuevo ciclo // Anuario de la Integración Regional de América Latina y del Caribe. 2016. No. 13. P. 31–58. (In Spanish)

About the authors:

Andrey V. Toropygin, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor; e-mail: toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0678-3347

Anastasia V. Nikolaenko, Associate Professor of Chamber of International Relations of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; e-mail: nikolaenko-av@ranepa.ru

Торговое значение Суэцкого канала в контексте кризиса экономической глобализации и современных геополитических рисков

Шумилов М. М.^{*}, Малова А. Э.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: mshumilov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7670-0095

РЕФЕРАТ

Цель. Обосновать закономерность нарушения торгового судоходства по Суэцкому каналу в контексте кризиса экономической глобализации и переформатирования международного порядка.

Задачи. Выяснить основные предпосылки упадка глобальной транспортно-логистической инфраструктуры. Конкретизировать причины нарушения судоходства по Красному морю. Показать влияние спада грузоперевозок через Суэцкий канал на глобальную экономику.

Методология. В достижение заявленной цели исследования применялись следующие методы: историзм, позволивший установить последовательность кризисных проявлений в ходе эксплуатации Суэцкого канала; извлечение актуальной информации из материалов СМИ и ее последующий анализ, свидетельствующий о геэкономической важности акватории Красного моря для мирового судоходства, масштабах дезорганизации транспортного сообщения через Суэцкий канал; структурно-функциональный анализ, способствовавший установлению значения транспортной логистики в обеспечении бесперебойного функционирования глобальной экономики; рациональный выбор, приблизивший авторов к пониманию мотивов поведения хозяйствующих и политических субъектов в условиях дезорганизации грузовых перевозок через Красное море.

Результаты. Осуществлен анализ основных предпосылок переформатирования глобальной транспортной логистики. Показана обусловленность упадка судоходства в Красном море кризисом экономической глобализации и возросшими геополитическими рисками. Установлены причины нарушения судоходства по Красному морю. Выявлено влияние расстройства грузоперевозок через Суэцкий канал на глобальную экономику.

Выводы. Дестабилизация глобальных транспортных маршрутов через Красное море представляется закономерной. Очевидна ее обусловленность пробуксовкой неолиберального хозяйственно-механизма и возрастающей геополитической конкуренцией стран Запада с новыми центрами экономического и политического влияния. Войны на Ближнем Востоке продолжают оказывать деструктивное влияние на функционирование мировой экономики. Убыль грузоперевозок ведет к дальнейшей дезинтеграции сложившихся ранее глобальных рынков. Мировые судоходные компании озаботились поиском более безопасных перемещений грузов. Производители и потребители товаров и услуг вынуждены искать новых партнеров в рамках национальных и региональных пространств, создавать новые и активизировать существующие транспортные коридоры, что предполагает усиление протекционизма, а значит, ведет к подрыву устоев глобальной экономики и однополярного мира.

Ключевые слова: Суэцкий канал, неолиберальная модель капитализма, кризис экономической глобализации, Северный морской путь (СПМ), международный транспортный коридор (МТК), МТК «Север — Юг» (МТКСЮ)

Для цитирования: Шумилов М. М., Малова А. Э. Торговое значение Суэцкого канала в контексте кризиса экономической глобализации и современных геополитических рисков // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 178–188.
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-178-188>. EDN: LSHJGN

The Commercial Importance of the Suez Canal in the Context of the Crisis of Economic Globalization and Modern Geopolitical Risks

Mikhail M. Shumilov*, **Anastasia E. Malova**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation;

* e-mail: mshumilov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7670-0095

ABSTRACT

Aim. To substantiate the regularity of the violation of commercial navigation along the Suez Canal in the context of the crisis of economic globalization and the reformatting of the international order.

Tasks. To find out the main prerequisites for the decline of the global transport and logistics infrastructure. To specify the reasons for the violation of navigation in the Red Sea. To show the impact of the decline in cargo transportation through the Suez Canal on the global economy.

Methods. In order to achieve the stated purpose of the study, the following methods were used: historicism, which allowed to establish the sequence of crisis manifestations during the operation of the Suez Canal; extraction of relevant information from media materials and its subsequent analysis, which showed the geo-economic importance of the Red Sea area for world navigation, the scale of disorganization of transport communication through the Suez Canal; structural and functional analysis, which contributed to the establishment of the importance of transport logistics in ensuring the smooth functioning of the global economy; a rational choice that brought the authors closer to understanding the motives of the behavior of economic and political actors in the conditions of disorganization of cargo transportation through the Red Sea.

Results. The analysis of the main prerequisites for reformatting global transport logistics has been carried out. It is shown that the decline of shipping in the Red Sea is conditioned by the crisis of economic globalization and increased geopolitical risks. The reasons for the violation of navigation in the Red Sea have been established. The impact of the disruption of cargo transportation through the Suez Canal on the global economy has been revealed.

Conclusions. The destabilization of global transport routes through the Red Sea seems logical. It is obviously conditioned by the slippage of the neoliberal economic mechanism and the increasing geopolitical competition of Western countries with new centers of economic and political influence. Wars in the Middle East continue to have a destructive impact on the functioning of the global economy. The decline in cargo transportation leads to further disintegration of the previously established global markets. Global shipping companies have taken care of finding safer cargo movements. Producers and consumers of goods and services are forced to look for new partners within national and regional spaces, create new and activate existing transport corridors, which implies increased protectionism, and, therefore, leads to undermining the foundations of the global economy and the unipolar world.

Keywords: The Suez Canal, Global Neoliberal Capitalism, the crisis of economic globalization, the Northern Sea Route, The International North-South Transport Corridor (INSTC)

For citing: Shumilov M. M., Malova A. E. The Commercial Importance of the Suez Canal in the Context of the Crisis of Economic Globalization and Modern Geopolitical Risks // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 178–188. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-178-188>. EDN: LSHJGN

Введение

В условиях начавшейся в 1970-е годы глобализации мировая торговля в своем развитии стала уверенно опережать рост глобального ВВП. Неoliberalная модель хозяйствования способствовала развитию международной логистики, учащению перемещения товаров, прежде всего, морским транспортом. Кризис 2008–2009 гг. остановил восходящий тренд глобализации, положив начало тенденции к замедлению и хаотизации мировой торговли, а также формированию относительно независимых и автономных макрорегионов. С этого времени все менее конструктивно действуют ВТО, МВФ, Всемирный банк и другие институты «глобального управления». Следует согласиться с мнением российского политолога Д. В. Тренина о том, что в 2010-е годы ««Вашингтонский консенсус» в экономике и либерально-демократическая модель в политике утратили значительную долю привлекательности. Консенсус на основе западных ценностей, соответствовавший интересам США и их европейских союзников, стал разрушаться. Однонаправленная динамика международных отношений сменилась разнонаправленной» [4, с. 28–29].

Одновременно участились случаи злоупотребления стран Запада экономическими санкциями в отношении своих конкурентов. США и их союзники ужесточили тарифные и нетарифные барьеры на пути импорта, стали чаще манипулировать с обменным курсом и оказывать регулирующее влияние на внешнеторговые операции. 22 декабря 2023 г. президент США Джо Байден подписал указ о запрете транзита в Россию товаров двойного назначения. Согласно ему, компании, помогавшие России обходить санкции, рискуют попасть под «вторичные санкции» США и потерять доступ к их финансовой системе. По этой причине банкам Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) и Турции пришлось усилить ограничения на контакты с российскими юридическими и физическими лицами. 23 февраля 2024 г. США объявили о введении новых торговых ограничений в отношении 93 компаний, в том числе 63 из России, 16 из Турции, 8 из Китая, 4 из ОАЭ, а также из Киргизии, Индии и Южной Кореи. В тот же день Совет ЕС ввел 13-й пакет санкций против России.

Анализируя эти вызовы, эксперты ЦБ РФ пришли к выводу, что мировые финансовые дисбалансы поставили под сомнение эффективность глобализационных процессов и способствовали «формированию тенденции к снижению роли цепочек поставок в мировой торговле»¹. По заключению авторитетного турецко-американского экономиста Дэни Родрика, к началу 2020-х годов объемы международных потоков капитала так и не вернулись к предкризисным значениям².

В начале 2020-х годов Китай и Индия продолжали сокращать экспорт в соотношении с ВВП. Значительный спад товарооборота между Китаем и США в 2023 г. также служит подтверждением кризиса экономической глобализации. О том же свидетельствуют ослабление нефтедолларовой системы, нарастание дедолларизации мировой экономики, дезорганизация международной логистики и др. Ускорение этим процессам придали такие события, как пандемия COVID-19, опосредованная война России и НАТО на Украине, военные действия между Израилем и ХАМАС³ в Палестине, между йеменскими хуситами⁴ и западной коалицией во главе с США в Красном море.

Сегодня внимание мировых СМИ сфокусировано на морских перевозках по Красному морю и через Суэцкий канал протяженностью 193 км в Средиземное море. Являясь искусственным бесшлюзовым водным маршрутом из Красного в Средиземное море, он до конца 2023 г. обеспечивал 10% мировых перево-

¹ Федулова М., Чернышев Д., Поршаков А. Перестройка глобальных производственных цепочек: от эффективности к устойчивости. Аналитическая записка. Январь, 2022 [Электронный ресурс] // Банк России. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/132380/analytic_note_20220125_dip.pdf (дата обращения: 26.03.2024).

² Раскина И. Что ждет глобализацию: конец или изменение? [Электронный ресурс] // ТАСС. 23.05.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14680517> (дата обращения: 26.03.2024).

³ Палестинская религиозно-политическая (сунниты) и военная организация. Появилась в 1987 г. как политический противник Организации освобождения Палестины (ООП). В отличие от последней не признает Израиль и добивается палестинской государственности с применением радикальных методов. В 2005 г. получила большинство на выборах в Палестинский государственный совет, а затем подчинило себе регион сектора Газа. Евросоюз, Япония, Канада, Британия, США и Израиль признают ХАМАС террористической организацией.

⁴ Военизированная группировка шиитов-зейдитов (движение «Ансар Алла»), действующая на территории Йемена. Насчитывая до 10 млн чел. (треть населения страны), в 2004 г. хуситы подняли вооруженный антиправительственный мятеж. После захвата в 2015 г. столицы Йемена Саны они сформировали здесь Революционный комитет — руководящий орган республики, преемником которого в 2016 г. стал Верховный Политический Совет. На эмблеме «Ансар Алла» написано: «Аллах велик, смерть Америке, смерть Израилу, проклятие иудеям, победа за исламом».

зок нефти по морю и 8% международных поставок сжиженного природного газа (СПГ), оставаясь при этом наиболее выгодным по части времени и стоимости перевозки, включая товарный экспорт из Китая и стран Юго-Восточной Азии в Европу. В целом же через Красное море осуществлялось около 12% общего объема мировой торговли и до 30% контейнерных перевозок; сравнительно недавно через канал ежедневно проходило около 50 судов, перевозивших в течение года товаров на сумму более 1 трлн долл.

С момента своего открытия в конце 1869 г. Суэцкий канал символизировал успехи мировой торговли, сближения стран и народов разных континентов. В условиях глобализации, особенно после подписания в 1979 г. мирного египетско-израильского договора, его значение как международного транспортно-логистического маршрута стало стремительно возрастать. Этому всемерно способствовала неолиберальная модель «Вашингтонского консенсуса», продвигавшая идеи «свободного рынка» и экономического дерегулирования.

Однако в условиях мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. неолиберальная модель капитализма проявила свою беспомощность. Затем последовали другие события, свидетельствующие об устойчивости этой тенденции: выход Великобритании из Евросоюза 31 января 2020 г., обостряющийся с 2017 г. конфликт между Китаем и США; пандемия коронавируса в 2019–2023 гг., серьезно нарушившая глобальную логистику; специальная военная операция России на Украине (с 2022 г.), ставшая очередным поводом для ужесточения антироссийских санкций и др.

Все эти изменения сказались на функционировании Суэцкого канала. Так, в условиях финансового кризиса 2008 г. объем перевозок по нему упал на 8,2%, а доходы Египта от его эксплуатации — на 7,2%. По уточненным данным, в период с 2008 по 2010 г. из-за финансового кризиса канал потерял 10% трафика и еще столько же из-за угрозы пиратства [5, с. 7]. Обременительная для бюджета Египта история произошла и в марте 2021 г., когда сухогруз Ever Given, переправлявший из Китая в Роттердам свыше 20 тыс. тяжеловесных контейнеров, сел на мель в Суэцком канале. Это привело к бездействию маршрута в течение 6 дней, в результате чего потери составили до 30 млрд долл. [3, с. 59].

По оценке российского эксперта в области морского судоходства М. Д. Войтенко, одной из причин закупорки Суэцкого канала явилась произошедшая в 2010-х годах монополизация рынка трансокеанских контейнерных перевозок, приведшая к спуску на воду гигантских судов в целях уменьшения эксплуатационных расходов. При этом ставки для грузоотправителей и грузополучателей в 2020 г. не только не уменьшились, но даже возросли на 200–400%, «хотя компании, начиная эту гигантоманию, клятвенно обещали снизить ставки»¹.

С конца 2023 г. функционирование Суэцкого канала подвергается воздействию целого ряда неблагоприятных факторов. Прежде всего, речь идет о продолжающемся конфликте между Израилем и ХАМАС, в котором на стороне последнего выступают йеменские хуситы.

Таким образом, проблема судоходства по Суэцкому каналу в контексте современной мировой и ближневосточной политики представляет несомненный научный и практический интерес. При этом заслуживают внимания как сама ситуация, связанная с перемещением грузов через Суэцкий канал, так и породившие ее проблемы мировой экономики после кризиса 2008–2009 гг. и геополитические баталии на Ближнем Востоке. Проблемным является вопрос, касающийся реформирования глобальной транспортной логистики в условиях продолжающейся фрагментации мировой экономики и разрушения однополярного мира. Сама категория «кризис экономической глобализации», появившаяся в Концепции внешней политики РФ (2023), требует содержательной конкретизации.

Дезорганизация хуситами транспортно-логистического сообщения по Суэцкому каналу в контексте кризиса экономической глобализации

Протестуя против агрессии Израиля в секторе Газа, йеменские хуситы с ноября 2023 г. атакуют коммерческие суда в Красном море и Аденском заливе. При этом они заявляют, что наносят удары лишь по

¹ Дело в жадности. Кто виноват в «закупорке» Суэцкого канала? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 29.03.2021. URL: https://aif.ru/politics/world/delo_v_zhadnosti_kto_vinovat_v_zakuporke_sueцкого_kanala (дата обращения: 26.03.2024).

тем из них, чьи правительства поддерживают Израиль в его войне против ХАМАС. Лидер проиранского шиитского движения хуситов «Ансар Аллах» Абдель Малек аль-Хуси обещает содействовать ХАМАС до прекращения агрессии Израиля против Газы.

Противодействуя хуситам, многонациональная военно-морская коалиция, созданная США 18 декабря 2023 г., объявила о проведении операции «Страж процветания» для защиты мировой морской торговли. 31 декабря 2023 г. под обстрел американских вертолетов попали три катера хуситов. С 12 января США и Великобритания, используя свои самолеты, корабли и подводные лодки, наносят удары по вражеским объектам на территории Йемена, называя это ответом на угрозу свободе судоходства в Красном море.

В свою очередь хуситы атакуют беспилотными летательными аппаратами и противокорабельными ракетами военные корабли противника. Свои действия они называют ответом на агрессию Израиля против палестинцев в секторе Газа и американско-британские атаки йеменской территории. Вооруженные столкновения продолжаются у побережья Йемена и в Баб-эль-Мандебском проливе (южная часть Красного моря). Ситуация неопределенности в вопросе продолжительности и масштабов разрушительного воздействия атак хуситов на торговое мореходство в Красном море, видимо, в среднесрочной перспективе будет оказывать весомое влияние на мировые рынки, прежде всего нефти и газа.

Фактически хуситам удалось прервать торговлю Израиля с азиатским Дальним Востоком на сумму 22 млрд долл., из-за их действий «цена на перевозку стандартного контейнера, например, из Китая в Северную Европу выросла вдвое, а в страны Средиземноморья — втрое»¹. 26 февраля 2024 г. израильская газета Globes сообщила о повреждении хуситами четырех международных подводных кабелей между Саудовской Аравией и Джибути, связывающих Азию, Европу и Африку. Нападения привели к серьезным перебоям в работе интернет-связи в странах Персидского залива и Индии².

Определенные попытки выхода из ситуации предпринимаются по линии Совета Безопасности ООН, который одобрил предложенный Соединенными Штатами проект резолюции с осуждением атак хуситов на суда в Красном море. Однако, несмотря на призывы Совбеза к немедленному прекращению нападений и соблюдению эмбарго на поставки оружия в Йемен, атаки на суда в Красном море продолжаются, как и присутствие американских и британских кораблей в морской акватории. Кроме того, поправка РФ к резолюции о том, что именно эскалация в Газе явилась «коренной причиной» нынешней ситуации в Красном море, была отклонена Совбезом.

Наблюдаемая дезорганизация грузоперевозок, сказываясь на международной транспортно-логистической конъюнктуре, ускоряет нисходящий тренд глобализации. Происходит усиление экономической разделенности и политической разобщенности мира, нарастают протекционистские настроения, которые, в свою очередь, подрывают былое величие «глобальных рынков», хаотизируют сложившуюся ранее мировую логистическую сеть. В результате «из-за нарушения глобальных цепочек производства и поставок, которые в последние десятилетия значительно усложнились», все страны, хотя и не одинаково, «понесли значительные экономические убытки»³.

Впрочем, обозначенные процессы неоднозначны, поскольку появились новые возможности для реализации значительных инвестиционных проектов, создания новых рабочих мест, повышения конкурентоспособности местных производителей на национальном и региональном уровнях⁴. Определенное снижение зависимости национальных экономик от внешних ресурсов усиливает их зависимость от внутренних ресурсов, географически близких контрагентов и переориентации цепочек поставок на региональные транспортные маршруты. Однако, считают эксперты ЦБ, эффекты от релокации производства, обмена и потребления не компенсируют развала прежней глобальной логистической сети в свете роста

¹ Скачко В. Торговые пути мимо хуситов. Война за логистику на Ближнем Востоке входит в новую стадию [Электронный ресурс] // Украина.ру. 16.02.2024. URL: <https://ukraina.ru/20240216/1053349720.html> (дата обращения: 26.03.2024).

² Globes: хуситы повредили четыре подводных кабеля, связывающих Европу и Азию [Электронный ресурс] // ТАСС. 27.02.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20091585> (дата обращения: 26.03.2024).

³ Федулова М., Чернядьев Д., Поршаков А. Перестройка глобальных производственных цепочек: от эффективности к устойчивости. Аналитическая записка. Январь, 2022 [Электронный ресурс] // Банк России. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/132380/analytic_note_20220125_dip.pdf (дата обращения: 26.03.2024).

⁴ Раскина И. Что ждет глобализацию: конец или изменение? [Электронный ресурс] // ТАСС. 23.05.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14680517> (дата обращения: 26.03.2024).

издержек, в том числе на обустройство новых международных транспортных коридоров (МТК), неопределенностью в сроках их возмещения¹.

Примечательно, что директор-распорядитель МВФ Кристилина Георгиева и главный экономист фонда Пьер-Оливье Гуриша в один голос предупреждают о рисках фрагментации мировой экономики и превращения многополярного мира в блоки, работающие отдельно друг от друга. При этом главной причиной такого развития они называют не кризис модели Вашингтонского консенсуса, а текущую геополитическую напряженность².

Действительно, нарастающее глобальное соперничество США с КНР и РФ формирует не только контуры грядущего мирового порядка, но и экономическую фрагментацию мировой экономики, в том числе через нарушение глобальных логистических цепочек. Вместе с тем представляется, что спад перевозок по Суэцкому каналу, провоцирующий кризис экономической глобализации и фрагментацию мировой экономики, стал результатом не столько геополитической турбулентности на Ближнем Востоке, в определенной степени обусловленной соперничеством великих держав, сколько следствием пробуксовки неолиберального механизма, почти исправно функционировавшего последние 40–50 лет. Иными словами, нарушение транспортного сообщения через Красное море стало и проявлением кризиса экономической глобализации, и фактором ускорения этого процесса. Ведь тот же отказ ЕС от российских углеводородов сформировался прежде всего по причине мотивированного давления со стороны США, которые, намеренно ослабляя позиции своего главного экономического конкурента, пытались застраховаться от повторения ужасов кризиса 2008–2009 гг.

Разрушение прежней торгово-транспортной логистики со всеми вытекающими последствиями стало прямым следствием разбалансировки мировой экономики, ее неспособности к дальнейшему воспроизводству на основе слабеющей долларовой эмиссии, которая все чаще используется в «непрофильных целях»: для поддержания рыночной устойчивости переоцененных активов и наказания сомневающихся в праве США и их союзников диктовать участникам международных отношений «правила» поведения. Так, подчеркивая нейтралитет и отстраненность своей страны от кризиса на Украине, глава МИД Индии Субраманьям Джайшанкар объяснил закупку в значительных масштабах российской нефти переключением ближневосточных поставщиков нефтепродуктов с Индии на Европу, сумевшую назначить за них более высокую цену: «В противном случае мы бы остались без энергии, потому что все досталось бы им»³. Тем самым, отрицая какую-либо напряженность в отношениях с Европой из-за имеющихся разногласий в оценке отдельных международных процессов, глава индийской дипломатии фактически раскрыл важную причину фрагментации и ослабления мировой торговли вследствие переориентации национальных государств и их объединений на новые рынки и новых деловых партнеров.

То же самое определяет и поведение России. В результате «изгнания» с углеводородного рынка Европы ей пришлось пересмотреть состав импортеров, а следовательно, переориентироваться на новые рынки и альтернативные прежним транспортно-логистические маршруты. Доля Европы в российском экспорте нефти снизилась с 40–45% до 4–5%. Зато крупнейшими ее покупателями стали Китай и Индия. Уже в 2022 г. российская доля в нефтяном импорте Индии увеличилась с 2% до 20%. В 2023 г. до 90% экспорта российской нефти пришлось на Китай и Индию, причем на долю первого — 45–50%, а второй — 40%⁴.

В 2022 г. в связи с обострением отношений России со странами Запада и отказом ЕС от импорта российских углеводородов значение Суэцкого канала даже возросло. Страны Европы стали более зависимы от поставок нефти и СПГ из ближневосточных арабских стран. В свою очередь, Россия оказалась в ситуации

¹ Федулова М., Чернядьев Д., Поршаков А. Перестройка глобальных производственных цепочек: от эффективности к устойчивости. Аналитическая записка. Январь, 2022 [Электронный ресурс] // Банк России. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/132380/analytic_note_20220125_dip.pdf (дата обращения: 26.03.2024).

² Глава МВФ: мир становится многополярным, вопрос в том, расколется ли он на разные блоки [Электронный ресурс] // ТАСС. 20.04.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14428185> (дата обращения: 26.03.2024).

³ Глава индийского МИДа: «Россия никогда не вредила интересам Индии, отношения Москвы и Нью-Дели всегда были стабильными» [Электронный ресурс] // The Indian Express, Индия. 21.02.2024. URL: <https://inosmi.ru/20240221/indiya-267950680.html> (дата обращения: 26.03.2024).

⁴ Малиновский Д. Санкции проиграли алчности. Россия по-прежнему зарабатывает кучу денег на нефти [Электронный ресурс] // Niezależny Dziennik Polityczny, Польша. 29.02.2024. URL: <https://inosmi.ru/20240229/neft-268039909.html> (дата обращения: 26.03.2024).

крайней озабоченности расширением экспорта своих углеводородов в Индию. Согласно западным источникам, в 2023 г. ее нефтяной экспорт в эту страну составил 37 млрд долл. Важно отметить, что в том же году западные страны (преимущественно в Европе) приобрели сырых нефтепродуктов российского происхождения из Индии на 9,1 млрд долл.¹ До последнего времени Индия обеспечивала примерно 4,5% европейского спроса на дизельное топливо, причем большая часть этих поставок осуществлялась через Суэцкий канал.

Тот факт, что в 2022 — начале 2024 гг. теневой флот танкеров с российской нефтью, направлявшихся в Азию, продолжал следовать через Суэцкий канал, не отменяет того, что данный маршрут утратил для Москвы свое прежнее значение. К тому же из-за отказа британской компании Lloyds Register, поставляющей судам торгового флота всего мира лицензии на электронную навигацию и обновления электронных карт, сотрудничать с нашей страной российские суда перестали быть «мореходными» и подлежат задержанию. Перевозчикам российской нефти приходится скрывать свою принадлежность и конечные точки маршрута, что приводит к увеличению накладных расходов и другим неблагоприятным последствиям. При этом мнения экспертов относительно использования Суэцкого канала заметно разнятся. Если одни из них указывают на критическую зависимость нашей страны от транзита через Суэц, через который проходит до 80% российского нефтяного экспорта в Индию², то другие, смягчая такой приговор, отмечают, что уже в 2022 г. Россия смогла использовать для нефтяного экспорта в Индию Малаккский пролив³.

Как бы то ни было, транзит через Суэцкий канал в 2022–2023 гг. заметно вырос. В начале 2023 г. через него проходило в среднем 70 судов в день, что свидетельствовало об опережающих темпах роста грузопотока по сравнению с восстановлением мировой экономики после пандемии 2020–2021 гг., «в разгар которой (в июне — июле 2020 г.) через канал проходило 33 судна в день»⁴. Однако к марту 2024 г. трафик сократился до 35 судов.

Влияние кризиса грузоперевозок через Суэцкий канал на глобальную и региональную экономику

Нестабильная ситуация в Красном море, а также сильнейшая засуха, приведшая к снижению пропускной способности Панамского канала, вынуждают транспортные компании прокладывать альтернативные торговые маршруты, что, безусловно, ведет к снижению устойчивости всей мировой экономики. Так, в результате атак хуситов и нарушения судоходства в Красном море транзитное время между Китаем и Северной Европой увеличилось до 50–55 дней, а затраты — примерно на 1 млн долл. в расчете на один рейс, прежде всего по причине увеличения топливных расходов и страховых взносов. Например, если раньше СПГ-танкеру требовалось порядка 12 дней, чтобы преодолеть маршрут из Катара в Турцию или страны Запада, то теперь его временные затраты составят около одного месяца.

При этом незначительность номинального ущерба для мировой экономики служит слабым утешением. На первый взгляд, кризис всего лишь привел к увеличению сроков доставки товаров и незначительному увеличению затрат по их доставке потребителям. Однако, принимая во внимание переключение Европы на импорт углеводородов с южного направления через Суэцкий канал, можно предположить, что сохранение напряженности для судоходства в Красном море самым негативным образом скажется на ее потребительском рынке. Так, с 29 января 2024 г. американский производитель электромобилей Tesla приостановил работу большей части цехов в Германии из-за нарушения поставок и нехватки комплектации для продукции. Нарушение сроков поставок также сказалось на швейцарской компании Volvo Cars в бельгийском городе Гент.

¹ Индия закупила рекордный объем сырой нефти у России, а Штаты немного «присосались» [Электронный ресурс] // EurAsia Daily. 20.02.2024. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/02/20/indiya-zakupila-rekordnyy-obyom-syroj-nefti-u-rossii-a-shtaty-nemnogo-prisosalis> (дата обращения: 26.03.2024).

² Российский экспорт нефти критически зависим от Суэцкого канала [Электронный ресурс] // Нефть и Капитал. 06.12.2023. URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-12-06/rossiyskiy-eksport-nefti-kriticheski-zavisim-ot-suetskogo-kanala-3119919> (дата обращения: 26.03.2024).

³ Тихонов С. США и ЕС могут использовать проливы для контроля за экспортом российской нефти [Электронный ресурс] // Российская газета. 19.12.2023. URL: <https://rg.ru/2023/12/19/osushenie-kanalov.html> (дата обращения: 26.03.2024).

⁴ Суэцкий канал уже не тот [Электронный ресурс] // Нефть и Капитал. 20.12.2023. URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-12-20/suetskiy-kanal-uzhene-tot-3134705> (дата обращения: 26.03.2024).

Особенно сильно от нарушения привычной схемы международных поставок пострадал Египет. Ведь до последнего времени налоговые поступления от проходки судов Суэцким каналом служили важнейшим источником его валютных поступлений в бюджет страны. Известно, что в 2022 г. грузопоток через Суэцкий канал достиг рекордных значений, а именно более 23 тыс. судов с 1,4 млрд т грузов. В первом полугодии 2023 г. ситуация даже улучшилась, т. к. за 2022–2023 финансовый год, который в Египте начинается и заканчивается в июле, через канал прошло 25 897 судов, которые перевезли 1,5 млрд т, а сборы за транзит составили 9,4 млрд долл. Однако из-за нападений хуситов морские перевозки через Суэцкий канал сократились на 40–50%. Доходы Египта от эксплуатации Суэцкого канала упали на те же 40–50%, что негативно сказалось на экономическом положении страны¹.

В попытке преодолеть кризис грузоперевозок в конце октября 2023 г. Администрация Суэцкого канала объявила о повышении с 15 января 2024 г. транзитных сборов за прохождение танкеров с нефтью, нефтепродуктами и СПГ на 5–15%. Ранее, в октябре 2022 г. Анкара подняла плату за прохождение по Босфору и Дарданеллам в пять раз — с 0,8 до 4 долл. за тонну груза, а с июля 2023 г. Турция вновь повысила плату на 8,3% по сравнению с предыдущей ставкой — до 4,42 долл.

В стремлении избежать рисков, связанных с атаками хуситов в Красном море, большинство транспортных компаний озаботились поиском более безопасных судоходных маршрутов. Однако переориентация их в основном на обходной маршрут вокруг Африки вынуждает индийских бизнесменов сокращать экспорт дизеля и авиакеросина из российской нефти в Европу в пользу Сингапура. Британская British Petroleum остановила поставки через Красное море. Консалтинговая компания Oxford Economics заявила об увеличении к концу 2024 г. годового уровня потребительской инфляции на 0,7% за счет повышенные расценок на морские перевозки.

Влияние кризиса грузоперевозок через Суэцкий канал на активизацию альтернативных транспортных маршрутов

Как отмечалось выше, геополитическая неопределенность на Ближнем Востоке вынуждает мировые транспортно-логистические компании перенаправлять свои суда в обход Африканского континента в район мыса Доброй Надежды, что подрывает всю сложившуюся цепочку международных поставок. Вследствие серьезных рисков для грузовых судов и контейнеровозов в Красном море Maersk, Narag-Lloyd, ZIM, CMA CGM и MSC вынужденно приостановили рейсы привычным маршрутом и стали выстраивать транспортную логистику через южную оконечность Африки.

Первой из них о поиске альтернативных путей еще в конце 2023 г. известила компания Maersk, на которую приходится до 15% мировой торговли. 24 января 2024 г. судоходная компания Narag-Lloyd объявила об открытии нового маршрута в обход хуситов — через Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Саудовскую Аравию. «Новой торговый коридор, — указывает политолог Владимир Скачко, — может соединить порты Джебель-Али в ОАЭ, Даммам и Джбейль в Саудовской Аравии в Персидском заливе с портом Джидда в Красном море. ... А потом, конечно же, и через Суэцкий канал»².

Удорожание транзита побуждает и Россию к поиску альтернативных возможностей экспорта нефтегазовой продукции. Именно это актуализирует проработку проекта нефтепровода РФ — Азербайджан — Иран с выходами к иранским портам в Персидском заливе и на побережье Индийского океана. К тому же, вопреки тому, что многие годы в общем объеме транзита нефти и нефтепродуктов через Босфор доля российского транзита превышала 70%, Россия может вернуться к привычному маршруту вывоза углеводородов в Индию и Китай в обход Африки через мыс Доброй Надежды³.

¹ Wardany S. El. Egypt's Canal Receipts Fall by Almost Half After Red Sea Attacks [Электронный ресурс] // Bloomberg. 04.02.2024. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-02-04/egypt-s-canal-receipts-fall-by-almost-half-after-red-sea-attacks> (дата обращения: 26.03.2024); Доходы Египта от прохода через Суэцкий канал сократились на 40–50% [Электронный ресурс] // EurAsia Daily. 19.02.2024. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/02/19/dohody-egipta-ot-prohoda-cherez-sueckiy-kanal-sokratilis-na-4050> (дата обращения: 26.03.2024).

² Скачко В. Торговые пути мимо хуситов. Война за логистику на Ближнем Востоке входит в новую стадию [Электронный ресурс] // Украина.ру. 16.02.2024. URL: <https://ukraina.ru/20240216/1053349720.html> (дата обращения: 26.03.2024).

³ Эксперты считают, что блокировка Суэцкого канала не скажется на экспорте российской нефти [Электронный ресурс] // ТАСС. 25.03.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10996631> (дата обращения: 26.03.2024).

В перспективе конкурентом маршруту через Суэцкий канал может стать Северный морской путь (СМП), находящийся под контролем России. Во всяком случае британское издание *The Economist*, отмечая значительные инвестиции РФ в развитие СМП, называет его «альтернативой существующим маршрутам». Привлекательность СМП для мировой торговли обусловлена тем, что он сокращает время проходки на 40% в сравнении с Суэцким каналом. В период с 2014 по 2022 г. объемы торговых перевозок по СМП увеличились на 775%. Россия стремится увеличить объемы перевозок в десять раз к 2035 г. по сравнению с уровнем 2022 г.¹

Еще одним альтернативным вариантом является МТК «Север — Юг» (МТКСЮ). Идея запуска проекта возникла еще в 1999 г. в качестве альтернативы Суэцкому каналу [1, с. 28; 2, с. 37]. Официальное открытие торгового маршрута состоялось в мае 2002 г. Активное развитие пути приобрело значимость с момента проявления несовершенств в системе функционирования основных мировых торговых путей. Достаточно сказать, что после инцидента с контейнеровозом *Ever Given*, Россия и Иран подчеркнули важность скорейшего завершения проекта МТКСЮ как альтернативы Суэцкому каналу².

В 2022–2024 гг. МТКСЮ приобрел для России стратегическое и геоэкономическое значение. У руководства страны появилась уверенность в его способности конкурировать с Суэцким каналом по срокам доставки из Индии в Россию (транзитное время перевозки — 40 дней). Согласно же утверждению председателя Каспийского международного клуба «Север — Юг» Рамазана Абдулатипова, уже сегодня отправляемые из Санкт-Петербурга контейнеры достигают Мумбаи за 20 дней³. После введения в эксплуатацию железнодорожного участка Решт — Астара на территории Ирана сроки доставки грузов из Санкт-Петербурга в Мумбаи будут сокращены с 30–45 суток до десяти при значительном росте объемов грузопотоков.

Важно отметить и то, что в условиях обостряющегося противостояния России и Запада свою прежнюю пропускную способность сохранил «северный маршрут» грузоперевозок из Поднебесной в Европу российскими железными дорогами. Так, за первые 9 месяцев 2022 г. объем китайских редкоземельных металлов, перевезенных в ЕС железнодорожным транспортом через РФ, вырос до 36 074 т, вдвое превысив показатель 2021 г.⁴ В начале 2024 г. немецкая компания DHL сообщила, что с начала кризиса в Красном море запросы на перевозку товаров по российскому железнодорожному коридору выросли примерно на 40%. При этом время перевозки по железной дороге через Россию из китайского Чэнду до немецкого Дуйсбурга составляло 25–30 дней⁵.

Одновременно страны Запада пытаются оживить транспортный коридор Европа — Кавказ — Азия (TRACECA), который используется в основном для транспортировки углеводородов. Заметно прибавил «Средний коридор», пролегающий через Центральную Азию (Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан), Южный Кавказ (Азербайджан, Грузия) и Малую Азию (Турция). Его конкурентными преимуществами являются сроки доставки китайских грузов в Европу: 20–25 дней (при необходимости — 12 дней) в сравнении с 40–50 через Суэцкий канал, а также отсутствие санкционных рисков, связанных с транзитом через Россию. Важность этого МТК для Китая по многом обусловлена деградацией южного и морского коридоров в рамках ОПОП. Хотя пропускная способность маршрута «Восток — Запад» протяженностью 11 тыс. км составляет всего 10% от «северного маршрута», Китай, Турция и ЕС проявляют растущую заинтересованность в увеличении его пропускной способности в 2025 г. до 10 млн т.

¹ Насколько жизнеспособны арктические маршруты судоходства? [Электронный ресурс] // *The Economist*, Великобритания. 18.01.2024. URL: <https://inosmi.ru/20240118/arktika-267484299.html> (дата обращения: 26.03.2024).

² Россия и Иран ускоряют работу над проектом, который станет альтернативой Суэцкому каналу [Электронный ресурс] // *Al-Quds Al-Arabi*, Великобритания. 26.06.2022. URL: <https://inosmi.ru/20220626/suetskiy-254699285.html> (дата обращения: 26.03.2024).

³ В клубе «Север — Юг» рассказали об ожиданиях от открытия представительства в Индии [Электронный ресурс] // ТАСС. 19.04.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17556047> (дата обращения: 26.03.2024).

⁴ *Тирон Дж., Нарделли А.* Европе нужны железнодорожные маршруты, чтобы доставлять грузы из Китая через Россию [Электронный ресурс] // *Bloomberg*, США. 22.01.2023. URL: <https://inosmi.ru/20230122/zheleznaya-doroga-259938028.html> (дата обращения: 26.03.2024).

⁵ *Пайт Р.* Спрос на российские железные дороги для перевозки грузов в Европу вырос после нападений на Красном море [Электронный ресурс] // *Financial Times*, Великобритания. 11.03.2024. URL: <https://inosmi.ru/20240311/rzhd-268188901.html> (дата обращения: 26.03.2024).

Заключение

Внимание мировых СМИ по-прежнему приковано к кризису на Ближнем Востоке, убедительным проявлением которого является нарушение торгового судоходства по Суэцкому каналу. Проведенное исследование позволяет утверждать, что нынешняя дезорганизация торгового сообщения через Красное море не является частным случаем или случайностью, связанной с террористической деятельностью хуситов. Схожие ситуации уже возникали после мирового кризиса 2008–2009 гг. По форме они различались, но в каждой из них обнаруживаются проявления усталости неолиберального хозяйственного механизма.

Нынешние затруднения глобальной логистики представляются закономерными проявлениями кризиса экономической глобализации, продвигающего мир в направлении фрагментации экономики и политики, отхода от сложившейся в условиях восходящего тренда глобализации транспортно-логистической инфраструктуры. Безусловно, к кризису грузоперевозок причастна и возросшая в мире геополитическая напряженность, обусловленная неспособностью США сохранять и демонстрировать свое абсолютное лидерство в мировой политике. Одновременно в ней проявляется стремление других великих и региональных держав к переформатированию глобального политического пространства в направлении его многополярной конфигурации.

Наконец, кризис грузоперевозок оказывает губительное влияние на всю мировую экономику, ведет к дальнейшей дезинтеграции сложившихся ранее глобальных рынков. С одной стороны, мировые транспортно-логистические компании озабочены поиском более безопасных перемещений грузов, ведущих к удорожанию перевозок и пересмотру сложившихся межрегиональных хозяйственных связей. С другой стороны, производителям и потребителям товаров и услуг приходится искать новых партнеров в рамках национальных и региональных пространств, создавать новые и активизировать существующие транспортные коридоры. Это неизбежно ведет к локализации хозяйственной деятельности, а значит, к возращению тарифной и нетарифной защиты формирующихся рынков, подрывающей устои глобальной экономики и неолиберальной политики.

Литература

1. *Вахшитех А. Н., Лапенко М. В.* Развитие иранской экономической зоны «Энзели» в рамках Международного транспортного коридора «Север — Юг» // *Восточная аналитика*. 2019. № 2. С. 24–34. EDN: ULHAZO
2. *Володин А. Г., Володина М. А.* Проект международного транспортного коридора «Север — Юг» как фактор возможного укрепления внешнеэкономических связей России // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 6. С. 29–42. EDN: ZKQWHI. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-2
3. *Мальшева Д. Б.* Международный транспортный коридор «Север — Юг» в стратегии России // *Россия и новые государства Евразии*. 2021. № 2 (51). С. 59–72. EDN: ZIXORC. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-2-59-72
4. *Тренин Д.* Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М. : Альпина, 2021. 471 с. ISBN 978-5-9614-5970-8
5. *Chorev S.* The Suez Canal: Forthcoming Strategic and Geopolitical Challenges // *The Suez Canal: Past Lessons and Future Challenges* / ed. by C. Lutmar, Z. Rubinovitz; University of Haifa Haifa, Israel. Cham : Palgrave Macmillan, 2023. P. 3–26. ISBN: 978-3-031-15669-4

Об авторах:

Шумилов Михаил Михайлович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор;
e-mail: mshumilov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7670-0095

Малова Анастасия Эдуардовна, студент 1-го курса факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: amalova-23@edu.ranepa.ru

References

1. Vakhshiteh A., Lapenko M. Anzali Free Trade Zone in the Framework of International North-South Transport Corridor // Eastern Analytics [Vostochnaya analitika]. 2019. No. 2. P. 24–34. (In Russ.) EDN: ULHAZO
2. Volodin A. G., Volodina M. A. North-South International Transport Corridor Project as a Factor for Possible Strengthening of Russia's Foreign Economic Relations // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law [Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo]. 2019. V. 12. No. 6. P. 29–42. (In Russ.) EDN: ZKQWHI. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-2
3. Malysheva D. B. International North — South Transportation Corridor in the Strategy of Russia // Russia and the New States of Eurasia [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii]. 2021. No. 2 (51). P. 59–72. (In Russ.) EDN: ZIXORC. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-2-59-72
4. Trenin D. The New Balance of Power: Russia in Search of a Foreign Policy Balance. Moscow : Alpina Publishing House, 2021. 471 p. (In Russ.) ISBN 978-5-9614-5970-8
5. Chorev S. The Suez Canal: Forthcoming Strategic and Geopolitical Challenges // The Suez Canal: Past Lessons and Future Challenges / ed. by C. Lutmar, Z. Rubinovitz; University of Haifa Haifa, Israel. Cham : Palgrave Macmillan, 2023. P. 3–26. ISBN: 978-3-031-15669-4

About the authors:

Mikhail M. Shumilov, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor;
e-mail: mshumilov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7670-0095

Anastasia E. Malova, 1st year student of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: amalova-23@edu.ranepa.ru

Внешиполитический курс ФРГ в отношении Казахстана

Кирилина Е. Ю.

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

e-mail: liz.kirilina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9205-2961

РЕФЕРАТ

После распада Советского Союза на геополитической карте мира появилось большое количество новообразованных государств, часть из которых располагается в Центральной Азии. Будучи одной из крупнейших и наиболее влиятельных стран в Европе, Германия стремилась установить крепкие экономические, политические и культурные связи с этими странами. Автор уделяет внимание этапам развития двусторонних отношений с начала 90-х годов до современности.

Цель. Выявление ключевых аспектов внешней политики Германии в Казахстане.

Задачи. Изучить основные этапы установления и развития дипломатических отношений между ФРГ и Казахстаном. Выявить современное состояние отношений между ФРГ и Казахстаном. Исследовать возможные расширения экономических связей и перспективы будущего сотрудничества. Показать значимость изучения внешнеполитического курса ФРГ по отношению к Казахстану для Российской Федерации.

Методология. Методология базируется на историческом анализе, который способствовал выявлению этапов развития международных отношений между двумя государствами. Основываясь на результатах сравнительного анализа, были сформулированы различия во внешнеполитической линии ФРГ в отношении Казахстана на разных этапах. Объектами ивент-анализа выступили регулярные встречи на высшем уровне.

Результаты. Изучая исторический контекст, экономические партнерства и геополитические соображения, появляется возможность получить представление о генезисе и перспективах политики Германии в отношении Казахстана.

Выводы. Началом развития отношений двух стран стал распад СССР, который послужил образованию суверенных государств на постсоветском пространстве. Развитие двусторонних отношений прошло несколько этапов: одни характеризовались застоєм, другие, наоборот, увеличением внимания ФРГ к Казахстану. Внешнеполитическая деятельность Германии в регионе активизировалась в 2022 г. На современном этапе Германия использует многоаспектный подход, который включает дипломатические, экономические, культурные и образовательные компоненты. Внешняя политика ФРГ в регионе направлена, во-первых, на реализацию своих интересов. Во-вторых, партнерство с Казахстаном отражает цели внешней политики Германии в регионе, подчеркивая важность сотрудничества, диалога и совместных усилий по развитию в сердце Евразии.

Ключевые слова: внешняя политика, постсоветское пространство, направления сотрудничества, доктринальные документы, этапы развития

Для цитирования: Кирилина Е. Ю. Внешнеполитический курс ФРГ в отношении Казахстана // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 189–197.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-189-197>. EDN: LTDJLJ

Foreign Policy of Germany towards Kazakhstan

Elizaveta Yu. Kirilina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

e-mail: liz.kirilina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9205-2961

ABSTRACT

After the collapse of the Soviet Union, a large number of newly formed states appeared on the geopolitical map of the world, some of which are located in Central Asia. As one of the largest and most influential countries in Europe, Germany sought to establish strong economic, political and cultural ties with these countries. The author pays attention to the stages of development of bilateral relations from the early 90s to the present.

Aim. The aim of this study is to identify key aspects of German foreign policy in the region, focusing on relations with Kazakhstan.

Tasks. Study the main stages of the development of diplomatic relations between Germany and Kazakhstan. Identify the current state of relations between Germany and Kazakhstan. Explore possible expansion of economic ties and prospects for future cooperation. Show the importance of studying the foreign policy of Germany in relation to Kazakhstan for the Russian Federation.

Methods. The research methodology is based on historical analysis, which helped to identify the stages of development of international relations between the two states. The comparative analysis defines the differences in the foreign policy line of Germany towards Kazakhstan at different stages. Regular summit meetings were the objects of event analysis.

Results. By examining historical context, economic partnerships, and geopolitical considerations, it is possible to investigate the dynamics shaping German engagement in Central Asia.

Conclusions. The genesis of the development of interstate relations was the collapse of the USSR, which served to form sovereign states in the post-Soviet space. The development of bilateral relations is characterized by several stages: some of them were characterized by stagnation, others, by an increase in the attention of Germany to Kazakhstan. The beginning of 2022 served to intensify Germany's foreign policy in the region. At the present stage, Germany uses a multi-pronged approach that includes diplomatic, economic, cultural and educational components. Germany's foreign policy in the region is aimed at protecting its national interests. Secondly, the partnership with Kazakhstan is a symbol of Germany's shared foreign policy goals, emphasizing the importance of cooperation, dialogue and joint development efforts in the heart of Eurasia.

Keywords: foreign policy, post-Soviet space, areas of cooperation, doctrinal documents, stages of development

For citing: Kirilina E. Yu. Foreign Policy of Germany towards Kazakhstan // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 189–197. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-189-197>. EDN: LTDJLJ

Введение

После дезинтеграции СССР на постсоветском пространстве образовалось большое количество суверенных государств. Это обстоятельство не могло не повлиять на формирование новых подходов к данным направлениям и включение их в стратегические документы современных акторов мировой политики. Одним из акторов является Федеративная Республика Германия. Страна, которая выступала тихим экономическим гарантом европейской интеграции [4, с. 107] и не заявляла о себе как о влиятельной державе по причинам своей исторической отягощенности, сегодня во всех доктринальных документах

информирует о своей роли и намерении взять больше ответственности за мир. ФРГ не могла остаться в стороне от процессов обретения своих позиций и на постсоветском пространстве [1, с. 73].

Одним из важных стратегических направлений внешней политики крупнейших геополитических игроков выступает Центральная Азия. Регион богат ресурсами, страны Центральной Азии являются важным логистическим коридором, значимость региона еще более возросла после событий февраля 2022 г., когда западные державы, жертвуя своими национальными интересами, отказались от поставок российских энергоресурсов и стали наращивать энергетическое сотрудничество со странами Центральной Азии.

Проведя анализ существующих научных источников, автор пришел к выводу, что на современном этапе исследования внешней политики ФРГ по отношению к Казахстану проводятся по большей части в контексте всей Центральной Азии. Тем не менее стоит уделить внимание изучению отдельно взятой страны для раскрытия более частных вопросов. Обоснованием выбора Казахстана как объекта исследования стало наличие определенных факторов, которые демонстрируют актуальность данного географического направления для ФРГ:

- Казахстан является основным торговым партнером ФРГ в Центральной Азии: на республику приходится 83% товарооборота Германии с регионом¹;
- между странами подписано большое количество важных двусторонних соглашений, к примеру о транзите в Афганистан²;
- в отличие от других стран Центральной Азии, на территории Казахстана располагается Торговая промышленная палата ФРГ.

Историческая ретроспектива развития двусторонних отношений

Для полного понимания текущего состояния германо-казахстанских отношений важно рассмотреть исторический контекст, в котором формировались данные связи. Историю развития отношений между ФРГ и Казахстаном можно условно разделить на три этапа: генезис; снижение интереса ФРГ к региону; начало поворотного момента после 2022 г.

Генезис дипломатических отношений Германии и Казахстана берет свое начало в 1990-х годах, когда Казахстан стал независимым после распада Советского Союза [6, с. 27]. Германия, осознавая геополитическую значимость Центральной Азии, начала активно устанавливать дипломатические связи с новообразовавшимися государствами, в том числе с Казахстаном. Быстрому налаживанию партнерства способствовали следующие причины: политические установки и ориентация элиты Казахстана на Запад; недостаточное на первых этапах влияние ислама на процессы принятия политических решений; намерение ФРГ установить сотрудничество с Казахстаном с целью предотвращения угрозы собственной национальной безопасности: неконтролируемое распространение ядерного оружия на постсоветском пространстве. В результате этого ФРГ предприняла усилия для отказа Казахстана и других бывших советских республик от статуса ядерных держав и передаче своего ядерного потенциала России [3, с. 43]. Другой причиной развития билатеральных отношений стала привлекательность региона для немецкого экономического сектора.

Уже в начале 90-х годов были предприняты первые шаги для установления двусторонних отношений. Немецкое правительство последовательно подчеркивало важность диалога и партнерства с регулярными высокоуровневыми визитами и обменами, направленными на углубление двусторонних отношений. В 1992 г. Германию посетил казахский президент Н. Назарбаев. В ходе этого визита было выработано Совместное заявление об основах отношений³. Два года спустя переговоры были проведены между

¹ Берлин ищет в Центральной Азии замену российским энергоресурсам [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/cis/2023-06-21/1_8753_asia.html (дата обращения: 10.01.2024).

² О ратификации Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Федеративной Республики Германия о транзите военного имущества и персонала через территорию Республики Казахстан в связи с участием Вооруженных Сил Федеративной Республики Германия в усилиях по стабилизации и восстановлению Исламской Республики Афганистан [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативно-правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000015_ (дата обращения: 29.01.2024).

³ Об утверждении Договора между Республикой Казахстан и Федеративной Республикой Германия о развитии широкомасштабного сотрудничества в области экономики, промышленности, науки и техники [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативно-правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P930001292_ (дата обращения: 10.01.2024).

Г. Колем и Н. Назарбаевым. Во время визита последнего в ФРГ в 1997 г. было заключено соглашение о техническом сотрудничестве между двумя странами¹. Эти дипломатические усилия служат свидетельством приверженности Германии участию в Центральной Азии и ее признанию растущей роли Казахстана в регионе.

Тем не менее лишь к началу 2000-х ФРГ отчетливо сформировала свою внешнеполитическую позицию по отношению к региону и Казахстану. Видение интересов Европы в Центральной Азии было изложено в меморандуме руководителя департамента планирования МИД ФРГ А. Шмиллена. Основной акцент был сделан на вопросах безопасности. Политик утверждает, что любая нестабильность в Центральной Азии в ближайшем будущем непременно повлияет не только на европейскую безопасность, но и на других международных участников [2, с. 79].

Впоследствии Германия сыграла не последнюю роль в составлении первой целостной стратегии ЕС в отношении стран региона, которая была опубликована в 2007 г.² С. В. Погорельская выделяет основные интересы ЕС в странах Центральной Азии согласно документу: основными стратегическими интересами ЕС в регионе назывались «безопасность и стабильность». От центральноазиатских государств ожидалось «соблюдение норм международного права, правовой государственности, прав человека и демократических ценностей, равно как и рыночного хозяйства» [4, с. 113].

Содержание документа обновилось в 2015 г. Основной причиной пересмотра стратегии стало наличие проблемы, решение которой до сих пор не удалось найти. Во-первых, влияние стран ЕС на регион остается минимальным по сравнению с Россией, Китаем и США. Во-вторых, развитие торговых отношений находится на низком уровне. В-третьих, в регионе сохраняется высокий уровень коррупции. В-четвертых, попытки навязать демократические ценности рассматриваются региональными элитами как угроза выживанию.

Пересмотр стратегии заложил начало второго этапа развития отношений и продемонстрировал понижение внимания европейских государств к региону. Внешнеполитический курс как Германии, так и всего ЕС, направленный на страны Центральной Азии, не упоминается и в документах стратегического характера того периода, к примеру в «Глобальной стратегии внешней политики и политики безопасности ЕС»³.

До недавнего времени снижение интереса в Центральной Азии прослеживалось и во внешней политике новой коалиции О. Шольца. В 2021 г. был заключен новый коалиционный договор. Стоит отметить, практика заключения коалиционных договоров является немецкой сложившейся политической традицией. В такого рода документах правящая коалиция излагает свои согласованные позиции по вопросам внутренней и внешней политики на период нового легистратурного периода. В коалиционном договоре 2021 г. обозначены направления двустороннего и регионального сотрудничества: Ближний Восток, Сахель, Латинская Америка и Карибский бассейн; Украина, Афганистан. При этом в документе отсутствует упоминание Казахстана и, в целом, Центральной Азии⁴.

Начало специальной военной операции внесло значительный вклад в переориентацию направленной внешней политики европейских государств. После февраля 2022 г. страны Центральной Азии вновь оказались в фокусе внешней политики ФРГ. В своей речи, которую СМИ окрестили исторической, федеральный канцлер объявил о поворотном моменте (*Zeitenwende*). О. Шольц также сделал акцент на диверсификацию поставщиков энергии с целью преодоления немецкой зависимости от отдельных стран⁵.

¹ О ратификации Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Федеративной Республики Германия о техническом сотрудничестве [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативно-правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000021_ (дата обращения: 05.01.2024).

² BERICHT zur Strategie der EU für Zentralasien [Электронный ресурс] // Europäisches Parlament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-6-2007-0503_DE.html (дата обращения: 14.01.2024).

³ Глобальная стратегия Европейского союза по внешней политике и политике безопасности. [Электронный ресурс] // The Diplomatic Service of the European Union. URL: clck.ru/epgdz (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ Koalitionsvertrag zwischen SPD, Bündnis 90 / Die Grünen und FDP, 2021. 144 S. [Электронный ресурс]. URL: <https://adis-ahmetovic.de/uploads/adisAhmetovic/Koalitionsvertrag-2021-2025.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).

⁵ Reden zur Zeitenwende [Электронный ресурс] // Die Bundesregierung. URL <https://www.publikationen-bundesregierung.de/pp-de/publikationssuche/bundeskanzler-olaf-scholz-reden-zur-zeitenwende-2127768> (дата обращения: 20.05.2023).

Возродившийся интерес к странам Центральной Азии не в последнюю очередь связан с новой энергетической политикой ФРГ.

Стоит отметить, Германия в определенном смысле в своих решениях связана с наднациональной структурой — Европейским союзом. ЕС также предпринимает шаги для развития связей с регионом. Так, инициатива «Глобальные ворота» предусматривает инвестиции в размере до 300 млрд евро до 2027 г. на «преодоление наиболее актуальных глобальных вызовов»¹, а через учрежденный Инвестиционный фонд для стран Центральной Азии (IFCA) ЕС предоставляет гранты для поддержки денежных ресурсов и оказания технической помощи.

Основные направления сотрудничества ФРГ и Казахстана

Мнение о приоритетности *экономического* сотрудничества ФРГ и Казахстана давно закрепилось в научном сообществе. На современном этапе экономические соображения играют ключевую роль в формировании внешней политики Германии: Центральная Азия с ее богатыми ресурсами и растущими экономиками предлагает значительные возможности для немецких компаний. Казахстан, являясь ключевым участником в регионе, привлекает инвестиции Германии. Немецкое правительство совместно с предпринимателями осуществляло значительные инвестиции в энергетический сектор Казахстана, особенно в добычу и транспортировку природных ресурсов. Необходимость развития и поддержания данной сферы экономических отношений прослеживается и в недавно выпущенной Стратегии национальной безопасности ФРГ: «Мы нуждаемся в безопасном энергоснабжении и снабжении нашей страны сырьем. Поэтому мы инвестируем в новые партнерские отношения с развивающимися странами Азии ... и расширяем наши торговые отношения»².

Значение региона для экономики ФРГ подтверждается также участвовавшими встречами на высшем уровне. 29 сентября 2023 г. в Германии прошла встреча федерального канцлера с лидерами пяти стран: Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана. Главной заявленной темой переговоров были вопросы укрепления регионального сотрудничества. Более того, двусторонние переговоры прошли и между лидерами ФРГ и Казахстана. Федеральный канцлер выразил надежду на то, что страна сможет внести вклад в достижение большей независимости Германии от поставок российских энерго-ресурсов³.

Ранее в июне 2023 г. Федеральный президент Германии также посетил Казахстан с рабочим визитом. Ф.-В. Штайнмайер заручился поддержкой К.-Ж. Токаева в обеспечении ФРГ углеводородами⁴.

Стоит отметить, что Казахстану важно осознавать потенциальные риски, связанные с эффектом сырья на технологии, которые могут возникнуть при установлении сотрудничества с Германией. Итогом такого вида сотрудничества становится появление риска зависимости от энергоресурсов. Данную точку зрения разделяет Э. Гусейнов, представитель экспертно-аналитического центра Heartland Центральноазиатского бюро аналитической отчетности⁵. Наличие данной проблемы характерно и для нашей страны.

Преобладание энергоресурсов в экономике зависит от постоянно меняющихся цен на энергоносители. Так, из-за значительного снижения цены на нефть в 2016 г. (на 18,2% по сравнению с 2015 г.⁶) государственный бюджет России был в дефиците. Аналитики из фонда Ф. Науманна указывают на другой

¹ Инициатива ЕС «Глобальные ворота» в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/initiativa-es-globalnye-voorota-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 10.07.2024).

² Nationale Sicherheitsstrategie. Berlin : Auswärtiges Amt (Hrsg.), 2023. 75 s.

³ ФРГ и пять стран Центральной Азии договорились о развитии стратегического партнерства [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18879569/amp> (дата обращения: 30.12.2023).

⁴ Берлин ищет в Центральной Азии замену российским энергоресурсам [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/cis/2023-06-21/1_8753_asia.html (дата обращения: 10.01.2024).

⁵ Саммит «Германия — Центральная Азия»: преимущества и недостатки сотрудничества с ФРГ [Электронный ресурс] // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. URL: <https://cabar.asia/ru/sammit-germaniya-tsentralnaya-aziya-preimushhestva-i-nedostatki-sotrudnichestva-s-frg> (дата обращения: 24.12.2023).

⁶ Госдума одобрила исполнение бюджета за 2016 год [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2017/09/27/gosduma-odobrila-ispolnenie-biudzheta-za-2016-god.html> (дата обращения: 13.02.2024).

риск: низкий уровень образования. По мнению немецких экспертов, добыча ресурсов обычно не требует какого-либо ярко выраженного формального образования рабочей силы. Этот недостаток в свою очередь препятствует развитию более сложных отраслей промышленности и обрабатывающих производств, тем самым замедляя долгосрочное развитие экономики и общества¹.

Несмотря на то, что в основе сотрудничества между Германией и Казахстаном лежат экономические отношения, официально продвижение *демократии и защита прав человека* являются основным приоритетом, направленным на регион [4, с. 117]. Укрепление демократических принципов и развитие демократических институтов на территории Казахстана закреплено в «Соглашении о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Европейским союзом и Республикой Казахстан»².

Тем не менее немецкие политики и лица, принимающие решения, осознают, что на современном этапе существует ряд препятствий, которые тормозят установление западных ценностей в данном регионе. Во-первых, это историко-политическое развитие страны, во-вторых, влияние России и Китая в регионе, в-третьих, поднятие националистических настроений в качестве резкой ответной реакции на западификацию, в-четвертых, возможная легализация исламских движений, которые, в свою очередь, повлекут за собой остановку развития экономических отношений с немецкими партнерами. Данные политические перспективы могут препятствовать интересам Германии: ФРГ необходимо поддерживать стабильное экономическое сотрудничество с Казахстаном, которое заключается в регулярных поставках энергоносителей, следовательно, немецкие политики и представители бизнеса по мере необходимости будут мириться с умеренным авторитарным режимом, который приносит им стабильность.

Другим направлением внешней политики ФРГ в Казахстане является *борьба с российским влиянием* в регионе. Данное направление стоит рассматривать в контексте выработки собственной российской стратегической линии по отношению к странам Центральной Азии. Внешняя политика России в регионе испытывает противодействие Германии. Высшие политические лица Германии прямо заявляют о необходимости добиваться большей независимости региона от Москвы. Так, по словам депутата бундестага Г. Шеера (СДПГ), если ФРГ удастся навязать маршрут нефтепровода Баку — Джейхан, то это приведет к выходу государств региона, в первую очередь Казахстана, из-под российского влияния [2, с. 76].

Намерение ФРГ инвестировать средства в развитие транспортных узлов подтвердилось летом 2023 г., когда Ф.-В. Штайнмайер посетил Мангистаускую область в Казахстане. Через данный регион проходит Транскаспийский международный транспортный маршрут, получивший название «Средний коридор». В ходе переговоров оба президента подтвердили возрастающую роль данной логистической цепочки и подписали 23 коммерческих соглашения по совместным проектам на 1,7 млрд долл.³

Вторым моментом, который релевантен для России, является развитие возобновляемых источников энергии. До сих пор в Брюсселе и в Астане высказываются предположения, что развитие возобновляемых источников энергии напрямую не затрагивает российских интересов. Однако возможные будущие намерения Казахстана диверсифицировать энергетический баланс в сторону использования возобновляемых источников энергии (чему ФРГ активно способствует⁴) и повышению энергоэффективности также привели бы к росту в Казахстане достаточного количества газа для экспорта в Азию, к примеру, в Кыргызстан и Таджикистан. Данное обстоятельство может снизить зависимость постсоветских государств от Москвы. Следовательно, расширение использования возобновляемых источников энергии и повышение энергоэффективности также будут способствовать нарастанию противоречий в треугольнике Россия — ФРГ — Казахстан.

¹ Russlands Ressourcenproblem: Die Revolution frisst ihre Kinder [Электронный ресурс] // Die Friedrich-Naumann-Stiftung. URL: <https://www.freiheit.org/de/deutschland/russlands-ressourcenproblem-die-revolution-frisst-ihre-kinder> (дата обращения: 26.09.2022).

² Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Европейским союзом и Республикой Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/node/19156_en (дата обращения: 14.04.2023).

³ Берлин ищет в Центральной Азии замену российским энергоресурсам [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/cis/2023-06-21/1_8753_asia.html (дата обращения: 10.01.2024).

⁴ Umbach F. Die EU-Zentralasienstrategie und ihre energiepolitischen Dimensionen. [Электронный ресурс] // Konfliktreiche EU-Russland-Beziehungen und Chinas Rolle in der Region. URL: https://www.hss.de/download/publications/PS_469_Paralleljustiz_10.pdf (дата обращения: 13.01.2024).

Другим приоритетным направлением сотрудничества ФРГ и Казахстана является координация усилий *по защите климата*. С тех пор как Бербок, член партии «Союз 90 / Зеленые», вступила в должность министра иностранных дел, зеленая повестка оказалась в центре внимания внешней политики Германии.

В соответствии с целями дальнейшего развития партнерских отношений в области климата, согласованными между СДПГ, Альянсом 90 / Зеленые и СВДП в коалиционном договоре, Федеральному министерству образования и научных исследований Германии было поручено систематически расширять исследовательское сотрудничество в области устойчивого развития, климатологии и адаптации, зеленого водорода, биоразнообразия или биоэкономики¹.

Культурные и образовательные обмены также играют важную роль в укреплении международных связей и взаимопонимания между нациями. Германия активно продвигает такие обмены с Казахстаном, продвигая академические партнерства, студенческие обмены и культурные события. Эти инициативы способствуют распространению немецкого языка и культуры в Казахстане, углубляя взаимопонимание между народами.

Обязательства Германии в области образования и культурных связей выходят за рамки непосредственных дипломатических и экономических интересов, нацеленных на создание основы для долгосрочного сотрудничества и дружбы между двумя странами. Культурные и образовательные обмены укрепляют влияние Германии в регионе. Данный приоритет, направленный на регион Центральной Азии, является частью *внешней культурной и образовательной политики (AKBP)*. С шестидесятих годов данное направление называют «третьим столпом» внешней политики (*die dritte Säule der Aussenpolitik*). Культурная работа за границей заключается в установлении и поддержании связей с другими культурами и странами и в то же время в сохранении и продвижении немецких интересов за границей [5, с. 163].

В начале 90-х гг. Германия с целью защиты своих интересов открыла в регионе представительства своих политических фондов [4, с. 121]. Помимо них, здесь функционируют немецкие неправительственные организации, к примеру, Немецкая академическая служба обмена (DAAD) и др.

Важность данного направления внешней политики ФРГ подчеркнута и в Стратегии национальной безопасности: «Мы увеличим институциональное финансирование Немецкой службы академических обменов (DAAD) и Фонда Александра фон Гумбольдта (AvH) по аналогии с Пактом об исследованиях и инновациях. Мы хотим значительно расширить компетенцию в Азии...»².

Стоит отметить, что деятельность неправительственных организаций характеризуется ангажированностью и политизированностью. После 2022 г. ФРГ приостановило развитие научного сотрудничества с Российской Федерацией. На это обращает внимание в своей статье В. К. Белозеров, рассуждая о термине *Ultima Ratio*, который был использован в докладе DAAD. Исследователь высказывает точку зрения о том, что посредством данного термина в политических отношениях обозначается переход к применению средств военного насилия [1]. Разрыв научных и образовательных связей не в последнюю очередь связан с давлением, оказываемым со стороны органов государственной власти.

Значительное количество направлений внешнеполитической деятельности ФРГ в Казахстане подтверждают повышенный интерес страны к данному региону. Тем не менее некоторые действия ФРГ, направленные на государства Центральной Азии, носят весьма противоречивый характер. В этой связи стоит упомянуть реформу Федерального министерства экономического сотрудничества и развития (BMZ), о начале которой было объявлено в 2020 г. Она направлена на пересмотр концепции осуществления программ поддержки и сотрудничества с третьими странами на период до 2030 г. Число стран-партнеров сократилось с 85 до 65, и Казахстан не вошел в обновленный список. Причины сокращения количества стран-партнеров были объявлены главой BMZ Г. Мюллером. По его словам, некоторые страны уже «настолько развились, что не нуждаются в поддержке», а другие «не демонстрируют прогресса в борьбе

¹ Zentralasien [Электронный ресурс] // Bundesministerium für Bildung und Forschung. URL: https://www.bmbf.de/bmbf/de/europa-und-die-welt/vernetzung-weltweit/oestliches-europa-suedkaukasus-zentralasien/zentralasien/zentralasien_node.html (дата обращения: 24.01.2024).

² Nationale Sicherheitsstrategie. Berlin : Auswärtiges Amt (Hrsg.), 2023. 75 s.

с коррупцией, соблюдении прав человека и улучшении государственного управления»¹. Необходимо выделить и другие возможные причины, которые не были упомянуты Мюллером.

Прежде всего стоит назвать вопрос, связанный с германскими меньшинствами. В 90-х годах интерес ФРГ к Казахстану не в последнюю очередь подпитывался количеством проживающих на территории бывшей советской республики немцев. Немецкое правительство было заинтересовано в предоставлении немецким меньшинствам благоприятных условий для жизни с целью предотвращения их поголовной иммиграции в Германию [5, с. 27]. Тем не менее за последнее время количество немецкой диаспоры в Казахстане значительно сократилось, что не могло не повлиять на планирование немецкого бюджета и результаты реформы. Согласно данным переписи населения 1989 г., на территории Казахстана проживало 957 518 немцев². В 2021 г. их количество сократилось до 226 092 чел.³

Кроме того, ФРГ предпринимает шаги к уменьшению влияния других игроков в регионе, тем не менее на современном этапе это представляется весьма проблематичным, особенно после повышения роли Китая в мировой экономике в последнее время.

Заключение

Внешняя политика Германии в Казахстане отражает стратегическое стремление Германии к защите своих интересов. Многоаспектный подход, включающий дипломатические, экономические, культурные и образовательные компоненты, подтверждает повышенный интерес Германии к региону. Партнерство с Казахстаном служит показателем общих целей внешней политики Германии, подчеркивая важность сотрудничества, диалога и общих целей развития в сердце Евразии.

Основываясь на результатах проведенного исследования, появилась возможность выделить основные актуальные аспекты внешней политики ФРГ в Казахстане, экономический аспект, который проявляется в инвестиционном и торговом сотрудничестве. Стоит отдельно выделить энергетический сектор Казахстана, который интересует немецких партнеров. Другими аспектами выступают: продвижение демократии и защита прав человека, борьба с российским влиянием в регионе, защита климата и культурные и образовательные обмены.

В заключение стоит отметить, что внешнеполитический курс ФРГ и в дальнейшем будет направлен на укрепление экономических связей с Казахстаном, а также на развитие компонентов культурной политики с целью усиления своих позиций в регионе. В то же самое время будет проявляться противодействие Германии формированию и реализации внешней политики России и развитию евразийской интеграции⁴.

Литература

1. Белозеров В. К. Россия в борьбе за место в мировом научном пространстве // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Выпуск 11 (133) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840028996-4-1/> (дата обращения: 29.01.2024). DOI: 10.18254/S207987840028996-4
2. Имангалиев Р. Н., Имангалиева Л. Р. Становление германской политики в Центральной Азии в 1990-е — начале 2000-х годов // Уч. зап. Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 73–84. EDN: HZNNFV
3. Кокеев А. М. Политика ФРГ в отношении стран СНГ в конце 1991 — середине 2000-х годов // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 42–49. EDN: ONDGRD. DOI: 10.20542/afij-2019-4-42-49

¹ Country list for the BMZ's bilateral official development cooperation [Электронный ресурс] // Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung. URL: <https://www.bmz.de/resource/blob/116876/bmz-country-list.pdf> (дата обращения: 30.01.2024).

² Перепись населения 1989 года [Электронный ресурс] // История Казахстана. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/4583> (дата обращения: 29.01.2024).

³ Перепись населения 2021 г. [Электронный ресурс] // История Казахстана. URL: <https://web.archive.org/web/20220902140633/https://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT464825> (дата обращения: 29.01.2024).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 18.02.2022).

4. *Погорельская С. В.* Политика ФРГ в Центральной Азии // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 3. С. 106–132. EDN: OALZAJ
5. *Соловьева А. А.* Внешняя культурная политика как новый феномен современных международных отношений // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2019. № 2 (28). С. 163–169. EDN: LOKZQS
6. *Фрольцов В. В.* Политика ФРГ в Центральной Азии (1991–1998) // Вестник БГУ. Сер. 3. История. Экономика. Право. 2008. № 3. С. 27–31. EDN: TEAJKH

Об авторе:

Кирилина Елизавета Юрьевна, преподаватель кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета (Москва, Российская Федерация);
e-mail: liz.kirilina@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9205-2961

References

1. Belozеров V. K. Russia in the Struggle for a Place in the Global Scientific Space // Electronic Scientific and Educational Journal “History” [Elektronnyj nauchno-obrazovatel’nyj zhurnal «Istoriya»]. 2023. V. 14. No. 11 (133) [Elektronic resource]. URL: <https://history.jes.su/s207987840028996-4-1/> (accessed: 29.01.2024). (In Russ.) DOI: 10.18254/S207987840028996-4
2. Imangaliev R. N., Imangalieva L. R. The Development of German Policy in Central Asia in the 1990s — Beginning of 2000’s // Scientific Notes of Kazan University. Ser.: Humanities [Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Ser.: Gumanitarnye Nauki]. 2005. No. 2. P. 73–84. (In Russ.) EDN: HZNNFV
3. Kokeev A. M. German Policy towards the CIS Countries in the Late 1991 — Mid-2000s. Analysis and Forecast // Analysis and Forecasting. IMEMO Journal [Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN]. 2019. No. 4. P. 42–49. (In Russ.) EDN: ONDGRD. DOI: 10.20542/afij-2019-4-42-49
4. Pogorelskaya S. V. German Policy in Central Asia // Current Problems of Europe [Aktual’nye problemy Evropy]. 2011. No. 3. P. 106–132. (In Russ.) EDN: OALZAJ
5. Solovyova A. A. Foreign Cultural Policy as a New Phenomenon of Modern International Relations // GosReg: State Regulation of Public Relations [GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij]. 2019. No 2 (28). P. 163–169. (In Russ.) EDN: LOKZQS
6. Froltsov V. V. Policy of Germany in Central Asia (1991–1998) // Journal of the Belarusian State University. Ser. 3. [Vestnik BGU. Ser. 3. Istoriya. Ekonomika. Pravo]. 2008. No. 3. P. 27–31. (In Russ.) EDN: TEAJKH

About the author:

Elizaveta Yu. Kirilina, Teacher at the Department of Political Science of Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation);
e-mail: liz.kirilina@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9205-2961

2024. Том 18, № 2

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
lysunets-ea@ranepa.ru

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 15.06.2024.

Подписано к печати 30.06.2024.

Формат 84×108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,375. Тираж 100 экз.

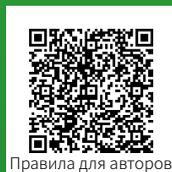
Заказ № 2/2024.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72

Правила для авторов

«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» – профессиональный журнал государственных и политических деятелей, сотрудников научных и образовательных учреждений, аналитиков и экспертов. Публикуются статьи, посвященные состоянию и перспективам развития ЕАЭС и стран Большого Евразийского пространства. Партнером журнала является Евразийская экономическая комиссия.

“EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS” is a professional journal of state and political figures, employees of scientific and educational institutions, analysts and experts. Articles on the state and prospects for the development of the EAEU and the countries of the Greater Eurasian space are published. The journal’s partner is the Eurasian Economic Commission.

《欧亚一体化：经济、法律、政治》是國家和政治人物、科學和教育機構員工、分析師和專家的專業期刊。發表有關歐亞經濟聯盟和大歐亞空間國家的狀況和發展前景的文章。該雜誌的合作夥伴是歐亞經濟委員會。